

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1932 ГОДА

№ 4

1990 ГОД

Ташкент. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПРОЗА

КОНСТАНТИН ВОЛКОВ. Помощник Первого. Роман	3
П. НИЗАЕВ. Диалог со станком. Рассказ	84
ЭРКИН НАСЫРОВ. На пригорке, у края поля. Рассказ. Перевод В. Морица	93
НИКОЛАЙ МАХНО. Вдова — не вдова... Рассказ	105

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР БАГРАМОВ. «Среди забот, веселья, лжи и брани...». «Скользнул во тьму. Куда, к кому?...». «А во мне все живет эта память веков...». «Эти вехи навечно стоят перед нами...». Почта. Постылая. «Луч звезды бредет рассветом неумытым...». Скоморохи. Актерам. Песня о поэте. Паденье Рима. «Хоть ради слез твоих и песни недопетой...»	68
БИЛЯЛ МАМБЕТ. К моей музе. Жизнь моя... Крыжовник. Море. Ты улыбнулась... «В тоске стареет человек...» Перевод с крымскотатарского Н. Красильникова	82
ШУХРАТ ЯКУБОВ. Лук. «Ко мне сегодня степь щедрa...». «Дождь серый набросил чачван...». «Забудь, оставь... И так невмочь...». «Караванщик, постой, погоди...». «Не надо ничего взамен...». «Взгляну и навек запомню...». «Любовь ушла. И что еще осталось?...». «Без вести пропавшие...»	86
ЕВГЕНИЙ СУББОТИН. «В бескрайнем зале мироздания...». О давнем. «Конечно, каждый человек...». «И кричат нам деревья...»	89
ВАДИМ НОВОПРУДСКИЙ. Песнь песней. Подражание Хафизу. «Да здравствуют все минералы Урала...». «Бывает, мы от делать нечего...». «Погадай мне на гуще...»	91
САЙЯР. Моя песня. Время. «Волосы под ивой Лейли распустила...». Деревья-фонтаны. Перевод с узбекского В. Топорова	113
АЛИШЕР ПАШАКУЛОВ. Враги народа. Реанимация. Памяти друга. Расставание. Посвящение	115

ПУБЛИЦИСТИКА

Начало. Круглый стол редакции с представителями народного движения Узбекистана «Бирлик»	73
---	----

РЕЗОНАНС

Б. АТЧАБАРОВ, Т. ШАРМАНОВ. Вода для региона. Сибирская вода для Средней Азии — абсурд или насущная необходимость?	117
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- А. КУДРЯШОВ, Е. СУББОТИН. Два взгляда 123
В. СУМИН. Система запретных тайн 125

ГЛОБУС

- А. КУДИНОВ. Японский феномен 127

НЕРАЗГАДААННЫЕ ТАЙНЫ ВОСТОКА

- ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗИКОВ. Магический камень Тимура 132

КОРАН

- Сура 5. Трапеза 138
Комментарии 144

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

- ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ. Наука как наука. Роман-утопия. Окончание 147

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

- К.АКИЛОВА. Живой родник традиций 206
О наших авторах 208

Главный редактор **С. П. ТАТУР.**

Редакционная коллегия: **В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. М. АЛЪЯБЪЕВА** (отв. секретарь), **А. Ф. БАУЭР, А. Р. БЕНДЕР** (зам. главного редактора), **Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, С. А. БРЫНСКИХ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, Н. К. ГАЦУНАЕВ, М. М. МИРЗАМУХАМЕДОВ, Ю. А. МОРИЦ, И. Ф. РОГОВ, Р. А. САФАРОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Ш. ХАЛМИРЗАЕВ, Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ.**

© Звезда Востока, 1990 г.

Константин Волков

ПОМОЩНИК ПЕРВОГО

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Было около полуночи, когда телефон взорвался громким и продолжительным звоном. Так обычно звонили с междугородной. Он сорвал с высоких металлических рожек трубку.

— Квартира Григорьева? — послышался женский голос.

— Да.

— Дежурный инструктор обкома партии Мишулина. С вами будет говорить товарищ Тургунов. — Слышно было, как легла трубка на стол, звук отодвигаемого стула, шаги, удалившийся голос инструктора Мишулиной: — Григорьев у телефона, Халим Тургунович.

Через секунду в трубке бархатисто пророкотало:

— Корреспондент? Не спишь? Извини, что потревожил. Разбудил, да?

— Слушаю, Халим Тургунович. Не сплю я.

— Можешь ко мне приехать?

— Конечно!

— Машину пришлю. Скажи Мишулиной, где живешь. — Повысив голос, секретарь обкома позвал дежурную и распорядился: — Узнайте у Григорьева адрес и пошлите мою машину.

— Кто звонил? — спросила сонным голосом жена.

— Из обкома. Вызывает первый.

— Не спится ему. Чего хочет-то от тебя?

— Не знаю. Спи давай!

Мишулина сидела за столом секретаря-стенографистки. Не отводя глаз от «простыней» — огромных сводок хода полевых работ, произнесла:

— Заходите, Петр Григорьевич, ждут вас.

Массивная створка высокой — под потолок — двери с блестящей медной ручкой открылась легко.

В кабинете этом за три месяца, как приехал, Петр Григорьев побывал много раз — на бюро обкома, совещаниях, по приглашению его хозяина и по своим делам. В огромном, около двухсот квадратных метров, кабинете, бывшем генерал-губернаторском, с той поры сохранились ковер, покрывавший весь пол, резная

мебель из мореного дуба — необычный письменный стол, обитые телячьей кожей диван, дюжина кресел с высокими резными спинками и подлокотниками с львиными мордами, дюжина стульев со спинками пониже. Верхнюю полку дивана поддерживали с боков грудастые кариатиды. Такие же резные девы подпирали крышку письменного стола.

От двери по левую руку под шестью забранными в кованые ажурные решетки окнами протянулся через весь кабинет стол под зеленой шерстяной скатертью. За ним работало бюро обкома. Вокруг стола плотно стояли современные стулья, обитые дерматином. Григорьев прошел шерстяной широкой дорожкой, сохранявшей старинный ковер, через кабинет к приставному столику, по обе стороны которого стояли гарнитурные стулья. В распахнутые окна втекал густой теплый воздух, пропитанный пряным цветочным ароматом: за окнами кабинета, знал Григорьев, раскинулся цветник, в котором росли сотни кустов роз.

Тургунов разговаривал по телефону, бритой головой кивнул на стул, приглашая сесть. Кроме массивного письменного прибора из розового мрамора с лежащим на пресс-папье медным львом, с медными же колпачками на хрустальных чернильницах, на столе были газеты и журналы, стопка разноцветных записных книжек, перед письменным прибором — бювар с семью, на неделю, блокнотами для пометок и блокнотом для телефонных номеров. Телефон с множеством клавишей и кнопок, видимо, служил Тургунову для прямого выхода на Ташкент и Москву. Но внимание ночного гостя привлек синий пакет, лежавший на столе лицевой стороной вниз. Разговаривая по телефону, Тургунов не сводил взора с этого пакета.

Тургунов кончил говорить по телефону и поднялся с высокого вертящегося кресла. Взял пакет, неторопливо обошел стол и сел напротив Петра за приставной столик, положил синий конверт перед собой.

— Я пригласил тебя вот почему, Григорьев. Помоги мне написать статью для твоей газеты. Сделать это нужно быстро. Статья будет о нарушителях Устава сельхозартели. Злую надо статью! Вот в этом пакете — список всех, кто запускал лапу в колхозные кассы и склады, брал скот, пользовался землей. По всей нашей области. По каждому колхозу. — Он взвесил на руке пухлый конверт. — Здесь поименованы сотни людей. Эти люди — наш областной и районный партийный и советский актив, руководители всех рангов, от членов обкома и депутатов областного Совета до председателей и главных бухгалтеров колхозов, директоров и главных агрономов МТС. Многие из них лишатся партбилетов и депутатских званий, должности, пойдут под суд. Помнишь постановление ЦК ВКП(б) по Узбекистану?

— Помню... Оно было принято весной сорок четвертого...

— А в июне того же года принял решение по этим вопросам ЦК Компартии республики. И колхозам были возвращены сотни гектаров земли, скот, постройки, другие материальные ценности. Но эта работа не закончена и спускается на тормозах, кое-где саботируется.

— Статья ваша — итог проделанной в области работы?

— Нет. Итоги подводить рано, хотя кое-что за два года проделано. Скажу тебе, почему нужна такая статья. Знаешь, что такое «итальянская забастовка»? Когда все против, но никто рта не откроет, чтобы сказать свое мнение. Все сидят с закрытыми ртами, но возникает в помещении этакое шмелиное гудение. Все сильнее, сильнее... Через носы гудят. И ни к одному не придерешься. — Халим Тургунович рассмеялся, погладил пухлой маленькой ладонью синюю от пробившихся волос круглую голову с обозначившейся лысинкой, пергаментно светившейся, когда он наклонялся. — Ты не гудел так?

— Нет... Я из тех, кто открывает рот, не думая о последствиях.

— Не за это тебя редактор из разъездных корреспондентов к нам собком прислал? — поинтересовался уже без улыбки Тургунов. — В чем-то ты провинился, а?

— Верно. Хотя в приказе было четко сформулировано: в целях укрепления периферийной корреспондентской сети.

— А на самом деле? — Тургунов разглядывал своего позднего гостя с интересом, доброжелательно, вызывая на откровенность.

— Длинная история. Разошлись во взглядах на объективную действительность. Как-нибудь другой раз, если захотите. — Петр бросил взгляд на часы: — Третий час...

— Ладно. Так вот что я тебе скажу. Сейчас ты вскроешь этот пакет. Скажи честно, брал что в колхозах?

— Моя семья приучена жить тем, что положено по карточкам.

— Ладно. Если в других областях Устав нарушал — все равно всплывешь. У меня же будет моральное право выступить с задуманной статьей только в том случае, если моей фамилии не встретим в этом списке. Ты понял?

«Уж тебя-то, товарищ первый секретарь обкома, товарищ член бюро ЦК, ува-

жаемый депутат Верховных Советов страны и республики, областного и городского Советов, вряд ли посмеют вписать», — подумал Григорьев, и ироническая улыбка едва тронула уголки его губ.

— Подумал, что я неприкасаемый, не посмеют?.. Не тот случай, корреспондент! Посмеют! Те, кто поработал над этим документом, не зависят от меня. Ведь мелькнула такая мысль?

— Мелькнула, — признался Григорьев.

— Ишь ты... Давай все-таки поищем нас среди нарушителей. Для порядка! — И он осторожно срезал узкую полоску с края пакета. Разделив стопку листов, положил половину перед собеседником: — Внимательно прогляди. Потом меняемся.

II

...Они не нашли своих фамилий в перечне нарушителей Устава.

— Завтра я уеду в западную группу районов. Дня на два. А ты пиши. Пиши, сколько выйдет.

— Хорошо бы вместе обсудить план статьи.

— Сам продамай. Подшивки газет тебе принесут. Статью продиктуешь моей стенографистке. — Тургунов вернулся с материалами за рабочий стол, надавил на кнопку, в приемной зазвенел звонок.

— Дробовникова ко мне.

Через пару минут в кабинет вошел заведующий сектором Дробовников — тщедушный человек в синем шевиотовом костюме с вытертыми до металлического блеска карманами.

— Пакет завтра принесешь ко мне в кабинет Григорьеву. Он будет работать здесь до моего приезда. Распорядись от моего имени, чтобы у него было всё, что нужно — бумага, подшивки газет. Чтобы обед подавали.

— Хорошо, Халим Тургунович.

Когда заведующий сектором тихо закрыл за собой дверь, Тургунов предложил Григорьеву:

— А не пройтись ли нам пешком? Спать не хочешь?

Григорьев был под впечатлением открывшегося перечня преступлений сотен людей против закона и социалистической морали. Он знал, что не уснет. Какой к черту сон!

— Охотно, Халим Тургунович!

— Мы пешком пойдем, — сообщил хозяин шоферу.

— Это как же, Халим Тургунович?! Нельзя вам!

— Ночь хорошая. Ты уж не возражай.

— Не положено пешком! Да еще ночью!

— Ладно тебе, законник! Пойдем, Григорьев.

Они молча прошли шагов сорок, наслаждаясь прохладой, когда верный шофер его Жора завел мотор. Приглушенный рокот преследовал их всю дорогу. «виллис» медленно катил за ними с выключенными фарами сзади. А когда вышли с Коммунистической на улицу Карла Маркса, у освещенного входа на почту остановилась милицейская «раковая шейка», из нее выскочили двое и долго смотрели по сторонам, пока не услышали шаги.

— Видел? Это обкомовский милиционер поднял тревогу, патрулей вызвал. Теперь мы в безопасности, корреспондент... Так расскажи все-таки, за что в немилость попал у своего начальства?

— Прежде ответьте мне на один вопрос, Халим Тургунович. Можно вырастить на гектаре девяносто семь центнеров сырца? Вы первым секретарем столичного обкома партии не первый год. Здесь при вас третий урожай зреет. Встречали вы бригады или звенья, добившиеся почти стоцентнерового урожая? Не в отчетах, а на самом деле?

— А у кого такой созрел?

— У Саодат Ахраровой. Ведь ей за этот трудовой подвиг звание Героя присвоили!

— И ты решил доказать, что она не по заслугам отмечена высшей наградой Родины? Или тебе редактор поручил докопаться до истины?

— Ни то ни другое. Редактор поручил мне написать очерк о том, как здорово идут дела у прославленной звеньевой. И я поехал. За очерком поехал, хотя понимал — вся практика хлопководства в республике, все достижения в урожайности меня в этом убеждали, — что вырастить девяносто семь центнеров сырца на гектаре практически невозможно. А в этом году она обещала в ответ на высочайшую награду получить по сто десять центнеров! Что вы на это скажете?!

— Ну-ну! — Тургунов, не ответив на вопрос, попросил: — Продолжай! Значит, невозможно такое?

— Сорок, от силы пятьдесят центнеров, могла она вырастить! Остальное — липа!

Тургунов усмехнулся:

— Докопался до истины?

— Докопался... А толку что!

Григорьев рассказал все, что произошло. Увлекшись, вновь пережил и досаду, и злость, и яростную потребность выступить с разоблачительной статьей, развенчать необыкновенно красивую, холеную и избалованную девчонку.

III

А произошло вот что.

Он приехал в районный центр на попутке и долго дергал запертые двери всех районных организаций, и только в райзо дверь открылась. За одним из шести обшарпанных письменных столов в большой комнате сидели двое. Судя по зеленому ящику с теодолитом и длинным рейкам и треноге, это были землемеры.

— Можно?

Тот, что сидел спиной к двери, был одет в вылинявшую или выгоревшую до белизны гимнастерку «хабе» и солдатские бриджи. Он обвил длинными босыми ногами табуретку, голые ступни были обращены на вошедшего, а синие тапочки стояли рядом с табуреткой.

— Заходите, — услышал Григорьев скрипучий, какой-то искусственный голос бывшего солдата.

Второй, сидевший вполоборота к двери, светловолосый и загорелый крепыш в майке-футболке с закатанными рукавами, разгрыз урюковую косточку, ловко выплюнув скорлупу на грязный пол; жуя ядро, он молча разглядывал гостя.

Солдат, наконец, обернулся и повторил:

— Жаходите, шево надо-то? — И, поддев длинной ногой ближнюю табуретку, придвинул ее к столу, предложив: — Шаю ш нами. Шем богаты...

Григорьев бросил полевую сумку на соседний стол; в железной мыльнице покастаньетному пробренчал обмылок. Осторожно присел на распатанную табуретку, спросил:

— А где народ? Все кабинеты заперты.

— На прополке шорняков. Нашальство большое ждуд, похоже, марафет наводят... Лошк-блешк!

Григорьев глядел на ироничного фронтовика. Тот обернулся, и обнаружилась причина шепелявости: левая сторона нижней челюсти была изодрана и смята.

— Што, штрашно, да? — криво улыбнулся бывший солдат. — Это ошколком пропахало, вше жубы вышыпались в дыру... — Он улыбнулся только правой стороной губ, блеснули искусственные зубы на нежно-розовом протезе. — Вы кто такой?

— Журналист, Григорьев моя фамилия. Петр Григорьев. Как мне добраться до колхоза Ильича? Он где-то рядом здесь?

— Уж не к Саодат ли Ахраровой?

— К ней.

— Небось, расписать ее трудовые подвиги хотите? — насмешливо заметил тот, что в футболке.

— Очерк о ней написать хочу.

— Валяйте! Вам гонорары за это платят! Правду-то все равно не напишете!

— Ты, Федор, помолшал бы, первый раж шеловека видишь.

— А мне чего бояться?! Мне срок в армию. Дальше Кушки не пошлют.

— А все-таки? — поинтересовался Григорьев.

— Эх, был бы толк! Все равно не напишете правду!

— А вдруг! — Григорьев выбрал урючину, поспелее, выкинул из мякоти косточку на стол.

— Не пропустят! — уверенно произнес солдат. — А есть что написать! Только правда-то эта — корова бодливая.

— Расскажите, мужики, что знаете. Может, вы единственные, кто не боится сказать!

— Жахочет — пушть ришкнет, — кивнул солдат коллеге. — Покажи журналишту дорогу к Ахраровой, Федор!

Они углубились в одну из улиц и вскоре оказались среди хлопковых полей. Впереди высился крутобокий, покрытый еще не выгоревшей травой холм. Федор оглянулся, будто хотел убедиться, что сзади никого нет. Дорога была пустынная.

Они с трудом одолели крутобокий холм. Взору открылась панорама ближних и дальних кишлаков, садов и полей, над которыми едва угадывались в зыбком мареве далекие горы.

Федор показал рукой на петлявший меж полей проселок:

— Смотрите, во-он колхоз. А под теми карагачами — дом Ахраровой. Поле ее звена рядом с домом.

— А что ты хотел рассказать, Федя?

— А вот что! Липовый она герой! За ней числится шесть гектаров. Только в прошлом году кроме них хлопком засеяли рядом перепаханный люцерник. В нем еще пять гектаров. Вот вам и героический труд!

— И никто не знает об этом? — не поверил журналист.

— Знают! На этих одиннадцати гектарах разве шесть человек звена управились бы? Туда чуть не весь райцентр сгоняли и на прополку, и на окурку, и на сбор урожая. У нашей героини отец — председатель сельсовета, старший брат отца — председатель колхоза. Девчонка она, что и говорить, красоты необычайной. Замуж ей пора. А с такой красотой, да со звездой Героя она всем невестам невеста. Какой калым за нее обломится!

— Федор, ты ничего не путаешь?

— Это еще не все. Она же в этом году ни разу в поле не вышла! А глядя на звеньевую, и остальные не работают. А неучтенные скрытые посевы угадать легко. Все пять гектаров с другой стороны арыка. Чтобы скрыть жульничество, еще под зиму участок перепахали и люцерной по-новому засеяли. Так торопились отец с дядей, что не всю гузапаю собрали, запахали. Стебли хлопчатника кое-где и сейчас торчат между подросшей люцерной.

— Ну, спасибо, брат. Задал ты мне задачу.

— Вы все-таки не выдайте нас. Мне, правда, на действительную идти. Узнают — организуют дальний гарнизон за длинный язык. А солдату — здесь жить не дадут, сживут со света.

IV

Незаметно Тургунов и Григорьев дошли до особняка под столетними платанами, с высоким забором и крепкими воротами, около которых стояла полосатая, как зебра, будка. Григорьев понял, что будка эта — для милиционера, охраняющего дом, что эта охрана положена депутату Верховного Совета СССР, а может и первоначально секретарю обкома партии. Из будки появился явно растерявшийся милиционер, держа руку у козырька, взбежал на высокое крыльцо и нажал кнопку звонка. Видимо, не ожидал, что тот, кого он охранял, в нарушение каких-то установлений приехал не на машине.

Они остановились перед отворившейся дверью. Милиционер так же торопливо сбежал со ступенек и, озираясь, вышел на булыжную мостовую.

— Постоим немного, продолжай. Кстати, о звене в московской газете была статья писательницы Маргариты Погосян. Едкая статья! Не ты тему ей подсказал?

— Нет. Статья в «Правде Востока» о Саодат сыграла роль. Александра Жаркова.

— Жаркова? Кто такой?

— Сотрудник сельхозотдела... Вместо хвалебного очерка я подготовил критическую корреспонденцию, описал в ней все, что увидел, правда, на землемеров не ссылался и о сверхплановых посевах прошлого года писать не рискнул, доказать этого не смог бы; впечатлений и фактов самых свежих на корреспонденцию хватило. Редактор статью публиковать отказался и послал следом за мной к героине этого Жаркова. А мою статью положил под сукно. И выговор мне — за срыв задания.

— Интересно! Ну и дальше?

— Дальше? Когда я узнал от самого Жаркова, что шеф посылает его к Ахраровой за очерком, то дал ему прочесть копию своей статьи. Вот, сказал, как обстоят дела в звене сегодня. И не вздумай в своем материале что-нибудь скрыть или приукрасить — подниму скандал на всю республику, в «Правду» напишу. Что в «Правде» разоблачу — пригрозил, было такое. Не знаю, написал бы я в «Правду» или нет — но этого не потребовалось. Жарков вернулся из командировки быстро и написал свою корреспонденцию. И ее оперативно дали в очередной номер. Статьйка называлась «Друзья Саодат».

— Зачем вам нужны все эти подробности, Халим Тургунович? — поинтересовался Петр, когда хозяин попросил продолжить рассказ.

— А как ты думаешь, Григорьев: зачем секретарю обкома партии знать, кого прислали в его область корреспондентом столичной газеты? Нужно мне знать, кого я попросил помочь подготовить мою статью, что за человек облечен правом хвалить или критиковать в партийной печати всех и все, вплоть до обкома партии? А?

— Нужно, конечно, — согласился Григорьев. — Но о журналистах судят по их статьям...

— Так мы и говорим о твоей работе, а не о твоих семейных делах... корреспондент. Погосян, помню, писала в своей статье, что увидела на участке Ахраровой в пересохшей земле следы босых ступней и увидела на кусте хлопчатника живую змею. Ты тоже все это видел?

— Нет. Я видел другое. Участок был залит водой по гребни рядков, хлопчатник так зарос сорняками, что его даже не видно было. И ни живой души на поле! Погосян побывала на участке после меня дней через десять, когда земля успела высохнуть. Но и культивацию там после полива, значит, не провели, и сорняки не удалили. Это все и увидела московская писательница. Ехидная тетка! Помните, что она про змею, увиденную на кусте, написала? Змеи, говорит, по народному поверью, поселяются там, где не боятся встретить человека. Ну а между статьей Погосян и заметкой Жаркова есть прямая связь.

— Да?.. Какая же?

— Сперва о статье Жаркова. Он, похоже, и на поле у героини не побывал, ограничился тем, что зашел в правление колхоза, где кто-то, может сам председатель, ну, дядя Саодат, рассказал, как хорошо идут дела в звене. Он и написал, что уже закончены четыре обработки всходов и вот-вот зацветет плантация славной труженицы. И что она щедро делится богатым опытом выращивания рекордных урожаев с соседними звеньевыми. А дальше вот что произошло. В день выхода газеты со статьей Жаркова приехала в Узбекистан Погосян. В ЦК посоветовалась, о ком бы ей написать. А тут как раз статья в газете об Ахраровой. В отделе пропаганды, где ей статью показали, тоже не знали о положении дел у героини, Жаркову поверили. Это мне потом инструктора отдела рассказали. Погосян пожелала поехать к Ахраровой. Из ЦК позвонили в район, поручили первому секретарю лично встретить и сопровождать спецкора столичной газеты. Сабир Нурутдинов встретил ее в кишлаке Карасу на мосту, забрал в свою машину и повез в колхоз. Он, видимо, позвонил заранее в колхоз, чтобы подготовились к встрече известной писательницы из Москвы. Там все правильно поняли. Подъезжают они к одному мосту на территории колхоза — нет моста, разобран.

— Есть другая дорога на участок звена? — спросила Погосян.

— Есть. С другой стороны кишлака.

— Поехали!

Но оказалось, что и этот мост разрушен. Тогда Маргарита Погосян скинула туфли, подобрала юбки и преодолела водную преграду вброд, приказав секретарю райкома следовать за ней. А ведь она не девушка, ей под шестьдесят, пенсионерка! Так что к поездке Погосян в республику и к Ахраровой я никакого отношения не имею. Просто это помогло мне добиться отмены редактором приказа о выговоре за отказ писать очерк. Вот и вся история, закончившаяся почетным для меня новым приказом — о назначении собкором в Языванскую область в целях укрепления корреспондентской сети. Как тот землемер-допризывник говорил: попал за непокорность в дальний гарнизон.

— Ну, спасибо за рассказ Георгий, — позвал Тургунов шофера, — отвези Григорьева домой. Ко мне приедешь к десяти.

Из-за позднего времени — а шел уже шестой час, светать начинало — Григорьев не успел рассказать о том, что, по его мнению, сыграло главную роль при переводе в Языванскую область собкором. В день публикации статейки Жаркова на утренней «летучке» — совещании у редактора, где обсуждается свежий номер газеты и планируется завтрашний, Григорьев не сдержался и стал изобличать автора в профессиональной недобросовестности:

— Значит, в шестнадцать лет у Ахраровой уже был личный опыт выращивания стоцентнерового урожая, Жарков? Она этот опыт с материнским молоком впитала, а? Или в детском садике, в начальной школе накопила? Что же ты с читателями не поделился ее опытом, Жарков?

— Сядь, Григорьев! — потребовал редактор. — Мешаешь заниматься делом...

— Не сяду! Пусть Жарков хоть нам объяснит, что это за такой опыт у девчонки? Почему у нее опыта больше, чем у тех, кто состарился на хлопковом поле? Ведь в соседних звеньях и по колхозу в целом урожай получен всего по семнадцать центнеров.

— Григорьев, сядь! — приказал редактор.

Московские газеты печатали в той же типографии, что и «Правду Востока», с матриц, доставленных самолетом. Дежурные по номеру обычно приносили в ре-

дакцию и свою, и столичные газеты. Газету со статьей Погосян увидел Петр на своем столе. Тот, кто дежурил, положил ее не без умысла, из чувства солидарности — читай, мол, брат, справедливость восторжествовала!

Ох уж этот сладкий яд удовлетворенной жажды мести! Григорьев обвел статью красным карандашом и положил на стол ничего не подозревавшему Жаркову:

— Читай, щелкопер! Читай вслух! Там статья Маргариты Погосян о жарковской героине. Пусть вслух почитает!

Петру не было жаль Жаркова, когда тот молча прочел статью и, побледневший, с бисеринками холодного пота на высоком челе мыслителя, отвалился на спинку стула.

— Ну что теперь тебя ждет, Иуда? Знаешь? Позорник ты, а не журналист, Жарков!

Этим же утром он на планерке повторил коллегам историю со своей статьей, по смыслу близкой погосянской, осевшей в столе редактора, и потребовал отмены выговора.

Редактор был явно не в своей тарелке. Ни разу не перебил Петра и дал ему высказаться до конца.

— Теперь Жаркову выговор объявите? — ехидно поинтересовался Григорьев. — За такое из порядочной газеты в три шеи гнать надо!

— Утихомирься, Григорьев, — посоветовал заместитель редактора, осторожный молчун Семен Черняев. — Чепе произошло, хватит изгиляться над Жарковым, он не виноват.

— Конечно! Это Погосян нашу газету подвела! — откликнулся Петр. — А мы все ни при чем!

Погосян своей публикацией в центральной газете помогла утверждению истины лишь частично — а именно в той ее части, что Саодат Ахрарова и героический труд, огромный опыт выращивания рекордных урожаев — несовместимы. Не может у работающего и чувствующего ответственность за порученное дело человека вдруг исчезнуть и чувство долга, и потребность в добросовестном труде. Так не бывает. Ведь она с высокой трибуны поклялась вырастить не по девяносто семь, а по сто десять центнеров сырца? А в республике были, кроме нее, и другие уже добившиеся урожая в сто десять, в сто восемнадцать центнеров! И у них на груди сияли золотые звезды Героев Труда.

Возможен ли такой урожай? Простой арифметический подсчет отвергал такую возможность. С рекордными урожаями в журналистской практике Григорьева и его коллег происходило непонятное. Ни один секретарь райкома или председатель колхоза никогда еще не привел работника печати на хлопковое поле, где созрел такой небывалый урожай, до его уборки. Вот, мол, смотри, подсчитывай количество коробочек на кустах, вес сырца в коробочке тебе известен — около трех граммов, на каждом гектаре к страде сохранено столько-то тысяч кустов. Не было такого! Рекордные урожаи объявились вдруг, вроде бы их умышленно прятали от постороннего глаза, как от сглаза, и объявили о рекорде тогда, когда уже и стеблей-то хлопчатника на поле не оставалось.

Больше ради подтверждения своих догадок Григорьев пошел в республиканский филиал Союзного научно-исследовательского института хлопководства — СоюзНИХИ. Там работали однокашники отца по сельфаку Абрам Мальцев и Григорий Филипенко. Уж они-то знали досконально, что почем.

Мальцева Петр не застал, Филипенко оказался на месте, в своем отделе, где на канцелярских шкафах лежали и стояли кусты хлопчатника с коробочками, из которых пенилось, свисало хлопьями кипенное волокно, а на стенах висели застекленные гербарии с образцами опущенных волокон и голых семян, хлопковых листьев, пораженных разными болезнями и вредителями, плакаты, пропагандирующие передовую агротехнику возделывания ценной культуры.

— Поговорить мне надо с тобой, дядь Гриш. Выкрой мне с полчаса, — попросил Петр после того, как обменялись необязательными для ответа вопросами о житье-бытье.

— Здесь можем? Ко мне заходить будут, не помешают?

— Нет, наверное.

— Тогда садись ближе и начинай.

Когда Петр задал вопрос, собеседник повторил:

— Сто центнеров? — Пожевал или почесал о зубы нижнюю обветренную и потрескавшуюся губу, сказал усмешливо: — Если для печати — не скажу. Скажу кон-фи-ден-ци-ально. Тебе, сынку. Можно — сто. В двух случаях. Первый — если гектары очень большие, второй — если центнеры очень легкие. Все остальное — от лукавого. Липа! Есть еще вопросы?

— Есть... Доказать можете, что все остальное — липа? И что звезды героев и ордена на стоцентнеровые урожаи — это за очковтирательство. Можете?

— Не ершишься, Петро. Тебе доказать могу. Прямо сейчас. Очковтирателям доказывать не стану. Это липовые рекорды кое-кого тешат и устраивают. Ты ведь почему ко мне пришел со своей заботой? Понимаешь, что уж кто-кто, а дядько Григорий в хлопководстве разбирается. Не зря я рекомендации всей республике даю. Так вот, даже на опытных делянках СоюзНИХИ в пересчете на гектар урожая сто центнеров я не выращивал. И Абраму это еще не удавалось, и никому. Есть предел возможного, который нельзя перешагнуть. Запомни раз и навсегда вот что. Я знаю потенциальные возможности любого сорта хлопчатника. Я изучил почву в каждом районе от Чимбая до Термеза и даю точные рекомендации по густоте стояния растений на гектаре посевов. Вон на том кусте... — ученый кивнул на стоящий особняком рослый и ветвистый куст хлопчатника, увешанный коробочками, как новогодняя елка игрушками. — Хочешь — проверь. На нем сто тридцать две коробочки, почти четыреста граммов сырца. Это в пять или шесть раз больше, чем в среднем набирает растение при соблюдении всех требований агротехники. Но этому вот выставочному кусту нужен был квадратный метр земли, чтобы так вымахать. И особый уход. Так вот, таких кустов в идеале можно вырастить на гектаре десять тысяч. Так, Петро?

— Да.

— Так какая урожайность получается на гектаре?

— Сорок центнеров.

— Умница, в уме верно подсчитал! А если посадить на гектаре не десять, а двадцать тысяч кустов? Они просто не вырастут такими. Они заглушат друг друга и дадут не по сто тридцать, а по шестьдесят пять коробочек. А урожай гектар даст все равно в сорок центнеров. Это если за каждым кустом ухаживать, как твоя мама ухаживает за своей геранью на подоконнике. Но ни тракторный, ни конный культиватор, ни нагрузка на кетменщика — пятнадцать соток в день на ручном мотыжении — такого высокого качества дать не могут, а значит, и урожай в сорок центнеров в условиях колхоза — это идеал, которого достиг пока только Хамракул Турсункулов. Но ведь у Хамракула, ты это знаешь, нет звена, где бы созрел стоцентнеровый урожай. Самое высокоурожайное звено у него в прошлом году собрало по шестьдесят шесть центнеров. В такой урожай я верю. Но если в колхозе, где средняя урожайность не превышает двадцати центнеров, объявляется стоцентнеровик — я не верю.

V

Работа над статьей спорилась. В урочный час отвлекла официантка обкомовской столовой, обслуживающая только секретарей и заведующего орготделом.

Обед секретаря ничем не отличался от тех, что иногда ел Григорьев в зале обкомовской столовой.

После обеда, уже зная, что уложится в срок, он позволил себе передышку. Вышел в цветник. Но отдых был не в отдых, расслабиться не удалось. В списке он встретил тех, у кого по журналистским делам бывал в кабинетах, брал интервью, заказывал статьи, а за иных и сам писал в счет отработки организованных материалов. Среди поименованных встречались и работники обкома. «Попивают, небось, чай в оставшиеся минуты перерыва. И не икнется, поди, ни одному. А ведь не может быть, чтобы виновный был всегда безмятежен, накатываются ведь приступы тревоги и страха?»

Помня о разрешении хозяина кабинета воспользоваться помощью его стенографистки, решил додиктовать конец статьи, а десяток написанных страниц оставить ей на перепечатку. Подойдя к письменному столу, нащупал под крышкой стола кнопку и нажал ее. За дверью зазвенело.

Зинаида Ивановна открыла дверь и, не переступив порога, услышала просьбу:

— Подиктовать бы надо, Зинаида Ивановна.

— Не поздно? До конца работы час. — Она кивнула на высокие напольные часы в углу кабинета.

— Мне нужно полчаса.

— Возьму блокнот.

Григорьев внимательно вычитал статью и остался доволен. А вечером следующего дня Тургунов попросил его прочесть статью вслух и параллельно читал второй экземпляр.

— Вроде здорово получилось, а? — Тургунов потер маленькие ладони. — Спасибо, Григорьев.

— Пожалуйста! Можно идти?

— Нет. Позвоню твоему редактору. Посиди.

Хозяин кабинета снял тяжелую трубку, властно приказал:

— Соедините с редактором «Правды Востока».

Не прошло и минуты, как тихо загудело в зеленом ящике, замерцал красный глазок.

— Тургунов. Спасибо, здоров. Хлопчатник? Хороший! Послушай меня! — Голос у хозяина кабинета властный, с металлом. — Мы тут с твоим Григорьевым статью сочинили. О чем? Получишь завтра — прочитаешь. С фельдсвязью отошло. Дай ее в ближайший номер. Размер? Григорьев, какой размер?

— Два подвала.

— Говорит, что два подвала. И вот что, Владимир Ефимович! Получишь два экземпляра. Один передай соседям. Я редактору позвоню. В один день опубликуйте. А Григорьеву благодарность объяви, если статья понравится. Он здорово мне помог. Все! Будь здоров!

— Можно спросить, Халим Турсунович? Что за спешка со статьей? Не секрет?

— Секрет. Тебе скажу то, что можно. Готовится большое постановление. О восстановлении уставных норм колхозной жизни. Откуда я знаю, подумал?

— Нет, не подумал. Вам много чего известно раньше, чем другим. Вам по статусу положено много знать заранее.

— Верно. Я, между прочим, член комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР. А председатель этой комиссии — товарищ Поскребышев, помощник товарища Сталина. Удовлетворил любопытство твое?

— Вполне.

— Список, которым ты пользовался, в копии уже давно в Ташкенте. Там такие сведения из областей объединят и отправят в Москву. И так во всех республиках. Восстановление уставных норм колхозной жизни будет одной из главных забот партии в руководстве сельским хозяйством.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Август был на исходе. По солнечному старому календарю саратан — самая жаркая пора года — закончился. Но жара стояла, как в июле. Даже ночи не приносили облегчения ничему живому. Раскаленные за день стены и крыши зданий, пересохшая земля до утра источали накопленное тепло.

Вынесли в палисаднички, заплетенные хмелем или виноградной лозой, свои постели соседи Григорьевых. Клавдия, жена Петра, была на пятом месяце беременности и переносила этот нестерпимый зной и духоту особенно тяжело; даже ребенок, которому скоро предстояло появиться на свет, чувствовал, похоже, что в неведомом ему мире происходит что-то ненормальное. Он вдруг начинал тревожиться, бить ножками. Клавдия прижимала ладони к животу: «Да уймись ты, наконец! Дай хоть чуточку передыха! Ну что ты — как бодливый бычок!»

Среди ночи Петр вынес под окна кровать жены, помог обтереться мокрым полотенцем, ушел на улицу и окатил себя водой из арыка.

— Ложись со мной. Я одна боюсь.

Он лег с краю на жесткую раму панцирной сетки и, чтобы не потревожить жену, так и продремал несколько часов. На рассвете Петр, боясь шуметь, вскипятил чайник на керосинке, что стояла на ящике у входной двери, наскоро позавтракал куском мяса из вчерашнего супа, запил его чаем и, сунув в полевую сумку бутерброд, пошел в колхоз имени Куйбышева знакомиться с активом, разворовавшим три четверти миллиона, заработанные членами сельхозартели неизвестным пока корреспонденту отхожим промыслом.

Вскоре он миновал последние городские дома. Впереди лежали выгоревшие холмы — чем дальше, тем выше. По этим холмам, то прячась в ложбинах, то выползая из них светлокочей змеей, вилась немощеная дорога. Вдали, слева за возникшим скоро маревом, едва угадывалась зелень полей и садов. От накаляющейся земли по ногам поднимался жаркий воздух, палило через легкую ткань плечи.

С очередного холма он увидел далеко впереди за мертвыми волнами рыжей земли оазис, а впереди и справа — белопенную речушку, к которой прижималась дорога. Дальше, сколько проследживал взор, дорога и голубой сай не разлучались.

«Хоть и скупаюсь», — обрадовался Петр и прибавил шаг.

Он прошел между валунами берегом, пока не выбрал «купаленку» поглубже, в которой можно было бы погрузиться с головой в кипящую пену воды.

В ямке между обросшими длинными, как косы, черно-зелеными водорослями валунами он не высидел и минуты: ледяная вода, к тому же, пахла снегом. Подрагивая, он уселся на ближайший обкатанный камень. В воздухе стоял непрерывный гул. Это сай перекачивал донную гальку и булыжники, истачивал их в песок, выносимый на берег.

Сквозь шум речушки он все-таки услышал гудки. Оглянулся на дорогу. Увидел полоторку. В распахнутой дверце кабины — женщину-шофера, махавшую ему рукой. Он торопливо натянул брюки, обулся и с сумкой и рубахой в руках побежал к машине.

— В «Куйбышев»? — спросила женщина.

— Да!

— Садитесь... Воды только залью... Кипит радиатор...

— Я сбегаю. Где ведро?

— Под кузовом висит.

Он провалился в дырявое сиденье, застланное истертыми одеялами. В ветровое стекло, да и в боковое оконце дверцы без стекла Петру было видно только небо и в его безбрежной выси два орла, выписывавшие рядом точные круги, каждый — свой. Он подтянулся на руках, высвободился из жаркого гнезда, в котором оказался. Все было раскалено в кабине — и фанерная крыша, и деревянные дверцы, горячим маслом и бензином тянуло в щелястый пол.

— Вы кто? — спросила женщина. — Из прокуратуры?

— Нет. Почему — из прокуратуры? Я журналист.

— У нас комиссия. Прокуратура работает. Сам Алимтаев, прокурор, шурует.

— Давно?

— Месяц, наверное.

— И что же «нашуровал» Алимтаев?

— Я откуда знаю. Председатель ходит злой, как собака.

«Повезло мне, что прокуратура занимается. У нее факты точные», — порадовался Григорьев и не пожалел, что сперва жарился на солнцепеке, а теперь томится в этой душегубке. Впрочем, подумал, этой женщине не легче. Вполоборота, чтобы лучше разглядеть ее, он повернулся к ней.

— Вы хорошо говорите по-русски.

— Много в город езжу. Всю войну — то на один склад, то на другой, то на вокзал. Эвакуированные у нас в кишлаке жили всю войну. Научилась.

Бисеринки пота выступили над верхней, покрытой персиковым пушком губой, мокры были виски и шея. Ситцевое широкое платье прилипло к спине и обтянуло крепкую грудь. Близость женщины волновала его, будоражила воображение.

«Вот напасть!» — подумал он и, взяв себя в руки, спросил:

— Зовут-то как?

— Аимхон. А вас?

— Петр. Петр Григорьев.

— Надолго к нам?

— Не знаю. Возможно, вечером и уйду. Как дела сложатся.

— Писать будете про наш колхоз? Про нас много писали. Передовой наш колхоз!

Ветер, продувавший кабину насквозь, был нестерпимо жарок. Он высушил одежду и тела людей. «Как под паяльной лампой», — подумал Петр и произнес:

— Ну и жарница!

— Наверное, пришел желтый день саратана.

— А что это такое, Аимхон?

— Сарык куны. Желтый день. Так в народе называют самый жаркий день лета.

Дорога огибала огромные валуны, вынесенные селевыми весенними потоками; разболтанную кабину раскачивало из стороны в сторону, жалобно скрипела древесина, пустая бочка каталась в кузове, и брэнчало ведро.

— А что порожняком едете, Аимхон?

— Председатель на почту послал. Телеграмму отправила.

— Далеко еще, Аимхон?

— Вон тот кишлак с большим урюковым садом. Белое здание — это школа, рядом старая мечеть. Километров семь осталось.

— Сколько же от города до вас?

— Двенадцать.

— А в райкоме сказали — километров восемь-десять.

— Наш кишлачный аскиябоз¹ Рамиз-ата считает по-своему. Если, говорит, ты

¹ Аскиябоз (узб) — остролов.

на машине едешь — километров шесть, верхом — пятнадцать, а пешком — все тридцать набезит.

Машина скатилась с последнего рыжего холма и оказалась меж посевов Хленчатника.

— Корреспондент! Может, вы знаете, куда мне писать? Муж у меня не вернулся с войны, — произнесла Аимхон.

— А куда вы писали?

— В военкомат.

— В какой части он служил — знаете?

— Три письма получила. Последнее в сорок втором, в феврале. Полевая почта.

— Он мог, раненый, в госпиталь попасть. А из госпиталя на формирование в другую часть.

— Тогда бы написал, дал бы новый номер почты.

— А что в военкомате говорят?

— «В списках убитых и раненых младший сержант Ахмадалиев Рустам не значится», — четко, заученно произнесла женщина формулировку ответа. — Ведь не может пропасть человек?!

— Отступали мы тогда, Аимхон. Отступали, не оглядываясь. Мог в окружение попасть, в плен. В управление кадров Министерства обороны, может, запрос послать? А те, кто с ним призывался из вашего колхоза, вернулись?

— Вернулись двое. Он один в танкисты попал. Трактористом был. А эти в пехоте.

— Ждете?

— Жду. В списках убитых и раненых не значится. Полтора года прошло, как кончилась война...

Полтора года! Живые и раненые давно вернулись по домам. На тех, кто живой остался и не вернулся, вина могла лежать большая — нарушение воинской присяги, измена. Но об этой крайности Петр говорить ей не стал.

— Помогите мне написать, куда сказали, — попросила Аимхон. — Не должен человек потеряться, а? Есть он в какой-то накладной!

— Напишем, Аимхон!

— Не замужняя и не вдова. Хоть бы ребенок у меня был. Была у нас одна ночь, а второй уже не было. И так уж судьбе было угодно, что ребеночка у меня нет.

Пробка на радиаторе перестала выпускать струю пара, Аимхон включила зажигание, надавила на стартер.

«Ты, прекраснотелая, создана, чтобы любить, детей рожать», — думал Петр, любясь соседкой и печалась за несладкую судьбу ее.

Через минуту они вкатили на безлюдную улицу кишлака.

— Это контора... — Аимхон выключила мотор перед большим беленым домом с прибитым к карнизу таловым шестом, на котором безжизненно висел лоскут выгоревшего кумача.

II

Из-за двери с табличкой «Председатель» доносились стук счетов и голоса. В комнате находились трое мужчин. Один занимался подсчетами, обращенный сутулой спиной к двери, двое беседовали на высоких тонах. Коренастый, одетый в каламянковый китель и такие же брюки, заправленные в рыжие сапоги, держал в правой руке красивую хитросплетенную из сыромяти камчу — короткую плетель, рукоятку которой украшал набор колец из желтой и красной меди. Второй — скуластый, моложавый, в полосатой зефировой сорочке, с ежиком жестких черных волос — слушал, постукивая ладонью по стопе толстых папок в картонных корках. «Прокурор Алимтаев», — догадался Григорьев.

— Кого надо? Я занят! — жестко произнес человек с камчой.

— Это корреспондент, — объяснила Аимхон. Петр из-за ее плеча разглядывал властного собеседника районного прокурора. Крепок, на загорелом лице оспинные рябины. Председатель отвернулся и по-узбекски спросил собеседника с вызовом:

— Ты, Алимтаев, когда-нибудь артезианский колодец копал? Давай, копай меня! Копай, сколько хочешь! Я как колодец! Чем глубже копать землю, тем вода чище будет!

— Пока до воды докопаешься в твоём артезиане, много грязи надо выбросить, — заметил зло, на нерве, прокурор. — Вот твой артезиан! — он прихлопнул кучу папок.

— А чего ты мне можешь записать? Где улики?

— А я, может, не о тебе, Рахимов! Ты о колодце, и я про него. А если про дела в колхозе, то грязь поднимается, чистой воды пока нет.

Григорьев неплохо понимал узбекский. С интересом слушал, но Рахимов обернулся к двери и гневно потребовал:

— Выйдите! Я занят.

— Я из республиканской газеты. Я не к вам. У меня дело к Алимтаеву.

— Его кабинет не здесь, в городе!

Аимхон протиснулась между попутчиком и дверью, вышла. Отступил и прикрыл дверь Григорьев.

Почти следом появился на улице Рахманкул Рахимов. Доверительно взяв Григорьева под локоть, извинился за невнимательность и грубость.

— Надоела эта бесконечная проверка, только работать мешают, весь колхоз нервный стал, — объяснил председатель. — Сколько можно шуровать? Сегодня опять допрос!

— Может, скоро закончат? — предположил Григорьев.

— Чего копают — сами не знают! Прокурор-прокурор... Гость устал и голодный, наверное. Отведи в чайхану, Аимхон! Скажи, чтобы накормили. Освобожусь и найду вас, корреспондент.

— Я уже сказал, что приехал к прокурору, — заметил Григорьев. Он понял, что Рахимов ему не нужен. — Вы долго будете беседовать с Алимтаевым?

— Я откуда знаю.

— Тогда передайте ему, что мне нужно с ним встретиться.

Они шли длинной улицей к центру, в спасительную тень высоких деревьев. По обе стороны тянулись от начала до конца кварталов разновысокие глинобитные дувалы, состыкованные со стенами жилых домов без единого, хоть бы крохотного, оконца. Традиционно не было в задних стенах жилых домов и входных дверей. Только калитки. Двустворчатые, украшенные где богатой, где скромной резьбой, створки дверей вели в дворики с обязательными несколькими лозами винограда, парой-другой фруктовых деревьев, цветниками, в которых росли розы и райхон — самые благодатные растения, украшающие узбекскую землю с весны до первых заморозков.

От яркого света устали глаза, Петр и Аимхон вышли на кишлачную площадь с чайханой.

Чайханщик — худой старик с окладистой бородой, весь в белом — по просьбе Аимхон принес на ришганском расписном лягане несколько персиков и гроздьев винограда, а следом и арбуз.

— Угощайтесь, — предложила женщина и первая отщипнула от грозди маленькую кисточку. — Скоро прокурору обед понесут, — она кивнула на чайханщика, хлопотавшего под навесом у очага; в казане кипело и булькало. — С ними пообедаете... Вы надолго в колхоз?

— Вечером уйду.

— Прокурор и следователь утром приезжают, вечером уезжают в город. За ними машина приходит.

Аимхон помолчала, а потом уверенно произнесла:

— Ничего прокурор не сделает с райсом, даже если до чего и докопается! Первый секретарь райкома Фазылов не даст Рахимова прокурору. Эсан-ака здешний, наш. В одном классе учились, из одного арыка воду пили. Друзья они!

— Вон что! Интересно! Только, Аимхон, прокурор и судья руководствуются законом и от райкома не зависят.

— Как не зависят?! От райкома все зависят. Главнее райкома нет! — убежденно заявила Аимхон.

Через полчаса пришли прокурор, следователь и председатель колхоза. Сбросив кители, ушли вниз по арыку, ополоснулись по пояс. Старик принес полотенце.

Обедали, перебрасываясь незначительными фразами. О следственных делах — ни слова. Аимхон сидела в сторонке от мужчин на краю супы. Когда был съеден и арбуз, Рахимов, сославшись на необходимость побывать на заготовительном хлопковом пункте, попросил прокурора отложить разговор на завтра и послал Аимхон за машиной.

III

Председатель уехал.

— У вас дело ко мне? — спросил Алимтаев Григорьева. — Если по этому колхозу, то ничего сказать пока не могу, следствие не закончено.

— Меня интересуют семьсот тысяч. Они в постановлении ЦК партии фигурируют... Если эту сумму нашли вы — значит, работаете давно.

— Давно, — согласился Алимтаев. — Есть еще кое-что. Допросить кладовщика надо, но он на курорте. В Кисловодске, говорит Рахимов. Какими-то средствами колхоз оплачивает минеральные удобрения, которые безденежные колхозы не могут выкупить. Склад забит запасными частями к тракторам. Они не оприходованы в бухгалтерии, нет следов ни в банковских документах, ни в накладных. Рахимов объясняет так: в прошлом году из Челябинска, с тракторного завода, приезжали представители в республику, организовывали отправку фруктов и овощей для общественного питания, будто часть их стоимости возместили запасными частями, листовым и профильным железом, инструментами. Этим добром склад забит, их намного больше, чем проходит по документам взаиморасчетов, списано много скота и пшеницы на общественное питание.

— Долго еще будете здесь?

— Сколько потребуются.

— Вы знаете, что Рахимов и Фазылов — друзья?

— Точно?! — удивился Алимтаев. — Теперь понятно, почему Фазылов отвлекает меня разными поручениями и торопит заканчивать следствие. Друзья, значит?

— А вы что, не знали?

— Я же не здешний, в прошлом году юридический закончил и по назначению — сюда.

— Вы — казах?

— Да. Из-под Чимкента.

— А что домой не попросили распределить?

— У меня нет там никого. Я детдомовский. А жена — ферганская.

— Я здесь тоже недавно.

— Позвоните через месяц. Будет материал! Сейчас не могу ничего сказать!

— Понял. С вами можно вернуться в город?

— Конечно! Уедем в сумерки, часов в восемь подходите.

IV

Григорьев внимательно читал статью Тургунова. На газетных страницах текст воспринимался иначе, чем в машинописи, завершнее, толковее. Вроде ничего не сократили, отметил он самолюбиво.

Через день статью без ссылки на республиканские газеты перепечатали областные. Корреспондент обиделся за свой печатный орган, позвонил редактору Панину:

— Ты почему, Георгий, не указал, что перепечатал Тургунова из «Правды Востока»?

Панин рассмеялся:

— А с чего ты взял, что мы перепечатали? А может, Халим Тургунович сам нам прислал статью, только предупредил, чтобы печатали после республиканской. Ты помогал Тургунову? Хорошая статья! Зато я смогу тебе заплатить за организацию материала, и соседи учтут в гонорарной разметке. А сегодняшний номер своей газеты видел? Здорово ты раздолбал Симабадский район, Петр Григорьевич!

— Не видел... Вчера поздно вернулся из района и сегодняшнюю почту еще не вынул.

— Вот ее мы перепечатаем со ссылкой на твою родную газету. Может, нам что напишешь?

— Наверное, напишу. Блокнот полон.

— Заходи!

— Сегодня зайду, Жора. До встречи.

Он вынул из почтового ящика свежую газету, толстый фирменный конверт редакции, догадался, что в нем план работы отделов на текущий месяц. Не входя в квартиру, присел на крыльцо, бегло проглядел свою статью и весь номер. Уже дома, перечитывая корреспонденцию, решил позвонить Алимтаеву: как-никак его материалами пользовался.

А когда разговаривал с прокурором, вдруг вспомнил, что колхозный шофер упомянула, что ездил в город отправить телеграмму. Не свою же! Значит, Рахимов послал. Но председатель — не та должность, при которой телеграммами объясняются. Кому он мог телеграфировать? Только кладовщику своему, на курорт! Об этой своей догадке он и сообщил Алимтаеву.

— Что же сразу не сказал, Григорьев! Там же адрес кладовщика! Рахимов

клялся, что уехал тот без путевки, «дикарем», язву лечить уехал. Наврал, значит! Знал адрес! Спасибо! И за статью спасибо! Я ее к делу приобщу. Сам до телеграфа пройду, я телеграмму нашего героя по почерку узнаю!

Тут же позвонил Георгий Панин.

— Григорьев, ты не читал случая «Партийную жизнь», десятый номер?

— Я не выписываю ее. Что там?

— Зайди, покажу. Нужно не только свою газету просматривать, товарищ собкор! Обязательно зайди. Не телефонный разговор!

...Барственно самоуверенный Георгий Панин протянул руку для приветствия, предложил сесть, сам вальяжно откинулся на спинку кресла.

Ласково поправив свои крупные кудри, выдвинул ящик стола и перекинул извлеченный журнал на приставной столик:

— Там закладка!

Небольшая заметка называлась — «В подхалимском рвении». Автор ее В. Уразов писал, что в республиканских газетах Узбекистана была опубликована статья «Ликвидация обезлички — важнейшее средство дальнейшего укрепления колхозов». Не без иронии признав, что борьба с обезличкой труда в общественном хозяйстве если и не самое решающее, то, бесспорно, важное средство упрочения сельхозартелей, московский журналист писал дальше, что все бы ничего, но статья подписана первым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана У. Юсуповым. И это сыграло определяющую роль в том, что произошло после публикации в Андижанской области.

«В Андижанской области состоялись совещания и заседания, посвященные обсуждению статьи. Бюро обкома партии рекомендовало срочно обсудить выступление в газете тов. Усмана Юсупова на партийных и комсомольских собраниях. В районы для оказания практической помощи в организации читок, обсуждений и выработки мероприятий выехали руководящие товарищи из числа партийно-хозяйственного актива. В обкоме партии был разработан план лекций и докладов по затронутым первым секретарем ЦК проблемам».

«То, что произошло в Андижане со статьей о ликвидации обезлички в колхозах, — писал дальше автор, — является, конечно, исключением. Но некоторые факты показывают, что небольшевистские нравы здесь требуются более решительно искоренять, чем это делалось до сих пор. В Узбекистане, например, распространено размножение и вывешивание портретов отдельных руководящих работников республики на улицах и площадях, присвоение имен некоторых работников колхозам и улицам в городах и районных центрах. Нечего говорить о том, что подобные факты являются чуждыми духу большевизма и могут только дискредитировать руководителей республики».

— Прочел? Как тебе это нравится? — заговорщицким шепотком спросил Жора.

— Не нравится.

— Может, снять? — Редактор вскинул красивую голову, показал глазами на противоположную стену. Петр знал, что там между окнами висели в стеклянной раме портрет Юсупова, а рядом с ним — Генералиссимуса Сталина. — Что скажешь?

— Смотри сам. Ты же не на площади сидишь! Вряд ли Уразов появится в твоём кабинете.

— Оставляю, — решил Панин. Но еще несколько секунд тяжкие раздумья туманили чело осторожного редактора.

— Я вот о чем думаю, Григорьев, — заговорил доверительным тоном Панин. — Мы оба не первый год в журналистике. Статья эта — очень серьезная. Ее положено перепечатать в республиканских газетах. Но ее не перепечатали. Почему, как ты думаешь?

— А ты как думаешь? Редактор ты, а не я. Ответ на этот вопрос. Ну и со мной поделись... Статью Маргариты Погосян тоже следовало перепечатать, но этого не сделали. А у газеты, как и журнала, один хозяин — ЦК ВКП(б).

— По-моему, и правильно, что не перепечатали! Меньше пищи для обывателей, — заявил Панин. — Может, за эти публикации уже попало и авторам, и редакторам.

— Еще бы не правильно! Башки отрывать следует тем, кто выносит сор из избы! Чтобы не подкармливали обывателя! И я из разъездных спецкоров при редакторе попал сюда собкором — с глаз долой и чтобы не выступал без команды. Все правильно. Жить долго будешь, Панин!

— А что ты на меня взелся, Петр? Уж я-то все твои критические корреспонденции в очередной номер ставлю. Или не так?

— Это верно, Георгий-Победоносец! — Григорьев рассмеялся.

— Сам ты — Победоносец.

— Нет. Я апостол Петр. — И побренчал связкой ключей в кармане. — Райский ключник!

Григорьев вернулся домой к обеду.

— Тебе прокурор звонил, — сообщила жена.

Он снял трубку, назвал телефонистке номер Алимтаева.

— Григорьев? Могу порадовать! Нашел я телеграмму рахимовскую. Только не на Минеральных Водах кладовщик, в Челябинске он, квартиру снимает, судя по адресу. Ловко?!

— Да-а-а. Дела! Что его туда занесло?

— И нам интересно. Завтра старшего следователя Иванченко пошлю в Челябинск. Рахимов предупредил, чтобы задержался кладовщик подольше. Следствие тянет. Ничего, ускорим! А меня Фазылов вызывал. Очень интересуется ходом следствия! И всякий раз требует особой тактичности к председателю передового колхоза. Преданный друг!

— Колхоз, и правда, лучший в районе, — заметил Григорьев, — у Рахимова три ордена на гимнастерке. Он член райкома и депутат районного Совета. Его голыми руками не возьмешь.

— Выясним, как он передовым стал. Рассказать, как его мать орден «Знак Почета» получила?

— Как?

— У Рахимова, кроме матери, нет никого. Отца басмачи из шайки Халходжи убили прямо на поле, лошадь не хотел отдать. Халходжа в ту пору уже от Курширмата откололся, готовился бежать через Ош и Мургаб за рубеж, зверствовал в кишлаках долины особенно жестоко... Я отклонился... Мать Рахимов любит необычайно. В позапрошлом году колхоз значительно перевыполнил план сдачи шелковых коконов, двое звеньевых были награждены медалями. А ей, как бригадиру, — орден! Но бригадиром шелководства, как установлено по ведомостям начисления трудодней, она не являлась. Решение правления было оформлено задним числом, это председатель совета урожайности и другие члены правления письменно подтвердили. В колхозе даже червоводни для общественных выкормок шелкопряда не было, грену по дворам распределяли, семьями выкармливали: кто в сараях, коровниках теснились, жилые помещения в червоводни превращали...

— Этот факт тоже инкриминируется Рахимову?

— Для полноты характеристики нашего героя пригодится. Использование служебного положения в корыстных целях, неправомочное представление близкого родственника к правительственной награде.

V

Гремит под кузовом помятое ведро, раскачивается и жалобно скрипит фанерная кабина полуторки, елозит по дну кузова от борта до борта на крутых поворотах тяжелей домкрат. Жарко в кабине от перегретого мотора; хорошо хоть, что, пока машина движется, не так пахнет бензином и перегретым машинным маслом.

Сегодня бюро райкома партии. Бюро назначено на восемь вечера. Но председатель колхоза имени Куйбышева спешит встретиться с секретарем райкома до начала заседания. Рахимов позвонил Фазылову на рассвете на городскую квартиру, попросил о немедленной встрече.

— Тебя скорпион укусил? Мне до бюро половину колхозов объехать предстоит!

— Совет твой нужен! Помощь нужна!

— После бюро нельзя?

— Собаки алимтаевские докопались до наряда на вагон.

— Какой еще — вагон?

— В прошлом году я не тонну сухого урюка отправил в Челябинск, на тракторный. Больше, брат!

— Целый вагон, да?! Тебе разнарядка была всего на тонну. Сам говорил, что едва тонну наберешь!

— Я тебе на бюро правду сказал. Тонна была в колхозе. Я свой отправил.

— Что, у тебя на участке больше урюка, чем в колхозном саду? Что болтаешь?!

— У колхозников скупил. Помог им, от хлопот освободил, чтоб от работы не отвлекались базаром.

— Сколько у них скупил? Почему платил? — Голос Фазылова накалялся. — Не молчи, говори!

— Много... Не помню сколько... По пять рублей платил.

— На базаре урюк восемь стоит! А в Челябинске почему продавал?

— Я на вырученные в Челябинске деньги сколько запасных частей к тракторам

купил? всю нашу МТС обеспечили. Ведь это ты распределял запасные части, которые колхоз заработал. Сколько на «толкучке» с рук купил?

— Ишак! Ты, выходит, полный вагон отправил в Челябинск, а мне доложил, что тонну! Приходи в свою шашлычную. В обед там буду.

Летом прошлого года, вскоре после окончательной победы над фашистской Германией, в Узбекистан приехали посланцы рабочего класса Урала. Они были приняты руководителями партии и правительства республики. Представители заводов и фабрик просили не для себя, в первую очередь для детей своих и тех, кто приехал с эвакуированными детскими домами, просили для раненых фронтовиков, находящихся на долечивании в госпиталях, для детских садов и яслей: «Помогите, братья, сколько можете, овощами и сухофруктами. Уральцы в долгу не останутся!»

Один из уральцев был направлен в Симабадский район. Представитель Челябинского тракторного завода, член профкома Иван Афанасьевич Гудов, как вышло при первом знакомстве в кабинете Фазылова, работал заместителем начальника ОРСа — отдела рабочего снабжения.

— Витаминов не хватает. Со всех окрестных лесов хвою ободрали на отвалы, — обрисовал Гудов обстановку. — Не за гостинцами приехали. Я уполномочен оплатить сухофрукты по ценам госпоставок. Значительную часть компенсируем запасными частями к тракторам, сельхозинвентарем, инструментом: коллектив завода уже отработал несколько выходных на собранном металлоломе.

— Вечером соберу всех председателей сельсоветов и колхозов. Вам предоставлю слово. С пустыми руками не уедете! Поможем братьям-уральцам! — заверил гостя секретарь райкома.

Отправив Гудова на своей машине отдохнуть до вечера в колхоз к Рахимову, Фазылов вызвал к себе заведующего сельхозотделом райкома Бабаджанова и заведующего райземотделом Мухтарова, советуясь с ними, распisał задание по всем сельхозартелям района.

Иван Афанасьевич погостил после совещания у хлебосольного Рахимова два дня, пока в колхозе фасовали урюк и кишмиш по мешкам и ящикам. Тогда и договорились подружившиеся металлург и хлопкороб о том, что один в счет запасных частей поставит тонну урюка для детского сада и яслей, две тонны — для орсовских столовых, но попросил Рахимова под погрузку предоставить колхозу один товарный вагон, целиком.

— Сколько стоит урюк на базаре? — спросил Рахимов.

— Рублей тридцать за кило. А у вас?

— Восемь-десять...

— Понял. С грузом пошлете сопровождающего?

— Обязательно!

— У меня может остановиться на постой. Свой дом, двор у меня.

Адрес, по которому Рахимов послал телеграмму, был адресом Гудова. Но этот приезд колхозного кладовщика в Челябинск был не второй даже, а третий. И аппарату прокуратуры еще потребуется время, чтобы установить, где брал колхоз сухие фрукты для второго и третьего вояжей кладовщика Юнусова, кому и почему сбывал он товар.

Полуторка сильнее затарахтела на городской улице.

— Куда ехать? — спросила Аимхон.

— К столовой!

— Я потом в военкомат съезжу.

Рахимов промолчал. Краем глаза женщина видела, как он по-черепашьи вобрал голову в засаленный стоячий воротник кителя из коричневого коверкота.

«Притворяется, что не слышит, глаза прикрыл».

Повторила громче:

— Мне надо в военкомат!

Не меняя сонного выражения, спросил:

— Ждешь все? Все надеешься? Полтора года, как война кончилась! Кто живой — все уже дома.

— Живой он! Свекор сон сегодня видел. Будто Рустам на станции с поезда сошел. На вокзальной площади на базарчике подарки покупал.

— Умные — подарки из Германии везли! Трофеи! Ахмадали-ата выдумал свой сон, голову тебе морочит, чтобы к родителям не ушла. Выходила бы замуж. Не всем так повезло, как тебе. Вон ты какая красивая! И «хвоста» нет. На тебе любой жени-

ся! А сейчас ты — как роза. Роза не из семян вырастает. Она на шиповнике растет и цветет! Корень ей чужой нужен! Смотри, отцветешь и завянешь.

— Злой вы!

Слезы застилали глаза женщины.

— Не реви. Правду говорю. Останови машину, пешком пойду. Езжай в свой военкомат.

Председатель колхоза уверенно прошел между столиками мимо буфетчика и вышел в тесный, огороженный фанерой чистый дворик. Здесь стоял единственный обеденный стол с четырьмя стульями. Следом просеменил щедущий человек, обогнал гостя, накинул на стол красную бархатную скатерть, стряхнул с ближнего стула невидимую пыль.

— Садитесь, почтенный! Здорова ли матушка? Хороший ли хлопок?

— Все здоровы. Чем кормишь?

— Один будете обедать или с хозяином?

— Он сейчас придет.

— Значит, шурпу, самсу, у меня казы хорошая. Пошлю за горячими лепешками. Выпить?

— У него бюро... Без выпивки.

— Понял, райс-ака!

Столовая принадлежала колхозу имени Куйбышева.

Когда из зала донеслись знакомые уверенные шаги Фазылова, Рахимов вскочил и, стоя, ждал, пока тот стянул с себя запыленную, в грязных разводах пота подмышками и на спине рубашку, долго умывался и вытирался. Только когда Фазылов, не надевая рубашку, сел за стол, опустил на свое место и Рахимов. Буфетчик поднял марлевую чистую тряпку, прикрывавшую от мух холодные закуски, свежие овощи и хлеб.

— Говори, чего успел натворить, горе воспитавшим тебя! — глядя исподлобья, спросил секретарь райкома своего друга детства, когда ушел предупредительный общепитовец. — Все пять пальцев в рот засунуть захотел! О главном рассказывай, нет у меня времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

После недолгого разговора с другом первый секретарь райкома партии Фазылов встревожился не только за его судьбу. Судя по всему, Алимтаев располагал уликами против руководителя одного из передовых колхозов района. Районный актив знал об их дружбе, и любая вина Рахимова не могла не бросить тень на авторитет первого лица районной партийной организации. Настораживало то, что, как выяснилось из сбивчивого пересказа Рахимовым последних событий, прокурор знал значительно больше, чем рассказывал о ходе следствия ему, Фазылову! Почему? Появились основания не доверять беспристрастности первого секретаря, боязнь, что райком партии будет мешать ходу следствия! Ну, допустим, я часто вызываю Алимтаева и требую отчета о ходе дела. Но ведь и речь идет об авторитете не какого-то проворовавшегося торгаша сельпо. Доброе имя прославленного успехами колхозного вожака — это и честь района! Кто такой этот прокурор? Откуда взялся на нашу голову? Что-то было, помнится, в личном деле этого чужака. Когдазнакомился с его документами перед утверждением на бюро нового прокурора, что-то в биографии насторожило. Но что?

Фарида Дамировна Губайдуллина, завсектором учета, вошла неслышно, положила перед Фазыловым тощую новую папку, отдельно — карточку персонального учета. Он развязал тесемки. Постановление бюро райкома об утверждении: Не то! Бумага из прокуратуры, направление. Анкета. Копия диплома. Зачетная книжка в копии. Хорошо учился. Не то. Он вернулся к анкете, внимательно вчитываясь в ответы на вопросы. Родился в Сарыагачском районе Чимкентской области. Воспитывался в детском доме, закончил семилетку. В комсомоле с тридцати седьмого, в детском доме вступил. Член ВКП(б) с 1943-го года. В это время уже студентом был. Почему не на фронте?.. Ага... Не военнообязанный. Так, на временно оккупи-

рованной врагом территории не был, за границей не был, избирательных прав не лишился, под судом и следствием не состоял. Дальше пойдём... Семейное положение? Женат. Жена учительница. Отец Алимтай Ташенов умер в 1924 году. Алимтаеву тогда, выходит, два года исполнилось. Мать? Мать Джумагуль Ташенова умерла в двадцать восьмом. Шесть лет было прокурору.

Что же он родителей потерял так рано? В автобиографии должно быть об этом.

Фазылов вчитывался в автобиографию. Вон что происходило в семье будущего прокурора в те далекие двадцатые! Это уже серьёзно!

«...Мой отец Алимтай был младшим из двух сыновей бая Ташенова. Когда Ташенбай умер, все, что ему принадлежало, — бараны, лошади, коровы, верблюды, дом, земля, — перешло к старшему сыну Кенесбаю. Мои отец и мать остались без наследства и были фактически батраками у Кенесбая. Отец и другие люди ловили ранней весной на Сырдарье рыбу, отец провалился под лед и утонул. Это мне чужие люди в ауле рассказали. Моя мать стала шестой женой Кенесбая, но оставалась как батрачка. Однажды она топила баранье сало в большом казане, поскользнулась и упала в казан. Когда она умерла от ожогов, мне было шесть лет. В тридцатом году Кенесбай был раскулачен и сослан. С ним была выслана старшая жена, она одна была зарегистрирована с Кенесбаем в загсе. После раскулачивания Кенесбая Советская власть определила меня в детский дом в Чимкенте».

Дальше читать Фазылов не стал. Все внутри у него собралось в комок. Он и сам подобрался, напрягся, вслушиваясь, как зародилось и крепло чувство, близкое к ликованию: «Нашел!» Фазылов почувствовал, что сильнее Алимтаева; Алимтаев уязвим своим прошлым. Секретарь райкома помнил постулат времен коллективизации и периода разоблачения врагов народа: дети не отвечают за вину родителей. Да! Но отвечают за сокрытие правды, за неискренность перед комсомолом, перед партией! А был ли Алимтаев — внук и племянник крупных баев, приемный сын бая Кенеса, до конца правдив, сочиняя обтекаемую историю своей жизни? Это еще вопрос! Это еще не поздно проверить. Все зависит от принципиальности и деловых качеств того, кто будет заниматься этим делом. Кому можно поручить? С выездом на место! Быстро, оперативно! Прежде всего нужно, чтобы в райком пришло письмо, сигнал из Сарыагача. А по нему райком партии пошлет комиссию для проверки. Комиссию на бюро райкома утвердим.

Фазылов готов был сделать многое, чтобы оградить от беды друга. Но, сидя в своем сумеречном кабинете, где окна были зашторены от жары тяжелыми портьерами, после встречи с Рахимовым он кожей чувствовал, как окружили, нависли над ним лично расплывчатые зыбкие тени грозящей и ему беды. Чувство самосохранения подсказало, как избежать опасности. Нужно обезвредить прокурора. Отстранить хоть на время от дел, завладеть следственными материалами. Позднее вернуть дело другому, новому прокурору. Хорошо бы совсем извлечь район от выкорышня бая.

II

Весна 46-го без дождей позволила в лучшие сроки провести сев и получить дружные всходы. Предстояло достичь довоенного уровня производства хлопка-сырца. По определению специалистов, по мнению опытных хлопкоробов, к осени на полях был накоплен добрый урожай, и высокая цель эта могла быть достигнута. Все зависело теперь от погоды в сентябре и октябре.

Аимхон везла с заготпункта канары — огромные мешки для хлопка-сырца и фартуки для сборщиков урожая. Издали еще увидела она председательского жеребца, привязанного к шелковице у обочины дороги, потом разглядела Рахимова на поле среди людей. Узнала хасилота — председателя колхозного совета урожайности старика Кувандыка Арипова, бригадира — однорукого фронтовика Каюма Саттарова. Остановила машину и погудела. Все обернулись к дороге, и Рахимов помахал ей — иди, мол, сюда.

Аимхон вошла в духоту дремотно застывших кустов. Двигалась осторожно, чтобы не сбить тяжелые плоды. Она ощутила голой кожей прикосновение чего-то пушистого и мягкого, как будто котенок тронул лапкой. Она замерла, раздвинула зелень и разглядела среди перепутавшихся ветвей и листьев белый комок, который разорвал жесткие створки и взбугрился над ними, как подошедшее тесто.

Женщина присела на корточки и оглядела ближние и дальние — сколько было видно — ветки в надежде обнаружить еще спелый сырец. Но эта коробочка была единственная.

— Ты моя красавица! Ты меня ждала! Никому другому не объявилась. Может,

вон те трое мужчин тебя сапогами задели, когда шли к середине поля, не почувствовали твоей ласковой теплоты. Нишона! Я тебя нашла!

С незапамятных времен существует на узбекской земле добрый обычай у дехкан — радоваться первому, самому раннему плоду — это значило, что пришла пора собирать урожай. Нишона — это может быть и первая зрелая коробочка хлопчатника, как та, которую обнаружила Аимхон, и первый орех, разорвавший усыхающую кожуру и вывалившийся из нее на землю, и первая зрелая ягода урюка, и первый красный помидор — любой зрелый плод.

И тот, кто обнаружил это, считался счастливецом. Еще бы! За нишону подарок полагался, суюнчи.

Аимхон осторожно оторвала коробочку с черенком от ветки, выпрямилась и, держа находку между ладонями, как пушистого птенчика, пошла к тем, кто стоял на поле.

— Каюмджан! С тебя суюнчи! — произнесла женщина и разжала смуглые ладони.

Пять лет — четыре на войне и последний год дома — мечтал однорукий хлопкороб об этом урожае, может, в заснеженных белых полях снились ему кипы белого сырца, разбросанного на глинобитных площадках по краям полей для просушки. Дождался дехканин своего урожая. Вот он! Единственной рукой принял Каюм коробочку из ладони Аимхон:

— Проси, чего хочешь!

— Что я могу с тебя потребовать? Радость в твоих глазах — большая плата, другого не хочу. Ты бригадир. Отдай нишону председателю. Это и его радость. Вот с него и потребуем награду.

— Согласен! Тебе, Каюмджан, новый халат от правления! — сказал председатель.

— Спасибо.

— А чем тебя одарить, Аимхон? Отрез ханатласа годится? Как, Кувандык-ата, поддерживаешь?

— Так полагается, Рахманкул. Дай-ка мне ее подержать.

— На, отец. Пойду в правление. Позвоню Фазылову, порадую нашего секретаря. — И он поспешил в правление.

— Девушка! Девушка! Срочно секретаря райкома партии Фазылова! — кричал он в трубку несколько минут спустя. — Эсан-ака, Рахманкул я! Слушаешь?

— А-а!

— Суюнчи с тебя, Эсан-ака! На поле бригады фронтовика Саттарова началось раскрытие хлопчатника! Докладываю райкому: к уборке урожая колхоз готов! Мешками, фартуками обеспечены, арбы отремонтированы. Нишону завтра привезу тебе, подарок готов!

Рахимов положил трубку, на рябом лице — довольство. Понимал, что угодил первому секретарю райкома партии; что ни говори, а именно в его родном колхозе урожай созрел раньше, чем у других. Он был уверен, что Фазылов уже звонит в обком партии Тургунову, докладывает. А тот наверняка позвонит в Ташкент. Урожай в долине созрел — это для всей республики большая радость.

III

Петр сел за свой стол, попросил телефонистку соединить с приемной первого секретаря обкома партии.

— Зинаида Ивановна? — Григорьев... Искали?

— Халим Тургунович хочет вас видеть.

— Зачем — не знаете?

— В районе он. Вечером вернется, сам скажет.

Петр позвонил редактору областной газеты. Когда раздался в трубке его бархатный баритон, спросил:

— Жора! Ты обещал мне за организацию статьи Тургунова разметить. Причитается мне что-нибудь?

— Можешь получить. Двести — хорошо? Автору триста. Директор издательства еще вчера ему гонорар отнес.

— Нормально... Спасибо, выручил.

— Хочешь, спрошу соседей, может и по «Коммуне» тебе выписали.

— Не надо. Завтра в бухгалтерии скажут. Будь здоров!

...Тургунов принял его сразу, хотя у него сидел второй секретарь обкома Голенко.

— Садись, Григорьев! Мы сейчас закончим... Тебе твой редактор оплатил работу над статьей? — спросил Тургунов, когда Голенко вышел.

— Зачем? Она пошла в отработку. Я обязан организовывать авторские статьи, приходится иногда и самому писать за авторов.

— Понял. А мне гонорар прислали.

Тургунов встал, прошел к большому сейфу, извлек новенькую папку, вернулся на свое высокое кресло, развязал тесемки. В папке лежали газеты — республиканская и областная. Между газетами лежал конверт. Заговорщицки подмигнув, Тургунов взял этот конверт и торжественно произнес:

— Большие гонорары у вас, журналист. Здесь без малого моя месячная зарплата. Держи! — и перекинул конверт на приставной столик. — И не вздумай отказать! Этот гонорар ты заработал, Григорьев.

— Я не возьму, — решительно заявил журналист. — Помогая вам, я обязанность свою выполнил служебную. Мне за это зарплату платят!

— Возьмешь! Иначе я никогда больше не попрошу тебя о такой услуге. Ясно тебе, что говорю?

— Ясно! Все равно я...

— Помолчи, Григорьев! Мне еще не раз придется просить тебя о такой помощи. А ты мне руки связываешь. Давай мирно договоримся. Ты еще мне напишешь, а я подпишу. Мне слава, тебе — гонорар. Договорились?

«А действительно, какого черта я выпендриваюсь? Я же эту статью готовил. От заголовка до последней точки! Зима идет, дрова завозить, уголь, ребенка ждем, столько дыр латать, подъемные уже иссякли».

— Ладно. Спасибо. Я свободен? — Петр сунул толстый конверт в полевую сумку.

— Вот и хорошо. В конверте деньги из двух республиканских и из областных газет. Не удивляйся. А правда, много вам за статьи платят.

— Нам так не платят. Так размечают гонорар внештатным авторам.

— Не забыл, что Голенко просил зайти? Ждем тебя. До твоего прихода о тебе говорили. Иди.

IV

Кабинет у второго секретаря обкома партии был раз в восемь меньше, чем у первого, и обставлен скромней. Перед желтым соснового дерева столом стоял квадратный столик для посетителей.

— Садись, Петр Григорьевич, — он протянул руку, будто не здоровались пятнадцать минут назад в соседнем кабинете. — Как тебе работается? Расскажи.

— Нормально. Вы, надеюсь, читаете «Правду Востока»? Там все про мою работу.

— Читаю. Не на все, что прочесть хочется, времени хватает, но газеты читаю. Любишь свое дело?

— Люблю.

— Это хорошо. А кроме статей, еще что умеешь?

«Что это он докапывается?» — с зарождающимся чувством недовольства и потребностью прервать любопытствующего товарища секретаря обкома подумал Григорьев. Ответил с вызовом:

— «Статейки» щелкоперы пописывали. Хлестаков вон хвалился у городничего — пописывал с легкостью мысли необычайной. А я партийный журналист.

— Не сердись, Григорьев. По делу важному пригласил. Тебя разговор касается. Что заводиться с пол-оборота?

— Не люблю, когда мне «тыкают». И манера разговора ваша мне не нравится.

— Ну, ерш! Тебе сколько лет? Наверное, тридцать? Мне тридцать шесть. Говори мне тоже «ты», а то я опять обижу тебя панибратством. Нам, Петр Григорьевич, рядом, вместе работать придется. Может, долго.

— Не понял, Александр Куприянович.

— Как тебе Тургунов?

— Что — как?

— Нравится? Как секретарь обкома партии, как человек?

— Я об этом не задумывался. Я ведь его больше из зала на трибуне видел, на заседаниях бюро обкома.

— Хорошо он ведет бюро?
— Уверенно ведет. Властно.
— Верно оценил. Он сильный партийный деятель. Помощник ему нужен толковый.

Интуиция у Григорьева сработала мгновенно. Сразу вспомнил, что уже месяц захлопнута вторая дверь в приемной Тургунова — там маленький кабинет помощника секретаря. «Это я толковый. Оценили!» — подумал иронично, повторил вслух:

— И вы решили, что этот толковый — я?
— Да, Тургунов так о тебе думает.
— Почему же он сам не предложил?
— Он дипломат. И очень самолюбив.
— Я вовсе не хочу бросать журналистику, Александр Куприянович.
— Я повторяю тебе, он самолюбивый. Если ты мне откажешь — он может захотеть с тобой побеседовать, переубедить тебя, а может — и нет. Но все равно он посадит тебя в соседний кабинет.
— Если я все же не соглашусь?
— Должен кое-что разъяснить тебе о дисциплине в партии. Кроме того, ты подходишь по всем анкетным данным. Тургунов считает, что и по личным качествам годишься. Понравился ты ему.
— Спасибо за доверие.
— Значит, согласен!
— Я этого не сказал. Подумать надо. Какая зарплата у помощника?
— Тысяча сто пятьдесят плюс восемьдесят на питание.
— А я больше двух зарабатываю. Мне семью кормить надо. Мать на руках старая, ребенка жду.
— Так пиши статьи на здоровье, сколько хочешь! Хоть во все газеты страны!
— Работая в обкоме, я не могу остаться корреспондентом республиканской газеты.
— Так чего ты хочешь?
— Я бы смог быть собкором телеграфного агентства или республиканского радио.
— Потянешь?
— Вы с Тургуновым оценили меня как делового и работающего. Не надорвусь.
— Пошли к Тургунову! Он ждет ответа. Ему и скажешь свои условия. Я — за. — Голенко вышел из-за стола, пружинящей походкой двинулся первым к двери.
— Уф-ф! — выдохнул он, плотно усевшись на старинный стул в кабинете Тургунова; стул тоже выдохнул весь воздух, собравшийся под кожаным сиденьем. — Согласен! Но он с просьбой, Халим, к тебе. Я поддерживаю. Послушай Григорьева.

V

Григорьев понял, как измотан и опустошен последними событиями, только когда вышел на вечернюю улицу. Надо же, чтобы за один час так перевернулась жизнь! Даже времени не дали подумать. Как стрелочники, перевели его с планировавшегося маршрута на рельсы, которые уходили в никуда. «Согласился на работу, в которой ни ухом ни рылом. Даже не поинтересовался обязанностями новыми. Но уж что знает он точно — денщика из меня не сделает Тургунов! Но силен Халим Тургунович! Сказал — через минуту Джалалов был на проводе. Пригласил в гости и предупредил, что машину пошлет встречать к поезду завтра, а не тогда, когда тому удобно. Пообещал: будешь корреспондентом УзТАГа — и Григорьев уже знал, что будет им. Его, Григорьева, утвердят, а нынешнего переведут в другую область, в областную газету направят, не обидят.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Смутно на душе. Беспокойство не покидает Рахманкула Рахимова с тех пор, как еще ранней весной сотрудники контрольно-ревизионного управления «до-

копались» до незарегистрированной в финансовых органах колхозной столовой на берегу Савух-сая, дотошно вычислили ежедневный оборот, учли каждую касу шурпы, каждую самсу и палочку шашлыка. «Не лень им, шакалам, было все взвешивать-перевешивать с точностью до долей грамма. Как будто столовая — это аптека! С этого все неприятности и начались. Тогда Алимтаев взял его мертвой хваткой. Прямо степная овчарка, у которой зубы, как у щуки, внутрь пасти растут, — вцепится волку в хребтину и ну строчить, пока до глотки не дочавкается. На заду висит у него прокурор. И если не принять мер, если Эсанджан не утихомирит ретивого законника, плохо будет...»

Так размышлял Рахманкул Рахимов, сидя на супе в колхозной чайхане, вперив взгляд в зеленые воды хауза. Иногда у самой поверхности проплывали маленькие — с мизинец — рыбки гамбузии, усатые, похожие на карликовых сомов гальцы и исчезали в прохладных глубинах. Он раскрошил на ладони кусок лепешки и бросил в водоем. Не прошло и минуты, как забурила вода, сотни рыбешек, среди них — и крупные с черными спинками и золотистыми боками маринки. Через несколько секунд успокоилась вода, лишь раз-другой поднялась со дна рыба мелюзга подобрать невидимые хлебные крошки.

Не раз приходила на ум мысль облить керосином и поджечь контору, пусть все прокурорские папки в пепел обратятся. Сжег бы! Но что пользы, если самые важные изболочительные бумаги Алимтаев увозил с собой.

Время близилось к вечеру. Он похлестывал камчой по сапогу, ждал Аимхон. Вчера она увезла в Шахимардан кассира — снять дом, оставить там продукты: барана, мешки с мукой, рисом, морковью, луком, ящик каменного угля для очага. В стороне бренчал удилами, всхрапывал, перебирал точеными ногами привязанный уздечкой к дереву Каро. Чистокровного карабаира-трехлетку он сам облюбовал уже в конце войны на Джизакском конном заводе в табуне выбракованных армейскими специалистами лошадей. Каро был приобретен для улучшения породности конского поголовья района по ходатайству облисполкома, по специальному наряду. Стоил он невероятно дорого, но конюхи окрестных и дальних колхозов, увозя осемененных кобылиц, пополняли колхозную казну; близко было время, когда сойдется дебет с кредитом в бухгалтерских книгах, окупит себя Каро.

Конь узнал хозяина по шагам, всхрапнул, проржал радостно, забил подкованными копытами.

— Ну что, дурачок? Застоялся? Надоело удила жевать? — Рахманкул гладил золотистую, длинную шею животного. Каро тянулся мордой к карману кителя, косил фиолетовым глазом.

— Сластина! Все-то ты знаешь! — Рахманкул отстранил влажные губы, достал из кармана кусок навата, обдул его на ладони, прежде чем отдать любимцу. Слышал, как хрустят кристаллы вареного сахара на желтых зубах. Потом подтянул ослабленную подругу, отвязал уздечку и, закинув ее на луку богато украшенного седла, пошел к дороге. Конь покорно следовал за хозяином.

Он наметом послал послушного сверего питомца, затрюхался в седле. Малонаезженная дорога в горы извивалась по холмам, которые все выше и выше поднимали выгоревшие хребты и волнистой линией обрывались перед фиолетовыми и сиреневыми в лучах предвечернего солнца кряжами. Рыжим муравьем, бегущим по веревке, увидел Рахманкул на взлобке далекого холма машину и спешился, отпустил Каро попасться у дороги. Привыкший к зерну и люцерновому сену, конь брезгливо фыркал на сухое разнотравье.

— Как? — спросил у кассира, когда остановилась машина. Тот выбрался из кабины на подножку.

— Все в порядке, раис-ака! Две комнаты и балахана¹. На берегу сая, еще айван² есть.

Рахманкул стегал сапог камчой, глядел мимо худого, костлявого, как ветка саксаула, кассира на Аимхон.

— Хорошо, молодец! Сколько нас там поместится?

— Человек шесть-семь... Посуду, дрова, одеяла хозяин обеспечит.

«Интересно, почему Алимтаев до сих пор не вызывал Аимхон? Понимает, пес, что она многое знает. Напоследок оставил, чтобы фактами, выведенными у других, ее прижать, заставить разговориться? А может, и допрашивал, но сказал, чтобы мне не говорила? Спросить у нее надо».

Он сел в кабину:

— Аимхон! Не сердись, что суюнчи за нишону не вручил до сих пор?

— Нет. Знаю, что не до подарков вам.

¹ Балахана — легкая надстройка над первым этажом.

² Айван — открытая терраса, навес при доме.

— Верно сказала. Эти ищейки работать мешают. Нервами живу. Я в ювелирный магазин зашел в городе. Много там драгоценных вещей. Решил подарок тебе достойный сделать. Присмотрел кольцо и серьги. В них бирюза крупная, как вишня-шпанка. У тебя, вон, уши с дырками, а сережек не носишь. Примешь подарок, Аимхон? Если хочешь посмотреть сперва, завтра съездим. Может, что другое приглянется.

— Не приму я подарка.

— Почему?

— Рустам вернется — что ему скажу, когда спросит?

— Не вернется Рустам! Нет его в живых!

— Есть! Он в списках убитых не значится. И не хочу, чтобы в кишлаке обо мне дурная слава пошла.

— Какая еще слава! Чего болтаешь, женщина?

Аимхон недобро усмехнулась:

— Сказать, как узнают в нашем кишлаке вдов, которых вы вниманием удостоили?

— Какие еще вдовы, глупая?! Что за выдумки?

— Выдумать один человек может, один человек может ошибиться, председатель. А народ правду говорит.

— Что народ говорит?

— Этих несчастных по золотым сережкам потом узнают, по дорогим колечкам, которыми вы расплачиваетесь за их покорность.

— Уж про тебя никто не скажет, что ты была мне близка, Аимхон.

Не сбавляя скорости, женщина насмешливо поглядела на своего пассажира. От растерянности, от гнева ли битое оспой загорелое лицо его стало землистым.

— Я об этом не беспокоюсь. Ко мне в постель попасть — труднее, чем грешнику по сирату¹ в рай пробраться.

— Знаешь, Аимхон, как я к тебе отношусь? Обидел я тебя хоть словом, хоть поступком? Нет ведь!

— Это правда.

— Не я ли тебя из МТС забрал, машину тебе восстановил? Два трудодня получаешь за день. Как председатель колхоза! Для чего, а?

— Не знаю.

— Люблю я тебя. Жду, когда поймешь, наконец, что не вернется твой красавчик Рустам. Выходи за меня, Аимхон! Сейчас не любишь — потом полюбишь. Кучу детей родишь мне! Я не Рустам! Это он не смог тебе ребенка сделать.

— Детей вы делать можете. Не хуже, чем у Каро, получается. Сколько ваших уже растут в кишлаке? Трое? Я им кем буду приходиться? Мачехой? Кучу детей! — передразнила она Рахимова. — Вы этих заботой не обойдите, вырастут — спросят у матерей, кто их папа.

— Языки бы всем болтунам вырвать. Может, эти женщины, забывшие за войну, что такое мужская ласка, похоронки получившие, сами искали моей близости? Я же один на весь колхоз молодой и целый мужчина. Жалко мне их, понимаешь? Иди за меня! Не отвечай сейчас. Подумай. Но больше я тебя не попрошу. Запомни это! Я буду ждать ответа. Но не очень долго, не томи меня. Чем дольше станешь молчать, тем меньше будет моя радость. Не унизь меня.

Рахимов вылез около своего дома. Он не жалел о коротком, но трудном объяснении. Он узнал то, что вряд ли кто другой посмеет ему сказать в лицо. Возможно, кто-то из колхозников в беседах с прокурором рассказал и об этой стороне его личной жизни. Не хватает ему еще обвинения в бытовом разложении! А насчет безотцовщины, подрастающей в кишлаке, болтают от неосведомленности. Он не бедняк и не жмот. Что станет с детьми, если Алимтаев докопается до подноготной, до его махинаций? Накопленное можно отдать, срок меньше дадут. А можно и не отдавать. Деньги и драгоценности можно раздать матерям его детей. Днями кладовщик должен вернуться, еще чемодан денег привезет.

Услышал мягкий на пыльной дороге топот копыт, дождался, когда кассир спешится, сунул ладонь под седло, проверил, не очень ли вспотел жебец.

— Отведи. Скажи конюху, чтобы насухо вытер. Шагом веди, пусть остынет.

¹ Сират — тонкий, как волос, острый, как лезвие бритвы, мост, переброшенный над бездной и ведущий в рай.

Состоялось бюро обкома. Первым вопросом в повестке дня было утверждение кадров.

Несмотря на сентябрьскую жару, Петр пришел в обком в единственном, но шикарном «трофейном» костюме, приобретенном на «толкучке» Алайского рынка у демобилизованного фронтовика за астрономическую цену: за эти деньги можно было купить, к примеру, двадцать килограммов риса на том же Алайском. («Ты сюда, сюда смотри, какую вещь тебе продаю! — служивый совал под нос Петру пришитую к внутреннему карману пиджака пеструю этикетку, где значилось, что филиалы фирмы имеются в Лондоне, Париже, Нью-Йорке. — Я же его из самого гитлеровского логова припер! Кумекай!»)

Вот в этом сером, в мелкую клеточку, однобортном костюме и предстал перед чинами бюро Григорьев — претендент на должность помощника первого секретаря.

— Вопросы к Григорьеву есть? — спросил Тургунов.

— Мы его знаем, — прогудел огромный и добродушный председатель облисполкома Нишанходжаев. — Есть предложение утвердить.

— Других предложений нет? — спросил Тургунов. Выдержав паузу, произнес: — Ставлю на голосование... Кто за?... Единогласно!

Зинаида Ивановна сидела за приставным столиком лицом к членам бюро. Стул напротив был свободен, но сесть на него — спиной к заседающим — новый помощник не мог. Он оглядел кабинет. На диване не тесно, на креслах и стульях с резными спинками сидели заведующие отделами обкома, руководители областных организаций, редакторы газет.

— Сядь, Григорьев, за мой стол, — предложил Тургунов. — Продолжим работу...

Заведующий сектором положил перед ним пачку документов к заседанию бюро: повестка дня, проекты постановлений.

— Если будут вноситься изменения — отмечай в проектах. Потом из отделов получишь окончательные варианты, проверишь по своим пометкам.

После бюро и недолгой беседы с шефом он прошел в свой кабинет — первое служебное помещение, предназначенное персонально для него. Сияли чистотой окна, на столе, на покрывавшем его толстом стекле — ни пылинки, под стеклом — ни единой бумажки, оставшейся от предшественника. В обеих массивных чернильницах мраморного прибора — свежие чернила до краев. Даже розовая промокашка на прессе — без единого чернильного следа, новенькая.

Григорьев сел на стол, положил папку с материалами бюро и оглядел кабинет. Слева — окно, прямо — почти полностью закрытая тяжелыми синими портьерами с аппликациями — красными маками — высоченная двустворчатая дверь в коридор, справа — дверь поменьше, одностворчатая — в общую с секретарем приемную, тоже со свисающими почти от потолка синими портьерами. В углу — черная высокая печь-голландка с чугунными дверцами топки и поддувала; на верхней можно прочесть «С.-Петербургъ. 1861 г.»

«Да ты, старушка, ровесница моей бабушки, — вычислил Петр. — Тепло ли греешь?!»

Неожиданно зазвенел на столе телефон. Петр снял трубку с никелированных рожков.

— Это я, Панин. Еще раз поздравляю, старик! Рад за тебя. И за себя тоже.

— Тебе-то что за корысть?

— Не скажи! Я бы сейчас думал, за что в первую очередь братья — за информацию о бюро обкома или передовую. А теперь я попрошу тебя дать нам эту информацию. Не возражаешь? Строчек пятьдесят в номер.

— Нет, не возражаю.

— Будет готова информашка — продиктуй ребятам в партийный отдел или, еще лучше, Чистяковой — ответственному нашему. Она сразу в набор зайдет. Копию я отдам соседям. Их я сейчас предупрежу. Просьба к тебе такая, Петр Григорьевич. За тобой на будущее информация обо всем, что делается в обкоме партии, отчеты о партийных конференциях и пленумах — тоже писать тебе. Доклады первому ты будешь готовить, тебе и карты в руки!

Григорьев проверил ящики и тумбочки письменного стола. Они, слава богу, были пусты. Обнаружил лишь перекидной календарь, несколько очиненных карандашей и ручек.

«Начинать будем с обустройства рабочего места», — решил Григорьев.

Солнце стояло в зените, но жары не было. Над хлопковыми полями к полудню воздух был чист до хрустальной прозрачности и звонок. Разбойные стаи воробьев, вспугнутых на одном винограднике, неслись к другому. Стремительно носились низко над землей ласточки, выше и особняком от ласточек летали жаворонки, и в самом поднебесье парили орлы.

Секретарь райкома Эсан Фазылов приехал на старенькой пропыленной «эмке» в свой родной кишлак, пронизанный теплой полуденной истомой. Машина остановилась рядом с правлением колхоза. Но пошел Фазылов не в контору, а в чайхану, под тень старых талов. На шум подъехавшей машины из конторы торопливо вышел, припадая на самодельный костыль, старший табельщик Пирмат Наврузов — человек лет сорока с усохшей от болезни левой ногой. За ним показался в дверях следователь прокуратуры Искандеров. Фазылов тем временем скинул с плеч коверкотовый коричневый китель и бросил на супу, следом сбросил нижнюю рубашку и направился к арыку, вытекшему из хауза. Старик чайханщик шлепал галошами по утрамбованной земле, заспешил с полотенцем и обмылком на виноградном листе к секретарю райкома. Фазылов переступил одной ногой через арык и долго сперва с мылом, а потом до хруста кожи споласкивал и тер лицо; загорелую шею, руки до плеч, поплескал воды и на спину. Он принял из рук чайханщика мятое несвежее полотенце и, оглядев брезгливо, бросил назад:

— Грязнее не нашел?! Принеси яхны!¹

Через минуту прибежал чайханщик с лоскутом чистой небелёной бязи и свертком. В свертке, когда чайханщик развернул его на супе, оказались пшеничные и джугаровые лепешки и несколько кусков рафинада.

— Где Рахимов? — произнес секретарь райкома, ни к кому конкретно не обращаясь.

— В поле, — сообщил Наврузов. — Позвать?

— Пусть придет. — Направившись к супе, он продолжал вытирать мокрое лицо лоскутом нестиранной и потому плохо впитывавшей воду ткани. — Как дела, прокуратура?

— Работаем, товарищ Фазылов.

Эсан Фазылов присел на край квадратной деревянной кровати, застланной старым ковром и поверх него — узкими одеялами, отломил кусок рассыпчатой джугаровой лепешки, с ладони вместе с крошками и прозрачными ниточками лука, запеченного с тестом, бросил в рот, пожевал и с удовольствием ощутил запах стогривших дров, неповторимый вкус хлеба, испеченного в раскаленном чреве тандыра. Запивая терпким чайным напитком, бездумно наблюдал, как шофер, осторожно прикрыв тряпичной крышкой кипевшего радиатора, поворачивал ее, чтобы, не ошпарив руки, выпустить пар.

— Алимтаев здесь? — спросил безразличным тоном у Искандерова.

— На совещании в областной прокуратуре.

— Много еще работы здесь у вас?

— Трудно сказать, Эсан Фазылович. Открываются новые факты...

Чайханщик появился с жестяным подносом, на котором лежали гроздья винограда и несколько краснобоких персиков. Поставил угощение рядом со стопкой лепешек:

— Утощайтесь, сынок.

— Спасибо, Халмирза-ата. С твоего участка фрукты?

— С моего!

Фазылов отщипнул пару ягод «дамских пальчиков», янтарно светящихся золотой мякотью, хрустких, пригласил Искандерова присесть.

— Какие же новые факты, если не секрет?

— Извините, Эсан-ака.

— Понимаю. Тайна следствия? Но уж очень долго ведете вы свое следствие, людей отвлекаете от дела. А на уборке урожая каждый час дорог. Каждая пара рук — на вес золота. Вы и председателей других колхозов вызываете. Зачем?

Секретарь райкома знал, зачем вызывал Алимтаев трех председателей самых бедных колхозов. От самих председателей знал. Перепуганные, они один за другим успели сперва в прокуратуре, а потом и в кабинете Фазылова признаться, что, не

¹ Яхна — холодный зеленый чай.

имея на счету ни копейки, в прошлом году уступили лимиты на минеральные удобрения богатому соседу. И селитру, и суперфосфат. Взамен Рахимов поделился запасными частями к тракторам; в мастерских МТС их не хватало, и закрепленные за колхозами трактора, не помоги Рахимов, простаивали бы и на пахоте, и на севе. И полосового железа дал, чтобы починить колеса арб и бричек. Правда, схитрил малость, затянул с долгом, отдал запасные части лишь тогда, когда колхоз его, обогнав на весновспахке и бороновании все колхозы района, уверенно шел в передовиках соревнования и на севе.

А уж секретарю ли райкома партии не знать, что значит для будущего урожая получить ранние всходы, выгадать у природы пару недель в период вегетации! Это как минимум прибавка урожая в три-пять центнеров на гектаре.

Но секретарь райкома отвечал не за один колхоз, на земле которого родился и вырос; отвечал он за положение дел в каждом хозяйстве. И он не мог не высказать упрека другу детства Рахманкулу за то, что, заботясь о славе своего колхоза и о собственной тоже, он не без недоброго умысла затянул передачу соседям деталей к тракторам.

— Ты не председатель, Рахманкул! Ты бай! Кулак ты! Еще ты — спекулянт, Рахманкул Рахимов! На чужой беде наживаешься! Почему сразу не отдал запасные части, нарочно тянул? Я тебя насквозь вижу! Из-за тебя три колхоза обязательства не выполняют, может быть, план хлопкозаготовок не выполнят! Ты о людях этих колхозов подумал? О чести района подумал? О том, что я за каждый колхоз в ответе, почему не подумал? Тебе даже на мой авторитет наплевать, да? — Они были вдвоем в кабинете. Эсан сдерживал гнев, говорил тихо, чтобы в приемной не было слышно.

— Кладощик в отъезде был, — робко вставил Рахманкул. — Не ломать же было замки!

— Зачем побоялся сломать? А шею себе сломаешь — не боишься? Бай проклятый! Почему ведешь себя, как частник на базаре?

— Можно мне сказать, брат Эсан?

— Я тебе в этом кабинете не брат! Я первый секретарь райкома партии! А ты — член райкома партии!

— Извини... Но я не бай. И не спекулянт. Это ты меня рекомендовал председателем колхоза. Ты мне велел сделать все, чтобы колхоз не развалился, а стал прочным. Я выполнил твоё поручение. Как мне приходилось трудно — ты знаешь. Но скажи положу руку на сердце: разве не моя заслуга, что под твоим руководством колхоз военные все годы выполнял планы госпоставок и натуроплаты МТС и еще оставалось на трудодни? Почему в моем колхозе не вырублено ни одно фруктовое дерево в общественном саду на топливо, а в других вместо садов пни торчат? Почему в моем колхозе каждая семья запасала гузапаю¹ на зиму, чтоб дома топить, а соседи гузапаей коров кормили? Почему в колхозе имени Куйбышева на трудодень больше приходится, чем у других? Почему у меня на счету есть деньги, а у других колхозов — одни долги и недоимки? Когда ты поручил колхозам помочь уральцам сухофруктами, то гостя из Челябинска, товарища Гудова Ивана Афанасьевича, поручил мне принять и проводить. Ты знал, что я не подведу райком. Я не подвел! Я хоть раз пожаловался, как мне приходится туго? Не я ли вместе с женщинами выходил на очистку арыков? Я! А кто из председателей всю войну каждый свободный час с фартуком выходил собирать сырец на поле? Как рядовой колхозник! Кто?

— Ты, передовой председатель, ты! Но, может, ты знаешь еще хоть одного председателя, у которого из кассы исчезли семьсот тысяч рублей? Может, ты секретарю райкома скажешь об этом раньше, чем прокуратура дознается? Когда Алимтаев расследует все до конца, я не только не смогу, но, возможно, не захочу даже пытаться сохранить тебе партийный билет и уберечь от тюрьмы. И все твои заслуги, передовой председатель, тебя не спасут, если выяснится, что ты самый передовой кулак и вор.

Секретарь райкома вспомнил этот разговор в своем кабинете и без интереса, не думая выпытывать прокурорские тайны, пропустил мимо ушей ответ Искандерова.

Послышался конский топот, и через несколько минут Рахимов легко спрыгнул с коня, захлестнул уздечку за ветку тала. Следом он освободил шею из лямки фартука, в который собирают хлопок, бросив его на седло.

«Вот артист! — подосадовал Фазылов. — Вот показушник!»

— Добрый день, Эсан-ака!

— Добрый... Сколько процентов сегодня будет? — секретарь райкома не уточнил — процентов чего; весь район, вся область и республика — от края и до края —

¹ Гузапаю — сухие стебли хлопчатника.

жили в сентябре только хлопковой страдой. Речь шла о единственно интересующих всех процентах прироста сбора и заготовок хлопка.

— Три процента, не меньше.

— Вижу, и ты собираешь. Пример показываешь?

— Показываю, — признался председатель колхоза. — В отстающей бригаде был.

— Может, и мне фартук надеть посоветуешь?

Рахимов промолчал.

— Мне можно уйти? — спросил Искандеров.

— Да.

Секретарь райкома партии и председатель колхоза остались вдвоем.

— Голодный, наверное, Эсан-ака. Пойдем ко мне пообедаем. Мать хасып¹ варит. Ты ведь любишь хасып.

— Барана резал?

— Для общественного питания. Сейчас как раз во всех бригадах обед. На правлении решили: в передовой бригаде на обед плов, в остальных — мастава². Барана на два дня хватает. Зато никого насильно гнать в поле не нужно, и больные идут. С детьми приходят. Старики и старухи фартуки надели.

— Это хорошо, Рахманкул. Надо, чтобы у людей было хорошее настроение.

— На бюро райкома вы решили всем сборщикам хлопка выдавать зерно. Мы выдаем. Вторую неделю. Кто выполнил норму — килограмм пшеницы. Семьями собирают. Иные получают до четырех килограммов.

— Обком и облизполком утвердили переходящие Красные знамена для районов и одно в каждом районе для колхоза-победителя. Ты должен завоевать эти знамена! И удержать их до конца заготовок! Это для тебя лично очень важно.

— Устал я, брат. Места себе не нахожу. И фартук надеваю, чтобы забыться — не помогает! Руки свое дело делают, голова — свое. — Он в сердцах постучал ладонью по лбу.

Фазылову стало жаль преданного друга. Об их дружбе знал весь районный актив. Секретаря райкома уважали за то, что, поднявшись высоко, не задрал носа, не стал чураться Рахимова или стесняться и скрывать доброе чувство. Рахимова ставили в пример, что ни в чем не злоупотребил именем первого в районе лица, не кичился близостью к нему и ни в чем его не подвел.

То, что колхоз попал год назад почти в единственном числе в документ ЦК КП(б) Узбекистана как неблагополучный в соблюдении Устава колхозной жизни, где разворовано или по меньшей мере потрачено бог весть на что три четверти миллиона рублей, не могло не пошатнуть авторитет председателя и поставить под сомнение бескорыстие и непричастность к происходящему первого секретаря райкома. И дружбу этих двух людей уже видели и оценивали иначе, каждый в меру своей подозрительности.

Фазылов понимал, что Алимтаев со своим аппаратом вцепился в Рахимова мертвой хваткой, знал, что как секретарь райкома не имеет права влиять на ход следствия, требовать информацию, которая позволила бы иметь представление о степени вины и меры ответственности председателя колхоза до тех пор, пока следствие не закончено. Вот тогда, когда следствие закончится, прокуратура назовет всех тех, кто будет привлечен как обвиняемый, а кто пройдет по уголовному делу как свидетель.

И если Рахимову будет предъявлено обвинение, то пятно останется и на нем, Фазылове. Как предотвратить эту опасность?

Совершенно исключить ее вряд ли возможно. Но оттянуть окончание следствия — можно. На какое-то, может — долгое, время. Он уже знал, как это сделать, и, собственно, для этого и приехал в родной колхоз.

— Ладно, пойдем пообедаем у тебя. — Встал, надел китель и крикнул шоферу: — Приходи через полчаса к Рахимову!

Рахимов отвязал коня, набросил уздечку на луку седла, ослабил подпругу. Каро доверчиво тыкался сухими губами в карман кителя, грыз удила.

— Не балуй, дурачок, не до тебя мне.

Но все-таки вернулся к дастархану, отломил кусок лепешки, протянул на ладони лошади.

— Слушай меня внимательно, Рахманкул. И не задавай лишних вопросов.

— Я весь внимание, Эсанджан.

¹ Хасып — домашняя вареная колбаса.

² Мастава — рисовый суп.

— Я ознакомился с личным делом Алимтаева. Думаю, что-то он недоговаривает. Родился он в ауле Байбазар Сарыагачского района. Это под Ташкентом, станция железной дороги. Дед его был крупнейшим в округе баем. А сын был кто?

— Тоже бай.

— Правильно. А сын байского сына?

— Тоже бай!

— Алимтаев пишет, что дед его Кенесбай был богатейшим человеком. Он умер, похоже, до революции. И будто после его смерти все богатство перешло к старшему сыну. А отец Алимтаева был младшим сыном. Ему ничего от богатства не досталось. Но и отец, и мать нашего прокурора умерли, если ему верить, когда он был маленький. Дядя усыновил Алимтаева. И он стал не только племянником, но и приемным сыном большого бая. Когда приемного отца раскулачили и сослали в Сибирь, Алимтаев попал в Чимкенте в детский дом. Там он в комсомол проник, а уже в институте комсомольцу, воспитаннику советского детского дома, нетрудно было в партию пролезть. Подумал я: почему после окончания института он не вернулся в родные края? Может, разоблачения боится? Специально женился на ферганской еще будучи студентом. Наверное, найдутся в его Байбазаре люди, которые помнят байского выкормыша и с кем боится встречи наш прокурор. Возможно, если бы знали, где укрылся Алимтаев, сигнализировали бы, как положено настоящим патриотам, а?!

— Конечно! — живо откликнулся Рахманкул. — Ловко прокурор замаскировался! — Он понял, для чего завел с ним разговор старый друг.

— Конечно, не каждый честный человек рискнет написать и подписаться. Но опыт учит, что анонимки пишут в условиях, когда люди боятся мести, когда критика в загоне. Может статься, что наш прокурор очень честный и принципиальный работник и про себя рассказал правду. Ничего не скрыл и не приукрасил. Разберемся. Бдительность с повестки дня не снята.

II

Эсан Фазылов после позднего обеда поехал на заготовительный пункт, куда свозили урожай семь колхозов. На огромном, огороженном забором пустыре, на цементированных, поднятых невысоко над землей площадках рабочие укладывали первые бунты сырка.

Приемщик взвешивал груз, на ощупь, на глаз, не дожидаясь результатов лабораторного анализа, определял засоренность и влажность, выписывал возчикам квитанции. Опытному приемщику достаточно было разгрызть одно семечко, чтобы по звуку, с которым оно раскалывалось, определить степень зрелости доставленно-го на каждой арбе сырка.

Поступал урожай первого сорта, и только первого сорта. Два бунта были уже затянуты по верху брезентовыми пологам, на глазах рос третий, и пока секретарь райкома сходил в контору и лабораторию, бунт вырос, рабочие переставили сходни и они стали гораздо круче.

Заготпункт принимал сырец только при дневном свете. Это знали в колхозах, и возчики спешили подогнать арбы в хвост очереди: стемнеет, и тогда хочешь — ночуй у ворот пункта, зарывшись до головы в теплый хлопок, хочешь — возвращайся с грузом домой.

Солнце малиновым огромным диском повисло над потемневшими холмами и стало погружаться в них все быстрее и быстрее. Наступили недолгие сумерки без теней.

— Поехали, Зиям, — разбудил Фазылов задремавшего на заднем сиденье шофера. Приемщику приказал: — У всех, кто заехал, прими. Поторопитесь — успеете до темноты. Чтобы три процента было обязательно!

— Выполним! — заверил тот.

— Куда поедем? — спросил шофер, живо стерший ладонями остатки сонливости с лица.

— В райком.

Они промчались центральной улицей родного кишлака. Подпоясанные фартуками или перекинув их через плечо, шли старики и женщины в окружении своих детей. Каждого встречного знал секретарь райкома и каждому, кто, приложив руку к сердцу, кланялся при виде знакомой «эмки», приветливо кивал в ответ.

Они отъехали от кишлака километра четыре, когда увидели человека, сидевшего на валуне у дороги. Поглядев в сторону машины, путник поднялся. Был он одет в солдатскую форму, но на голове вместо пилотки или фуражки — черная чувствская тубетейка. Подъехали ближе.

Путник поднялся и закинул тощий вещмешок на одно плечо.

— Останови! — приказал Фазылов. «Кто же это может быть? Не муж ли Аимхон?!»

Не вылезая из машины, в распахнутую дверцу спросил:

— Куда путь держите, солдат, на ночь глядя?

— Домой я иду, Эсан. Домой.

— Откуда меня знаешь?

— Ты мало изменился. И голос такой же.

— Что-то я тебя не узнаю.

— Я не в обиде на тебя. Ты скажи, как у меня дома? Зульфия как, как дочь моя Карамат? Живы ли? Четыре года ничего о них не знаю.

Только Аимхон не знала, что с ее мужем. Жена бывшего председателя колхоза Халила Хайниева давно получила ответ, что муж ее со своей частью попал в окружение и из окружения не вышел. Но жив он или нет, Зульфия могла только гадать. Надежды на то, что жив, появилось, когда стали доходить слухи, будто то в одном кишлаке, то в другом появился солдат из плена.

— Халил Зайниев? — Фазылов торопливо выбрался из машины. — Ты, Халил? И Зульфия здорова, и Карамат здорова! Ждут они тебя, брат! — Он обнял путника, и руками, грудь почувствовал, как невероятно худ земляк. Обмякло тело Зайниева, и Фазылов испуганно и бережно помог тому опуститься на камень, застланный старой стеганкой.

— Живы! — Халил обеими руками стянул с головы на лицо новую тюбетейку и закашлялся в нее — надрывно, с металлическим присвистом в легких.

— Воды подай! — прикрикнул Фазылов на шофера. — Не видишь?!

— В чем я дам воды? — проговорил Зиям.

— Не надо воды, — сквозь утробный кашель прошептал Халил. — Я сейчас... Сейчас...

— Разворачивай машину! Ни черта сам не сообразишь, да?! Живо, ну! — кричал Фазылов на шофера, бросившегося к машине, а сам, бережно подхватив измотанного кашлем Зайниева под локти, поднял, поставил его на непослушные ноги: — Пойдем, брат! Потихоньку! Сейчас дома будешь.

Секретарь понял, что Зайниев возвращается из фильтрационного лагеря. В такие лагеря попадали все или почти все, кто был в плену. И коли вышел оттуда — значит, чист перед Родиной и солдатским долгом.

В кишлаке они притормозили, пропуская встречное стадо. Женщины стояли у отворенных калиток и выкликали своих рогатых кормилиц. Пахло дымом. Остановились перед закрытой калиткой Зайниевых.

— Я помогу тебе, — предложил Эсан.

— Спасибо. Я сам. Мне нужно поговорить с тобой, секретарь райкома. Когда можно прийти к тебе?

— Я к тебе сам приеду. Отдохни. Поговорить успеем. Сейчас я разыщу твоего преемника. Помнишь Рахманкула Рахимова, бригадира своего? Он председатель. Утром тебе доставят все, что нужно для тоя.

— Спасибо. Пойду я. Три шага идти осталось...

— Держись, солдат!

Пока он шел до заветной двери и, постояв с минуту, скрылся за ней, Фазылов наблюдал за Зайниевым. И, чтобы не услышать того, что сейчас произойдет за высоким забором, приказал:

— К правлению! Быстро!

Рахимов сидел за своим письменным столом. Ярко горели две керосиновые десятилинейные лампы по краям стола, покрытого кумачовой скатертью. Красивая камча лежала рядом с телефоном, по рычагу которого нетерпеливо стучал хозяин кабинета, покрикивая в трубку:

— Дежурная! Дежурная!

Увидев вернувшегося неожиданно секретаря райкома партии, с которым расстался около двух часов назад, Рахимов водрузил трубку на место.

— Я сейчас Халила Зайниева привез домой, — произнес Фазылов. — Слушай меня внимательно, Рахманкул. Домой вернулся человек, который был председателем колхоза со дня его организации. Больше десяти лет. Вернулся солдат, который, чтобы попасть на фронт, подал десять или сто заявлений. Год добивался этого! Он вернулся больной. По-моему, он или очень простужен, или у него туберкулез. Завтра я пришлю ему из города врачей. Но тебе поручение: чтобы завтра у него дома было все для приема гостей. К нему весь кишлак придет! Барана приведи или бычка. Полмешка риса, четверть масла, мешок муки. Белой! И обязательно ведро меда и ведро сливочного масла! Водки два ящика!

— Где возьму столько масла? Мед где брать?

— На базаре! Не разоришься! Понял? Чтобы все было! И халат завтра ты на него надень. Тюбетейку лучшую купи на базаре!

— Понял, Эсан-ака! Я все понял!

— К нему домой не ходи до тех пор, пока не доставят в дом все, что я сказал. Как ты его приезд отметишь, так к тебе народ будет относиться. Ты перед ним отчитаться должен, как вел колхоз.

— Все сделаю!

— Здорово ему досталось, Рахманкул. Увидишь сам, в каком он состоянии. Дело твоей совести помочь Халилу встать на ноги. Ничего не жалея, чтобы поправился! Скажи Зульфие, пусть айву набивает медом и маслом и в тесте запекает в тандыре. Слышал, что очень такое средство сил прибавляет. Закажи охотникам жир дикобраза и барсука. Полезно, говорят, очень. Устрой облаву на перепелок на люцерне. Всех, сколько поймают, отдай. Перепелки еще не улетели.

III

Халил Зайниев возвратился с войны через шестнадцать месяцев после дня Победы над немецким фашизмом и через год после того, как сложила оружие милитаристская Япония. Это было как чудо. Даже в семьях, получивших похоронки на сыновей и мужей, вспыхнуло робкое пламя надежды. «Ведь не с того же света пришел человек! Значит, и мой, наш может вернуться!» И вспоминались случаи, как являлся домой солдат следом за извещением о том, что пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость Родины. Приходил, когда повода для надежды не оставалось. Так уж устроен человек, что и в крайнем отчаянии не покидает его вера в счастливый конец.

Появление Зайниева дома было из таких необычайных случаев. Слух о том, что пришел он, что привез его сам секретарь райкома партии, облетел весь кишлак.

С раннего утра потянулись к дому Зайниевых женщины, не смирившиеся с мыслью о своем горе, отцы и матери не вернувшихся с полей брани бойцов, инвалиды войны. Все несли немудреное угощение в дом, куда пришло нежданное счастье. Праздник в доме односельчанина — общая радость.

Халил-ака сидел на новых курпачах в стеганом теплом халате, в тюбетейке, что купил на базаре около вокзала, в выворотных мягких сапогах-ичигах.

Никто не задерживался долго. Иначе было бы не протолкнуться на маленьком дворе. Да и дело не оставишь: в страду каждый час дорог. Когда Аимхон остановила полуторку у дома Зайниевых, вокруг хозяйна сидели только инвалиды и седобородые старики. Провожая односельчан, Зайниевы просили каждого непременно прийти вечером к дастархану. Мужчины помогли перенести продукты во двор. Аимхон села на краешек айвана, рядом со своим свекром Ахмадали-ата.

— Что вы узнали, отец, о своем сыне? — спросила она, понимая, что Ахмадали, конечно же, уже выяснил, но встретился ли ему на дорогах войны их Рустам, и ответ был отрицательный. Свекор молча скорбно покачал головой.

— Может, в госпитале? — робко промолвила Аимхон.

— Нет... И в плену, в лагерях я не встречал Рустама, — произнес Халил. — А уж в каких только местах я не побывал, сестренка!

— Не может же человек пропасть без следа, — упрямо промолвила Аимхон.

— Конечно, — согласился Зайниев. — Только как найти этот след? — Он вдруг закашлялся трудно, надрывно, схватил скомканный поясной платок, лежавший под бедром, прижал к побледневшим губам.

Кто был рядом, затаив дыхание наблюдали за Зайниевым, вслушиваясь в надсадные звуки, вырывавшиеся из его больных легких. Кашель, наконец, перестал сотрясать худое тело, но несчастный еще минуту — другую с сипотной часто дышал через прижатую ко рту тряпку. Прибежала от сидевших отдельно женщин Зульфия, замерла над мужем.

— Извините, друзья. Мне лечь нужно. Этот кашель все силы забирает. Приходите вечером. Пожалуйста! Постели мне, жена, в саду. На супе. Там теплее, чем в комнатах. Карамат где?

Зульфия шла сзади, несла скаток одеял и подушки.

— В поле ушла, отец.

— А что во двор к нам принесли?

— Председатель прислал, Рахманкул. Продукты для тебя. Меда много — целое ведро, масла коровьего — тоже полное ведро. Скоро должен сам прийти.

— Если усну — разбуди, когда придет. Надо спасибо ему сказать.

— Скажите ему спасибо. Он хороший председатель. Никто в колхозе голода не знал. Даже эвакуированные. Все были при деле.

— Нет у меня, жена, права ни благодарить Рахманкула, ни корить. Народ скажет спасибо — те, кто его выбирал. Я ему даже дела передать не успел. Хлопчатник у нас какой, Зульфия? В сумерках даже полей не увидел.

— Хороший, отец. Колхоз, по радио передавали, первый идет, районное знамя нам дали. Карамат вчера сто двенадцать килограммов собрала, а я девяносто.

— Тебе, наверное, в поле нужно быть? Так ты иди.

— Куда я пойду от вас? Бригадир, Каюм однорукий, сказал, что разрешает три дня быть дома. — Она постелила курпачи на супу, взбила тугую ватную подушку, сняла с присевшего мужа ичиги и портянки.

— Ложитесь, отдыхайте... — И когда тот лег, укрыла теплым одеялом, присела рядом. Он умиротворенно закрыл глаза. Женщина, вглядываясь в лицо мужа, узнавала и не узнавала: помнила его без бороды, полнолицего, чернобрового.

— Усну я, иди, — не открывая глаз, произнес Халил.

Ближе к полудню приехал Эсан Фазылов. Привез из города врача и медицинскую сестру.

Через десяток минут врач доложил:

— Взяли анализ крови, мокроту. Послушал его. Температура небольшая, Зайниев говорит, что температура повышенная держалась постоянно. Очень похоже на туберкулез, товарищ секретарь райкома. Анализы покажут... В диспансер положить бы, но больной отказывается.

— Его понять можно. О доме мечтал столько лет.

— Он и говорит: если умереть суждено, то дома.

— Туберкулез можно вылечить?

— Можно. Медикаменты, питание, покой. Если подтвердится — в Шахимардан бы его, в туберкулезный санаторий.

— Подумаем. Езжайте домой без меня. Пришлите мне шофера обратно. Да... хотел я спросить... Как для здоровья окружающих? Дочь ведь... жена...

— Понимаю. Открытая форма опасна: бактерии передаются через воздух, общие полотенца, посуду.

Под настороженными взорами прервавших разговор секретаря райкома и врача неторопливо, припаркивая старыми галошами, обутыми на босу ногу, прошел к своей постели на супе Зайниев.

— Поговорить нам с тобой следует. Можешь? — спросил Фазылов.

— Могу...

Врач ушел. Слышно было, как машина отъехала от дома.

— Рассказывай, — Фазылов сел на край супы.

Пришла молчаливая Зульфия с чайником, пиалами, лепешками, завернутыми в скатерть. Ушла и вернулась с подносом, на котором в пиалках были мед, сливочное масло, блюдечко с ядрами грецких орехов и кишмишем.

— Иди, жена. Не мешай нам, — попросил Зайниев. Гостю предложил: — Эсан, налей себе чая сам. Угощайся. А я буду говорить...

— Не знаю даже, с чего начать... С того, что почти год с прошлой зимы я проходил проверку в нашем лагере. Этот лагерь — как сито, через которое муку отделяют от отрубей. Одно из обвинений мне было такое: почему я, член партии, сдался в плен, а не дрался до последнего, почему оказался жив. Большевики умирают, но не сдаются, сказал допрашивавший меня майор. Что ему было ответить? Что человек — не скорпион, которого посадили в одну банку с богомолем, и скорпион убивает себя, когда богомол отстрижет ему и обе клешни, и лапы? А разве мертвый коммунист опаснее для Гитлера? Я его, майора, спросил так.

— И что ответил майор? — поинтересовался секретарь райкома.

— Коммунисты не сдаются, ответил он. Приказ не сдаваться в плен тебя, спросил, не касается? А я не сдавался в плен, говорю. Меня, контуженного взрывной волной, оглушенного во время артобстрела, свои при отступлении оставили. Подумали, что мертвый я, не иначе. Когда сознание вернулось — немцев увидел. Целью шли. Вижу их, а не слышу. Огонь из автоматов вижу, а не слышу. Они меня за убитого приняли.

На орешине громко проворковала горлинка. Мирный звук этот вернул Халила Зайниева оттуда, из памяти, в сад родного дома. Он умолк и прислушался, поднял заросшее лицо к дереву, увешанному плодами с уже начавшей трескаться от спелости кожурой. Птицу он не разглядел в гуще листьев. Послышались и другие звуки: шум воробьиной стаи в винограднике, скрип колес арбы, старческий голос звал кого-то...

— Райком партии сделает для тебя все, в чем ты нуждаешься. Есть у тебя просьба к райкому партии?

— Одна. Мне нужно восстановиться в партии. Там мне сказали, что с моей партийностью решат на месте. Я ведь в двадцать девятом вступил в партию!

— Я посоветуюсь. Узнаю, как положено действовать в подобной ситуации. И о твоей работе. Рахимов был хорошим председателем. Но и тебя в колхозе помят и любят. Если на отчетно-выборном собрании большинство колхозников захочет опять тебя, это будет справедливым. Нужно, чтобы ты до собрания чем-то занялся.

— О каком председательстве ты говоришь, Эсан! Ты же видишь, как я плох. — Через теплый халат солнце пекло спину, Халил потел и впервые за многие месяцы это была не холодная испарина, покрывавшая измученное слабостью тело. — Вот приду если в себя, тогда...

— Придешь. Но не отказывайся от должности: хочешь — старшего мираб, хочешь — председателя совета урожайности, на твой выбор. А там будет видно.

— Спасибо тебе. Только позволь мне немного сил набраться. Ни пешком не дойду, ни на лошади не удержусь. Такой я пока работник.

— Набирайся сил, ты прав.

Из-за дувала донесся шум мотора. Вернулся Зиям, и Фазылов стал прощаться.

IV

Вернулся из Челябинска старший следователь районной прокуратуры Иванченко.

— Рассказывайте, Василий Сергеевич, — сказал Алимтаев.

— Кладовщик колхоза имени Куйбышева Фархад Каримов остановился в доме Ивана Афанасьевича Гудова, работника отдела рабочего снабжения завода.

— Это ведь он, Гудов, приезжал к нам в район с полномочиями от тракторостроителей в прошлом году?

— Он... К работе были подключены челябинская прокуратура и милиция. При обыске в доме Гудова обнаружено около двух тонн сушеного урюка и пятьдесят два пустых мешка. На рынках Челябинска, Копейска и Коркино — это рабочие города угольщиков и машиностроителей — задержаны продавцы урюка. На очной ставке они опознали Каримова. Кроме того, урюк реализовался через магазины ОРСа завода.

— Колхоз в прошлом году отправил челябинцам весь урюк. Новый урожай еще досыхает на крышах.

— Каримов сказал, что урюк был скуплен им на рынках.

— Какова роль в этой спекуляции Рахманкула Рахимова? Какие дал показания кладовщик?

Иванченко развязал тесемки папки:

— Вот протокол допроса. Допрашивали сотрудники челябинской прокуратуры. Каримов притворился, что почти не понимает русского языка, давал противоречивые показания. Но смысл один. Председатель колхоза в скупке урюка и других сухофруктов на рынках не участвовал и об этой махинации ничего не знает. Рахимов, вернее — правление колхоза, поручило ему, кладовщику, лишь доставить в ОРС тракторостроителей три тонны урюка и отгрузить в адрес колхоза детали к тракторам в широком ассортименте в счет взаиморасчетов. В одном из протоколов Каримов дал показание, что Рахимов поручил ему купить три тонны урюка для ОРСа на рынке.

— Где он взял деньги на скупку урюка и других фруктов?

— Из колхозной кассы. Деньги, полученные колхозом из банка под урожай.

— Нужно его доставить сюда. А потом — на очную ставку с Рахимовым.

— Как Рахимов держится? Его допрашивали?

— Нервничает. В райком жаловался, что отвлекаем колхозников в горячую пору страды. Колхоз первое место занимает в сводке сдачи сырья, переходящее Красное знамя районных организаций держит.

— А чего ему нервничать? Письма его Каримов получил все, и на все ответил. И деньги два раза я разрешил ему перевести на почту до востребования, как он велел.

— Знаю. Копии писем в деле?

— Так точно! Оригиналы рахимовских и копии каримовских. Переписал номера квитанций почтовых переводов. И документы контейнерной станции в папке.

Алимтаев впервые улыбнулся:

— Ну, Рахимов! Ну, передовой председатель! До сих пор твердит, что Каримов в Кисловодске язву желудка лечит.

Аимхон вернулась с заготовительного пункта уже в густые сумерки, оставила в бухгалтерии квитанцию на сданный хлопок и загнала машину на просторный и пустой хозяйственный двор в центре кишлака. Арбы, занятые перевозкой урожая, еще не вернулись.

Со стороны гор тянуло прохладой. Боясь простудиться, она укрылась за кузовом от холодящего ветра, постояла, терпеливо ожидая, когда остынет распаренное, влажное от пота тело.

Женщина шла домой обочиной пыльной и узкой — двум арбам едва разминуться — кишлачной улицы. Ташкари — наружные, выходящие на улицу стены домов без единого окна — и глинобитные дувалы почти не видны за высоченными тополями. Издревле укоренился на узбекской земле добрый обычай: когда в семье рождается мальчик, отец сажает рядом с домом двадцать топольков. Появится в семье еще мальчик — посадит еще двадцать саженцев. Ко времени, когда нужно женить и выделить из семьи сына, топольки превращаются в огромные стройные деревья. Известно, что на строительство дома нужно около двух десятков больших стволов. Это и на каркас, и на потолочные балки и стропила, на оконные и дверные проемы. Только на полы тополь не шел — слабое дерево, требовались сосновые доски.

Когда родился Рустам, Ахмадали посадил в палисаднике саженцы. Перед войной деревья уже годились в дело. Но строительство пришлось отложить до возвращения Рустама. Не напади проклятый Гитлер на нашу страну, давно жили бы Рустам и Аимхон своим домом и — почему нет? — родился бы у них сын, а в палисаднике росли бы деревья для его дома...

Перед многими усадьбами стояли сплошной стеной, переплелись ветвями, теснили друг друга огромные, прямые деревья — немые свидетели несбывшихся отцовых надежд на счастье и долгую жизнь сыновей. На весь огромный кишлак, может, перед десятком дворов деревья были срублены под корень, очищены от ветвей, ошкурены и уложены вдоль заборов на просушку. Любому случайному проезжему или прохожему один вид штабеля белых и гладких, как кость, стволов свидетельствовал, что в этом доме прозвучала или скоро прозвучит свадебная песенка с веселым припевом: «ёр-ёр».

Вернулся в кишлак последний солдат Халил Зайниев. Путь его домой пролегал через многие государства, через всю Европу. Если бы Рустаму даже выпала судьба Зайниева, пора и ему прийти домой. После того как вернулись с трудового фронта мужчины, по возрасту не подлежавшие мобилизации в действующую армию, и Аимхон, и родители Рустама осознали тщетность надежды дожидаться своего единственного. Но как дальше жить?! Не жена и не вдова!

Много раз подтверждалось, что к людям, долго прожившим бок о бок, одинаковые мысли приходят одновременно. Свекровь Мастура возвращалась с хлопкового поля чуть-чуть раньше мужа и разжигала очаг. Горячую пищу готовили раз в день, утром обходились чаем с лепешкой и кислым молоком, обедали на полевом стане — кусок хлеба, горсть урюка или гроздь винограда; только когда началась уборочная, в бригадах стали варить суп или кавардак.

И в этот вечер Ахмадали пришел домой после жены. Булькала на медленном огне в маленьком казане куджа — похлебка из джугары, и кипела вода в небольшом желтой меди самоваре.

Хасият полила мужу на руки, подала полотенце и, пока он надевал просторную белую рубаху, принесла из дома лепешки, горсть белых шариков солоноватого курта, ложки. Потом заварила чай в старом, давно разбитом и починенном мастером на Симабадском рынке фарфоровом чайнике; по линии излома на его боках блестели медные скрепки, а отбитый носик кончался насадкой из белой жести.

Ахмадали сел, подобрав ноги калачиком, налил на доньшко пиалы чая, но пить не торопился. Послышался далекий шум мотора. Оба прислушались, зная, что вернулась и минут через пятнадцать приедет сноха.

— Иди сюда, — позвал Ахмадали жену. — Сказать тебе надо, пока Аимхон не пришла. — И когда Хасият присела на край супы, муж заговорил: — Аимхон не следует больше жить с нами. Ей нужно устраивать свою жизнь... Она молодая. Пока Аимхон живет в доме мужа, — для всех она наша сноха. Кто к ней посмеет посвататься? Никто! Ей следует вернуться в дом родителей.

— Она верит, что Рустамджан живой, — робко заметила Хасият.

— Пусть! Это ее дело. А наша обязанность перед ней — не мешать ей жить. Я узнавал от знающих людей. Ей дадут бумагу в загсе, что она больше не замужем. Это нам с тобой до последнего часа ждать и надеяться. Аимхон была верной женой нашему Рустаму и послушной, заботливой снохой нам. Скажем ей за это спасибо.

Я сам отведу ее в дом родителей. Это будет честно. Так я решил, женщина. После ужина скажу ей.

Хасият сняла с головы платок, уткнулась в него лицом. Если она и плакала, то так тихо, что не было слышно.

— Аимхон пришла. Зажги лампу, жена.

— Прошу тебя, поговори с ней без меня. Я этого не выдержу. Опустеет наш дом.

— Будь по-твоему, без тебя скажу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

За месяц работы в обкоме Тургунов, Голенко, Григорьев, Меденякин, Дробовников находились в своих кабинетах несколько раз до четвертого часа утра. А точно в восемь нужно было являться на работу. Только дежурный инструктор покинул приемную в полночь.

— Чего сидим-то? — спросил Григорьев у зашедшего к нему в кабинет «на огонек» Александра Куприяновича.

— Чего сидим, интересуешься? Нужно — вот и сидим. — Увидев, как Григорьев недоуменно пожал плечами, тихо, доверительно сообщил: — Товарищ Сталин еще не покинул свой кабинет. Понятно?!

— А как мы узнаем, что товарищ Сталин покинул кабинет?

— Как? По телефону! Телефон для чего существует? Усман Юсупович или его первый помощник Попов позвонят Поскребышеву. А Халим или ты позвоните Владимиру Ивановичу. И спросите, как, мол, дела, или еще как. И когда узнаем, что товарищ Сталин пошел отдыхать, и мы можем идти спать. Вот так!

— И в дальневосточном крайкоме сидят?

— Угомонись, любопытный! Во Владивостоке уже утро...

II

Только успел Григорьев вчитаться в очередной проект, как сквозь дверь до слуха донесся упругий скрип обуви. Шаг был уверенный, чеканный. У Голенко скрипел только один полковничий сапог. Посетитель скрипел на обе ноги. Григорьев услышал, как посетитель прищелкнул музыкальными сапогами, и бравый голос:

— Разрешите обратиться!

В ответ помягчавший, доброжелательный голосок Зинаиды Ивановны:

— Обращайтесь...

Чеканя слова, на одном дыхании посетитель выговорил:

— Прошу доложить первому секретарю Язъяванского обкома партии товарищу Тургунову, что капитан запаса Джаббар Мухитдинов просит принять по личному вопросу.

— Пройдите к помощнику секретаря Тургунова Григорьеву. Вот в эту дверь. Его зовут Петр Григорьевич.

— Мне нужен первый секретарь обкома партии товарищ Тургунов. Милиционер на посту сказал, что товарищ Тургунов у себя.

— У себя. Но пройдите к товарищу Григорьеву. Секретарь обкома занят.

Капитан возник в дверном проеме.

— Гвардии капитан запаса Джаббар Мухитдинов! Разрешите обратиться, товарищ помощник первого секретаря обкома партии!

Голос капитана был чист и звонок. Все на нем было новенькое — фуражка с лакированным козырьком, сшитая на заказ, ладно облегающий крепкий торс китель из тонкой шерстяной ткани; золотые погоны излучали сияние на широких плечах; новые были португеза и офицерский пояс с начищенной блестящей пряжкой. На груди блестели, как только что отлитые на монетном дворе, ордена и медали. Героический капитан и мужественным лицом своим и ладной фигурой излучал радость бытия. Он будто сошел с цветной обложки праздничного номера «Огонька».

— Вольно, капитан! — пошутил Григорьев. — Присаживайтесь... По какому делу к товарищу Тургунову?

«Что это она не пустила капитана запаса? — подумал Петр. — Что ее насторожило? Почему не доложила Тургунову о посетителе?»

— Я коммунист! Хочу доложить секретарю обкома партии, что демобилизован и готов выполнить любое поручение партии в мирных условиях!

— Садитесь, капитан! Выпейте чай. — Григорьев сполоснул пиалу, налил до половины, поставил на край стола. — Расслабьтесь, Мухитдинов. Когда демобилизовались?

— Неделю назад приехал. Бешарыкский я. На фронте с сорок третьего. Первый бой принял на Орловско-Курском направлении. Войну закончил в Кёнигсберге в должности заместителя командира полка по строевой подготовке. — Он присел на краешек дивана, снял фуражку и бережно положил рядом.

— Посидите. Пойду доложу.

— Капитан? Чего ему нужно? — брови у Халима Тургуновича сошлись над широким переносицей.

— Хочет доложить, что демобилизовался и готов выполнить любое поручение партии.

— Пусть в райком идет. Или к Кудриной.

— Примите, Халим Тургунович! Боевой офицер, заслуженный... Не грудь, а иконостас, от орденов и медалей тесно.

— Ладно. Сиди здесь, пока приму твоего капитана. — Тургунов звонком вызвал Зинаиду Ивановну: — Пусть зайдет капитан.

Джаббар Мухитдинов еще в дверях прижал руки к бедрам и, печатая шаг, двинулся к столу Тургунова. При каждом ударе подошвой вздрагивали щеки удалого капитана, взметывались и с бряцаньем падали на место ордена и медали. Метрах в четырех от приставного столика капитан остановился по стойке «смирно», по-уставному вскинул руку к виску.

Григорьев понимал состояние боевого офицера: для капитана, со славой выполнявшего долг перед Родиной и оставшегося в живых, все еще продолжался радостно-упоительный Парад Победы.

А бравый офицер заговорил громким, хорошо поставленным командирским голосом:

— Товарищ первый секретарь обкома партии Герой Советского Союза Тургунов! — Он набрал полные легкие воздуха, грудь его поднялась: — Разрешите доложить?!

— Докладывай, — разрешил Тургунов и поднялся с высокого кресла, встал — руки по швам.

— Гвардии капитан коммунист Джаббар Мухитдинов уволен в запас и готов выполнить любое поручение партии!

— Рахмат, рахмат, кахрамон! — Тургунов сел. — Отурын, джигит...¹

Приняв стойку «смирно», гость произнес торжественно и радостно:

— Товарищ первый секретарь обкома партии! Разрешите доложить, что за три года я забыл узбекский язык. Прошу говорить со мной по-русски.

— Чего-чего?... Что ты сказал? Забыл родной язык?! Повтори, я верно тебя понял?

— Так точно! Забыл! Прошу говорить со мной по-русски! — вроде обрадованно подтвердил Мухитдинов. И на его бравом лице можно было прочесть и довольство жизнью, и ожидание похвалы.

Григорьев перевел взгляд с лица самодовольного Мухитдинова на Тургунова. Тот в это время тяжело поднимался, упершись кулаками в стол, лицо его наливалось злой яростью. Таким Григорьев шефа еще не видел.

— Значит, забыл! — медленно заговорил Тургунов. — Язык родителей не помнишь, да?! Падаринга налат!² Слушай внимательно и не говори потом, что не понял, что я тебе скажу! Я буду говорить по-русски. Меня, узбека, беспризорника, в детстве усыновил русский рабочий человек. В его семье я научился говорить по-русски. Я вырос среди русских, но не забыл узбекского языка. А ты забыл! За три года! Ты захотел, чтобы я поверил тебе? — Он угрожающе постучал кулаком по столу. — Теперь я тебе скажу вот что. Даю неделю срока, чтобы ты выучил узбекский язык. Это тебе партийное поручение! Через неделю явишься к первому секретарю райкома партии и доложишь, что пришел сдать экзамен по родному языку. Я позволю, чтобы принял тебя без очереди. Но если не выучишь, если не придешь в райком — лучше уезжай из области. Ты понял меня, несчастный?! И еще вот что. Я не Герой Советского Союза. Герой Тургунов — другой человек. Он живет в Андижанской области.

Мухитдинов стоял по стойке «смирно». Чистый лоб его покрылся бисеринками пота, темные пятна проступили под мышками на кителе.

— Понял, — едва слышно произнес Мухитдинов.

¹ Рахмат, рахмат, кахрамон! Отурын, джигит (узб.). — Спасибо, спасибо, герой! Садись, удалец!

² Падаринга налат (узб.) — Горе воспитавшим тебя.

— Тогда слушай команду! Кру-у-гом! Ша-а-а-гом марш!

Капитан четко выполнил команду. Когда за ним закрылась дверь, Тургунов сел, устало потер высокий лоб, свежеевыбритую голову, спросил упрямо:

— Кто он, дурак или авантюрист?

— Да нет. Просто распирает его от счастья, что целый и невредимый вернулся. Вот и занесло...

— Ты мне больше таких не приводи с рапортами. А в Куву позвони, Григорьев. Пусть в райкоме не удивляются, когда придет, пусть примут. Работу ему нужно найти. Иди, занимайся делами. Почему сам не пришел, Голенко ко мне прислал?

— От застенчивости, Халим Тургунович.

— Можешь вечером не приходите. Своди жену в кино. Предупреди Зинаиду, чтобы стенографировала секретариат.

Григорьев уже поднялся с пружинящего удобного стула, когда Тургунов произнес строго:

— Помнишь, Григорьев, я тебе говорил, что разрешаю приходить ко мне с любыми предложениями? Не должен же я еще и еще просить тебя об этом. Мог и сам по повестке дня зайти.

То, что шеф начал и кончил встречу этим замечанием, заставило Григорьева задуматься. В чем же заключается его ошибка? Может, в том, что, выскажи он свои соображения Тургунову сам, Тургунов уберет бы его от необходимости обсуждать вопрос со вторым лицом в обкоме? В этом случае Тургунов принял бы решение об изменении повестки бюро и созыве заседания секретариата по собственной инициативе, единолично? Но как же Александр Куприянович-то, давно знающий Тургунова, изучивший его характер, не оценил ситуацию и «заложил» ему помощника? «Черта с два я приду еще к тебе со своими соображениями», — решил Петр.

— Исправлюсь, Халим Тургунович.

Заведующая общим отделом райкома партии Тураева принесла Фазылову свежую почту. Прежде чем ознакомиться с содержанием газет, Эсан Фазылович перебрал письма. По давно утвердившемуся порядку, Тураева сама вскрывала конверты, поступающие из различных организаций, и записывала под порядковыми номерами в журнал регистрации. Адресованные лично первому секретарю не вскрывала. Таких писем сегодня было три, Они пришли из Сарыагачского района Казахской ССР. Прежде чем вскрыть конверты, Фазылов внимательно изучил штемпельные отметки на марках. Точно, из Сарыагача! Фазылов расписался в журнале, Тураева ушла, и он осторожно оборвал краешек первого конверта. Письмо было написано тем же, что и на конверте, почерком, на казахском языке. И в конце короткого письма, уместившегося на двух страницах листа из ученической тетради, стояла подпись: А. Аманжолов, председатель Байбазарского сельпо. Автор общал, что случайно узнал о том, что Джумабай Алимтаев, сын самого богатого в аймаке человека, которого зовут Кенесбаем и которого народная власть раскулачила и сослала в Сибирь как угнетателя и врага трудящихся, стал большим человеком в Узбекистане. Вместо того чтобы с отцом быть там, где ему положено, он пролез в партию и стал прокурором, а теперь сажает в тюрьму других. А Алимтай такой же был. Это младший брат Кенесбая, только бай Алимтай умер, когда Джумабай на свет не появился — значит, не мог быть его отцом. Все это могут подтвердить другие честные люди Байбазара.

Второй и третий конверты секретарь райкома вскрывал, уже зная смысл посланий. Одно было написано сторожем колхоза имени Амангельды, бывшим батраком Кенесбая Тлеумуратовым, но вместо подписи стоял жирный крест, а ниже значка примечание, что письмо написано со слов и по просьбе неграмотного человека, а непонятная закорючка — роспись писавшего. Автором третьего был извайд войны Сабитов. Он писал, что храбро воевал с немецким фашистом, за что награжден орденом и медалями, был тяжело ранен, но пока он защищал Родину, в тылу подняли головы недобитые враги народа, и один из них — байский сын Алимтаев, укрывшийся от разоблачения на узбекской земле, где его никто не знает. Письмо заканчивалось так: «Жить мне осталось недолго. Но я умру спокойно, если буду знать, что Алимтаев разоблачен и правда восторжествовала».

«Кого же послал догадливый Рахманкул в Сарыагач?» — подумал Фазылов и, испугавшись, отогнал эту опасную мыслишку. Снял трубку, попросил соединить с начальником районного отдела госбезопасности. Когда услышал: «Майор Потапенко у телефона» — попросил срочно прийти в райком.

Майор Зиновий Лукич Потапенко пришел через пятнадцать минут. Кряжистый, краснолицый, с массивной нижней челюстью, он принес в кабинет запах тройного одеколлона. Уверенно сел на «свой» стул, на место по правую руку от хозяина кабинета, которое занимал на заседаниях бюро.

— Что за срочность? — спросил, упрочившись на стуле.

— Вот, полюбуйся, товарищ майор, — Фазылов извлек из стола новенькую

папку, в которую до прихода Потапенко сложил письма. — Читай, посоветуемся, что будем делать.

Потапенко внимательно всмотрелся в тексты писем, бросил взгляд и на каждый конверт:

— Что это такое? Кроме адреса на конверте — ни слова по-русски. О чем в них?

— Компрометирующий материал. На прокурора Алимтаева.

— Что натворил этот прокурор? — начальник райотдела госбезопасности по-мрачнел. — Перескажи содержание, о чем сигнализируешь?

Майор внимательно изучил подписи на листочках.

— Та-а-а-к... Бумага разная, та-а-а-к... почерк... разные люди писали... Так-так. Числа?... Три дня — три компромата на одного человека. Интересно! Так что они пишут на Алимтаева?

Фазылов фразу за фразой перевел дословно.

— Личное дело его смотрел? — спросил Потапенко. — Что там Алимтаев про себя сообщает? Распорядись, чтобы принесли карточку персонального учета, посмотрю. Да-а... Три человека. Как сговорились, а, Фазылов? Тебе не кажется? Сговорились, а?

— Думаю и об этом, — неопределенно произнес Фазылов.

— Надо перевести на русский. Кто еще знает о письмах?

— Больше никто. Правильно я поступил?

— Правильно. Познакомь второго секретаря, председателя РИКА.

— Что посоветуешь, Зиновий Лукич? С Алимтаевым что делать?

Майор углубился в изучение личного дела Алимтаева. Кончив читать, сказал:

— Похоже на правду ведь, а? По-хо-же!..

— Это меня и тревожит, — откликнулся хозяин кабинета. — Алимтаев в автобиографии ничего и не отрицает, о чем письма говорят. Только трактует факты в свою пользу.

— Юристы — народ грамотный, закон для них — что дышло, куда повернул, туда и вышло! Уж про себя красивую историю придумать Алимтаев мог, факт!

— Я доверяю твоему политическому чутью, — прочувствованно проговорил Фазылов. — Твой огромный опыт чекиста...

— Да уж не зря хлеб едим, — согласился майор.

III

— Петр Григорьевич! — раздался голос Зинаиды Ивановны из приемной. — Вас к телефону просят... — И уже тихо, доверительно: — Исан Юсупович...

Исан Юсупович, младший брат первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Усмана Юсупова, уже несколько лет возглавлял партийную организацию Янгиюльского района. Огромный авторитет, завоеванный секретарем ЦК в предвоенные годы, в годы войны, особое расположение к нему Сталина, о чем в республике знали, осеняли и его брата Исана Юсуповича — человека малограмотного, но обладающего политическим чутьем, способного быстро и правильно сориентироваться в любой ситуации, хотя и несвободного от «партизанских»; а точнее говоря, волюнтаристских поступков. Он правильно понимал силу печатного слова и очень заботился о том, чтобы о районе, о трудолюбивых янгиюльцах, среди которых было много его земляков — переселенцев из густонаселенной Ферганской долины, знали побольше, и потому радушно встречал журналистов. Вот почему и Григорьев любил писать о людях этого, одного из передовых районов. Секретарь райкома не обижался, когда тот же Григорьев выступал в своей газете с критической статьей, вроде даже был рад помощи партийной печати: каждая такая корреспонденция непременно обсуждалась на очередном бюро райкома, и в газете под рубрикой «По следам наших выступлений» сообщалось о принятых мерах.

— Для всех ты, Петр, разъездной собкор, а для нас, янгиюльцев, — наш собственный корреспондент, — заявил как-то Исан в широком кругу руководящих работников района.

Возможно, это особое расположение первого лица района объяснялось еще и тем, что в пору, когда Григорьев стал разъездным корреспондентом, первым секретарем Янгиюльского горкома партии работал друг и одноклассник отца по сельскохозяйственному факультету Туркестанского университета Николай Стройчук, а начальником Янгиюльского райземотдела — тоже однокурсник отца Федор Измайлов. Они знали Петра мальчонкой и чтли память Григория Григорьева, погибшего — вскоре после получения диплома — в совхозе «Пахтаарал», где работал агрономом, от укуса каракурта.

И, получив назначение в Симабад, Петр испытал потребность попрощаться с этими людьми. Он предупредил Исана Юсуповича о цели приезда, но вовсе не рассчитывал, что к оговоренному часу тот соберет так много народа в своем кабинете. Приехал и председатель колхоза имени Кагановича Хамракул Турсункулов, депутат Верховного Совета страны; о нем, еще кандидате в депутаты, Григорьев писал в январе очерк. Были здесь прославленный хлопкороб, Герой Социалистического Труда, себодородый крепкий старик Назарали-ата Норматов, и председатель колхоза имени Усмана Юсупова Абдулла Артыков, принявший должность от отца, — круглый и подвижный, с блестящими карими круглыми глазами, круглой и блестящей, как подшипник, бритой головой, насмешник и балагур, и председатель колхоза имени Сталина Саттар Каюмов — золотозубый краснолицый агроном, несколько лет заведовавший отделом сельского хозяйства республиканской газеты и по призыву партии возглавивший год назад самое отстающее в районе хозяйство.

Григорьев переходил из объятий в объятия, пока не передали его Исану Юсупову.

* — Видишь, Григорьев, как мы тебя любим и уважаем. Только узнали, что прощаться приедешь, — пришли все, кому позвонил.

Хозяин кабинета сел за длинный стол, за которым обычно проводили бюро. Правый глаз у Юсупова был покрыт пленкой, и он его щурил, пытаясь скрыть порок. Григорьева посадил по левую руку.

«Ты что, охотно едешь, сам согласился? Плохо тебе было с нами?» — с укоризной заговорил Исан Юсупович.

«Не скажу, что сам. Так получилось...»

«Ие-а! Получилось! Слышите! У него так получилось! Я с тобой не прощаться людей собрал. Мы все хотим, чтобы ты работал с нами. Редактор так решил, да? Кто такой этот человек, а? — Он оглядел сидевших за столом. — Он бог и царь, да? Янгиюль тебя уважает, Беговат тебя уважает, Ангрэн — везде тебя знают. Мы можем порвать его приказ, ты только скажи, Петр!»

И вот Исан Юсупов вдруг позвонил ему, вспомнил. «Зачем я ему понадобился?»

— Слушаю, Исан Юсупович! Здравствуйте!

Обменялись традиционными вопросами о состоянии здоровья родных и близких.

— Не соскучился по друзьям? — перешел к делу Юсупов. — Хочешь приехать на несколько дней, повидаться?

— Хорошо бы повидаться, — согласился Григорьев.

— Тогда готовься...

— Каким образом, Исан-ака? Вызов пришлете?

— Пришлю. Сейчас на бюро ЦК принято постановление о проведении взаимопроверки выполнения социалистических обязательств по подъему хлопководства между соревнующимися областями и районами на заключительном этапе борьбы за урожай. Я сам был на бюро, виделся с Халимом. Он согласился включить тебя в состав делегации. Если не захочешь писать о ходе взаимопроверки — не пиши, у нас в районе гостем будешь, все пять дней. Турсункулов к себе тебя увезет. Договорились?

— Спасибо, Исан Юсупович! Приеду.

«Нет, не ради того, чтобы просто так повидаться, придумал мне поездку секретарь райкома. Зачем-то я нужен ему».

«Цени, Григорьев, доверие!» — он не мог не поиронизировать в собственный адрес, когда ощутил, как лукавый бес мягкой лапой погладил его по тому месту, где глубоко прячется самолюбие... Приятно сознавать себя незаменимым!

— Вы друзья с Исаном Юсуповичем, похоже? — полюбопытствовала Зинаида Ивановна, когда он повесил трубку.

— Неразлучные. Жить без меня не может. Сами слышали. Но это не для печати. Как говорит наш шеф: «Это, Зинаида, не стенографируй».

Григорьев вернулся в кабинет. Телефонный разговор поднял настроение. Приятно, что помнят, лестно, что нужен кому-то. Он попросил телефонистку соединить с редактором.

IV

Тургунов возвратился из Ташкента утренним поездом, собрал аппаратчиков, спорядился:

— Бюро на восемь вечера послезавтра. Повестка дня: первое — ход сбора и заготовок сырца; подготовка сушилок на заготовительных пунктах и в колхозах, присуждение переходящих Красных замен по итогам декады. Второй вопрос о по-

сылке взаимопроверочной бригады хлопкоробов в Ташкентскую область. Третье — о подготовке к зимовке скота, заслушать отстающие районы. — Тургунов говорил на память, будто читал по тексту. — Четвертый — утверждение кадров. Кадры, Дробовников, первым в повестку. — Обратил вопрошающий взгляд сперва на секретаря по кадрам Хикмата Каримова, перевел на заведующую отделом Кудрину: — Есть кадровый вопрос?

— Есть, Халим Тургунович, — поднялась со стула Полина Олеговна.

Тургунов ушел за необъятный письменный стол к сейфу, извлек из его нутра емкий пакет, похлопал им по ладони, вернулся на место. Какое-то время молча глядел на синий пакет. Заговорил зло:

— Оказывается, некоторые наши деятели под предлогом отдыха перед хлопкоуборочной ездили в Шахимардан на свидание с Аллахом! Через шейхов просили святого Али помочь выполнить обязательства по подъему хлопководства. — Он замолчал, плотно сжал губы, желваки вздулись на чисто выбритых скулах. Заговорил еще тише и медленнее: — Просили всемогущего помочь организовать социалистическое соревнование... Не безвозмездно! Подношения делали муллам, чтобы те помолились, замолвили слово. Как это понимать?!

Тургунов извлек из пакета несколько страниц машинописного текста, но не стал зачитывать, положил на стол и прикрыл пакетом. — Здесь списки тех, кто посетил Шахимардан... Известен каждый, кто пересчитал ступеньки к усыпальнице.

У Григорьева мелькнула мысль, тревожная и успокаивающая одновременно: «Четко работает служба товарища полковника — холеного, подтянутого Варшавского, уверенно занимавшего на заседании бюро следующий после Голенко стул».

Перед каждым бюро полковник Варшавский непременно заходил к Григорьеву в кабинет и извлекал из нагрудного кармашка кителя или из внутреннего кармана пиджака крохотный пистолетик и не то просил, не то приказывал:

— Положи, Григорьев, в сейф.

Григорьеву был непонятен этот жест чекиста. Наверное, решил он, не положе-но полковнику на бюро быть при оружии. Хотя, во что бы ни был одет Амбросий Георгиевич, пистолетик не был замечен, мог бы и не расставаться с ним.

— Из этого пугача и муху не убьешь, — заметил как-то Петр.

Варшавский заговорщицки подмигнул в ответ на реплику:

— А у тебя, Григорьев, какой калибр?

— Пока вы рядом, мне оружие без надобности.

— А ты получи в городском отделе милиции. Тебе по номенклатуре положено личное огнестрельное оружие.

— ...Последний вопрос — персональные дела любителей прогулок в Шахимардан. Секретарей и заворга прошу остаться, остальные свободны.

Инструкторы отделов, заведующие секторами покинули кабинет. Время близилось к полудню. За высокими окнами ветер раскачивал вершины молоденьких чинар. Тургунов неторопливо проследовал от окна к окну, распахнул высокие створки. В огромный кабинет заструился пахнущий розами прохладный воздух, донесся уличный шум. Щебет воробьев в густолистных ветвях. Отраженное чистыми стеклами распахнутых окон, яркое солнце легло бликами на зеленое сукно стола, радужное многоцветье граней хрустальных пепельниц весело отразилось на стенах и высоком потолке.

Зинаида Ивановна и Григорьев остались за овальным приставным столиком. Хикмат Каримов — секретарь по кадрам — сел напротив, рядом с Голенко. Дальше занимал стул секретарь по пропаганде и агитации Расул Мухаммадиев — высокий, изящный, с интеллигентным лицом и тихим голосом человек лет сорока, в тщательно отглаженном чесучовом кители.

Тургунов исподлобья оглядел молчавших секретарей, брезгливо, двумя пальцами, перевернул список, придавил пухлой ладонью, заговорил тихо:

— То, что массовое раскрытие хлопковых коробочек пришлось на начало большого религиозного праздника, можно считать совпадением. Но нам нужно разобраться и понять, почему именно Шахимардан был выбран местом кратковременного отдыха перед сбором урожая почти полутора тысяч язьяванцев, большинство из которых относятся по занимаемым должностям и партийной принадлежности к районному и областному партийно-хозяйственному активу. Что одиннадцать грузовиков, тридцать одна легковая, три автобуса привезли гостей к шейхам Шахимардана, больше двухсот арб... И не нашлось места ни для одного, ни для одной из тех, кто не разгибая спины работал на поле, кто вырастил в поте лица рекордный урожай! Да, рекордный! Теперь об этом могу заявить уверенно! — Тургунов надолго умолк. Высокие напольные часы мелодично пробили двенадцать раз, желтый блестящий цилиндр-гири сполз с тихим шуршанием на медной цепи почти до второй такой же гири.

— Ладно... От-ды-хать решили товарищи партийно-хозяйственные активисты.

Съели отару баранов и ферму крупного рогатого скота, автомашину водки и вина выпили. Отдохнули! Но два коммуниста, один член райкома, второй — член бюро горкома, первый — председатель колхоза Куйбышева Рахимов, второй — директор комбината Мусаханов, не только хорошо отдохнули, но и набрались сил, чтобы преодолеть три сотни крутых ступенек до мавзолея и передать подношения служащим Аллаха! Эт-то как понимать? Как это следует расценить?

— Решили заручиться поддержкой Аллаха в выполнении обязательства, — откликнулся Голенко.

— Вот у этих двоих и спросим на бюро, какие у них, коммунистов, просьбы были к Аллаху. Какие-такие у них общие дела и заботы с духовниками! — заключил Тургунов. — Обоих на бюро! Вместе с первыми секретарями горкома и райкома! С Рахимовым дело ясное. У него в колхозе следователи работают. Подсчитывают, сколько тысяч исчезли из казенной кассы. Видимо, решил, что без помощи всевышнего ему не выкрутиться. А что Мусаханова заставило поступиться партийными принципами?! За ним вроде бы ничего не значит.

— Цех ширпотреб проверять у него — будет значиться, — жестко возразил Меденякин. — На толкучке из-под полы продают отрезки, головные платки. Из этого цеха... Платки — точно! Их только на комбинате вяжут...

V

Алимтаев смотрел на него требовательно и вновь и вновь повторял один и тот же вопрос:

— Где спрятал деньги?

Прокурор был «сегодняшний», надоевший своей неутомимой настойчивостью. А сам себя Рахманкул Рахимов ощущал не сегодняшним, а босоногим мальчонкой. И интересовали прокурора не три четверти миллиона рублей, а те деньги, что нашел Рахманкул в тугом кошельке под длинным прилавком, с которого продавали на базаре свежие урюк, вишню, белые терпко-сладкие и черные кисло-сладкие ягоды тутовника. Под прилавком он ползал на карачках между двумя рядами топчущихся, переминающихся женских и мужских ног покупателей, с одной стороны, и редких, только мужских, обутых в ичиги и галоши, малоподвижных, спокойных ног продавцов — с другой. Он собирал под прилавком урюковые косточки в кулек, свернутый из афиши, которую содрал с вертящейся тумбы перед входом на базар.

Раз в полмесяца мать приходила на базар продать десятка два яиц, банку сливок или корчажку кислого молока и на вырученные деньги купить бутылку хлопкового или кунжутного масла, кусок мыла, спичек, бидончик керосина. Она брала с собой сына: хоть и мал, но помогает в дороге.

Рахманкул увидел кошелек и не сразу понял, что это такое. Вообще-то он видывал прежде кошельки в руках мужчин. Они были разного размера и формы. И сообразил сельский подросток — это то, в чем русские мужчины держат деньги; женщины же русские деньги носят в больших сумках или в руке. Узбеки и бумажные, и металлические деньги заворачивают в поясной платок — и, если их много, то поверх того, с деньгами, повязывают второй.

Рахманкул поднял кошелек, ладонью его огладил. Он — тяжелый и тугой — видно, давно лежал под прилавком. Мальчонка сунул находку в кулек, загнул края, но не спешил выбираться из толчей возле прилавка — мгновенно пришло спасительное озарение: хочешь сохранить находку, ускользни незаметно и как можно дальше. Ведь этот кошелек и все, что в нем было, уже принадлежит тебе. Нельзя допустить, чтобы кто-то предъявил на находку права, отнял ее.

— Мама! Пойдемте скорее отсюда! — зашептал он, теребя мать за полу паранджи. — Скорее, мама!

— Что случилось? Куда нам спешить?

— Домой! Пойдемте, очень надо! Скорее! — торопил сын, прижимая к груди сверток. — Наклонитесь, я скажу... — И когда мать склонилась к сыну, отогнул край бумаги, и женщина увидела...

Испуганно оглядываясь в ожидании погони, они миновали последние городские дома. Людной была пыльная дорога в этот предобеденный час; припозднившиеся спешили на базар; в сторону кишлака возвращались односельчане и жители окрестных поселений. В каждом встречном мальчику мнился грабитель. И все же с каждым торопливым шагом росла потребность заглянуть, что же там внутри кошелька.

— Пойдем к реке. Нужно отдохнуть. Перекусим.

Они присели на теплые камни за валуном. Хасият развернула платок с двумя

лепешками и горстью сушеного урюка. Выглянула из-за валуна, чтобы убедиться в безопасности.

— Давайте сперва поглядим, что там, — предложил Рахманкул.

— Давай, сынок.

В кошельке была полная пригоршня монет.

— Ох, худоим! — прошептала женщина, когда мальчик высыпал монеты на платок рядом с лепешками. Но в отдельном кармашке лежала еще и пачка бумажных денег. Радужного, зеленого, красного цветов. За две вот такие можно купить гиссарского барана или бычка...

Сколько же их тут, этих денег! Такое количество, небось, только у Нугман-бая найдется!

— Сколько, мама, здесь денег? Много, да?

— Много. Но я такие деньги не умею считать.

— Я тоже совсем не умею.

— Ты пойдешь в школу и научишься.

— А на лошадь хватит этих денег?

— Хватит.

— Давай купим лошадь, мама.

— Купим? — Мать задумчиво рассматривала кучку разворошенных купюр. — А что мы людям скажем, когда спросят, откуда такое богатство в доме вдовы Мастуры? Наверное, это опасно — покупать лошадь на чужие деньги, сын мой.

— Но я нашел их, они мои! Это наши деньги теперь!

— Наши — пока никто не знает, что у нас они есть. А узнают — придет хозяин. Или дурной человек нагрянет и отнимет. Мы не купим лошадь, Рахманкул. Кошчи¹, как и в эту весну, поможет нам вспахать землю. Но мы тебе купим к школе теплую одежду и прочную обувь. И купим большую, десяти-или пятнадцатилинейную лампу, чтобы тебе было светло учиться грамоте.

— Я быстро научусь и пересчитаю деньги, — пообещал мальчик.

Женщина собрала бумажные деньги в тугую пачку, сунула в кошелек, сын помог собрать монеты. Но куда спрятать все это богатство? Чтобы было надежно, чтобы никто не ограбил?

И вдруг мальчик не вполне еще осознал, но почувствовал, что деньги бывают разные: те, что мать выручила от продажи яиц, — это такие, которые можно расходовать не таясь, а вот эти, что нашел он в пыли, — вроде бы и принадлежат они тебе, но потратить их на что хочешь опасно и зорно.

И все-таки куда же укрыть нежданное богатство? И женщина придумала. Она погрузила кошелек в гончарную корчажку, наполовину наполненную студенистой белой массой — молоко, то, что она не успела продать, — и пальцем вдавила его до самого дна:

— Никто не догадается, — прошептала женщина, довольная своей находчивостью.

— Где деньги спрятал? В кислом молоке? — требовательный голос и пристальный, пронизывающий взгляд прокурора требовали ответа. — Пей молоко! Пей до дна!

«Дурак ты, Алимтаев. Как могут поместиться сто толстых пачек в этой корчажке? Совсем не соображаешь, прокурор! Про тот кошелек ты знать не можешь. Никто, кроме матери и меня, о тех деньгах не знает! Выпью я молоко, увидишь, что дензг в нем нет. В другом месте миллион, почти на виду, — вяло рассуждал Рахманкул. — Раз велишь — выпью».

Он пил густое молоко через край, уже живот раздулся, а корчажка с щербатым краем была все полна — та самая корчажка из детства, которой давно и не существовало.

— Будешь пить, пока не скажешь, где деньги. Или лопнешь! — голос Алимтаева был непреклонен. Рахманкул понял, что эта непреклонность в прокуроре — не от упрямства, а от силы, против которой он, влиятельный председатель колхоза, бессилен, и даже друг его Эсан Фазылов тоже ничего сделать не сможет, потому что сила Алимтаева в Законе. Мысль эта пришла к Рахманкулу Рахимову — испуганному, уставшему от необходимости пить тягучее кислое молоко из бездонной посуды — уже на грани сна и яви, в мгновения, когда пробуждающийся ум подсказывал: не спи, проснись, это только сон! И он пробудился. И уже в яви продолжая переживать тягостное сновидение, подумал: «Зачем столько денег, если они не делают человека независимым, а, наоборот, рожают неуверенность и страх

¹ Кошчи — Союз бедняков по совместной обработке земли.

перед расплатой?» Как два десятка лет назад, когда безграмотному мальчугану пришла мысль о бесполезности денег, которые боишься потратить.

Рахимов некоторое время полежал в крошечной темноте, прислушиваясь к себе, раздумывая, к чему бы приснился этот вздорный сон? Потом лежа нащупал на низеньком столике спички, чиркнул, снял с керосиновой лампы стекло, выкрутил фитиль, зажег.

Полулежа на локте, он видел под кроватью, за краем вышитой полотняной простыни, старый фанерный чемодан, склеенный обоями и перевязанный багажными ремнями с круглой деревянной ручкой.

«Не в молоке деньги, Джумабай Алимтаев. Придешь с обыском — и искать не надо, только нагнись, — подумал лениво. — Больше миллиона здесь. Столько, между прочим, Сергей Цой, председатель колхоза «Северный маяк», сдал в фонд обороны. Собственных!» Феррапонт Головатый на меде нажил, Цой — на подорожавшем в первые дни войны рисе. Они — на защиту Родины. А мне, может, на восстановление народного хозяйства пожертвовать? Семьсот тысяч — от шашлыка и самсы, остальные — от продажи урожа в Челябинске. И совсем крохи — колхозные. С них начал расти капитал. Об этих ты, Алимтаев, и не знаешь. Найдешь — удивишься... И еще будут деньги из Челябинска. И не только из Челябинска.

Рахимов вытянул чемодан из-под кровати, прислушался. Кишлак спал. Распутал узлы ремней. Под старым, зеленого сукна, кителем лежали пачки, перетянутые красными резиновыми колечками. Тугие пачки коробились, выгибались, становились почти круглыми, упругие резинки сдавливали бумагу, как живую плоть.

Первое время он любовался деньгами не только когда добавлял к уже имеющимся новые, но и из крестьянской потребности — оглядеть свою собственность и сказать себе — это мое! С таким чувством хозяин приходит в кладовую поглядеть на мешки с зерном, гарантирующие сытую жизнь до нового урожая, наведывается к овцам и в коровник убедиться, что скотина цела и здорова. Крестьянин, хозяин, спокоен за завтрашний день, когда закрома у него полны и всего хватит и на случай возможного недорода и еще какой беды. Но, удивительное дело, чем полнее становился оклеенный обоями старый чемодан, тем меньше удовлетворения испытывал его хозяин. Богатство все меньше радовало Рахимова. Что проку в деньгах, если их нельзя потратить? Ну что может купить председатель колхоза за миллион или за сто тысяч? Второго дорогого коня? Второй дом? И дело не в том, что ни второй карабаир, будь он хоть потомком самого Байчибара, легендарного родоначальника карабаирских скакунов, ни второй дом не может председатель колхоза купить себе, не ответив при этом Алимтаеву или другу детства Эсану Фазылову и членам бюро райкома, на какие такие доходы совершена покупка. Бай Нугман мог тратить деньги на что угодно, хоть четвертую жену купить, а Рахманкул Рахимов — крепкий председатель передового колхоза, став богаче Нугман-бая, может купить, не таясь и не боясь необходимости отчитаться, разве что трофейные часы со светящимися стрелками на барахолке. Но и вторые часы человеку не нужны, потому что все часы показывают одинаковое время. Пять пальцев в рот не засунешь.

Второй чемодан надо завести, вяло подумал Рахманкул. Ох, как много места нужно для бумажек! Уж если следует освободиться от такого багажа, то самое разумное — купить золото, драгоценности. Много золота: весь миллион в старом медном кумгане поместится. Зарыть и не трогать.

Мысль показалась дельной. Действительно, только золото и драгоценные камни — самое надежное помещение капитала. Они не гниют и не падают в цене. Об одном не подумал предусмотрительный Рахманкул. Для кого он будет скупать драгоценности? Кого нарядит в кольца, браслеты, цепи? Можно золото опять превратить в деньги. Но это значит вернуться к этому вот задрипанному чемодану с поломанными застежками. К чему тогда вся его деловая изворотливость?

Он туго затянул ремни и затолкал богатство за край вышитой простыни, под охрану красных петухов и курочек: мать когда-то выменяла эту простыню у эвакуированной украинской женщины за десяток яиц.

Пятясь, едозя задом по устилавшим кошму одеялам, добрался до холодной жесткой лежанки, задул лампу; запахло горелым фитилем и керосином. Подумал, засыпая, к чему бы привиделся такой вздорный сон? Неужто ты, Алимтаев, обо мне и ночами думаешь, примеряешься, как ловчее подцепить? Ну, ничего; скоро тебе будет не до меня! Письма, небось, уже пришли в райком. Эсан не говорит мне о письмах — так это ничего не значит. Судьба вьедливого, как собачья муха, прокурора скоро изменится. Прокурор-прокурор... О-о-о, худоим!

Начальник районного отдела госбезопасности Потапенко в тиши своего кабинета внимательно изучил личное дело прокурора Алимтаева. Членов комиссии беспокоить не стал, вникать в чужие поступки, биографии и судьбы — его дело. На листе бумаги выписал столбиками вехи из пространной анкеты, из автобиографии, из разоблачительных писем. Пририсовывалась схемочка совпадений, эдакая интересная сеточка, в ячейках которой, как патроны в обойме, выстроились, заняли свои места факты. Очень даже красноречивые фактики! И все дело в том, как на них взглянуть и оценить. Можно младшего сына бая назвать батраком старшего байского сына. Но, с другой стороны, младший сын или старший сын богача — все равно какой, есть наследник и будущий бай, враг трудового народа, кровопивец. Яблоко от яблони далеко не укатится! Бай Кенес, бай Алимтай... Алимтай умер. Кенес, чтобы не выделять долю наследства вдове брата, берет ее в жены. А Алимтаев скромно пишет, что мать его стала батрачкой Кенесбая, своего второго мужа. Не больше, чем другие жены, надо полагать. А уж назвав свою мать батрачкой, самого себя назвать батраком родного дяди и отчима — сам бог велел. Так и перекрасился байский сынок в угнетенного бедняка. А таким — все дороги открыты в государстве рабочих и крестьян: и в комсомол, и в вуз. Вот только почему Джумабай не был сослан вместе с семьей раскулаченного отчима-дяди на лесоповал? Да очень просто — фамилия у приемыша другая.

Зиновий Лукич соединил совпадающие факты и даты линиями красно-синего карандаша, отстранил лист на вытянутую руку, поглядел, прищурившись, на результаты логического расклада и остался доволен: с тобой все ясно, гражданин Алимтаев.

Перед майором на противоположной стене висели портреты Сталина и Дзержинского. И тот и другой глядели на хозяина кабинета через лукавый прищур понимающе вроде. Зиновий Лукич пошевелил могучими плечами, прижался к спинке кресла. «На крючке ты у меня, Алимтаев, можно тебя и вываживать», — подумал.

Был один момент, который мог бы насторожить майора Потапенко. Дело в том, что он не поленился запросить по своим ведомственным каналам характеристики на авторов разоблачительных писем. Так, на всякий случай — для себя и чтобы сориентировать, вывести на пишущих товарищей своих коллег из Сарыгагачского района: может, пригодятся в нашем общем деле. Ответ пришел благоприятный, а именно, что не анонимщики укрылись за подписями известных людей, двое из трех подтвердили авторство. А третий не смог это сделать, потому что умер от незаживающих ран. И скончался раньше, чем отправил письмо. Но, может, боясь мести, не рискнул послать и, зная, что жить осталось недолго, поручил кому-либо опустить письмо после своей смерти. А?! Разве такого варианта не может быть? Да и вообще в таком деле вполне достаточно показаний и двух живых свидетелей, да и одного — тоже.

В правильном, принципиальном решении судьбы Алимтаева на бюро райкома майор не сомневался. И для этого были свои причины. На памяти майора не было случая, чтобы местные партийные и советские органы пытались активно противостоять или даже сомневаться в правильности мер, определяемых службой государственной безопасности. Не малозначимым было и настроение первого секретаря райкома партии, которому, и это понял чекист, был неугоден независимый прокурор. Ну, а областной прокурор Кадыров — и вообще не помеха. Неделю назад газета опубликовала статью под убийственным заголовком «Гнилая позиция областного прокурора». В ней приведено полдюжины фактов, изобличающих Кадырова в покровительстве районным прокурорам, повинным в нарушении социалистической законности, поборах в колхозах и взятках с подсудимых. Статья писалась явно по материалам обкома партии, факты в ней неопровержимы, вряд ли теперь Кадыров посмеет защитить Алимтаева, если даже останется в должности (что весьма сомнительно). Уйдет с бюро без партбилета и остаток дней в лучшем случае прослужит юрисконсультом в каком-нибудь учреждении или нотариусом, копии с документов будет заверять частным лицам.

Потапенко закурил «Северную Пальмиру» и с чувством довольства собой и жизнью, которое приходит к хорошо потрудившемуся человеку, позвонил по коммутатору Варшавскому, попросил об аудиенции. Нужно было доложить по инстанции и получить «добро». В борьбе с внутренними врагами он не ведал сомнений, полагая, что лучше перегнуть, чем проявить мягкотелость и гнилой либе-

рализм. Он был уверен, что с «делом перекрасившегося в красный цвет байского сына» накладки быть не может. Дело — верняк!

II

Утрами над кишлаком низко стелется синий сладковатый дым очагов: хозяйки спешат напоить чаем работников до выхода в поле. До восхода солнца замычали коровы, захлопали калитки. С фартуками, перекинутыми через плечо или повязанными на бедрах, и млад и стар торопятся в поле.

Десятком минут позже из конюшни приводят к дому председателя оседланного Каро. У знакомых ворот конь радостно ржет, зная, что выйдет хозяин с куском лепешки, с хрусткими янтарными кристаллами навата — вареного сахара. От конюшни и коровника, где стоят рабочие быки, заскрипят к полевым станам брички и арбы. Остывшая, уплотнившаяся за ночь дорожная пыль разлетается тяжелыми брызгами из-под копыт животных, пружинит под ногами людей.

С утра Рахманкул Рахимов объезжает все дома. Привстав на стременах, заглядывает через глинобитные заборы во дворы: не остался ли, не засиделся ли кто дома? Но бригадиры до него успели обойти дома членов своих бригад. Да и вряд ли кто станет рисковать. Знали — увидит раис-ака даже на улице, не дома, припозднившегося, догонит на своем бешеном рысаке и вытянет камчой хоть парня, хоть женщину, хоть старика. Огреет плетью и пошутит вроде бы — попросит полторы нормы в этот день выполнить. И обязательно проверит — сделано ли, как сказал. И помощи Аллах ослушнику!

Пустынна стала улица кишлака. Рахманкул иногда привставал на стременах, заглядывал через заборы в маленькие дворики с грядками белого и фиолетового райхона, «ночной красавицы», с пышно цветущими розами, шпалерами виноградников, где грозди висели, закутанные в «фунтики» из газет или марли. Пусты были дворы, разве что немощный старик со старухой, проводив детей и внуков в поле, коротали время на глинобитном айване или деревянной супе.

Воздух был напоен миром, покоем, угарным сладковатым дымом очагов. Но не было мира и покоя в душе у председателя, а поселились в ней разлад, сумятица и тревога. Может, сон несуразный тому причина? Но ведь и сны приходят как отголосок дневных дел и тревог.

Каро уже вынес Рахманкула к последним домам, когда тому показалось, что женская фигура выступила из калитки, где живет колченогий старший табельщик Пирмат Наврузов, и отпрянула в углубление ниши. Уж не дочь ли Пирмата Мамлакат?

Не спешившись, Рахманкул склонился из седла к замершей девушке и, держась левой рукой за узорчатую луку, правой подхватил ее, как подхватывал с земли баранью тушу во время улака, поднял к себе на колени. Через застиранное просторное платье он ощутил ее тело, упругий живот, маленькие тугие груди с жесткими сосками. Мамлакат прятала лицо в ладонях, пыталась локтями отстранить жадные горячие ладони.

— Попалась, бездельница, спрятаться задумала, — бормотал Рахимов. — Попалась! Какая ты! Ох, какая ты!

— Отпустите, хозяин! Отпустите, я боюсь... Платье порвете!

— Сейчас отпущу, сейчас... Ах, какая ты, спрятаться от меня задумала! — А руки независимо от его воли обшаривают, глядят, тискают, голова идет кругом от волнующей близости женского тела, остро и сладко пахнет ее кожа.

Девушке удалось сползти с колен всадника. Он бережно отпустил ее на землю, отдышался.

— Ты почему опоздала? — спросил, посмеиваясь.

Девушка стояла, отвернувшись. Она сжалась и вобрала голову в плечи, ожидая незащищенной спиной удара:

— Я выполню полторы нормы, хозяин.

— Ты боишься меня? — Голос помягчел.

— Да... Я выполню полторы нормы... Я пойду!

— Почему задержалась, Мамлакат? Почему вместе с родителями не пошла на работу?

— Чинила платье.

— Платье? Вот это, что на тебе?

— Да.

— У тебя что, только это платье и есть? — не поверил Рахимов.

— Есть еще два. Праздничных. Для тоя... Шелковые...

— Приданое твоё? Чего молчишь?

— Да.

«Небогатая невеста, — подумал председатель. — А есть ли девушки богаче в кишлаке? Вряд ли. Материнское донашивают невесты, довоенное. А у меня денег — всех колхозных невест одеть-обуть могу. Так у меня невесты нет. Один жалуется — Джугарова похлебка у него жидкая, другой — что жемчуга в кубышке мелкие. Вот жизни!»

— Повернись, погляди на меня, Мамлакат, подними голову! — приказал председатель. Девушка покорно выполнила приказ, взглянула испуганно, руки безвольно висят вдоль узких бедер.

— Выполни полторы нормы сегодня, невеста. Приказываю! Ты сколько собрала с начала сезона?

— Не знаю.

— «Не знаю!» — передразнил Рахимов. — А кто знает?

— Табельщик знает... Бригадир...

— Я узнаю. Дотемна работай, а сто пятьдесят килограммов собери! Премирую тебя. Понимаешь? Отрез на платье получишь. Агитатор говорил вам, что те, кто соберут три тонны хлопка, получают премию триста рублей? Приказ такой есть, читали вам приказ?

— Не знаю, хозяин...

— Иди, работай... Я этим агитаторам сделаю наглядную агитацию!

Рахимов отпустил девушку и, изменив правилу начинать день с объезда хлопководческих бригад, направил коня к правлению. Он оглянулся на Мамлакат, вспомнил, почти наяву ощутил упругое девичье тело, прижал ладони к рябому лицу и вдохнул. Может, показалось, что ладони пахли ею?

Старший табельщик Пирмат Наврузов, увидев председателя, встал из-за залитого чернилами стола на целую правую ногу, зажал самодельный костыль под мышкой.

— Чем занят? — спросил Рахимов.

— Готовлю ведомости по бригадам на аванс.

— Есть у нас такие, кто собрал по три тонны?

— Может, есть. Нужно поднять все ведомости.

— Подними! Знаешь хоть, сколько твоя Мамлакат или жена твоя собрали? Составь мне список тех, кто собрал больше двух тысяч килограммов. Чтобы к обеду сделал! Проводи меня до крыльца. Нет, присядь, дай мне табель бригады, где работают твои женщины.

Рахимов принял пачку бумажек, прихватив со стола счеты, удалился за свободный стол. Заглядывая в табели, перекидал на счетах показатели Наврузовых. Жена инвалида собрала с начала сезона две тонны восемьсот килограммов, дочь — две тонны четыреста двадцать. Он выписал эти две цифры на краешек газеты, оторвал его, встал:

— Проводи меня, Пирмат.

На крыльце отдал клочок газеты Наврузову, произнес доверительно:

— Дочь твою, Мамлакат, сейчас встретил. На работу опоздала. Платье чинила, говорит. Я посчитал, сколько она собрала. Норму каждый день перевыполняет. Ты знаешь, что сборщикам, собравшим три тонны, положена премия в триста рублей, тем, кто соберет пять тонн — пятьсот рублей?

— Есть такой приказ, — согласился собеседник.

— Я хочу помочь твоей семье, брат. Смотри сюда, — он положил клочок бумаги на ладонь, ткнул пальцем. Считай. Твоя жена и твоя дочь работают по-гвардейски. Но ни одна не тянет на премию. А если бы дочь перекладывала часть собранного сырца матери в фартук, у той бы уже было больше трех тонн.

— Понял, Рахманкул-ака. Я уменьшу в ведомости дочери и прибавлю жене.

— Ничего ты не понял! Я не учу тебя подделывать документы отчетности, за это — тюрьма! Ведомости должны быть честны! Я не против того, чтобы лучшие сборщики получали премии по закону. Объясни это своим женщинам. Тогда к очередной выдаче жена твоя сможет честно получить премию и купить дочери новое платье. А постараются — получают премию и за четвертую, и за пятую тысячу. Ты все понял, Пирмат?

— Спасибо, раис-ака!

— Вечером задержи бригадных табельщиков. И список составь на лучших сборщиков. Пусть и уполномоченный райкома меня дождет, если задержусь на заготовке.

Он уже вдел ногу в стремя, когда до слуха донесся телефонный звонок, из окна высунулась седая голова главного бухгалтера Ташева.

— Райком зовет! — сообщил он председателю.

Телефон висел в простенке между окнами за спиной Ташева. Рахимов не стал спешиваться, подъехал к окну и принял из рук бухгалтера трубку:

— Слушаю, Рахимов...

— Телефонограмма. Из обкома партии. Слышите, Рахимов?

— Слушаю. — Он подул в трубку. — Слушаю!

— Завтра в восемь вечера вам с секретарем партийной организации быть на бюро обкома партии, — сообщил помощник Эсана Фазылова.

— Какой вопрос? — ладони стали мокрыми от волнения. — Вопрос знаешь?

— Не знаю, не сообщили. Дослушай до конца.

— Эсан-ака, может, знает?

— Он по колхозам из дома уехал.

— Так что еще у тебя?

— До бюро тебе нужно утром быть в обкоме у Меденякина. К одиннадцати. Он скажет, какое дело.

— Ты-то как думаешь, уважаемый, у тебя опыт.

— Как я думаю? Хотел бы ошибиться, но, похоже, персональное дело на тебя.

— Какое «персональное», чего болтаешь? — Ладони вдруг вспотели, под ложечкой заныло. Он вытер свободную от трубки ладонь о шелковистую шею коню, перенял трубку и обтер вторую руку. Боль шилом уперлась под ребрами. — Какое-такое «персональное», зачем так говоришь?! Эсан-ака знает о бюро?

У Рахимова мелькнула надежда, что если влиятельный друг в курсе, то ничего опасного для него в вызове в обком партии нет. Будь иначе, разыскал бы его Эсан, сориентировал, как вести себя.

— Он не знает. Он еще вчера, уходя, сказал, что утром прямо из дома поедет по району.

— Слушай меня, Файзуллин! Обзвони район, найди Эсанджана. Пусть он мне срочно звонит, я буду у телефона. Ищи быстрее!

III

Смирившись с мыслью, что ждать чуда — возвращения мужа — бесполезно, Аимхон потеряла очень важную цель жизни; исчезла, порвалась нить, соединявшая прошлую жизнь с сегодняшней. Где-то в глубине сознания возникло чувство вины перед Рустамом. Вроде не выполнила перед ним своего долга до какого-то предельного конца. Душа ее как-то обмякла, словно вынули из нее стержень.

Возвратясь в родительский дом, она будто окунулась в свою юность. Но верно говорят в народе, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Разве вычеркнуть из памяти последние пять лет жизни, хоть что-нибудь из того, что было? Молодая женщина оказалась в положении человека, долго и упорно взбиравшегося по крутому склону, усеянному камнями и щебнем, и не удержавшегося, сползшего вдруг вместе с лавиной камней к началу пути. И камни — большие валуны и малые — каждый, как памятная веха жизненного пути. Куда уйти от памяти? Как бы дальше ни сложилась жизнь, прошлого из нее не выбросишь. Не может быть у человека будущего без прошлого, все в этой жизни взаимосвязано.

Аимхон ловила на себе жалостливые, со слезой, взгляды матери. Не выдержала как-то, спросила:

— Ну что вы, мама, смотрите на меня, как на тяжелобольную?

— Жить как думаешь дальше, доченька?

— Не знаю. Как другие живут. Вы — знаете, как мне надо жить? Как бы вы сами жили, мама? Не надо меня жалеть!

— Оставь ее в покое, женщина, — вступился отец. — Радуйся, что домой вернулась. Покой ей нужен, а не твои слезы. Ты смотри, как она на работе изматывается!

IV

Рахманкул дождался звонка Эсана.

— Что ты сотворил? — зло спросил Фазылов, выслушав друга. — Я же не в обкоме работаю!

— Нам надо увидиться, Эсан-ака. Думай, пожалуйста, что делать! Может, не ехать к Меденякину, а?

— Ехать! Сегодня занимайся своим делом. Хлопок шуруй! Ты от меня совета ждешь, а в чем виноват — мне сказать не хочешь. За это не обижаюсь. Знаю, что

лучше всего мне не знать. Ладно, оставим этот разговор, не для телефона он. Запомни одно: сейчас самый большой спрос — за хлопок. Читаешь газеты?

Да, это верно. Главное сейчас — хлопок. Сегодня он дает два процента к плану. И завтра даст, чего бы это ему ни стоило, — подумал Рахманкул.

Увлечись делом, он забыл, как нужен ему звонок секретаря райкома. Когда телефон зазвонил и он, повернувшись всем кряжистым телом к простенку, где висел аппарат, и уже прижав к уху трубку и слыша голос Фазылова, вспомнил, что тот не обещал звонить, испугался. Значит, что-то такое есть, чего следует бояться.

— Слушай внимательно, Рахимов. В областной газете сегодня фельетон есть. Про тебя.

— Какой пелетон? Не понимаю.

— Сейчас поймешь... Ты зачем в Шахимардан ездил? Отдыхать? Или хадж совершал?

— Отдыхать, — неуверенно откликнулся Рахимов. — Какой еще хадж?

— Ты хоть сейчас мне не ври. Зачем к мавзолею таскался? Что дал муллам? Горе воспитавшим тебя! За что ты отблагодарил мракобесов?

— Кто писал? Григорьев, да? Этот журналист, да?

— Да, он.

— Он злой на меня. Я его выгнал из кабинета.

— Ну и дурак. Журналистов обижать — дело опасное. Этот Григорьев уже не корреспондент, между прочим. Он помощник Тургунова! Ясно, что это для тебя может значить? Неужто ехал в Шахимардан и не догадался, что про всех, кто там отдыхал, чем занимался, — все известно будет тут же?

— Не знал... Что мне за это будет?

— Не знаю. Думаю, строгача с занесением нужно тебе дать. Чем сейчас занимаешься?

Рахимов рассказал о том, что решил сделать и что уже успел для повышения трудовой активности сборщиков.

— Я сам фартук надену, честное слово! — закончил Рахимов.

— Вот что я сделаю, Рахманкул. Ты это хорошо придумал. Сейчас найду редактора районной газеты. Пошлю его к тебе. Продумай все до мелочей, подробно расскажи Латфуллаеву. А я ему поручу описать ваш опыт соревнования и заботу о людях. Завтра чтобы статья была, прикажу.

— Спасибо, Эсан, я этого не забуду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Задолго до назначенного часа Рахимов приехал на колхозной раздолбанной полуторке к белому приземистому зданию обкома партии, фасад которого до окон был скрыт буйно цветущими розами; по кромке выложенного кирпичом тротуара газоны обрамлял густой бордюр из легустры. У невысокого крыльца росли несколько елей.

— Меня не жди, — приказал он Аимхон. — И не приезжай за мной. Может, Фазылов даст машину — тогда вернусь ночью, если нет — доберусь сам утром, в городе заночую. Ты, пожалуйста, Аимхон, вози больше хлопка на заготпункт. Хорошо ты работаешь, спасибо тебе. Кончим убирать урожай — премирую. Проси что хочешь! Ничего не пожалею.

Рахманкула не покидало чувство страха за свою судьбу. «Могут и без партбилета выпустить с бюро. А беспартийный — значит, и не председатель! Вся жизнь из-за необдуманного шага может перевернуться. А все этот проклятый прокурор. Чтoб тебя, пса, Мункар и Накир¹ вывернули наизнанку, байского недоноска, когда подохнешь. Не он, настырный, — что бы меня понесло по этой чертовой лестнице к муллам с подарками! Ну, ладно, бога нет, это каждый пионер знает. Но и Алимтаева в колхозе нет, и следователи его не появляются! Вот ведь дело-то какое! О, худой, пусть персональный вопрос будет для меня легким!»

В большой комнате на диване, поставленном между высокими зарешеченными окнами, сидел представительный человек в синем тонкой шерсти костюме, при галстукe, в черных лаковых туфлях. Чтобы не помять отутюженные складки на

¹ Мункар и Накир — ангелы, подвергающие покойника допросу.

брюках, он поддернул штанины почти до колен, до широких резиновых подтяжек, удерживавших носки. На носу у ожидавшего были очки, он читал какую-то тоненькую книжицу, и когда Рахманкул, уже угадавший в сидящем директоре шелкового комбината Мусаханова, сел рядом, тот отодвинулся к краю дивана.

— Мусаханов, да? — дружелюбно поинтересовался Рахимов. Спросил, хотя и знал, что это он, директор крупнейшего в республике, а может и в стране, шелкового комбината. Видел его не раз на совещаниях партийно-хозяйственного актива области.

Тот поднял голову от книжки:

— Рахимов?! Здравствуй!

Одних людей объединяет общая беда, других — разводит. Добрые, нравственные спешат на выручку ближнему, трусливые расталкивают, лезут по спинам других, чтобы самим остаться целыми. Ни тот ни другой не испытывали к соседу по дивану ни симпатии, ни сочувствия, хотя находились в равных условиях, и вина их была одинакова, и наказание ждало одно. Одно — но не общее, не на двоих одно, а каждому — свое.

— Чего читаешь? — поинтересовался Рахманкул у друга по несчастью.

— Это? Это про десять сталинских ударов...

— Ты, Мусаханов, на политкружок сюда пришел, да? С тебя экзамен будут спрашивать, да? Ты положи ее подальше пока. Если с бюро целый уйдешь — завтра изучай, сейчас думай, чего на бюро скажешь.

Мусаханов вздохнул, закрыл книжку, положил на подоконник.

— Здесь лежала, забыл кто-то. — Спросил тихо: — Как думаешь, Рахимов, что нам будет, а?

— Что будет? — Рахманкул подумал, прежде чем ответить, у глаз собрались лукавые морщинки. — Думаю, что будет одиннадцатый сталинский удар. Коленкова под зад будет! Пойду попрошу чаю у милиционера, — предупредил Мусаханова. — Позови, если что...

Рахимов издали заметил, как встрепенулся Мусаханов, живо поднялся с дивана и степенно пошел на бюро. «Пришла и наша очередь», — подумал он и почти бегом бросился в приемную.

Было уже часов около девяти, совсем стемнело на дворе.

— Можно позвонить? На заготпункт. Узнать надо, сколько сдали сегодня...

— Позвоните.

— Это я, Рахимов. Сколько от нас поступило? Быстро сосчитай, пожалуйста, Тургунову надо. Наши арбы еще есть? Аимхон есть? Прими от нее и прибавь. Процент быстро считай, не клади трубку, брось все дела!

Минуту-другую ждал, затаив дыхание. А услышав ответ, вздохнул глубоко, обрадованно повторил услышанную цифру:

— Два и восемь десятых процента! Кто больше нас сдал? Нет? Спасибо!

Приглушенно доносились звуки из-за двери. Потом дверь медленно распахнулась и как-то бочком вышел Мусаханов. Лицо у него было красное.

— Ну, что дали? — спросил участливо Рахимов, уже поняв по виду директора, что дали здорово. Тот ничего не ответил, словно и вопроса не слышал, да и вряд ли что видел. Следом за Мусахановым показался Нигматуллин, тот, что беседовал с ним утром и помогал писать объяснение.

— Заходи, Рахимов. — Рахманкул бочком, как только что покинул бюро предшественник, прошел в нешироко открытую дверь и попал в ярко освещенный, людный и продымленный табаком бесконечно длинный кабинет.

— Садитесь сюда, — показал Нигматуллин на стул в торце стола и сам занял крайний в ряду и ближний к Рахимову, Рахимов не сел. Опустив голову, стоял на потерявших упругую силу ногах, ждал.

— Вот и второй наш герой, — услышал насмешливый голос Тургунова и поднял глаза: Тургунов сидел напротив на другом конце бесконечно длинного стола.

— Ну, что скажешь, коммунист Рахимов, членам бюро? — спросил Тургунов.

Рахимов молчал.

— Ты фельетон-то читал? — Это уже кто-то другой поинтересовался.

— Русский плохо знаю... Нигматуллин мне читал, перевод делал.

— Все правильно в фельетоне написано? — снова голос Тургунова.

— Все правильно...

— Ты что, Рахимов, в бога веришь? — Это Нишанходжаев добродушно поинтересовался.

— Нет. Бога нет, это каждый ребенок знает.

— Так какого ты черта к муллам полз по крутой лестнице с подношением?

— Мать просила...

— Она у тебя верующая?

— Нет.

— Чёго ей от бога, от мулл нужно?

— За отца, зарубленного басмачами из банды Халходжи, за всех, кто с войны не пришел. Чтобы помянули. Не мог я отказать матери.

— Почему мать не повез в Шахимардан? Сама бы и связалась с Аллахом. А ты, коммунист, взял на себя роль посредника между матерью и Аллахом, — насмешливо заметил Голенко.

— Коровы, куры... Куда от них ей уезжать? Да и в поле она работает.

— Твой отец с басмачами воевал? — уже без насмешки спросил Голенко.

— Нет, не воевал. Басмачи у него лошадь хотели забрать, а он не отдавал, стал драться с басмачами, они его саблей...

— Этот Халходжа был самый свирепый из басмачей, — оживился подремывавший Нишанходжаев. — Его шакалы ездили по долине с головами убитых активистов и красноармейцев, нанизанными на палки... Когда Халходжа убежал от нас, за границу через Ош на Мургаб, он так быстро-быстро торопился, что у женщин кольца с пальцев не снимали — пальцы отрезали, браслеты не снимали — кисти рук отрезали вот так, — он потер ребром ладони по кисти руки, — если золотая цепочка через голову не снималась, — головы рубили напрочь. Ха — и нет головы.

Нишанходжаев, председатель облисполкома, по возрасту был среди членов бюро обкома самым старшим. И единственным среди нынешних членов бюро активным борцом с басмачами в начале двадцатых годов. Свой первый орден — Красного Знамени, говорили, он получил из рук самого Фрунзе.

— Ближе к делу, товарищи! — попросил Тургунов. — У кого есть вопросы?

— У меня есть, — произнес секретарь горкома партии Кучкин — круглолицый розовощекий крепыш. — Наш герой, вроде, руководит колхозом, где неизвестно куда исчез чуть не миллион общественных денег. Это у тебя пропал миллион, набожный райс? Куда девал деньги?

Рахимов ждал этого вопроса, таившего в себе опасность; опытный человек этот Эсан, предупредил, что могут спросить и про деньги. «Хорошо подумай, что ответишь», — посоветовал.

— Не было столько денег, товарищи бюро. Это Алимтаев приписал. Наверное, хочет мне яму копать.

— Как приписал? — не отставал Кучкин. Члены бюро, да и все присутствующие с любопытством разглядывали председателя колхоза. На битом оспой лице его были написаны искренность и сожаление, что прокурор несправедлив. — Значит, в постановлении Бюро ЦК указана неправильная цифра?

— Ошибка вышла, — согласился Рахимов. — В прошлом году какие-то люди пришли в колхозную столовую, тех, которые спокойно сидели, кушали, посчитали, шашлычные палочки пересчитали, кастрольки-мастриюльки, где маринованное мясо лежало, поглядели... Выходной день был, лето, на базаре народу много, в столовых, чайханах народу много... Эти люди выручку у повара пересчитали, акт-пакт написали, что выручка от шашлыка, самсы, шурпы, лепешек — три тысячи рублей в день. В год миллион получилось заработка. У этих счетоводов, которые доход считали, в голове мозгов мало, мяса много. Как у баранов. Разве так честно считать? Один день выходной в неделю — народу много, шесть дней рабочих — народу мало, выручка не три тысячи, а пятьсот рублей бывает или триста... Лепешки столовая не печет и не продает, другие люди торгуют, акт-пакт говорит: сто лепешек продает столовая. Это тысяча рублей получилось. Весь год столовая как работать может, если стенки нет, крыши нет? Это летняя столовая, это не ресторан, казаный, шампур, курпачи на арбу погрузил осенью — и нет столовой, пустое место останется зимой... Алимтаеву говорил: смотри, что получается! Прокурор глаза закрывает.

— Так сколько твоя столовая заработала прошлый год? — миролюбиво спросил Голенко.

— Двести тысяч; может, двести двадцать...

— А куда эти деньги исчезли? Почему в кассу не попали?

— Это моя ошибка. Дело новое — шашлык, шурпа. Опыта нет. Но деньги никто не воровал, товарищи бюро обкома... Колхозникам денежный аванс давали. Ведомости есть. Их Алимтаев забрал. Прошлый год в район приехали представители рабочего класса Урала, наши русские братья. Говорят — детишки болеют, овощи, фрукты надо, помощи, брат-узбек. Детишкам от болезни из основной шишки-иголки компот варят. Вой-бой! Корова, баран такой компот кушать не будет, пилюваться будет...

Рахимов говорил по-русски, нарочно искажая слова, и сидевшие в огромном кабинете серьезные люди начали улыбаться, переговариваться между собой, у некоторых улыбки не сходили с лица.

— ...Райком собрал всех председателей колхозов. Советовался с нами: чего делать? Помогать надо русскому брату, говорим. Товарищ первый секретарь райкома Фазылов, вот он здесь сидит, сказал дорогим гостям с Урала: «Наши колхозники

сделают так, как нужно». «Кто сколько может продать урюка по ценам госпоставок?» — спросил Эсан-ака. Кто говорил — пятьсот килограммов, кто — семьсот, а кто и молчал. В моем колхозе самый большой в районе урюковый сад. Мы его и в войну сохранили, ни одного дерева на дрова не пустили. У нас был урюк. Три тонны! Я взял слово. Я сказал так: Дорогой товарищ Гудов, дорогой гость нашего района. У колхоза Куйбышева есть три тонны урюка на трудодни. Он — ваш! Но надо мне советоваться с колхозниками, они хозяева каждой урючины. Поедем к нам в колхоз, гостем желанным будешь. Выступи перед колхозным активом, товарищ Иван Афанасьевич, увидишь, какая интернациональная сталинская дружба получится. Только, если можно, помогите нам, братья-тракторостроители, запасными частями. Пахать надо, сеять надо — трактора стоят. Мы хлопок даем! Помогайте нам хороший урожай хлопка делать. Гудов сказал: «Хоп». Он сказал: рабочие выходной день отдыхать не будут, нам запасные части делать будут. Нужно, сказал, делать братскую дружбу узбекских колхозников и уральских рабочих еще крепче, чем сталь для танка!

Бюро затянулось. Тургунов исподлобья поглядел на часы в углу кабинета — они показывали без десяти десять.

— Короче, Рахимов.

— Хоп! Короче, что получилось? Что такое три тонны урюка по ценам госпоставок? Завод обещал половину урюка оплатить деньгами, половину запасными частями, инструментом для слесарей и кузнецов. Это сколько будет? Два трактора не починишь, один гусеничный не обуеешь! Тогда я нашел выход. Я сказал Гудову: грузовой вагон, который у тебя есть, загружай тем, что дадут все колхозы. Мне давай второй пустой вагон. Чего я решил? Я решил так. Колхозники зимой будут продавать урюк на базаре, чтобы купить разное шара-бара для семьи. Мерзнуть будут на базаре; мешки, как ишаки, таскать на себе станут, от колхозных дел убежать будут. Так каждую зиму было. Я верно говорю? Я сказал колхозникам: урюк сушенный на базаре двенадцать рублей. К весне будет по двадцать. Правление колхоза покупает у вас весь урюк, который хотите продать за зиму. За хороший, за «исфару» и «сахарный» колхоз платит пятнадцать рублей, за простой — двенадцать. Деньги из рук в руки.

— Почему продал? — жестко спросил Ткаченко, заместитель Нишанходжаева.

— В два раза дешевле, чем стоит на базаре в Челябинске.

— Где же запасные части?

— На тракторах, товарищ Ткаченко Михаил Михайлович. Тракторная бригада, закрепленная за нашим колхозом, раньше всех закончила ремонт техники. Помогли мы и другим колхозам. По указанию райкома партии. Товарищ Фазылов пусть скажет.

Эсан Фазылов кивком подтвердил.

— Так безвозмездно и расстался с запчастями?

Не признаваться же, что за дефицитные «железки» он ополовинил в колхозах фондовые селитру и суперфосфат, забил ими приспособленную под склад мечеть.

— Обещали вернуть... Кроме запчастей, мы купили списанный мотор для электростанции. Рабочие его нам починили и, наверное, уже отправили. Хотим электричество пустить в дома. Днем зерно молот, вечером — свет будет.

— Как с хлопкосдачей у тебя, Рахманкул Рахимов, помогает Аллах? — спросил Тургунов.

— Нет, сами стараемся, товарищ Халим-ака. План колхоз выполнил на восемьдесят шесть процентов. Это на сегодня. Вчера сдали более двух с половиной процентов, сегодня звонил на заготпункт — почти три будет.

— Верно говорит, Фазылов?

— Верно говорит, — подтвердил секретарь райкома.

Рахимов понял, что с председателей его не снимут. А значит — и партийный билет он сохранил.

Тургунов обратился к секретарю райкома:

— Чем там у тебя прокурор занимается? Он тебя информирует?

— Он склад арестовал, где остатки запасных частей лежат, — вмешался в разговор Рахимов. — Ремонт надо делать — ключ от склада прокурор не дает.

— Алимтаев странную позицию занял, — заговорил Фазылов. — Но это его дело, он в своих действиях подчиняется только закону. Тут другое дело, товарищи члены бюро. На Алимтаева с его родины поступили разоблачительные письма. Он — сын крупного бая из Чимкентской области. Проверкой занимается комиссия под руководством майора Потапенко.

— Тебе, Амбросий Георгиевич, что-нибудь известно об этом? — обратился Тургунов к полковнику Варшавскому.

Варшавский встал:

— Да! Потапенко доложил. Я читал документы. Алимтаев не наш человек. Да он и сам невольно рассекретил себя в автобиографии.

— Да что это делается в епархии Кадырова! — воскликнул Голенко. — Кого же он набрал в районные прокуратуры! Кого ни возьми — взяточник или замаскированный байский выкормыш! Ты чем в обкоме занимаешься, Ларионов? — зло спросил заведующего отделом административных органов. — Это и твои кадры, ты их выносил на утверждение.

— Ладно! — Тургунов хлопнул пухлой ладонью по столу. — У кого есть предложение по делу Рахманкула Рахимова?

Члены бюро молчали. Действительно, какую меру партийного наказания избрать для председателя передового колхоза, человека инициативного и искреннего?

— Я предлагаю ограничиться на первый раз выговором с предупреждением, — произнес Тургунов. — Другие предложения есть?

— Что же получается, за одинаковую вину один ушел с бюро без партийного билета, второму только выговор без занесения? — возразил Голенко.

— Так что ты предлагаешь, Александр?

— Исключить из партии.

— Больно ты крут, Голенко. Всех под одну гребенку хочешь стричь? — жестко произнес Тургунов и встал, оперся ладонью о край стола, постоял, насупившись, медленно и тихо заговорил;

— Вина у Мусаханова и Рахимова перед партией огромная! Одинаковая вина! Почему я и все члены бюро поддержали твоё предложение об исключении Мусаханова из партии? У него высшее образование. Он интеллигентный, культурный вроде бы человек. Он должен бы быть убежденным атеистом. Но, как выяснилось, на посту директора крупнейшего в области предприятия Мусаханов превратился в мелкобуржуазного перерожденца. Это твоя оценка. Она правильная! Он использовал служебное положение в корыстных целях, против него возбуждается уголовное дело за махинации в цехе ширпотреба. И поехал он в Шахимардан с перепугу, с одной надеждой на Аллаха. Поехал на неделю со всей семьей, ни одного инженера или передовика с собой не взял. Угнал автобус, на котором рабочие на работу ездили. Они неделю пешком по его милости туда-обратно десять километров ходили. — Тургунов вышел из-за стола и медленно двинулся за спинами сидящих. — Можем ли мы ставить на одну доску с Мусахановым председателя колхоза Рахимова? Я думаю, что будет политически неверно. Мы не должны избивать наши кадры до смерти, если есть надежда на их исправление. — Он поднял глаза от пола, увидел все еще стоящего Рахимова, властно махнул рукой, усаживая его на стул. Тот сел. — То, что Рахимов полез к муллам — это наша недоработка. Нам, когда закончим хлопкоуборочную, следует слушать на бюро вопрос о состоянии антирелигиозной пропаганды. Ты, Мухаммадиев, скажи своим пропагандистам, пусть начинают готовить вопрос, — посоветовал или приказал секретарю по пропаганде и агитации. — Так вот, при одинаковой вине не всегда должно быть одинаковое наказание. Ты со мной согласен, Александр?

— Снимаю свое предложение, — сказал Голенко.

Тургунов встал за спиной Рахимова, положил руку на спинку стула, вроде защищая того, кто сидел, вжав голову в плечи.

— Тогда остается одно предложение. Кто за него, прошу проголосовать.

Так же неторопливо Тургунов вернулся на место во главе стола, по дороге оглядев поднятые руки.

— Единогласно... Бюро считаю закрытым. — Уже когда участники заседания задвигались, стали подниматься, сказал Фазылов: — Не тяни с Алимтаевым, выноси вопрос на очередное бюро райкома.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

С утра, пользуясь отсутствием шефа, Григорьев «вкальвал» на телеграфное агентство. Телефонистки на междугородной узнавали помощника первого по телефону и соединяли с любым абонентом мгновенно. И пока он докапывался до интересного факта или события, обеспечивали отличную слышимость по всей цепочке дальней связи. Четыре информации были готовы. Две из них были интересны всеобщему читателю, а значит — попадут в вестник ТАСС. Вот эта в том числе — о том, что в честь славной годовщины Великого Октября хлопкоробы колхоза

имени Куйбышева Симабадского района досрочно, первыми в области, выполнили план хлопкозаготовок и задание первого года новой Сталинской пятилетки.

После бюро Григорьев не питал к обидчику неприязни. Рахимов виделся ему умным колхозным вожаком — в меру хитрым, изворотливым и даже плутоватым. Понял он и то, что задерганный бесконечным следствием, сорвался председатель, выставил журналиста за дверь. Какие уж тут обиды! О трудовом подвиге куйбышцев он узнал от Эсана Фазылова. Залог высоких темпов хлопкозаготовок — в сталинской заботе о хлопкоробах, объяснил ему секретарь райкома. Во всех бригадах — ежедневный расчет за собранный сырец! Деньги — получи, сколько заработал, зерно — получи. Лучшим сборщикам в каждой бригаде — премия.

Дорисовать картину дел, происходящих на колхозных плантациях, помогли опыт и фантазия. Получился живой репортаж с места события: благо Фазылов помог автору обилием фамилий особо отличившихся и самыми достоверными цифрами. Была информация и об отправке вагона сладчайших гранатов к праздничному столу москвичей. Что Седьмого ноября жители столицы гранатов не попробуют, по той простой причине, что вагон будет идти до них неделю, а то и больше — Григорьева не смущало. Он и не обещал именно к октябрьскому торжеству; уж к Дню Сталинской Конституции, тоже любимому празднику народа, бывший Елисеевский на улице Горького будет торговать сладкими дарами узбекской земли.

«Эти материалы и Панин охотно в номер заверстает», — подумал Григорьев. Он уже готовился позвонить редактору, когда открылась дверь в коридор и возникший в проеме Голенко спросил:

— Чем занят?

— Информашки строгаю.

— Поехали со мной, брось свою писанину! Жду в машине!

«Кто тебя ужалил?» — подумал Григорьев, но возбуждение, написанное на лице второго, не оставляло сомнений, что произошло нечто неординарное.

— Я с Голенко уехал! — крикнул он в открытую дверь секретарю.

— Что случилось, Александр Куприянович? — спросил, усевшись на заднее продавленное сиденье раздолбанного еще на фронтовых дорогах и списанного воинской частью «виллиса».

— Дома у меня что-то необычайное происходит! Сейчас разберемся!

Григорьев не стал допытываться; похоже, тот действительно не знал, в чем дело. Он взглядывался в улицы. Бульжные мостовые были устланы толстым слоем тяжелых желтых, зеленых и медно-красных листьев тополей и платанов, росших в центре города в четыре ряда; кроны их шатром смыкались над головой; пронесившиеся навстречу машины поднимали колесами с земли золотую поземку; осенняя горечь увядания наполняла воздух.

Ворота во двор, где среди деревьев стоял двухэтажный особняк, были приотворены, но въехать в них не удалось: сразу за ними мотором на улицу стояла грузовая машина.

На большой застекленной веранде за обеденным столом сидели теща Голенко, женщина, в которой Петр сразу узнал Аимхон, и крепкий мужчина преклонного возраста. Они пили чай. Антонина, жена Голенко, стояла за спиной у матери с запеленатым ребенком на руках, убаюкивала его. От дверей через всю веранду, как в живой очереди, стояли тугие мешки, между ними трехлитровые бутылки, наполненные, похоже, маслом.

— Мама! Тоня! Идите в комнаты.

Теща вроде бы обиделась, но поднялась с табуретки. Уже в спину ей, усаживаясь на ее место, Голенко произнес:

— Я с гостями чай попью! Григорьев! Подсаживайся.

— Здравствуйте, Аимхон! — сказал Григорьев, присев на старый и шаткий венский стул рядом с женщиной.

— Узнали? Здравствуйте, Петр.

— Что тут происходит, Аимхон?

— Подожди, Григорьев. Ты знаешь их?

— Знаю. Они из колхоза Куйбышева — где Рахимов председателем. Это Аимхон, шофер колхозный.

Александр Куприянович отодвинул недопитую тещину чашку, спросил у старика — что там, в этих мешках.

— Он грузить-разгружать помогал, — ответила Аимхон. — Там, что... Картошка, моркошка, лук, капуста, свекла. Два мешка — гранаты, урюк. Масло вон... А те, чистые мешки, — мука, рис.

— Та-а-а-а... Кому все это предназначено? — заинтересовался Голенко. — Почему мне привезли?

— В этот дом полагается. Это дом второго секретаря обкома, — объяснила женщина.

— Но я не просил никого! Почему ты мне привезла?

— Я шофером с конца сорок второго. С тех пор каждый год в этот дом продукты вожу.

— Как часто? Сколько раз в год? Я с зимы здесь живу, скоро год...

— Раз в год и вожу. На зиму.

— Накладная, квитанция какая, счет, сопроводительная бумага есть у тебя, Аимхон? Сколько я должен заплатить за это добро?

— Зачем квитанция? Это бесплатно.

— Ты слышишь, Григорьев? Как это все понимать надо?

Григорьев не знал, как это надо понимать, и пожал в ответ плечами.

— На заборе, говорят, до моего приезда писали: в этом доме живет помещик Бельский. Про второго секретаря обкома писали! Ты знаешь это? Про коммуниста, про партийного деятеля!

— Это я вам рассказывал,— напомнил Григорьев.— В прошлом году сам читал.

— Но как уберечься, если, сам видишь, везут без моего согласия и просьбы. Что мне прикажешь делать, а?! Ведь все соседи видели, что новому обитателю особняка везут!

— Видели, наверняка,— согласился Григорьев.

— Ну и что теперь делать?

— Посоветовать могу, Александр Куприянович... Идите-ка, откройте пошире ворота, чтобы все видели, как все обратно грузить в машину будут. Шофера своего пришлите на помощь. Вот и будет чист ваш забор. Скажут соседи: «Наконец-то порядочный человек в особняке поселился». Ни курагой, ни борзыми щенками взятки и подношений не берет. Сами и ворота закройте за машиной, и кулаком вслед погрозите — ай-ай-ай!

— Не паясничай! Ты что, не понимаешь всей серьезности ситуации?

— Не сердитесь. Насчет «кулаком» — это я зря. А отправить груз обратно нужно сейчас же.

— Допивайте чай, гости неожиданные,— решительно поднялся Голенко.— Обратно все увезете. И вот что, Аимхон. Скажите своему председателю, чтобы вечером был обязательно у меня в обкоме. Обязательно!

— Хоп,— отозвалась женщина.— Значит, обратно везти все надо, да? Что буду раису говорить?

— Твоему раису я сам все скажу!

Через полчаса они вернулись в обком.

— Зайди, Петр, ко мне. Посидим.

— Обед уже.

— Скажи официантке, чтобы твою тарелку ко мне принесла. Тоскливо мне, брат, от этой истории, посиди со мной.

Сидели, молчали. Официантка Людочка, с белой крахмальной «короной» на пышной голове, в белом фартучке, принесла обед, а потом унесла посуду. Григорьев обратил внимание на несколько извещений почтовых переводов, спросил — что это.

— Книги в книготорге нужно выкупать, а денег нет.

Григорьев вдруг понял, как трудно живет Голенко. Он, жена, теща, дочь грудная. И на всех — тысяча четыреста в месяц плюс «депутатские» — он был депутатом Верховного Совета республики.

— Одолжить вам денег? У меня есть. Здесь, в сейфе.

— Спасибо. Отдавать не из чего. Поверь, что не хватает выкупить то, что по лимитным карточкам положено, от нужного отказываюсь.

— Возьмите деньги, Александр Куприянович! Я могу ждать, у меня свободные деньги.

— Послушай, Григорьев, сколько ты в месяц получаешь?

Григорьев рассмеялся:

— Портного спросили, как бы он жил, если бы его избрали царем. Портной ответил, что жил бы богаче, чем царь. «Я бы, — сказал он, — еще на придворных шил». Вот и я так — царствую и шью.

— Ну а если всерьез? Не секрет?

— Какой секрет! Я же партийные взносы честно со всех видов заработка плачу, парторганизация у нас одна с вами, можете проверить. В общем, раза в три больше, чем у вас, зарплата. Вместе с депутатскими.

— За что тебе, шелкоперу, столько платят, если не секрет? У помощника зарплата тысяча сто пятьдесят... А дальше?

— Плюс восемьдесят кормовых, за которые нас наша столовая кормит. Мой оклад собкора — девятьсот пятьдесят. Семьдесят процентов к зарплате я получаю на разъезды — командировочные, в которых отчитываюсь не авансовыми отчетами,

а корреспонденциями из районов. А езжу я давно бесплатно с попутчиками. По пашлычным в райцентрах не хожу — начальство в гости зовет. Это еще шестьсот шестьдесят пять рублей чистоганом, без налогов и партвзносов. Ну и гонорар! По УзТАГУ, по ТАССу. Из двух областных газет еще капает. Я писучий. А писать — дело доходное. Какá-никакá, а червонец строка, как сказал один поэт.

— Да-а... Знаешь, Петр, о чем я иногда думаю, как с войны вернулся на партийную работу? Очень обижены мы в зарплате. Директора предприятий получают в два раза больше секретаря обкома. В армии я за боевой дух, за политическую работу в дивизии отвечал. А как секретарь обкома — и за идеологическую работу среди миллионов жителей области, за работу промышленников, за народное образование, за здравоохранение... Это же несправедливо. Менее стойкие и лезут в колхозные закрома. А мы их на бюро — из партии, с должностей выборных! Вот увидишь, узнает товарищ Сталин, как трудно живут партийные и советские кадры, — примет меры. Это я тебе говорю!

II

Аимхон не могла найти объяснения странному поступку хозяина большого дома. Почему приказал отвезти продукты обратно? Может быть, привезли мало? И жена его, эта... с ребенком на руках. Вместо того, чтобы заглянуть в каждый мешок, приказать спустить их в подвал, крышка от которого была в углу веранды, стала звонить по телефону, приказала не уезжать, пока хозяин не придет. Та, пружня, Катя-апа, жена Бельского-Мельского, и под пол залезала, командовала, куда что положить.

Обо всем она не без иронии пересказала Рахманкулу. Тот не поддержал веселого настроения Аимхон. То, что Голенко вернул продукты, было плохим знаком, то, что потребовал срочно приехать — было еще хуже: значит, недоволен. В мешки, Аимхан сказала, не заглянул, накладную-счет спросил. Какой-такой счет-расчет? Что говорить, когда спросит, а? Что может спросить?

Поспешил Рахимов со своей тревогой в райком партии к единственному другу.

Эсан Фазылов прочно держал в памяти то, чего не следовало записывать в блокнот. От Рахманкула он и узнал весной сорок второго, что тот был принят первым, не Тургуновым, нет, предшественником его, и получил поручение заботиться о семье второго.

— Одного тебя принял, Рахманкул? — поинтересовался тогда Эсан. — Может, другие председатели были с тобой? На бюро поручил?

— Нет, Эсан-ака, один я был в кабинете. За маленький столик ко мне вышел, напротив сел, хорошо говорил. Война, говорил, скоро кончится. Может, раз или два поможете. Твой колхоз крепкий, надо помогать. Нельзя допустить, чтобы жена, дети большого человека испытывали нужду. Я сказал ему — хоп, бажарамиз¹.

— Это хорошо, что ты мне рассказал. Больше никому не говори, понял? Выполнять, брат, надо. Это доверие тебе обком партии оказал, не подведи.

— Куда буду списывать картошку-моркошку?

— Подумай. На помощь семьям фронтовиков, на общественное питание... Сам решай! Чтобы в бухгалтерии никаких следов не было, иначе подведешь себя и других.

Эсан знал, что и еще из одного колхоза его района поставляют на зиму овощи, муку, картофель, фрукты и другую разную снедь другому областному руководителю, и понимал, что в каждом районе области один, два, а может и три крепких сельхозартели были подключены чьим-то постановлением, чьей-то волей к этому делу. Догадывался даже, какие номенклатурные должности входили в разряд особо опекаемых; сколько их поменялось за войну, и председатели сельхозартелей менялись, а спекулянтство работало безотказно.

— Вот что, Рахманкул. Надо говорить правду, все как есть. Скажи, что ду- мал — есть постановление правительства, Ташкент или даже Москва так решила. Ты человек маленький, всех законов не знаешь, а слово секретаря обкома для тебя, молодого коммуниста, закон. На бюро обкома ты говорил очень хорошо. Так и держись. Не захотел Голенко брать продукты — правильно делает. Скажи ему спасибо за это. От разбазаривания колхозного добра спас, помог тебе политику партии-правительства проводить, колхозный устав не нарушать.

¹ Бажарамиз (узб.) — выполним.

Ожидая Рахимова, Голенко размышлял о происшедшем. Он поверил колхозному шоферу и понимал, что продукты — не одноразовая взятка, не попытка задобрить его, нового второго секретаря обкома. Пожалел, что повез домой Григорьева. И Петр сообразил, что продукты на зиму взят и другим. Вот знать бы — кому именно! Только ли секретарям обкома и руководству облисполкома, или круг обслуживающих — шире? Вряд ли бюро обкома могло принять решение обложить данью колхозы. Это абсурд! Какими политическими тупицами надо быть, чтобы принять незаконное решение! А вдруг, а? Если же нет — значит, был сговор, в котором участвовали только те, кто вошел в круг избранных. Только о себе заботились, шкурники!

Рахимов появился уже в десятом часу, запыленный, усталый и счастливый, каждая рябинка, казалось, излучала радость.

— Товарищ Голенко! Извините, задержался. На заготпункте был. Последнюю арбу сырца сдали. Есть план! Рапорт привез. Тургунову отдал, он Юсупову звонил!

— Поздравляю, Рахимов! Александр Куприянович первый протянул руку передовому председателю. — Спасибо! Садись, поговорить надо. Знаешь, зачем вызвал тебя?

— Знаю. Аимхан сказала.

— Как ты это все объяснишь, Рахимов? Это же все незаконно! Ты же коммунист, Рахимов! Зачем выполнять незаконные указания? Кстати, это указание тебе дали здесь, в обкоме партии? Это верно? Кто? Тургунов? Бельский? Ты чего молчишь?

— Очень много вопросов сразу, товарищ Голенко. Растерялся мала-мала.

Александр Куприянович понял, что уж очень горячо навалился на человека, ошарашил обилием вопросов.

— Ладно, — сказал миролюбиво, — ответь мне, чье поручение выполнял?

— Я правду отвечу. Не Тургунов, и не второй, не Бельский. Который до Тургунова был — тот поручение давал.

— Но ведь он приказал и уехал из области. Мог бы и не выполнять больше поручение?!

— Уехал он, это верно. Только руководители обкома, райкома меняются, а обком и облисполком, райком-райисполком остаются. Партия, Советская власть остается, партийная дисциплина остается. В доме, где вы живете, на моей памяти два других секретаря жили. Ни один, ни другой арбы груженные обратно в колхоз не отправляли. Вы первый такой. Спасибо! Мне облегчение давали. Я партийный билет кетменем заработал. Очень не хочу его терять.

— Ты же не мог не понимать, что это нарушение устава сельхозартели?!

— Зачем «не понимать»? Очень даже понимал! Только это нарушение устава — самое маленькое, которое я делал. Не хотел, а делал. Заставляли! Военком приезжает, говорит — повестку твою Ишмат-Ташмат завтра получают. С вещами явиться через три дня. Я говорю ему: без них колхоз пропадет, меня лучше забирать! Военкомат говорит: ладно, пускай работают твои Ишмат-Ташмат. В другом колхозе возьмем. Только ты нам три гектара земли хорошей даешь, огород военкомату нужно. Райисполком нам говорит: председатель, ремонт конторы надо делать, людей давай. Я даю. Райзо говорит: корову давай на временное пользование, иначе плохой разговор с тобой будет. Всю войну колхоз как ляган с пловом — все в него руку пустую суют, обратно полную в рот таскают. Это очень хорошо, верно товарищ Сталин сказал: «Не нарушай устав! Что взял, разбазарил — отдай, положи, где лежало! Не делаешь — плохой разговор будет!»

Голенко терпеливо выслушал тираду. Все правильно, по делу говорил председатель колхоза. Но не было у Голенко веры в его искренность, чувствовалась полуправда. Может, на подозрение это натолкнули глаза разоткровенничавшегося колхозного вожака — настороженные, изучающие.

«А ты, мужик, себе на уме», — подумал Голенко.

— Ладно, Рахимов. Хорошо, что все правильно понимаешь. Иди. И никогда в мой дом ничего не посылай.

Голенко проводил взглядом посетителя, и только за тем закрылась дверь, по телефону соединился с Тургуновым.

— Халим! Это я. Поговорить надо, ты один?

— Заходи, — пригласил Тургунов.

— Дело серьезное, Халим, — начал Голенко, присев к овальному столику. Тургунов вышел из-за письменного стола и сел напротив.

— Говори, что у тебя серьезного.

Александр Куприянович пересказал события дня — от приезда автомашины к нему домой до разговора с Рахимовым.

— Скажи, Халим, тебе... тоже возят продукты из какого-то закрепленного хозяйства?

Ответ огорошил.

— Возят, конечно, — согласился Тургунов. — Правда, при мне, ну, когда я дома, ни разу не привозили. Возможно, не из одного колхоза даже...

— Но ведь это же... это санкционированное сверху нарушение устава, грабеж колхозов?! Ведь мне даром привезли, даже не по ценам госпоставок!

— Чего ты хочешь от меня? Что я, по-твоему, должен сделать?

— Нужно запретить председателям колхозов поставлять, а нашим деятелям — принимать эти позорные подношения.

— Согласен. Ну, а как узнать, из каких колхозов кому возят? Опросить всех председателей колхозов, а? Они не признаются, боятся и формальной ответственности, по протоколу, и расправы — это тоже не исключено.

— Надо на закрытом бюро опросить всех членов бюро.

— А они сделают удивленные лица и скажут, что в первый раз слышат о подобном. Я ведь тебе признался, что мне возят, но, поверь, и я не знаю, из какого колхоза. А кто-то не захочет признаваться.

— Жену спроси, она должна знать. Все пусть узнают от домашних. Полтора года, как война закончилась! Ведь это решение принималось во время войны, я так понимаю. Знали бы мы на фронте, что творится в тылу! До мослов колхозы обглодали!

— Успокойся, Голенко. Я подумаю, что сделать. Обещаю.

III

После бюро обкома Рахимов не просто воспрял духом. Все складывалось как нельзя лучше. Будучи в меру суеверным, он склонен был поверить, что какие-то тайные силы оберегли его от больших бед. Вот и Алимтаева не стало. Прокуратура получила чье-то указание дело колхоза закрыть за отсутствием состава преступления. Вернулся — не из Челябинска, а из следственного изолятора — заросший до глаз кладовщик Фархад Каримов; старший следователь Иванченко распечатал кладовые и снял арест со всех денежных переводов. Иванченко же и сообщил, что в Челябинск телеграфировали о реализации арестованного урюка, а это — еще около шестидесяти тысяч рублей.

— Езжай к Гудову, заканчивай дела, — приказал Рахимов кладовщику. — Проследи за погрузкой запасных частей и мотора. Одного контейнера хватит.

Он не просто радовался удачному исходу всех опасных дел. Он поверил в свою неуязвимость. Для этого были у него серьезные основания.

Мастураhon, мать председателя колхоза Рахимова, работала в поле наравне с другими. Рахманкул стоял на глинобитной площадке для просушки сырца и видел, как шла она меж кустов, голову венчал туго набитый фартук. Так носят обычно хлопок — набив большой узел, поднимают его, чтоб за кусты не цеплялся.

Первым порывом сына было пойти навстречу, помочь; но знал, что мать не уступит ношу, и потому ждал ее у треноги с безменом.

Кто-то из мужчин и подростков ворошил вилами сырец. Кто-то набивал плетенные из прутьев решета, установленные на арбах, сухим уже хлопком для отправки на заготовительный пункт.

В поле мать приходила в бархатной безрукавке, которую носила и дома. На черном бархате орден был виден издали.

«Мама! Ну зачем вам работать. Кто вас осудит, если ваш сын с утра до ночи занимается делами колхоза? Что хорошего в том, что, придя домой усталая, вы принимаетесь за приготовление пищи? Завтракаем наспех, ужинаем поздно».

Так примерно говорил ей не раз любящий сын. Она же неизменно отвечала, что скучно ей, здоровой и не старой еще — и пятидесяти нет — сидеть дома. К тому же обязана она и об авторитете сына думать. Вот если бы у нее внуки были — тогда другое дело!

Вчера Мастураhon за ужином начала разговор:

— Плохо, когда такой большой руководитель, как ты, сынок, не имеет семьи. Жена, дети придадут мужчине солидность. Сколько в нашем кишлаке красивых, достойных девушек! Только мигни — любая почтет за счастье соединить с тобой свою жизнь, стать матерью твоих детей.

— Мне ни одна не нравится.

— Ты говоришь, сынок, не то, что думаешь. Весь кишлак знает, что ты любишь

Аимхон. Если достойнее не видишь вокруг — на ней женись. Она работающая и чистая женщина.

— Она своего Рустама все ждет.

— Уже не ждет! Она в дом родителей вернулась. Хочешь, я поговорю с ней. Или сватов пошлем.

— Не надо. Я говорил с ней. Она не любит меня.

— И-е! «Не любит»? Полюбит, когда вдвоем в постели окажетесь! Или мой сын не мужчина? Возьмите ее силой!

Такая отчаянная мысль не раз приходила к Рахманкулу. И условия подходящие случались за годы, что ездили вдвоем в разболтанной кабине полуторки, когда голова шла кругом от ее близости, от пьянящего запаха сильного молодого тела. Что удерживало? Больше всего то, что любит он Аимхон. Но, может, права матушка? Много ли в кишлаке женщин, которые вышли замуж по любви?

Сейчас, наблюдая за матерью, приближающейся с тяжелой ношей на голове, Рахманкул был уверен, что встретится глазами с ее вопрошающим взглядом. И, не дожидаясь ее, похлестывая камчой по голенищу, неторопливо опустился от весов к сухому арыку, вдоль которого на расстоянии в три-четыре метра росла дуплястая, посаженные еще прадедами, деревья шелковицы. К одному из стволов был привязан его конь. То, что предлагала ему мать, вчера на ночь глядя показалось допустимым и даже осуществимым. По здравому же размышлению Рахимов пришел к выводу, что мать живет устаревшими понятиями. Единственное, на что мог решиться влюбленный — это одарить женщину, показать, какая богатая жизнь ожидает ее и ее детей.

«Приведу ее в комиссионный магазин, — решил Рахманкул, направив Каро ближним путем, тропой, через поле. — Скажу: выбирай! Хочешь, скажу, весь магазин куплю! Из хрустала нишалду будешь есть, из японской посуды, тонкой, как скорлупа куриного яйца, чай пить будешь, Аимхон! В золоте и бриллиантах будешь сидеть за рулем. Трофейный «мерседес» или «опель» куплю на Алай-гутапе — как у председателя колхоза Фрунзе, разбогатевшего на маргиланской редьке».

Рахманкул послал коня наметом в сторону холмов по малонаезженной дороге. Он ехал к хлопковому полю, о котором никто ни в районе, ни в области не знал. Официально во всех сводках этот массив значился новым абрикосовым садом. Саду будущего было присвоено и гордое, достойное времени имя — Победы. Осенью прошлого года было вспахано около тридцати гектаров полого спускавшейся в распадок целины. Осенью же и был разбит сад, деревья сажали фронтовики под руководством свекра Аимхон — теперь уже бывшего свекра.

А нынешней весной по зяби еще раз взрыхлили междурядия сада, конными сеялками внесли в рядки между деревьями семена хлопчатника. За ним мало ухаживали, разве что поливали щедро.

«Этот хлопок — резерв главного командования, — полшутя-полусерьезно объяснил как-то председатель посвященным. — Если не хотите лишиться премии-надбавок за перевыполнение плана, помалкивайте. Я одного хочу: чтобы вы больше заработали, а Родина больше хлопка получила. Работать и не болтать!»

Он перевалил некрутой рыжий холм, и взору его открылась широкая долина, противоположную сторону которой и занимали эти сверхплановые посевы.

Он спешил: не дай бог, занесет нелегкая представителей госстраха, райземотдела или еще кого! Это будет тот случай, когда вызов на бюро окажется неизбежен, а наказание — самое жестокое — неотвратимым. Рахимов уже прикинул, что после десятого ноября пустит через поле отару овец. Уж после прохода животных на кустах не останется ни зеленой коробочки, ни сухого листочка. Бараны умеют лучше людей делать зачистку плантаций перед корчевкой стеблей и пахотой зяби. А уничтожить следы — убрать стебли — и просить не надо: колхозники развезут на ишаках, на себе перенесут, ведь это на зиму корм для коров и топливо.

Выполнит колхоз не только план, но и повышенное социалистическое обязательство. А между молодыми деревьями Рахимов прикажет посеять по зяби люцерну.

IV

«Для партийно-хозяйственного актива в райкоме партии вечером состоится лекция о международном положении. Явка обязательна». Рахимов прочел телефонограмму. Вот кстати мероприятие! Он ходил в героях, его колхоз первым стал сдавать хлопок в счет повышенного обязательства. Ему хотелось выслушать поздравления друзей, не прочь был удачливый председатель встретиться и завистливые взгляды отстающих. Он поехал в город на машине сразу после обеда. В просторные

карманы галифе, во внутренние — кителя рассовал пачки денег. Надо было выполнять обещание. Ведь сказал тогда, перед бюро обкома, Аимхон, что премирует ее за хорошую работу. Проси, что хочешь, посулил. «Приведу ее в комиссионный, пусть выбирает. На чем глаза остановит — то и куплю. У какой женщины не дрогнет, не помягчает душа от дорогой безделушки! Оставляю ее слушать лекцию. Возвращаться будем — еще раз поговорю, последний раз пойду на унижение».

Он попросил остановить машину напротив столовой.

— Здесь пообедаем, — объяснил он Аимхон, — ты ведь тоже с утра не ела. Иди подожди меня около кинотеатра, я догоню.

Аимхон пошла к перекрестку, к входу в летний кинотеатр «Эра». Предупрежденная, что будет слушать лекцию, надела платье из золотисто-красного хан-атласа, обулась в лаковые «лодочки», косы тугие выпустила из-под пестрой косынки. Рахманкул проводил женщину задумчивым взглядом до щита с афишей. Зная, что у входа в павильон уже ждет его повар, крикнул:

— Иди сюда! — Когда звук торопливых шагов замер за спиной, не оглянувшись, спросил: — Поесть найдется что-нибудь?

Услышав в ответ, что уже все распродано — и шурпа, и самса, и шашлык, не расстроился: слава богу, что хорошо идет дело. Поручил:

— Пошли человека на базар за печенкой и думбой¹, сделай быстро джигар². Побольше! Лепешек горячих! Через сорок минут вернись.

— Пойдем, — позвал он Аимхон, когда поравнялся с ней. Она послушно двинулась следом. Он нетерпеливо оглянулся:

— Что ты сзади плетешься, как жена? Иди рядом, Аимхон.

Ему было приятно, что с ним такая красавица, пусть прохожие думают, что его эта женщина. Посмеиваясь, Аимхон догнала его уже в двери магазина. Рахимов уверенно прошел к витрине, где под стеклом лежали золотые украшения.

— Это, Аимхон, тебе нравится? — ткнул пальцем в толстое стекло над цепочкой с кулоном.

Узнав цену цепочки, Аимхон наотрез отказалась принять дорогой подарок. Подарок себе выбирала не за красоту украшения, к цене примерялась — чтобы самое дешевое, и остановилась на скромной брошке с веточкой, унизанной красными ягодками.

«Приняла подарок! Хороший знак! Будешь моей, недотрога», — ликовал Рахманкул, когда женщина, волнуясь, прикалывала брошь к платью. Один из карманов у Рахимова опустел, и, посмеиваясь, он опустил в него красивую коробочку с перстнем. Решил твердо все деньги потратить на драгоценности: очень удобно — вместо толстой пачки бумажек — маленькая коробочка. Ведь чемодан денег в один карман поместится, есть разница?!

...Зал заседаний райкома разделен проходом на две половины. Когда Рахимов и Аимхон пришли, он был уже полон. Мужчины занимали всю правую сторону и несколько первых рядов левой. Женщины (их было немного меньше) пестрой шумной стайкой разместились особняком в конце левой половины. Аимхон ушла к ним. Рахманкул сел в первых рядах.

Лекция была интересная. Рахманкул слушал и время от времени поглядывал на Аимхон, любовался ею. Брошку яркую видел на ее высокой груди. Хорошо ему было, время пролетело незаметно. Когда Эсан Фазылов попросил задавать лектору вопросы или выступить, председатель колхоза Рахимов счел себя обязанным поднять руку первым: ну еще бы, ведь победитель соревнований!

Он вышел к доске, на которой лектор повесил политическую карту мира.

— Кто такой этот Черчилль, а? У него, наверное, совсем башка не работает; только черную папиросу курит. Он чего хочет? Новую войну хочет, да? Кто такая Великая Британия! Кто такой Советский Союз?! Наша страна вот какая! Черчиля страна какая? Зеленая, как майский жук, да! Он хочет войну, он второй Гитлер, наверное! Товарищ вождь, дорогой Иосиф Виссарионович Сталин спросит свой советский народ, чего делать надо? Я так скажу, что делать: Великая Британия вот какая, — он показал слушавшим лекцию кончик мизинца, — Ферганский Большой канал — совсем большой канал. Мы канал, товарищ Сталин, за полтора месяца кетменями вырыли. Пошли наших колхозников к Черчилю. Мы эту Британию за три дня кетменем в море пустим, рыбка над головой Черчиля будет плавать, пароход-мароход будет сверху плавать. Я верно думаю?

В зале захохотали, зааплодировали. Смеялся и лектор из Ташкента.

— Очень хорошая лекция была, — признал Рахманкул, трясаясь на продавленном сиденье полуторки, ощущая и плечом, и бедром горячее тело Аимхон. Потом

¹ Думба (узб.) — курдючное сало.

² Джигар — в данном случае шашлык из печени с курдючным салом.

всю дорогу сидел отчужденный, им овладела мысль — как привести в исполнение совет матери? До самого кишлака нет ни полевого стана, ни заброшенной коша-ры — ночного пристанища овечьих отар на трассе перегона из долины в горы, путь этот пролегал за холмами, оттуда колхоз возил самый лучший навоз для полей и огородов. Увести к саю, за огромные валуны, там хоть травы сухой много у берега? Да не выйдет ведь из машины, разве мотор вдруг зачихнет. А если и выманишь из кабины — не одолеть, здоровая, как кобылица!

Так, молча, доехали до дома Рахимова.

V

— Пора выпускать жеребчика, — сказал конюху Рахимов.

— Когда прикажете, хозяин?

Рахимов подумал, прежде чем ответить.

— Давай сегодня, когда стемнеет. Ветеринара вызови, чтобы рядом был.

— Кому еще сказать?

— Я, ты, заведующий фермой Икрамов, кто еще? Каримову, кладовщику, сам скажу. Сторож все равно рядом будет.

— Сторожа можно не оставлять: чего ему сторожить, если мы рядом.

— И то верно. Хватит свидетелей.

Над кишлаком струились дымы очагов, истаяло, растеклось по дворам стадо, вернувшееся с пастбища, смолкли подоенные коровы, и лишь изредка то в одном, то в другом краю взбrehивали собаки. В каждом доме готовились к вечерней трапезе. Уже в сумерки трое мужчин перетаскивали деревянные самодельные бороны и раздвижные стальные «зиг-заги» из угла хозяйственного двора, устлали ими, зубьями вверх, землю у ворот и дальше — в глубь двора.

— Веревку прихватили? — спросил Рахимов у конюха.

— Да.

— Выводи! — распорядился Икрамов.

Конюх ушел в конюшню. Уже в темноте раздалось довольное ржание застоявшегося жеребчика-двухлетки, потомка рахимовского любимца Каро. Он еще не работал в упряжи, с лета содержался на усиленном рационе, кормили овсом и люцерновым сеном.

— Осторожно, не спеша, чтобы не споткнулся раньше времени, — посоветовал Каримов.

— Какая разница, — откликнулся конюх, — освободите лучше проход, уберите крайние бороны... — Все, в том числе и Рахимов, живо бросились выполнять команду. Конюх вывел животное на улицу, повел пыльной дорогой. Трое вышли следом со двора, прислушались к вечерней тишине — не едет ли, не идет ли кто? Тихо было.

— Зажгите фонарь, — распорядился Рахимов.

Пламя в «летучей мыши» осветило хищно блестящие, истертые о землю стальные зубья борон. Кладовщик поднял над головой фонарь; до слуха рассредоточившихся, перегородивших улицу людей донесся приближающийся и убыстряющийся топот. Трое на дороге расставили руки, кладовщик поднял фонарь над головой. Испуганный жеребец бросился в распахнутые ворота. До слуха возбужденных людей донесся запальный всхрап, звук тяжелого падения, частые удары копыт о зубья борон, ржание.

Бочком, осторожно ступая между зубьями, опасаясь удара копыт, пробрались во двор. Захлопнулись широкие ворота. Жеребец пытался подняться, освободить тело от впившихся железных клыков. Ему удалось опереться на передние ноги, задние бились о зубья.

— Прирежь! — закричал Рахимов и отвернулся. Его подташнивало. — Икрамов! Иди за ветеринаром! Где он там?

Животные почувствовали неладное. Ржали, рвались с привязей, утробно мычали. Громче лаяли собаки, привлеченные запахом горячей крови, они совали морды под ворота, скребли лапами землю, пытались проникнуть туда, откуда плыли по кишлаку будоражащие запахи свежатины.

Истекающую кровью тушу перенесли на расстеленный брезентовый полог и, натужно кряхтя, волоком утянули брезент ближе к складу. Появились заведующий фермой с ветеринаром.

— Актируй, — распорядился Рахимов.

— Что писать будем? — деловито осведомился ветеринар.

— Несчастный случай... На вилы... Я пошел. Чтобы до утра никаких следов крови около ворот. Брезент отмойте!

— Не будет следов, хозяин. Собаки кровь с пылью съедят, чисто будет до утра. Жеребчик был обречен еще летом. Какой праздничный стол без казы? Настоящей колбасы из конины, из жеребенка, не бывшего ни в упряжке, ни под седлом, откормленного специально, с янтарным жирком под шкурой?

Рахимов ушел спать, обойдя осторожно свору собак, мечущихся, чавкающих, покусывающих одна другую на тесном пятачке перед распахнутыми воротами.

Председатель сидел в своем кабинете, изучая накладные заготовительного пункта, в которых значились проценты засоренности и влажности, чистый вес каждой партии сырца, перекидывал костяшки на счетах. И все было бы хорошо, не обрати Рахимов случайно внимания на то, что во всех без исключения документах сырец записан только третьим и четвертым сортами. Получалось, что весь хлопок поступил из колхоза только после куракоочистителя, подобранный в междурядьях с земли вместе с сухими листьями. А где же бумажки на хлопок с того поля, что за холмом? Там-то и сейчас собирают только первосортный! Жулики сидят на заготпункте! Во главе с заведующим!

Рахимов даже зубами закрипел от несправедливости. Это на сколько же тысяч наказали колхоз? Все мирились с тем, что лаборатория заготовительного пункта завывала влажностью и засоренностью на несколько процентов — спорить с лаборантами дело зрешное, тебе же боком выйдет. Но так обнаглеть? Он стегнул камчой по пачке накладных. «А мои сдатчики куда глядят? Им все равно — чего и сколько запишут?»

— Ну, Ильхом, держись! — Рахимов торопливо покинул кабинет, проходя мимо открытой двери в бухгалтерию, крикнул: — Я на заготпункт! Заберите со стола бумажки, склейте, которые порвались.

Обида и злость душили председателя, он расстегнул тугой ворот гимнастерки, раз и другой ударил пятками жеребца, тот понесся вскачь.

Заведующий заготпунктом пил чай.

— А-а-а! Сам передовой председатель пожаловал! Заходи, заходи, брат! — Ильхом Суюнов, от сидячей ли жизни, от болезни ли какой, был необыкновенно толст. Лоснящиеся щеки складками лежали на плечах, подбородок тремя волнами закрывал шею, живот покоился на ляжках. Приятелям он доверительно жаловался: «Ничего не ем, один чай пью — все равно толстею. Когда художник воробей в «Муштуме»¹ на толстого человека карикатуру рисует — он меня рисует, да?»

Не дожидаясь приглашения, Рахимов ногой подтянул от стены к столу табуретку, сел, разжал кулаки:

— Скажи, Ильхом, это какой сорт будет? И это какой, а?

Рахимову было известно, что в районе знали, какой опытный в своем деле человек Суюнов. Его пальцы, толстые, как вареные сосиски, заплывшие глазу буравчики, желтые и плотные, как зерна в кукурузном початке, зубы за полтора десятка лет, точнее говоря — за те годы, когда не было еще точных приборов для определения влажности сырца, прочности волокон, зрелости семян, научились определять все эти показатели до немислимой точности.

— пей чай, Рахманкул. Сейчас тебе все объясню. Только дай мне, брат, слово, что и на мои вопросы ответишь. Согласен?

— Говори!

— Посмотрим. Вот этот — перемешанные высший и первый сорта. Чистый. Влажность, — он положил белейший комок на ладонь, помял его, на ощупь выбрал одно семечко, зажал между желтыми зубами — семя хрустнуло, как выстрелило. Заготовитель извлек ядро из сухой скорлупы, раздавил его ногтями, поглядел на жирные пятна, растекшиеся вокруг сплюсненной мякоти, слизнул и поцокал языком, зажмурил глаза.

— Это кино, да? Ты артист, да? — зло спросил посетитель.

— Это не кино, — миролюбиво возразил толстяк. — А ты чего хочешь? Кино хочешь? Сейчас будет тебе кино. Этот отборный хлопок твой, да? Посмотри в окно, Рахманкул. Какой сорт все колхозы возят, а? Из моего кабинета видно — четвертый сорт. В ноябре другого не бывает, правда? Твои арбы и машины возят такой же — из курака, после куракоочистителя, после ворохоочистителя. А вот на весы заехала арба твоего колхоза; и вторая твоя стоит, верно? Откуда может быть в ноябре отборный сырец? Может, Рахманкулу, передовому председателю, своего урожая не хватило для рапорта о выполнении обязательства и он покупает хлопок на соседнем заготпункте? Это мой первый вопрос, Рахимов. У кого покупаешь?

— Чепуху болтаешь? У кого я буду покупать, зачем?!

¹ «Муштум» — название сатирического журнала.

— Правильно. Это хлопок из колхоза моего друга Рахманкула. Ты, наверное, думаешь, что этот жирный Суюнов жулик и тебе враг. Смотри, куда твоя арба пошла выгружаться. Все арбы вон где выгружают свои низкие сорта. Я не могу отличный сырец с плохим в одну кучу мешать — заготпункту и хлопкозаводу убыток будет. Этот твой очень дорогой хлопок я кладу в тот бунт, где такой же лежит, сентябрьский там сбор.

— Говоришь «отличный», «отборный», а сам в квитанциях пишешь четвертый сорт. Это почему?

— Нарушение делаю. Тебя спасаю. И себя немного спасаю.

— От чего ты меня спасаешь, Суюнов? — тихо спросил Рахимов. Он уже понял, что Суюнов разгадал, откуда у колхоза имени Куйбышева в конце октября и в ноябре сырец высоких сортов. Понял, что до тех пор, пока не сдаст весь сырец со скрытых посевов, пока не уберет с того поля гузапаю до последнего стебля и не перепашет, не сравняет рядки с междурядьями, — он в руках этого умного толстяка. — Так от чего ты меня спасаешь? Говори?

— Ты не кричи. — Суюнов, кряхтя, поднялся, тихо дошел до двери, открыл ее, поглядел в коридор. Вдоль стены сидели, а кто и стоял, возчики сырца с квитанциями на подпись. Пригласил:

— Заходите все сразу! — И вернулся на место, объяснив посетителю, что нельзя людей держать, они могут еще ходку успеть сделать, процент повысят.

Когда последний возчик покинул кабинет, заговорил:

— У меня очень ответственная работа, брат. Вы мне сырец повышенной влажности возите, его возвращаю. Райком, обком, райисполком требуют: принимай! Ты патриот района или не патриот? А если у меня бунт с сырым хлопком сам загорится — мне тюрьма. Если сырца будет меньше, чем по документам принял, — опять тюрьма. Если больше — еще хуже: значит колхозы обманул. Но я свое дело знаю. Всю зиму каждый бунт десять раз на дню щупаю: горячий не горячий — проверяю. Так нащупаюсь — ночью жену не трогаю! У меня недостачи не бывает, лишнего килограмма ни один ревизор не найдет. Я свои законы знаю. А ты должен свои законы знать. Я тебя не спрашиваю, откуда у тебя хлопок. Но если я подпишу бумажку, в которой написано, что в ноябре из колхоза моего брата Рахманкула идет первый сорт, эту бумажку могут заметить товаровед, бухгалтер завода, директору покажут. Тот меня спросит: «Суюнов, за какие-такие красивые глаза ты Рахимову за четвертый сорт в ноябре платил государственные деньги как за первый сорт?» Вой-бой! Такой скандал будет! — Он добродушно рассмеялся, затряслись щеки, стекшие к жирным плечам, заколыхался живот. — Ты одну большую ошибку сделал, Рахманкул. Ты плохо делал свое дело.

— Какую ошибку?

— Надо было урожай сразу на всех полях собирать. А ты трусид, время тянул. Когда твои две арбы с отборным сырцом пришли полмесяца назад, я немножко подумал и догадался. Когда увидел, что одни и те же возчики такой сырец возят — понял, что это хитрый урожай, не всем ты его возить доверяешь, так? Так, брат, так! Я тебе ответил на все вопросы?

— Спасибо. Что я тебе могу сделать, чем отплатить?

— Я об этом не думал, не ждал тебя сегодня.

— А когда ждал? Рахманкул поднялся, вынул камчу из-за голенища, надел на кисть руки сыромятный ремешок.

— На третий, ну, на четвертый день, как стал урожай с незаметных посевов мне посылать. Кстати, Рахимов, ты играешь в шахматы?

— Нет. При чем тут шахматы?

— В этой мудрой игре выигрывает тот, говорят, кто свои ходы и ходы противника далеко вперед видит. Жизнь, брат, как шахматы, все заранее предусмотреть заставляет, глядеть далеко вперед. Ты еще молодой, не понимаешь этого. Ты, как бычок молодой, безрогий. Ты же прискакал со мной расправиться, а видишь, как повернулся!

— Ты не выдашь меня? — Рахманкул вновь сел. Никогда не чувствовал он себя таким уязвимым и беспомощным. Даже когда отвечал на вопросы прокурорских людей.

— Я — не выдам. Зачем мне это? Но про твой хлопок знают и весовщики, лаборанты. Как им рот заткнуть — думай сам.

— Что же мне делать? С каждым отдельно рядиться? Или посоветуешь общее собрание провести?

— Как тебе удобнее, брат.

— Узнай у них, чего они хотят.

— Это будет стговор. Преступный стговор с целью вымогательства взятки. За групповые преступления больше срок дают, ты знаешь это? Это тебе будет стоить дороже.

— Я согласен. Когда ответ дашь?
 — Тебе еще сколько дней возить сырец с этого поля?
 — Дней десять.
 — Тогда скажу сейчас. Через десять дней ты мне кукиш покажешь, брат. Пять дней даю. Но учти, если через пять дней деньги не привезешь — арбы будут задержаны весовщиками. И через час приедут посмотреть на отличный сырец милиционеры. Ты понял?
 — Сколько?
 — Сколько центнеров соберешь этого хлопка? Около пятисот ты уже сдал.
 — Еще центнеров двести или триста...
 — Хороший урожай! Семьсот пятьдесят, значит, будет. Тридцать пять тысяч, друг. Найдешь?
 — Собрать надо деньги. Куда привезти?
 — Сюда и привези, дорогу знаешь. Молодец, что не рядишься. Извини, провозать не выйду, ноги отсидел, беседа с тобой, мурашки бегают от пяток до зада.

VI

Рахимов скрипел зубами, стегал камчой по сапогу от ярости. Надо же так попасться в лапы этой жирной жабе! Не жалко денег. У него их в чемодане, считанных-пересчитанных, в тридцать раз больше. И еще прибавилось. Проверять не стал — кладовщик не обманет. Обидно было. На себя злился — считал себя умным, а оказался таким недалёковидным. Никогда он не был так унижен. И кем? Неужто так и признать себя побежденным? Искать выход надо, думать надо! А для этого следует взять себя в руки, успокоиться. Ногу вот исхлестал до боли, синяки будут... Он засунул камчу за голенище. Пока отвязывал уздечку от щита с противопожарным инструментом, Каро ласково тыкался мягкими губами в карман, просил лакомство. Он скормил коню кусок навата, вытер заслонявленную руку о столб, пропустил пальцы через гриву, вроде гребнем расчесал. Погладил коня по шее, прикосновение к шелковистой теплой шкуре окончательно успокоило, подтянул подпругу, прежде чем вскинуть тело в седло.

«Так что же делать? Три дня есть... ну, четыре. Что можно успеть? Зачем оттянул расплату за глупость, на что надеялся? Хорошо думать надо. Для чего-то ведь выиграл время!»

Застоявшийся Каро переходил с шага на намет, Рахманкул сдерживал его, переводил на шаг — так думать легче. Это же надо! А еще передовой председатель! Сегодня сто семь процентов плана будет. А есть колхозы, которые и за восемьдесят не перевалили, вряд ли план вытянут. Взять, к примеру, соседний «Большевик»... Земля одинаковая, воду из одного сая пьют, солнце одинаково светит. Правда, без минеральных удобрений оставили там свои посевы, уступил их мне Эркин по бедности прежде, чем недоимки государство списало за всю войну. Но это его дело. Он, Рахманкул Рахимов, не даром суперфосфат, селитру взял — хлебом выручил, помог бедному соседу. Сосед соседа выручать всегда должен. Стоп! Так-так-так. Надо помогать! Сам план выполнил — помоги отстающему, подтягивай его до уровня передовиков. Это — главный закон социалистического соревнования. Тогда будет общий большой успех, будет общая победа, общая радость. Иначе как?! Помочь нужно выполнить план «Большевику». Пусть берет мой хлопок, пусть рапорт пишет. Скажу Эркину: «Вот тебе хлопок хороший. Хочешь — в долг, хочешь — деньги отдай, которые за мой сырец выручишь. Зерно, масло, мыло — натуроплату всю пополам поделим. Нужно скорее ехать к Эркину. Пусть утром присылает всех своих сборщиков, арбы ко мне гонит.

На следующее утро десяток арб проскрипели через холмы, целиной, к молодому абрикосовому саду. Привезли около ста сборщиков из «Большевика». В этот же день Рахимов дважды, как и раньше, отправил на заготовку две арбы хорошего хлопка. И на следующий день. Четыре дня собирали соседи богатый урожай. Своим колхозникам Рахимов приказал прогнать через сад с подростками деревьями, теряющими в междурядья багряные и золотые листья, баранов и коров. «Убрать всю гузапаю», — разрешил председатель

Он приехал к абрикосовому саду один. Сад был чист. Голые деревья пунктиром прострочили пологий холм. Этого он и хотел. Теперь осталось последнее и самое приятное — расплатиться с толстяком.

С холма в утренней дымке угадывался город. Туда он напрямик и поехал, сокращая путь. Он привязал Каро к молоденькому карагачу на противоположной

от комиссионного магазина стороне; деревце это выросло из-под высокого забора, за которым был школьный двор; оттуда раздалась трель колокольчика и сразу же — детские голоса.

— Сколько стоят эти? — Он ткнул пальцем в шахматную доску с расставленными на ней фигурками.

— Пятьсот.

— Ий-е! Золотые, да?

— Из слоновой кости.

— А эти?

— Двести. Из дерева ценных пород.

За двести были не такие красивые. И доска крупнее.

«Не буду мелочиться. Тридцать пять тысяч сберег — куплю эти, из слоновой кости». Попросил уложить фигурки так, чтобы они не бренчали:

— Верхом я, поломаться могут, — объяснил знакомому продавцу. — Квитанцию положи в ящик к фигуркам. «Для авансового отчета...»

— Очень редкую вещь купили, — одобрил выбор продавец. — Не война — не попала бы в нашу страну, заграничная вещь. Все, что здесь собрано, кончится и больше не будет, таких вещей и за рубежом давно не делают. Триста, а может, и тысяча лет этим шахматам. Кость, черепаховый панцирь, перламутр!

— Как раз такой надо. Редкому человеку — редкий вещь.

Упрятав покупку на груди под стеганым халатом, Рахманкул направил коня на заготовительный пункт.

Он привязал Каро к коновязи у ворот и, посмеиваясь от предвкушения «веселого кино», которое произойдет сейчас в кабинете, где все четыре стены пестрели совсем выгоревшими, засиженными мухами плакатами военной поры и свежими — о новой Сталинской пятилетке.

Был обеденный час. Рахимов понял это, увидев под карагачами около хауза с противопожарным запасом воды сидевших тесными кружками группы мужчин. Здесь были и ездые, и мастера укладки сырца в бунты; не разглядел он только приметную фигуру заведующего. Он постучал в знакомую дверь, в ответ раздалась нечленораздельные звуки. Рахимов вошел. Толстяк сидел на табуретке посреди кабинета. На другом табурете, застланном куском чистой мешковины, покоился глиняный ляган с пловом. А еще на одной табуретке, тоже на мешковине, стоял заварной двухлитровый фарфоровый чайник, каса с салатом из помидоров и лука, лежали куски лепешки — все румяной корочкой вверх.

— У-у-ым... — поприветствовал Эркин Суюнов жданного гостя. Обе кисти рук его были при деле. Одна шарила в горке янтарного риса, толстые пальцы сгребали рис к ближнему краю лягана, сминали в огромный ком, другая всеми пятью пальцами орудовала в салате.

Рахимов присел у двери на край длинной некрашеной скамьи, с интересом принялся наблюдать за трапезой хозяина кабинета. Он все больше терял уважение к необыкновенно растолстевшему человеку. За обжорство, приведшее к ожирению, за то, что ест один. Плов — праздничная еда. Будь ты хоть ханом, хоть наркомом — по-нынешнему министром, хоть базаркомом, вари плов хоть каждый день — положено его есть в кругу друзей или в кругу семьи. За неопрятность, с которой ел Суюнов: скользкие янтарные от жира зерна сыпались между пальцами и изо рта обратно в ляган; он не жевал рис, а заглатывал его с утробным урчанием. Он отдирал куски жира с реберной части и, протолкнув то рис, то кус мяса в рот, облизывал пальцы с плотоядным удовольствием, совал пятерню в салат и, как черпаком, загребал пригоршней месиво из овощей.

— Садись ближе! — пригласил, наконец, Суюнов гостя, кивнул на ляган: — Бери!

— Спасибо. Тебе одному не хватит, ешь. Я подожду.

— Пришел, значит... Я сейчас.

Наконец отвалился, вытер концами тряпицы руки, лицо, поставил пустую касу в почти пустой ляган с отодвинутыми к краю голыми ребрами и мослами, накинул концы ткани на посуду. Опираясь о колени, кряхтя, поднялся, брюки у него сползли куда-то под необъятное брюхо и держались только на чреслах; при каждом шаге весь он студенисто колыхался.

«До чего ж ты поганая собака», — думал Рахимов, прижимаясь спиной к стене.

— Принес, значит? Где?!

Рахимов вынул сверток из-за пазухи, положил перед заведующим. Наблюдал, как тот недоверчиво, держа на ладони, как на чаше весов, пощупал его, покачал, прежде чем развернуть.

— И-е-е! — удивленно воскликнул толстяк.

«Сейчас ты еще больше удивисься», — позлорадствовал Рахимов.

— Шахматы! — Суюнов заулыбался, любясь переливающейся радужными цветами крышкой. — Подарок, да? Ладно, пускай лежит. Дорогая вещь, да?

— Дорогая... Чек внутри, посмотришь потом.

— Ладно. Деньги где? В коробке. — Он потряс доску-ящичек, там что-то перекатывалось — сверток, вроде бы, Эркин отстегнул застежки, увидел желтый мешочек, нащупал в ней фигурки жесткие! — Не понимаю тебя, Рахманкул. Шутка, да? Аскию¹ делаешь, да? Деньги где?

Рахманкул вынул из кармана пачку десятков, еще одну, из другого — пачку тридцатирублевков, небрежно кинул на стол:

— Здесь пять тысяч. Больше не получишь ни копейки, за эти спасибо скажи.

— Как так?! «Дам — не дам», что за разговор?! Ты шутки свои оставь для друзей, со мной не шути.

— А мы разве не друзья, Эркин? Я тебе сейчас все объясню, как другу объясню. Не было лишних посевов, понимаешь? Пошутил я. И первосортного хлопка из моего колхоза в ноябре не поступало на заготпункт. Четвертый сорт шел, как у всех, хоть проверь по квитанциям, если мне не веришь. Пять тысяч тебе за науку, за урок даю. Дороже твоя лекция не стоит. На бедность даю!

Суюнов оторопел от услышанного, переводил тупой взгляд с шахмат на пачки денег. Такого поворота он не ждал. Что же произошло за эти дни? Не могли исчезнуть с лица земли тридцать гектаров посевов!

— Это плохо для тебя кончится, Рахимов, — пригрозил Суюнов. — Ты меня не знаешь. Ты хорошо думал?

— Крепко думал. И сложа руки не сидел. Проиграл ты. Берешь?

— Пожалеешь, Рахимов! Землю кушать будешь!

— Глупости говоришь! А за то, что угрожаешь, уменьшу тебе зарплату. — Он забрал пачку десятков, поплевал на пальцы и, отсчитав половину, вытянул из-под красной резинки, сунул небрежно в карман, пачку вернул на место: — Подарка не будет, ты, оказываешься, не только не научишь, как жить, ты и в шахматы не умеешь играть. Шахматы, считай, я тебе продал. Положи их в красный уголок, пусть лаборанты играют. А ты меня тоже плохо знаешь. Если хочешь здесь работать — работай тихо, не кушай людей, как плов. Мною ты подавишься, Эркин. Если еще захочу к тебе прийти — приду. Поднимись тогда, пожалуйста, вежливо поздоровайся. На улице встретишь — поклонись первым. Я тебе тоже поклон сделаю. Ты будешь здесь сидеть, пока это мне будет нужно, пока мешать мне не будешь. Я тебя не подведу, первый сорт в ноябре посылать не буду. За эту науку тебе деньги даю. Ты — умный, я — умный. Два умных человека должны жить мирно. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Рахимов вышел от заведующего заготовительным пунктом победителем.

Побежденный Суюнов проводил председателя колхоза недобрый взглядом, покачал вслед головой: умные люди — дальновидные люди. Умные так дела не делают. Прежде чем принять ответственное решение, они обязательно заглянут в будущее, прикинут: а что из этого получится? Ты, Рахманкул, все правильно понял. Вот только будущую игру увидел всего на два хода вперед. Свои ходы только продумал, а этого мало. Теперь моя очередь фигуры двигать. Зарвался Рахманкул! Мальчишка! Конечно, если быть честным перед собой, я тоже не прав. Подумал, что загнал Рахимова с его отборным ноябрьским хлопком в угол, решил поживиться на его непредусмотрительности. Соблазнительно было взять куш, который ни с кем не нужно делить. Пожадничал. Прав Рахманкул. Вот и наказан, врага нажил.

Суюнов сложил ладони на крутом животе, расплывшемся по ногам до колен. Но тут же, прогоняя сытую сонливость, тяжело кряхтя, поднялся, подошел к окну. В стекла бились мухи, он распахнул створки. Заготовитель разглядывал огромный двор, края которого не было видно за бунтами сырца. На один из бунтов по шатким доскам-сходям поднимались грузчики с огромными тюками сырца за спиной, другие — с мешковиной, переброшенной через плечо, сбегали на землю по другим качающимся сходям.

Заведующий пунктом знал с точностью до десятка тонн, сколько сырца поместилось в каждый бунт, какого сорта. Он держал в натренированной памяти почти точное количество излишка, образовавшегося от завышения влажности и засоренности сырца, поступающего из хозяйств.

Опасно ли было создавать излишки путем надувательства сельскохозяйственных артелей? Да, риск был. Каким путем можно было уличить лаборантов и това-

¹ Аския (узб.) — шуточный диалог, вышучивание.

роведов заготовительных пунктов в умышленном завышении фактической влажности и засоренности сырца или снижении его сортности? Ну, прежде всего — организовав внезапную проверку правильности заключения лаборатории. Для этого пришлось бы или незаметно доставить на заготпункт проверяющих с их приборами, или же взять пробу из того же мешка, с той же арбы или автомашины и увезти на контрольную проверку за пределы пункта. Подготовка к такой операции не могла бы не остаться незамеченной работниками пункта. И что еще очень важно — так это то, что заготовительный пункт являлся предприятием государственным и стоял на страже интересов государства. Если бы даже удалось установить факт неверной оценки качества сырца, то доказать, что это совершено в корыстных целях, было невозможно. Само оборудование, которым были оснащены лаборатории, исключало точность анализа.

Суюнов знал, что на сегодня его заготпунктом было накоплено около девяноста тонн сырца разных сортов. Но если бы вдруг пришли ревизоры и принялись перевешивать весь уложенный в бунты сырец — а такого на памяти старого заготовителя не было, — то ревизоры убедились бы, что никаких излишков нет. Потому что пункт не только принимал урожай от колхозов, но и с первых дней отправлял сырец на хлопкоочистительный завод. И потому еще, что уже с конца октября к нему, Суюнову, стали наведываться председатели колхозов, озабоченные или необходимостью любой ценой выполнить план контрактации сырца, когда урожая до плана явно не хватало, или жаждой славы и наград за перевыполнение плана хлопкозаготовок, когда фактический урожай не давал оснований мечтать об орденах и медалях.

Представители колхозов оставляли у Суюнова деньги, взамен увозили товарные квитанции за якобы сданный сырец. В октябре заготовитель избавлялся от сырца первого сорта, в ноябре — второго и третьего. Государство на этих операциях не теряло ни копейки. Колхозы тоже не оставались внакладе: по товарным квитанциям они получали в банке за якобы сданный заготпункту сырец его полную стоимость, хотя заведующему пунктом платили меньше настоящей его цены. Еще больше выгадывали на махинациях высокоурожайные колхозы, выполнившие план хлопкосдачи: сверхплановый сырец оплачивался значительно дороже.

Председатели колхозов записывали «сверхплановый урожай» на звеньевых и бригадиров, которым верили, что не выдадут. Так наряду с настоящими мастерами высоких урожаев объявлялись в списках на правительственные награды «липовые» рекордсмены; в умелые, рачительные председатели колхозов выходили ловкие дельцы.

Заведующий заготпунктом Эркин Суюнов не был хозяином ни присвоенного у колхозов хлопка, ни денег, которые получал за бестоварные квитанции с председателей колхозов. Он был во всем подотчетен руководству хлопкоочистительного завода. И на заводе точно знали, что на любом заготовительном пункте примерно две тонны сырца из каждой сотни тонн, уложенной в бунты, — это «навар», который подлежит дележу.

...Любуясь горами сырца, Эркин размышлял о взаимосвязях и взаимозависимостях между колхозами и заготпунктом, между заготпунктом и заводом и испытывал удовлетворение от сознания личной причастности к этому отлаженному механизму. Он вспомнил об унижении, которому подверг его самонадеянный и недальновидный Рахманкул Рахимов. «Нет, не буду я тебе мстить. Сам виноват, не следовало вымогать деньги. Или уже потребовать поменьше. А так отрезал себе и Рахимову пути для более важных дел, нужных и ему, и себе. Теперь нужно будет ждать, когда появится у спесивого председателя нужда в заготовителе. А она появится: год на год не приходится, и как надо крутиться и изворачиваться председателю колхоза, он, незаметный заготовитель, знает. Вот тогда не на коне, а на животе приползет глупый человек... Да будет так!»

Окончание следует.

Владимир Баграмов

* * *

Среди забот, веселья, лжи и брани,
когда покину этот мир всерьез,
отринув зыбкий прах воспоминаний,
не обмирай, не лей напрасно слез.
Перед Всевышним я один в ответе
за то, что чашу жизни не донес.
Грехи отца невольно спишут дети,
не обмирай, не лей напрасно слез.
Что жизнь? Игра в намеренья благие.
Всю жизнь нас манит поднебесный плес.
К далеким звездам вечно ностальгия,
не обмирай, не лей напрасно слез.
Последний раз оборванные струны,
последний раз взлетевшее «прости»!
Когда покину этот мир подлунный,
ищи в сиянье Млечного пути.
Но вечно земляничная опушка,
тепло грибных дождей, лазурь небес.
— Рассвет воскрес! — расплечется кукушка.
И ахнет лес, — Воистину воскрес!
Среди забот, веселья, лжи и брани,
презрев людскую зависть и молву,
в твоих глазах, уставших от страданий,
я капелькой рассвета оживу...

* * *

О. Далю

Скользнул во тьму. Куда, к кому?
Что прозревал сквозь пленку век,
скул алебастром застывая?
Каким ты вещим был, Олег,
шута-философа играя.
Как рвался ты с экрана в даль...
На тонкой шее жила билась,
и несусветная печаль
из зазеркалья глаз струилась.
Фигурка ломкая плыла.

В морщинах скорбная улыбка.
И две руки, как два крыла,
лицо поддерживали зыбко.
Скользнул во тьму. Куда, к кому?!
Иду Ваганьковской тропой.
Три розы — скорбный знак печали.
Дощечкой, вбитой в ствол сырой,
указан путь — «К Олегу Далю».

* * *

А во мне все живет эта память веков —
храп коней, ошалелая скачка!
Как мой вспылчивый дед вырубал казаков,
а меня полюбила казачка.
Есаул, есаул рыжий ус подвернул.
Зубы белые хрумят сушки.
За спиной дончака ярко блещет река
и церковью золотые макушки.
Как кружилась от запаха трав голова,
как звезда путевая мигала,
и, звеня стремями, людская молва
нас с тобой по степи догоняла.
Есаул, есаул рыжий ус подвернул —
это я, только много моложе.
Бросив повод коня, та казачка меня
целовала до боли и дрожи.
Золотой очарованный вязью погон,
я скакал без дороги и брода.
За спиной оставался поруганный Дон,
прах имения, и честь, и свобода.
Есаул, есаул рыжий ус подвернул.
Храп коней. Ошалелая скачка.
Эта была про меня — я не падал с коня,
но меня полюбила казачка.

* * *

М. Гребенюку

Эти вехи навечно стоят перед нами —
гулких лет несогбенная рать.
Как в мятежном семнадцатом шли за вождами —
и никто не хотел умирать.
Пели песни, любили, неистово жили
под девизом «Знамен не марать!»
Наши души в гражданскую кровью залили —
и никто не хотел умирать.
Мы смотрели на мир сквозь решетки косые.
Было жутко мечту проиграть.
В телогрейках залатанных тридцать седьмые —
и никто не хотел умирать.
Плоть от плоти живые, мы землю кусали,
хрипло пели, — Знамен не марать!
Но в грядущее завтра мы верить устали —
и никто не хотел умирать.
В этот век, что печатью убийства отмечен,
мы не можем с надеждою рвать.
Положите товарищам руки на плечи,
чтоб никто не хотел умирать.

И тогда наша песня неистово грянет,
И воскликнет несметная рать, —
Если мы называемся гордо Славяне,
значит, мы не хотим умирать!
Так давайте лелеять надежду на встречи,
сколько можно смертями играть?!
Положите товарищам руки на плечи —
чтоб НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ!

Почта

Отбиваю деду телеграмму.
Ночь. Вокзал. Скучающий перрон.
«Николай Васильевич Баграмов
культ развенчан Сталин осужден
приезжай скорее к дню Победы
всей семьей приедем на вокзал...»
За окном мужик с похмелья бледный
третью спичку на ветру ломал.
За окном мужик тоской томился,
не в сезон по-легкому одет...
...Сорок лет прошло, как я родился.
Сорок лет прошло, как умер дед.

Постылая

Рта пылающая рана,
черный с бабочкой чулок —
проститутка «Зарафшана»
тускло смотрит в потолок.
Бьет ударник ритм упруго.
У гостей ажиотаж —
люди солнечного Юга
заказали «Вернисаж».
И в пассаже угорелом
изогнулся саксофон.
У певицы ошалелой
взлетит в гландах микрофон.
«Господи, скорее б утро!

Скучно... Больше не могу!»
И глядят на проститутку
Два студента из ТашГУ.
— Ты свободная, подруга?
...стынет бледное лицо.
Гости солнечного Юга
повторяют «Тбилисо».
— Вам пока сопливым раню! —
засмеялась в потолок
Шахразада «Зарафшана».
Черный с бабочкой чулок.
И мигнул кошачий глаз, —
Я постыла-а-я сейчас...

* * *

Луч звезды бредет рассветом неумытым.
На душе тихонько тает лед...
Женщина моя над зеркалом разбитым
счастье привередливое ждет.

Между нами жизнь высокою стеною,
стон любви и горе — на двоих.
Женщина моя не венчана со мною
среди бед и радостей мирских.

Нам перед людьми не каяться с тобою
в вечных незамоленных грехах!
Женщина моя пред Богом и судьбою,
выбранная мной на небесах.

Все приму, как есть, без жалобы и стоны,
из далекой дали позови.
Женщина моя — рублевская икона
в Храме всепрощенья и любви.

Скоморохи

Ты у места Лобного спроси,
камни, поседевшие от соли, —
били скоморохов на Руси
и глаза безумные кололи.
На ограду церкви посмотри —
струны-прутья воют жуткой нотой.
Купола, кресты и алтари
рыжие от крови да от пота.
У могил спроси. У всей страны —
можно ль было вывести заразу,
раз иконы смотрят на Руси
скоморошьям изумленным глазом?

Сквозь столетья мрачная молва
гулкий стук о доски доносила —
так катилась с плахи голова,
языка обрубком шевелила.
Много миновало с той поры,
новых зорь полотнища занялись,
отстучав, затихли топоры.
Скоморошья игрища остались.
Ты у места Лобного спроси —
где истоки смуты и пожара?
Живы скоморохи на Руси,
но сменили бубны на гитары...

Актерам

Друзья мои, я шел, когда вы звали,
гонимые тревогой и тоской.
А если вы порою предавали —
так было нужно. Нынче век такой.
Подняв икону, вас благословляю.
Зажечь свечу за здоровье спешу.
Я счастлив тем, что, Веру сберегая,
под утро каюсь. Вечером грешу.
За парусом... За парусом тревожным
который год несет житейский вал.
Метался между правдою и ложью,
у ненависти комнату снимал.
Но зло неистребимо — это вечно.
Добро без зла, что палец без руки.
Рожают бабы в деревнях на печках
Иванов по-прозванью Дураки.
Я знаю, в страшный миг прощанья-вздоха
разорванное сердце прокричит:
«Пляшите, не жалеите скомороха!
Любите жизнь, она вознаградит».
Спасибо вам за эти слезы-крохи,
что вы роняли в ковш моей руки.
Спасибо, Русь, что живы скоморохи,
не вымерли Иваны-дураки...

Песня о поэте

Он был один среди толпы шумящей,
ее слепую силой изумлен.
Он был один в печали настоящей
на казнь стихов и песен обречен.

Все не так на земле. Все от Бога.
Он не слышит — зови, не зови.
Но кратчайшая к Богу дорога
не минует ворота любви.

Когда Господь призвал его к ответу,
чтоб оправдался за свои грехи,
он прошептал: «Я просто был поэтом,
любил, как жил, а вот мои стихи...»

И от самого рая порога
он ушел, не сказав ничего.
Ведь кратчайшая к Богу дорога
пролегла через сердце его.

Глумился мир, для кривотолков создан.
Смотрел поэт, как мир тонул во зле.
И два крыла его тянули к звездам,
а два других держали на земле.

И смотрели архангелы строго,
как душа утопает в крови.
Все в поэтах не так. Все от Бога.
Кроме ревности, слез и любви.

Паденье Рима

Гаснущий светильник на пороге
по стене размазывает блики.
В облаке Везувий, как в тунике,
охраняет римские дороги.

Чахнет пламя, только струйка дыма
по ступеням мраморным змеится.
Обнимая галльскую блудницу,
пьяный Цезарь пьет величье Рима.

На ковре распластанные руки...
И терзая перья опахала,
— Аве, Цезарь!..— женщина стонала,
губы закусив в безумной муке.

Миг зачатья, прерванный на вдохе.
Жизни крик, что проклят небесами!
Женщины с нездешними глазами
смерть и тлен пророчили эпохе.

И в секунду тяжкого прозренья,
глянув им в глаза сквозь призрак дыма,
вдруг, поняв, что пьет паденье Рима,
пролил Цезарь чашу на колени.

Обомшели камни на пороге.
Хмуρο дождь стучит в пустые окна.
Спит Везувий, женщинами проклят.
К Риму не ведут теперь дороги...

* * *

Хоть ради слез твоих и песни недопетой,
когда отчаянно придет терпенью край,
за все потери и утраты в жизни этой —
не отдавай меня толпе, не отдавай.

Пусть я упал, и не меня накрыло знамя,
не для меня звенит капелью синий май,
за эту нежность, что тайлась между нами —
не отдавай меня толпе, не отдавай.

За краткий миг, когда глаза искали,
за тот обещанный, но не пришедший рай,
за все слова, что мы с тобой тогда шептали —
не отдавай меня толпе, не отдавай.

Не отрекайся ради славы и покоя,
минут молчания любви не забывай,
и даже в миг, когда навек глаза закрою —
не отдавай меня толпе, не отдавай.

НАЧАЛО

Круглый стол редакции с представителями народного движения Узбекистана «Бирлик»

Чтобы понять, нужно измениться,
выйти за свои пределы.
Ж. П. Сартр

Глоток свободы, пожалованный народу, опьянил, взбудоражил. Нас, застывших, как в детской игре, в немоте и неподвижности, вдруг расколдовали, и началось беспорядочное, хаотическое движение в разные стороны. Не имея ни опыта, ни культуры демократической жизни, не имея опыта политической борьбы, многочисленные народные движения, рожденные перестройкой, зачастую используют те методы и формы, которые оказались наиболее доступными, те, которыми пользовалась всеподавляющая власть. Ко всем трудностям, накопившимся в стране, прибавились и конфликты межнационального характера. Именно они вызывают особую тревогу, хотя психологическая их основа и объяснима. Это попытка переноса раздражения за неудовлетворенность жизнью на другой народ. Попытка обрести самоуважение и самозащиту в национальной принадлежности и компенсировать свои страдания за счет неприязни к другой нации. А вслед за психологической потребностью — нетерпеливый поиск исторических и прочих корней для обоснования национального раздражения. Сколь долго будет длиться этот процесс? Во что он может вылиться? Эти вопросы волнуют и тревожат сегодня всех.

Короткое, резковатое на слух слово «Бирлик» вот уже второй год будоражит людские души в Узбекистане. Для одних — это надежда на самоутверждение, на национальное возрождение и просвещение народа, для других — напрямую связывается с опасениями за собственную судьбу. И это понятно: ведь одновременно со словом «Бирлик» в застойную жизнь республики ворвались митинговое возбуждение, пугающие экстремистские лозунги: «Узбекистан — для узбеков!», «Казань — для татар!», «Рязань — для русских!» И если даже последнее не имело отношения к «Бирлику», и беспорядки на улицах Ташкента, и события в Фергане — тоже, тем не менее в обычном сознании, при отсутствии достоверной информации, все это напрямую соединялось с «Бирликом» и формировало к нему соответствующее отношение со стороны неузбекского населения. Потому-то в редакции нашего журнала родилось острое желание получить информацию из первых рук — встретиться с руководителями «Бирлика». Наше предложение было принято, и вот встреча состоялась. Наши гости: Захид Хакназаров, один из четырех сопредседателей движения, профессор; Тимур Валиев, член президиума Центрального Совета, доктор наук; Абдурахим Пулатов, член президиума, доктор наук.

«Звезда Востока»: Мы рады нашей встрече. Настраивает на оптимистический лад то, что руководят «Бирликом» представители интеллигенции, да еще в серьезном возрасте, да еще при таких регалиях. Какие задачи вы ставите перед народным движением?

Т. Валиев: В «Бирлике» та часть народной интеллигенции, которая осознала свою высокую миссию служения народу. Основа движения — совесть. Конечно, люди у нас разные есть, могут быть и ошибки, и заблуждения, и амбиции. Но мы в начале своего пути, и нас спланирует уверенность, что добьемся положительных результатов. В переводе с узбекского «Бирлик» означает «Единство», имеется в виду единение всех прогрессивных сил народов, проживающих в республике.

Вначале была создана инициативная группа из пятнадцати человек. Посидели,

поговорили, обсудили наши проблемы и решили написать обращение, призвать народ помочь перестройке в республике. Ведь Узбекистан плетется в хвосте перестроечных процессов. Здесь еще достаточно сильно ощущается влияние мафиозных и скоррумпированных элементов. Программы, разумеется, тогда еще никакой не было. Начали создавать группы поддержки на местах. Надо сказать, что мы сами не ожидали, что так активно и широко наша идея будет поддержана, если учесть, что основная часть населения имеет очень низкое политическое сознание: Но мы ошиблись. Со всей республики к нам устремились ходоки, из самой глубинки, интересовались, а что мы будем делать для сельских тружеников? Сам народ торопил нас к решительным действиям, и их надежды на нас очень воодушевляли. Вначале был избран митинговый путь, других методов влияния на принятие правительственных решений у нас не было. В контакт с нами оно не желало входить, Нишанов нас вообще не принимал всерьез, это еще больше возбуждало народ, заставляло консолидироваться. Начальний экстремизм подогревался именно отношением к нам официальных лиц. Как еще обратиться на себя внимание? Только через митинг! Главная задача «Бирлика» — пробудить народ, активизировать, вселить уверенность, что только он сам, только своими действиями может избавить себя от бедности и несправедливости.

Возраст членов «Бирлика» самый различный, много молодежи, в том числе и сельской, студенчество, но во главе стоят люди 35—40 и более лет. Общая численность — более трехсот тысяч человек. И главная цель в нашей программе сформулирована так: «Пробуждение узбеков и представителей всех других народов, проживающих в Узбекистане, от социальной спячки через социально-политическое воспитание сознания и широкое привлечение населения к борьбе за охрану природы, духовных и материальных ценностей Узбекистана и в конечном итоге за перестройку советского общества».

«Зв. В.»: В программе записано, что «Бирлик» открыт для всех народов, проживающих в республике, но, насколько нам известно, движение мононационально, и тем, кто не владеет узбекским языком, двери закрыты?

А. Пулатов: Неправда, двери открыты для всех. Для всех, кто неравнодушен к проблемам Узбекистана. Это на первых порах мы имели в виду прежде всего узбекское население, так как оно в большей мере нуждается в политизации. Мы хотим, чтобы в «Бирлик» пришли и русские.

«Зв. В.»: И первая акция, которая, на ваш взгляд, должна была начать пробуждение нации, это борьба за введение государственного языка?

А. Пулатов: Таково было желание народа. Ему захотелось вспомнить, что узбеки — не хлопкоробы — а нация. Нас ведь, как-никак, пятнадцать миллионов, и, наверное, двум миллионам русских проще выучить узбекский, чем пятнадцати миллионам — русский. Если даже посмотреть на эту проблему с прагматической стороны...

З. Хакназаров: Я не желаю ни одному народу мира той участи, которая постигла мой народ по части языка. Язык — это достоинство и гордость народа, его жизнь. Он через свой язык доказывает, что является продуктом природы, жителем именно этой земли. И когда его лишают языка, это может привести только к трагедии. Но я бы никогда не хотел быть и в роли того народа, который с чувством превосходства лишает другой народ его языка. Мы рассматривали акцию по введению государственного языка как проявление уважения к самим себе.

«Зв. В.»: К сожалению, принятый закон отнюдь не способствовал смягчению межнациональных отношений, скорее наоборот. Он начал использоваться как рычаг для вытеснения неузбекского населения из различных сфер. Ведь такой переход не может быть осуществлен в одночасье, а рычаг уже начал действовать. Что вызывает естественное негодование, в редакцию поступает много писем такого порядка. Одно насилие сменилось другим. И с самоуважением здесь как-то не получается: ораторы предпочитают говорить в разноязычной аудитории на узбекском языке без переводчиков. Едва ли человек, не лишенный чувства собственного достоинства, может почувствовать себя свободным за счет несвободы другого человека...

З. Хакназаров: У каждого народа есть разные люди. Вот и у русских: есть Сахаров, Ельцин, Попов, но есть и консерваторы и догматики до мозга костей, которые не делают чести прежде всего русским. Ведь и в Узбекистане до сих пор есть люди, продолжающие имперские традиции дома Романовых. Но наряду с ними были здесь и Романовский, и Зайцев, Бушув, Успенский, Волков, всех не перечислишь. Они не только обогащали мой народ светом знаний и благородства, они сами у нас многому учились. Такое соседство народов мы всегда приветствовали. Кстати, российские просветители великолепно владели узбекским языком, и народ их за это уважал особо.

«Зв. В.»: Значит, вы считаете правомерной такую борьбу? С помощью языкового рычага?

З. Хакназаров: Как и считаю правомерной борьбу против всяческих проявлений узбекского национализма. Все проявления высокомерного отношения к другому языку принять не могу.

Т. Валиев: Конечно, национализм — это проявление крайне низкого уровня культуры. Но приведу для осмысления и такой факт: если человека командируют, скажем, в какую-то Гватемалу, он за восемь месяцев постарается выучить ее язык. А в Узбекистане люди от рождения живут, языка же не знают. Это тоже проявление национализма, не так ли? Надо бы русским постепенно избавляться от еще сохраняющегося элемента имперского сознания. И это их несколько не унизит, наоборот — возвысит, узбеки будут их на руках носить.

З. Хакназаров: Люди, которых я называю колонизаторами, порождают и местных кровопийц, которые еще в большей степени угнетают свой собственный народ. И то, что узбеки оказались в таком положении — угнетения и бесправия, — вина всех наших усманходжаевых, худабердиевых, камаловых. А вызрели они под гнилой тенью черенковых, брежневых, чурбановых...

Т. Валиев: Почему сохраняется в народе раздражение против русских? Поскольку они живут в основном в городах, а там и бытовые условия другие, и мясом города обеспечиваются получше. Ведь в среднем на душу населения в республике приходится около 30 килограммов в год, сельское же население, а это в основном узбеки, едят по 8—10 килограммов мяса, остальное отправляется в города. В их представлении это уже нарушение социальной справедливости. Или последний факт: в Ташкент прибыли из других регионов страны тысячи рабочих на завод «Алгоритм», их, разумеется, будут в первую очередь обеспечивать жильем, а коренное население даже прописаться в Ташкенте не имеет возможности.

«Зв. В.»: Вот и в программе вашей записано, что одной из причин ухудшения межнациональных отношений «является политика, направленная на искусственное ограничение в приеме на работу коренных жителей в современные промышленные предприятия, в управленческий аппарат, в научные, проектные и конструкторские учреждения союзного подчинения, в Комитет государственной безопасности и в военные сферы». Может быть, не надо здесь усматривать некоей преднамеренности, злого умысла? Может быть, все дело в уровне квалификации, подготовки к этим сферам деятельности?

А. Пулатов: Но при чем здесь народ? Интеллектуальный потенциал человека, к какой бы нации он ни принадлежал, приблизительно одинаков! Значит, речь нужно вести об условиях, в которых находится местное население. Вот потому-то мы и ставим в своей платформе на первом месте защиту интересов народа. Мы ищем возможность влиять на подбор и расстановку кадров таких руководителей, которым бы народ доверял, которые бы стояли горой за свой народ.

Т. Валиев: «Бирлик» — за превращение Узбекистана в суверенную республику, за уважение к ее языку, обычаям, традициям. За добрые отношения со всеми народами, живущими на территории республики. За решение экологических проблем — но не только в вопросах природопользования, — в широком спектре: морально-этическом, политическом... Мы против бюрократов и взяточников. Против любых движений, препятствующих или искажающих идеи демократии, гласности.

«Зв. В.»: Как развивается ваше движение?

З. Хакназаров: До сентября прошлого года — по нарастающей. Нарастала активность, численность. Но с сентября активность несколько спала. Почему? На 10 сентября мы намечали 100-тысячный митинг на Красной площади в Ташкенте, и население знало об этом за два месяца. Митинг в защиту узбекского языка. Но правительство республики решило во что бы то ни стало помешать этому и пустило в ход испытанный прием: пытались нас расколоть. Кого-то пообещали возвысить, других — унизили, очернили. На неискушенных руководителей и членов «Бирлика» это подействовало. За отмену митинга было обещано телевизионное время и регистрация «Бирлика» как демократического официального движения. Часть людей поверила и пошла на соглашение, другая же решительно не приняла условий навязанной игры и, в конечном итоге, оказалась права.

Нас обвели вокруг пальца: время на телевидении мы получили — для разового выступления, а регистрация не состоялась. Народ испытал разочарование: «Бирлик» сдался властям, сдался их придатком». Активность начала падать. Продолжали существовать две фракции. Одна выступала за налаживание контактов с правительством республики, другая настаивала на своем: не надо обольщаться, могут обмануть. Второе крыло возглавлял Абдурахим Пулатов. Его начали преследовать. Ставили в вину беспорядки во время митингов, да еще несанкционированных. Конечно, Абдурахим не всегда был корректен. Критиковать можно и нужно, но он зачастую переходил на ругательный тон. Я таких форм самоутверждения и выяснения истины не принимаю. Однако за принципиальность его очень уважаю. Популярность Пулатова в народе большая, а когда его начали преследовать, она еще больше подскочила. «Феномен Ельцина». По времени это как раз совпало с началом выдвижения кандидатов в депутаты республики, и правительство, видимо, опасалось, что его кандидатура будет выдвинута многими округами. Нужно было срочно Пулатова скомпрометировать. Именно тогда и было заведено на него уголовное дело. А коль коммунистов у нас не судят,

значит, надо было выгнать его из партии. Что и было сделано, прямо в райкоме, минуя первичную организацию. Под давлением общественности уголовное дело было закрыто, но... было потеряно время — для нас: выдвижение кандидатов закончилось. Что, видимо, и требовалось...

«Зв. В.»: Какой позиции придерживается сегодня «Бирлик» — правого или левого крыла?

Т. Валиев: В ноябре прошлого года мы вынуждены были созвать чрезвычайный — внеочередной съезд, где произошло примирение обоих крыльев на компромиссной основе. Была принята новая программа, шла борьба за демократическую структуру управления движением, и мы этого, кажется, добились. Избраны четыре сопредседателя, которые опираются на президиум из девятнадцати человек, они — в свою очередь — на Центральный Совет из 150 человек. Я думаю, что мы сумеем преодолеть болезни роста, сумеем повлиять на переустройство нашего общества, помочь республике реально. «Бирлик» сегодня — за контакты с руководством республики. Но при этом — не поступаться, не сдавать позиций по принципиальным вопросам.

«Зв. В.»: Какие это вопросы?

Т. Валиев: Прежде всего, политический и экономический суверенитет Узбекистана. Закрепленное конституционно право народов, населяющих республику, самим распоряжаться природными богатствами. Мы против того, чтобы кто-то продолжал нам диктовать: вот вам такой-то госзаказ, остальное на ваше усмотрение. Практически нашего усмотрения не получалось и не получится при такой постановке. Тот же хлопок: никто не знает, не только народ наш, но ни Госплан, ни Верховный Совет — никто, куда он уходит, куда продается? Сколько мы ни пытались выяснить хлопковый путь, бесполезно. Разве ж это разумно? Вот при такой непрозрачности, в такой мутной воде и процветают воровство, махинации, злоупотребления. Разве народ, гнувший спины на отравленных ядохимикатами полях, не вправе знать, где и как используется трудный его хлопок? Ведь он из-за хлопка и накормить себя не в состоянии.

Дальше. В республике добывают много золота. А что она от того имеет? Мы хотим, чтобы богатства нашей земли принадлежали тем, кто на этой земле живет. А вот когда мы будем вывозить свою продукцию за пределы республики, хотим договор подписывать, но не по региональным критериям, а по международным.

Мы хотим, чтобы все промышленные предприятия перешли в полное подчинение республики. Кто и когда спрашивал у народа, советовался с ним, что размещать на ее территории, где? Все промышленное строительство исходило не из естественной потребности региона, а из потребностей Центра. Он знает лучше. Здесь разместить текстильное производство, там — тяжелую индустрию... И вот вся территория страны превратилась в собственную вотчину ведомств. Единая строительная площадка по их усмотрению. И теперь, после семидесятилетнего шока, в котором содержались все регионы страны, мы начали, наконец-то, приходить в себя. Я не только о Туркестане говорю. Что творится в Сибири? В Поволжье? На Украине? Разве можно было в Фергане размещать химический гигант, когда там такая высокая плотность населения? Это же погубление земли, воды, воздуха, здоровья людей. Это элементарное насилие Центра над всей территорией Советского Союза, что и привело к экономическому, и к экологическому краху. К политическим прозрениям. Те же Воркута, Кузбасс... в чем суть протеста, который и услышали только тогда, когда шахтеры забастовали? Протест — против безразличия к простым людям, против унижения человеческого достоинства.

Общая политика партийной диктатуры привела к «опартийничанию» всей нашей жизни, всех сторон ее: человека нет, есть только политика.

«Зв. В.»: Но в вашей программе записано, что «деятельность КПСС по реформе политической системы в СССР создает условия для осуществления тех целей, которые поставило перед собой движение «Бирлик». Такая реформа должна привести к полной победе демократии и претворению в жизнь лозунга «Вся власть Советам!»

З. Хакназаров: Надо отдать должное Горбачеву, он эту политику отношения к народу, к ниществу человеку постарался приостановить. Но, с моей точки зрения, не положил ей конец. Ему уже давно надо было самому настоять на отмене 6-й статьи Конституции СССР, разрешить многопартийность. Ведь надо понять только одну элементарную вещь: человек приходит на этот свет вовсе не для того, чтобы кому-то подчиняться, наняться в поденщики или записаться в рабы. Каждый человек — это не часть какой-то массы, серой и безликой. Каждый человек — неповторимый, единственный в своем роде, со своими устремлениями, надеждами, запросами. Он хочет счастья. Так же и любая нация, каждый народ. Стоит только осознать это всем сердцем, и сразу откроется много путей достижения взаимного согласия и уважения. И тогда естественным образом создадутся условия и для полной демократизации, и для истинного плюрализма, и для многопартийности.

«Зв. В.»: Но ведь Горбачев в принципе не возражает против многопартийности. Он только считает, что у нас еще не вызрели условия для этого. В Восточной Европе —

другое дело, там подготовительная работа велась уже давно, просто мы об этом не знали. К тому же, там и общий уровень культуры иной.

З. Хакназаров: Я против такого утверждения, что на Западе, — мол, все люди умнее, лучше, чем у нас. Сама система не позволяет нам быть умными и культурными. Ведь когда-то почитали за честь в России работать и немцы, и англичане, и французы. Россия XIX века, ее духовный потенциал вызывали зависть и уважение. Была мощная интеллигенция, многие госу­дарства питались интеллектуальными соками России. Да и рубль российский когда-то был предпочтительней доллара. А что произошло? Мощный отток этого потенциала начался сразу же после Великого Октября. Сколько умных людей унесли сталинские репрессии! Все толковые, думающие экономисты, к чьим идеям мы начинаем только сейчас обращаться, были высланы из страны в 20-х годах. Обществоведы, независимые в своих мыслях, кибернетики, генетики — все были преданы анафеме. А сколько оригинальных научно-технических идей перетекло за рубеж из-за невостребованности на своей Родине? Та же Америка вырвалась вперед в чем-то благодаря нашим идеям, нашим людям, всегда желавшим улучшить, изменить нашу жизнь, но так и не нашедшим на Родине поддержки. Посеянная революцией надежда, что социализм сделает всех богатыми и счастливыми, оказалась иллюзией. «Кто был ничем, тот станет всем...» Мираж. Кем мы стали?

Сейчас Горбачев только чуть притронулся к общечеловеческим ценностям. Но в его действиях, на мой взгляд, не хватает решительности. Нет тех самых революционных перемен, которых ждет народ. Я не понимаю, почему наши горе-теоретики до сих пор размахивают жупелом «социалистический». Система эта создана искусственно, вопреки законам развития человеческого общества, вопреки законам природы. Что принесла всем нам, например, декларация социальной защищенности? Кого она защищает? Она дает все права только тем, кто живет и хочет жить нечестным трудом. Ведь уже большая часть населения поняла, что прожить честным трудом у нас нельзя. Так мы воспитали воров, туеядцев, махинаторов, бандитов. Теперь они выступают уже целыми кланами. Они — главный тормоз перестройки. К клану я отношу и партийно-бюрократический аппарат, который переродился, всосался в тело общества и не желает никому отдавать своих привилегий. Особо опасен партаппарат областного и районного масштабов. Это царьки на своей территории. Что там эмир бухарский, ему и во сне такой жизни не снилось, такой властью он не обладал.

Сегодня мы говорим, что высшая власть принадлежит Советам. Но — только говорим. Реальная власть на местах — в руках партаппарата, райисполком подчиняется райкому, облисполком — обкому.

У нас восемнадцать миллионов управленцев, и все они, по крайней мере процентов на 95, коммунисты. Они ведь ничего не производят, а едят во сто крат лучше, чем те, кто эту еду производит. За что им такая честь? За то, что они привели и продолжают вести нас в «светлое будущее»? Что они такое сделали для людей, чтобы в щады живота своего всю жизнь работать на них? Повсюду в стране создаются фонды милосердия, открываются бесплатные столовые для малоимущих, а партаппарат, скрыто от всех, на 40 процентов увеличивает себе зарплату. Все эти партконтроли, профсоюзы, комитеты, досаафы, чем они все занимаются? Слушайте, такое неразумное государство есть ли еще где в мире! Наверное, случай наш — уникальный на всю историю человечества. И это королевство кривых зеркал можно изменить только силами свободного интеллектуального общества. Пусть будет полный плюрализм во всем. Пусть каждая партия выступает со своей платформой, и народ сам выберет, за кем ему идти. А избранная партия практическими своими делами докажет, на что она способна.

«Зв. В.»: Говоря о политической и экономической самостоятельности, вы не имеете в виду выход из федерации?

Т. Валиев: Нет, не имеем в виду. Мы готовы сотрудничать с любой республикой страны — но только на договорных началах. Ведь хозяйственный расчет — элементарная форма ведения хозяйства, в ней заложен фактор саморазвития. А нам опять туманят голову какими-то моделями; первая, вторая, третья... Какие модели? Это очередная попытка обмануть народ Средней Азии. По крайней мере, так он это понимает. Только понятным для всех механизмом можно стимулировать развитие производительных сил.

З. Хакназаров: Но я не хотел бы, чтобы в названии нашего союза с другими республиками страны сохранялось слово «социалистический», оно настолько себя скомпрометировало, что, видимо, уже никогда не привлечет к себе прежнего — изначально — уважения, доверия, не воодушевит никого. И мы согласны даже поддерживать наш союз, наше содружество специальными отчислениями из своего национального дохода, но в разумных пределах.

«Зв. В.»: Но ведь республика много и получает из общесоюзного фонда?

З. Хакназаров: Я хочу точно знать, кому и сколько я должен. Сколько эта помощь мне стоит. И — считать свои доходы, соизмеряя с тратами. Не надо дотировать обан-

кrotившиеся предприятия, не умеют работать, пусть разваливаются, кто их будет содержать? Так и будем всю жизнь в болоте сидеть. Я сам хочу считать, что мне производить, сколько производить, как и где продавать. И мне думать — нужны ли те станки, те механизмы, которые поставляются. Как хозяин буду смотреть. А мне не дают такого права, вроде не мое это дело...

«Зв. В.»: Но республика пока что производит в основном сырье...

З. Хакназаров: Что ж, пока будем рассчитывать на сырьем. Но не по тем ценам, которые устанавливает нам Москва, 60—80 копеек за килограмм хлопка-сырца, из которого потом сошьют костюм за 120 рублей или платье за 50. По договорным ценам, но будем стремиться развивать свою переработку, если мне будет невыгодно покупать такие дорогие вещи. Я же — хозяин, мне виднее.

«Зв. В.»: Для развития перерабатывающей, текстильной промышленности много чего надо: и краски качественные, и технологии совершенные, на уровне зарубежных, и, соответственно, кадры высокой квалификации, чтобы производить продукцию высокого класса, не прогореть на том самом рынке. Сегодня же покупатели все больше шарахаются от одного только вида отечественных тканей, гоняются за импортными. И с нашей нынешней продукцией, с хлопком нашим, каракулем едва ли найдется достойное место на мировом рынке.

З. Хакназаров: Нет рабочего класса, говорите. Конечно, по команде никогда ничего уже не возникнет. Он возникнет из естественной потребности, из необходимости, из интереса людей. Люди должны сами понять, почувствовать, что это выгодно, интересно для них, что это улучшит их жизнь.

«Зв. В.»: Сколько училищ было создано в республике? Несколько сот. Молодежь отправляли в другие регионы учиться и стажироваться на крупных промышленных предприятиях России, Украины. Но все как будто напрасно. Промышленные предприятия, уже созданные, не укомплектованы даже для работы в одну смену, в той же Фергане после известных трагических событий сотни, тысячи мест в промышленности освободились, но никто их не торопится занимать из коренного населения. Хотя и некоторые местные идеологи утверждают, что потому нет промышленного рабочего класса в республике из числа коренной национальности, что все заняли русские...

З. Хакназаров: Конечно, мой народ привык к земле, он живет в тесном общении с природой. Но ведь к нему и ключик надо иметь, подход найти. Если люди будут знать, что на этом заводе будет высокая зарплата, да красивый дом, да детский сад, да приусадебный участок, — быстро научатся и новому делу. Ведь в большинстве случаев как строили предприятия? Главное — производство, а на инфраструктуру никто не обращал внимания.

«Зв. В.»: Индустриализация республики — проблема чрезвычайно сложная, так получается. К тому же, в силу сложившихся экономических реалий на сегодняшний день — и трудноразрешимая. Ведь одно только рабочее место в промышленности стоит — самое малое — двадцать тысяч рублей, а у нас сотни тысяч незанятых в общественном производстве, следовательно, понадобятся для устройства их в промышленности десятки миллиардов рублей. А где их сегодня взять республике? Может быть, разумнее пойти по китайскому варианту — создавать в сельской местности кооперативы. Мы уже писали в журнале, что в Китае только за три года в сельские кооперативы было вовлечено 700 миллионов человек, и это еще не предел. Ведь и в республике этот путь видится более естественным для традиций, уклада. В одном только сельском быту дел для кооператоров непочатый край. И не надо так уж сильно бояться, что легализуется теневая экономика; когда она выйдет на поверхность, ее ведь можно взять под контроль.

З. Хакназаров: Кооперативы? Согласен. Только вот что важно: чтобы они создавались произвольно, без указаний сверху. А то ведь опять ничего путного не выйдет. Чтобы к жизни их вызывала сама жизнь, потребности людей.

Вот вы говорите о низком уровне нашей молодежи: неграмотные, с узким горизонтом мышления и прочее. А кого же можно было создать, если все было направлено на то, чтобы сделать из людей послушные винтики — шурупчики? Ведь состояние нашей молодежи — от нашего социального устройства. Люди не могут быть сами по себе темными, невежественными, это следствия условий, в которых они живут, воспитываются. Повторю еще раз, что интеллектуальный потенциал всех народов приблизительно одинаков. В наших условиях людям просто неинтересно к чему бы то ни было стремиться, что-то новое узнавать, начать новую жизнь, более интересную. А где она, более интересная? Нашей стране, нашей республике и нужны были именно такие люди — темные, послушные, невозмужающие. Мы их и получили.

«Зв. В.»: Вы, конечно, изучили проект развития республики на предстоящее пятилетие. Как вы к нему относитесь? Совпадает ли он хоть в чем-то с вашим видением перспективы?

З. Хакназаров: Я против всего того, что там написано. Совершенно очевидно, что по нему водили карандашом центральные ведомства. В проекте все те же стереотипы.

Только чуть увеличены цифры в пользу республики: добавлено немного на социальное развитие, добавлены вложения в перерабатывающую промышленность. Но это все не имеет никакого отношения к принципиальным изменениям. Республика снова в роли просителя. С протянутой рукой — дайте! Разве так делается при нормальной экономике?

«Зв. В.»: Есть ли у вас своя альтернативная программа, конкретные проработки, которые можно было бы предложить правительству для обсуждения?

Т. Валиев: «Бирлик» — не ассоциация специалистов. И его главная задача — бороться за демократию. Выдвигать на ответственные посты в республике честных, компетентных людей, смелых и преданных народу.

«Зв. В.»: В Прибалтике ведь создали свои программы.

З. Хакназаров: В Прибалтике совсем иное дело. Там демократическое движение сомкнулось с официальным руководством, и это дало возможность вовлечь в ряды народного фронта крупных экономистов, математиков, философов, социологов. Они и разработали такие программы. У нас таких специалистов пока нет именно из-за отсутствия официального статуса. Причина, наверное, понятна: люди боятся неприятностей по службе, боятся потерять место. И тем не менее, по некоторым вопросам у нас довольно конкретные позиции, например, по аграрному вопросу. Мы также считаем, что руководители республики должны быть более самостоятельными в принятии решений и больше прислушиваться к голосу масс. А для того, чтобы этот голос услышать, надо идти в народ, на митинги идти, разговаривать. А они все перед своим партативом выступают. А кто входит в актив? Оратор не успеет еще рта раскрыть, а они уже руки тянут — заранее со всем согласны. Некоторые наши официальные лидеры и язык-то свои родной забыли.

«Зв. В.» Какова ваша платформа в аграрном вопросе?

З. Хакназаров: Ликвидировать колхозы и совхозы как рабовладельческую форму ведения хозяйства. Кому они нужны в таком виде? Председателям, директорам — нет, еще выше — партийно-административному аппарату прежде всего, потом уже идет ранг пониже. Ведь колхозы-совхозы их призваны кормить в первую голову, а уж остальным — что останется.

«Зв. В.»: Всегда, когда заходит об этом речь, выдвигается единственный, беспроблемный аргумент: всем земли не хватит.

З. Хакназаров: Всем, кто хочет работать на земле, хватит. По нашим расчетам, она способна накормить 40—50 миллионов человек, а сегодня 20 миллионов живут впроголодь. Может прокормить, но только не при колхозах-совхозах. Тогда ничего не изменится даже если и приусадебные участки расширять, и в аренду землю отдавать. Если существующее устройство сохранить, всегда в выигрыше останутся спекулянты, мафиози, разного рода дельцы, только не крестьянин, он снова будет обманут. Попробуй-ка где-нибудь в цивилизованном государстве приобрести землю нечестным путем или жита за счет махинаций. Если такое и случится вдруг, махинатор жестоко поплатится. Деловые люди раз и навсегда вычеркнут его из своих списков. Правовые нормы должны быть таковыми, чтобы исключали возможность жить несправедливо на земле.

Кто производит средства для жизни всех? Крестьянин, рабочий. Вот их-то государство и должно оберегать, защищать от жуликов и дармоедов. Трудящийся человек — главная ценность государства. Только не у нас. У нас главные — аппаратчики, их и кормят получше, и одевают, и лечат, и на машинах возят. Их и закон охраняет от народа.

«Зв. В.»: Удастся ли вам в последнее время вступить в контакт с правительством?

Т. Валиев: Складывается впечатление, что к нам начали прислушиваться. Мы ставили вопросы о снижении процента госзаказа на хлопок, об увеличении приусадебных участков до 25 соток, о повышении закупочных цен на хлопок. И эти наши предложения теперь включены в официальные документы. Можно испытать некоторое удовлетворение. Однако в целом хотелось бы желать много лучшего. Если бы нам был дан официальный статус, это повысило бы нашу ответственность и в формах ведения борьбы, и в разработке экономических и политических программ. Свои намерения мы могли бы открыто излагать через органы печати, опровергая тем самым всякие слухи о злонамеренной деятельности «Бирлика», отмежевываясь от тех, кто разжигает межнациональную рознь, спекулируя «Бирликом».

«Зв. В.»: Каковы ваши позиции на выборах в Советы?

А. Пулатов: По Ташкенту было зарегистрировано всего 14 кандидатов, хотя выдвигалось довольно много. В процессе предвыборных баталий люди сами убедились на собственном опыте, что дело-то вовсе не в русских. Дело в обкатанной машине, не позволяющей выдвигать тех людей, которым верит народ. В этой машине все заранее уже спланировано, где и за кого надо голосовать. Находились тысячи уловок, чтобы не зарегистрировать именно избранного кандидата. В результате пришло ясное осознание, кто именно стоит на пути демократических преобразований в республике.

«Зв. В.»: Если бы вам удалось занять большинство мест в республиканском парламенте, на чем бы вы в первую очередь настаивали?

Т. Валиев: На полной демократии. Образе жизни — демократическом. На искоренении всяческой вероятности возрождения авторитарных методов руководства. На политической и экономической самостоятельности. Укреплении механизма реализации правовых норм. Последнее чрезвычайно важно для республики. Ее правовые органы загнили еще больше, чем партаппарат. Суды должны стать независимыми. На немедленной ликвидации колхозов и совхозов.

«Зв. В.»: Ваша позиция в межнациональных вопросах?

Т. Валиев: Узбеки — та часть населения, которая отличается большой гуманностью. Узбеки — против кровопролитий. Странники решения политических и экономических вопросов мирным путем, без экстремизма.

Но вы, наверное, хотели спросить — не причастен ли «Бирлик» к ферганским событиям? Отвечу: нет, не причастен. Если бы там был «Бирлик», такого, быть может, и не случилось бы. Еще в конце 88-го года всячески муссировались слухи о том, что якобы узбеки создали националистическую организацию, и теперь она будет устраивать массовые избиения русских на улицах, а потом их выселять из республики. Тогда «Бирлик» обратился «ко всему миру и всем честным людям, подчеркивая, что не является националистической организацией, что движение никогда не станет организовывать никакого избиения и выселения с территории Узбекистана других народов, что осуждает попытки вызвать национальную рознь и межнациональные конфликты, против подобных явлений ведет борьбу. Правда, немногие имели возможность нас услышать, опять-таки по причине нашего «нелегального» положения.

«Зв. В.»: Как отозвались в ваших сердцах горькие события в Закавказье?

З. Хакназаров: В разгар событий в Баку мы решили провести на площади большой митинг, однако, войдя в контакт с властями, после обсуждения вопроса, решили провести его в закрытом помещении в районе старого города, чтобы не нагнетать и без того не очень спокойную обстановку в городе. На митинг собралось человек 500. Мы приняли обращение к мусульманам и азербайджанцам, где призвали их найти мирный путь решения всех своих сложных проблем. Только путем согласия и взаимного уважения. Вместе с тем обратились и к Верховному Совету страны с требованием вывести армейские подразделения с территории обеих республик. Чем, на наш взгляд, вызвана была такая ситуация? Именно безразличным отношением к нуждам людей. Все вопросы исторически решались силовыми приемами, в том числе и наведение границ между республиками. С самого начала назревающего кризиса надо было вести переговоры не с руководителями республики, а с народом. Собрать вместе лучших представителей той и другой республики, поговорить с ними по душам, постараться понять их проблемы и заботы, постараться примирить друг с другом, договориться на основе каких-то компромиссов, от разума и добрых чувств идущих. А сейчас, конечно, время уже упущено, ситуация стала неуправляемой.

В такое время, когда так болезненны и ранимы национальные чувства, начинать притязания на территорию, по меньшей мере, было безрассудно. Ведь этот процесс может очень легко перебраться и на другие регионы. Вот и Туркестан был когда-то поделен искусственно на республики. Здесь на протяжении тысячелетий отношения строились не по территориальному признаку, а по человеческим принципам. Здесь была единая общность людей, связанных религией, общей историей, природными условиями, общими великими реками Сырдарьей и Амударьей. И вот у нас начинается возня вокруг территориальных границ: таджики хотят иметь Бухару, Самарканд, узбеки — Ленинабад, так как там проживает 80 процентов узбеков, свой иск у Казахстана. Если пойти на поводу у таких настроений, в какие дебри можно забраться?! Мы — за единый Туркестан, где можно сообща развивать экономику; разумно использовать природные богатства, вместе беречь драгоценную воду. Одних только водных конфликтов пережито уже сколько, и сколько их еще возможно при нарастающем дефиците воды. Сколько напрасных трат можно было избежать — не тянуть параллельные каналы, не вести параллельных исследований в науке, не строить параллельных заводов. О природе вместе заботиться: ведь сегодня тех, кто живет в верховьях рек, не очень-то беспокоит, что внизу, какие проблемы...

«Зв. В.»: Но вот в чем вопрос: не возникнет ли у какого-либо народа желание главенствовать в этой общности, поставить себя выше других!

З. Хакназаров: Это атавизм. Если люди цивилизованные, культурные, такого проищойти не может.

«Зв. В.»: Но мы имеем дело с реальными людьми, разными и, быть может, не очень культурными...

З. Хакназаров: Путь только один: убеждения, взаимные компромиссы. Ни малейшей попытки унижения, поправки национального достоинства даже самого малочисленного народа. Думається, что историческую ошибку все-таки придется исправлять. Нужен единый Туркестан, единое демократическое общество, без национальностей, без границ.

«Зв. В.»: А государственный язык — национальное достоинство народа?

З. Хакназаров: Когда-то на территории Туркестана считалось обязательным для интеллигенции знать и фарси, и тюркский, и арабский языки...

«Зв. В.»: А другие республики согласятся?

З. Хакназаров: Мы уверены, что удастся доказать таджикскому народу, что территориальные претензии должны быть исключены. Есть более высокие цели, они и должны нас объединить.

«Зв. В.»: Скажите, пожалуйста, все, о чем мы с вами говорили, ваша личная позиция или «Бирлика» в целом?

П. Валиев: Это позиция большинства. Так нам кажется. По крайней мере, с яркими националистами в нашем движении не приходилось сталкиваться, они не встречались.

«Зв. В.»: Каким вы видите будущее «Бирлика»?

З. Хакназаров: Как политическую партию с демократической платформой.

«Зв. В.»: Как скоро?

З. Хакназаров: Может быть, через год...

Конечно, «Бирлик» — движение сложное, не все в нем однозначно. Оно меняется день ото дня, развивается, взрослеет. Встреча с его руководителями оставила благоприятное впечатление: развеялся «образ врага», зародилась надежда, что тревожные ветры нашего времени не перенесут их в лагерь экстремистов. Впечатлениями о встрече я поделилась со знакомым историком, хорошо знающим Среднюю Азию. Он внимательно выслушал, затем выпалил горячо: «Вы рассуждаете как типичный российский интеллигент. Вы не учитываете одного: это же Восток! Я напому вам Кокандскую автономию. Факт истории. Там тоже рассуждали приблизительно так же: демократия, самостоятельность, автономия. А чем все закончилось, знаете?» В его голосе — тревожные, предупреждающие нотки. Я не хочу внимать этим предупреждениям, но не думать о них не могу. А потому всеми силами голосую за единственно здравую мысль: искать взаимопонимания, взаимоуважения. Пытаться понять друг друга. Сильно стараться. И понять! Как и достойно нормальных людей конца второго тысячелетия.

Очевидно также, что оздоровить межнациональные отношения может лишь здоровая экономика. И прежде всего — предоставление политической и экономической самостоятельности республикам. Пожалуй, это один из самых эффективных путей овладения психологическим механизмом поведения людей и воздействия на этот механизм. Как-то психологи провели эксперимент, суть которого в следующем. Двум группам испытуемых было дано задание решить несколько головоломок и вычитать нудную корректуру. Причем одной из групп было предложено просто выполнять задание, другой же — показали кнопку, с помощью которой можно было выключить громкий раздражающий шум, доносившийся из глубины помещения.¹ Что же произошло? Вторая группа, имеющая кнопку, блестяще справилась с корректурой и в пять раз больше решила головоломок, чем первая группа. И — что самое главное — вторая группа не воспользовалась кнопкой. Сама возможность воздействовать на ситуацию, САМИМ ее контролировать позволила второй группе использовать отпущенное время с максимальным эффектом. «Этот эксперимент, — пишет И. Дементьев, — служит психологическим обоснованием необходимости расширить демократические права и возможности самостоятельного принятия решений человеком в любой сфере и в национальных вопросах тоже. Возможность контролировать ситуацию, соединенная с чувством собственной ответственности за происходящее, будет способствовать нормализации обстановки и резкому снижению эксцессов на национальной и иной почве».

Самый разумный путь сегодня — путь созидания. Мы не подвинемся вперед разрушая. Не лучше ли воспользоваться тем, что накоплено дорогого нам и бесценного, использовать имеющиеся живительные соки для проращивания начавших дряхлеть семян интернационализма. Убеждена, что будущее вырастет не на пустом поле, а на поле нашего совместного труда, где уже ничего не расчленишь, не разобратишь, где чье и какое усилие. Общее поле страданий наших и, пусть малых, но радостей. Общее поле печали и скорби, унижений и прозрений. Не будь его, и не выжить бы нам, поодиночке-то. Разве не так?

Так почему же сегодня мы напряженно вглядываемся в лица, пытаемся рассмотреть затаившегося врага? Может, надо поменять внутреннюю установку и пытаться разглядеть в человеке напротив своего друга, единомышленника?!

Публикацию подготовила И. МИХАЙЛОВА.

¹ Дементьев, «Коммунист», № 1, 1990 г.

Билял Мамбет

К моей музе

Плеснет рассвет, окрест слепа.
Украсят звезды небеса.
Я жду тебя, я жду тебя,
В толпе ищу твои глаза.

Уйдет весна, и лета шаг
Несет плоды в мои края.
Пусть плачет друг, смеется враг,
Ты — песня лучшая моя.

И хоть не встретил я тебя
И много слез в тоске пролил,
Твой образ трепетно лепя,
Я ничего не позабыл,—

Улыбку солнечную, жест
И смех — упругий плеск волны.
Такою ты из дальних мест
Стучишься в дни мои и сны...

Жизнь моя...

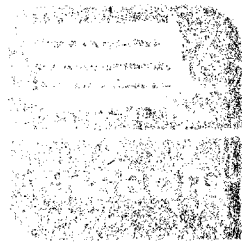
Жизнь моя, как волны моря,
Ожиданьями полна.
Вся из радости и горя —
То сладка, то солона.

И, тоскуя под хурмою,
Вспоминая стариков,
Я хотел бы стать волною
В тихих душах земляков.

Крыжовник

Он вовсе, как я, не паломник.
Раскидист, приземист, колюч,
Растет вдоль речушек крыжовник,
И каждая ягода — луч.

Люблю твои узкие листья
И воздух, который ты пьешь.
О, край мой — степной, каменистый.—
Земля, на которой растешь!

Море

Почему напоминает мне
Синева твоих глубоких глаз
Море в дальней-дальней стороне,
И не скрыть волненья всякий раз?

Прикоснусь к руке твоей слегка,
Отведу навязчивое горе.
Почему в глазах твоих тоска,
Если волны плещут на просторе?

Но, пройдя сквозь тысячи тревог,
Понял я, откуда эта сила:
Если б в сердце море не сберег,
Как его б в глазах ты отразила?

Ты улыбнулась...

Ты улыбнулась — и в сердце моем
Вспыхнули розы волшебным огнем.
Ты улыбнулась — и с теплых ресниц
Стайка вспорхнула утренних птиц
И песней заполнила вмиг небеса...
Подвластны улыбке твоей чудеса!

* * *

В тоске стареет человек.
Я это видел, пережил.
И воду пил из многих рек,
Но жажду все ж не утолил.

Гремя, курьерские несли.
Несли... Но, как магнит, всегда
Притягивала там, вдали,
Песчинка — отчая звезда.

Перевод с крымскотатарского
Николая Краси́льникова.

П. Низаев

ДИАЛОГ СО СТАНКОМ

РАССКАЗ

— Ну, брат, и дошел же ты!

Паша Краснов, сокрушенно вздыхая, стоял перед станком многоточечной сварки. Опершись плечом о шкаф управления, он в растерянности проводил растопыренной пятерней по светлым волосам.

— Видать, без меня тебе здесь крупно досталось. И всего-то за каких-нибудь полгода... Смотри: все шипит, грязь, окалина, мусор кругом, пылицы на палец! Как же ты дожился до этого!

Станок выглядел мрачным и заброшенным, только место оператора было кое-как расчищено.

— То-то я удивился, что бригадир такое задание выписывает — всего семьдесят штук. Я же помню, на что ты способен. По триста пятьдесят мы когда-то с тобой спокойно давали. Помнишь? — Краснов шагнул к операторскому месту. — Давай посмотрим. — Включив рубильник, он немного подождал, как бы давая станку собраться с духом, потом включил ручное управление. Станок не дрогнул.

— Так... подачи нет. Теперь электроды? О, шевельнулись, каретка... не дышит. Как же они выколачивали из тебя эти семьдесят штук? Ну хорошо. Давай тогда попробуем сразу в автоматическом режиме. Ага! Вот теперь понятно — у тебя тумблера-переключатели все как один переломаны и ты можешь дышать только на автоматике. Конечно, им же так быстрее! — Краснов зло сплюнул. — Все давай-давай! — Он огляделся по сторонам, нет ли кого рядом.

— К тебе и подходить-то боятся. Смотри, как тебя слесарь за километр обходит...

Ну хорошо, давай попробуем поработать, как они. — Он включил станок и тут же поморщился — отработанный воздух с оглушающим шумом выходил из клапанов. — Глушители снимали. Конечно, снять легче, чем раз в неделю промывать. Каретка еле ходит, электроды чуть касаются проволоки. Нет, так не пойдет! Погоди, я сейчас.

Паша остановил станок, сбегал за маслом и принялся заливать его в силовые цилиндры.

— Давай еще попробуем. Вот... уже полегче дышится, — успокаивал он. — Сейчас и кареточку тебе смажем, теперь масло пойдет по стенкам цилиндров, смажет стеночки и манжетки, и так скрипеть мы уже не будем. Ну... попробуем еще разок? — он включил на автомат. — Пошла машинка!

Некоторое время Краснов следил за работой станка — машина неуверенно набирала скорость, временами заедало. Он сварил несколько сеток, опять остановил и полез с ключами под станок. Оттуда доносилось его глухое бормотание.

— Ты чего там бормочешь? — крикнул подошедший мастер в черной свежей спецовке. — Что, опять станок сломался?

Вспотевший и раздраженный Павел выбрался из-под станка весь в пыли и паутине.

— Я не просто бормочу — я матерюсь. Как можно было довести машину до такого состояния? Ничего толком не затянута, все разболтано, без смазки...

— Кто ты такой, чтобы здесь указывать? Тебе сказали варить сетки — вот

и вари. А ремонт не твоя забота. Если что сломалось — зови слесарей, электриков. В случае чего, мы с них спросим. Сейчас станок работает?

— Работать-то работает, но, во-первых, медленно, а во-вторых, — на износ...

— Ну работает ведь, а раз так — нечего резину тянуть. Мне сетки нужны, план нужен. Давай вари, вари! — Мастер развернулся и зашагал прочь от станка.

Павел протер руки, вздохнул, посмотрел по сторонам, включил станок. Машина, шипя воздухом, словно отдуваясь, заработала.

— Да, это тебе не прошлые времена. Раньше ты с меня мог спросить — почему не смазано, почему не затянуто?.. Я же помню: не смазал — от тебя отдачи меньше, не подтянешь вовремя — так ты тут же сломаешься, — говорил он сквозь шум. — А теперь на тебе кто попало работает, смотреть за тобой некому, вот ты и бунтуешь. А ты не думаешь, что по нынешним временам тебя за это, как устаревшую технику, могут снять с анкеров и выкинуть на свалку?

Краснов огляделся, закурил.

— Тыфу ты! Люди со стороны послушают, подумают еще — рехнулся, сам с собой человек говорит. Докатился... дальше некуда! — Он посмотрел в сторону других станков. — Ерунда все это, тут у всех глушители снимали, такой грохот стоит, что хоть ори во весь голос — ни одна душа тебя не услышит.

А было время, когда стать за такой станок — заслужить надо было. И работал на тебе, — обращался он вновь к станку, — один постоянный человек. И сетку ты на два таких завода мог давать, и зарплата шла хорошая — потому и следили за тобой, как за кормильцем. Не то что сейчас: кто только на тебе не работает. Все за тебя отвечают, а следить за тобой некому. Всем важен только конечный результат. Конечный результат! Так он где-то там, а начальный результат — вот он, рассыпается! Все следят только за штуками, сколько там, в конце, сделано. Оно и верно: будешь поневоле только в один конец смотреть, если от этого твоя зарплата зависит.

Как бы в ответ, станок замедлил ход и остановился.

— Ну вот, теперь концевой выключатель не сработал. Что делать... пойдём к электрику. А... вот они сами сюда идут, — он увидел приближающихся электрика и слесаря. — В паре ходят, друг за дружкой.

— Чего тут у тебя? Мастер говорит, ты всех матом кроешь, как пьяный. На самом деле, что ли, выпил?

— Заматеришься тут: то одно, то другое... Сейчас концевик полетел.

— Концевик? Это мы быстренько. Молоток есть?

И электрик, взяв у слесаря молоток, прошёл за станок к выключателю. Павел побежал за ним следом, не понимая, зачем ему понадобился молоток. Когда же тот начал слегка постукивать по корпусу выключателя, схватил его за руку.

— Ты чего? Там же резьба, сорвешь... У тебя что, ключа нет?

— Здесь же чуть-чуть. Во... уже готово. Давай, включай, Коля.

Слесарь включил станок.

— Он же так через месяц рассыплется, — возмущался Краснов перед ухмыляющимися слесарем и электриком.

— Не шуми, резьба-то давно уже сорвана.

— Тогда, значит, останавливать надо, ремонтировать.

— Ты чего, под монастырь нас хочешь подвести? «Останавливать надо», — а чем ремонтировать? Клапанов нет, тумблеров нет, манжетов нет. Мне, что, воровать их идти или за свои деньги покупать?! Откуда я тебе запчасти возьму?

Подошел бригадир.

— Ну, чего стоим? До обеда еще далеко, — он показал на часы.

— Да вот, деятель нашелся еще один! Говорит, станок останавливать надо, а то, мол, взорвется.

— Ты вот что, Краснов, станок этот три года уже «взрывается», и что-то никак не «взорвется». И еще лет десять так работать будет...

Павел перебил его возмущенно:

— Да неужели не видите, станок дошел до предела...

— Ну-ка, погоди, — утихомирил его бригадир. Включил станок и некоторое время наблюдал за сваркой: — Да, медленно. Но работает же... Сколько ты с утра сделал? Всего двадцать? Ну... знаешь! Тут до тебя парнишка, с третьим разрядом, к этому времени уже тридцать выколачивал, а ты с пятым волюнку развел... Так что давай, Паша, работай, а не болтай языком. Как зарплату получать, так все про свой разряд вспоминают, а как работать — начинают неисправности выискивать. Пошли, ребята, тут все ясно, — позвал он слесаря с электриком.

Краснов постоял немного, докуривая сигарету.

— Да, брат, ничего не попишешь. Ты уж извини, — и он нажал на кнопку, под которой стояла заводская надпись: «Автоматическая работа».

Шухрат Якубов

Лук

Готовим плов. И дел у всех немало.
О дно пиалки — тонкой стали визг.
Ложится тень от старого дувала
На мясо, на морковку и на рис.

Шумим, гремим в веселой круговерти,
Всяк показать свое умение рад.
Всем дело есть, а мне? Мне лук доверьте.
И уксус тоже. Сделаю салат.

Меня толкают: ну, давай быстрее!
Шипит казан. Да, славный будет той.¹
Спасибо же тебе, мой друг кореец,
Что вырастил лучок ядреный, злой.

Мою беду отпраздновать не поздно.
Кому-то ад, ну а кому-то рай.
Я режу лук. И закипают слезы.
Мне сладко плакать... Что ж, любовь, прощай!

* * *

Ко мне сегодня степь щедра.
Унять волнение не умею.
И замерла в руках домбра —
Жду, чтобы взгляд твой стал нежнее.

Ты улыбнулась. Пой, струна!
Ликуй!.. Но голос мой сорвался.
Моя беда. Моя вина.
Чего, чего я испугался?

Ведь так широк простор степей,
Но вновь — ни отклика, ни звука...
Ну что ж, домбра судьбы моей,
Как повелось, оплачь разлуку.

¹ Той — свадьба (узб.)

* * *
Дождь серый набросил чачван
На травы, деревья и лица.
Где правда, скажи, где обман?
Легко, так легко ошибиться.

Дождь бьет по окну, по стене,
Мокры и деревья, и травы.
Но сухо, тепло в чайхане.
Сидят старики величавы.

Вон — девичья стайка вдали,
И сердце забилось тревожно.
Ты — лучшая сказка земли,
Тебя не узнать невозможно.

И руку я к сердцу прижал.
Слова мне помогут едва ли...
«Быть свадьбе!» — сказал аксакал.
Вокруг, соглашаясь, кивали.

* * *

Забудь, оставь... И так невмочь
Мне пересилить быт бессонный.
Зачем мне слушать в эту ночь
Молчанье в трубке телефонной?

Зачем дыхание твое
Как будто снова близко-близко,
И словно снова мы вдвоем
В мирке прекрасном и лучистом?

Оставь... И так душа больна,
Не углубляй ее неволи,
Мне безразлично, чья вина
Прощенья и забвенья молит.

Так пуст, так черен небосвод,
Лишь — вспышки в сердце воспаленном.
И словно тень твоя мелькнет
В окне далеком и бессонном.

* * *

Караванщик, постой, погоди.
Мне дорогой твоей не пройти.
Хоть песок замечает следы,
Не забыть мне минувшей беды.

В том пустынном и диком краю
Потерял я тропинку свою.
Там бархан одинокий застыл.
Там я сердце свое схоронил.

И сказал караванщик-мудрец:
— Ты, сынок, — непутевый гордец.
Если сломишь гордыню свою,
Путь найдешь ты в пустынном краю.

Как же быть, караванщик, как быть?
Как мне гордость свою победить?
Ведь в пустыне так много дорог,
И следы замечает песок.

* * *
Не надо ничего взамен.
Куда-то вывезет кривая.
Я обнимаю только тень,
Но эта тень — она живая.

Тень шепчет мне слова любви,
Такие же, как в дальнем прошлом.

Ах, злая память, оживи!
Дай помечтать о невозможном.

У тени та же нежность уст,
Такая же глубинность взгляда...
И вдруг — от боли я очнусь
С чужою женщиною рядом.

* * *
Взгляну и навек запомню,
Навек — и в последний раз.
Знакомая незнакомка,
Не знаю и знаю вас.

Как радостно. Как печально.
Постигнуть — и не сберечь.
Случайная неслучайность.
Прекраснейшая из встреч.

Простите. Со мной, как прежде,
Как в прошлом, — и навсегда
Несбыточная надежда,
Прощальная немота.

Прощайте. И я умолкну,
И снова в душе темно.
Не встреченная так долго.
Нежданная так давно.

* * *
Любовь ушла. И что еще осталось?
Поминки справить? Нет, напрасный труд.
Ни нежность, ни раскаянье, ни жалость
Моей души уже не всколыхнут.

Все в прошлом — наши помыслы благие
И долгий-долгий перечень обид.
Есть слезы? Плачь. А у меня сухие
Глаза, и сердце больше не болит.

Да, прежним ничего уже не будет.
Ничем не пересилишь этот лед.
Любовь прошла, и мы чужие люди.
А там и жизнь, словно любовь, пройдет.

* * *
Без вести пропавшие
сны о тебе.
За что нам все это, зачем?
Как холодно мне
на альпийской тропе,
неужто — проститься совсем?

Расплата
за твой мимолетный каприз.
Вокруг — ни жилья, ни огня.

Мечты и надежды
срываются вниз,
с собой увлекая меня.

Как часто я падал,
как трудно вставал,
по корке скользья ледяной.
И эта обида,
как снежный завал,
лежит между мной и тобой.

Евгений Субботин

* * *

В бескрайнем зале мироздания
Кто оператор на посту?
Порядок, как в машинном зале,—
Так все блестит, все на ходу.

А как свое нам в этом зале
Предназначение осознать?
Все тщимся душу на детали
Разъять, дабы сие понять.

Всему движенье и блистанье
Здесь вечный двигатель дает.
Видать, создатель мироздания
Создания цель осознает.

Быть может, есть в запасе вечность,
Чтоб разобраться до конца?
Но ускользает в бесконечность
Лукавый замысел творца...

О давнем

Нас случай отыскал,
Приветил горячо.
Я думал: отпылал...
Не отпылал еще.

Я думал: отожгло
Цветенье уст ее...

Я думал: отошло
Сиянье глаз ее...

Однако — и по днесь —
С восходом — та же весть:
Что было — ныне есть...
Что было — вечно есть...

* * *

Конечно, каждый человек
Навеки — не на свой лишь век —
Отмечен личным знаком:
Ни с кем не одинаков.

Однако каждый человек
Навеки — не на свой лишь век —
Пусть не во всем, а все же
На всех других похожий.

Из ниоткуда наш побег
Сюда навеки, не на век,
Чтоб, отлюбив, — остаться,
Былью продолжаться...

И кричат нам деревья...

Наше «я» быстротечно
Убывает живьем —
Усыхающей речкой,
Уходящим зверьем.

Быть? Не быть? —
Все гадаем,
Не ромашку губя, —
Лепестки отрываем
Бытия от себя...

Ходим мы не под богом,
Не под небом — под смогом.

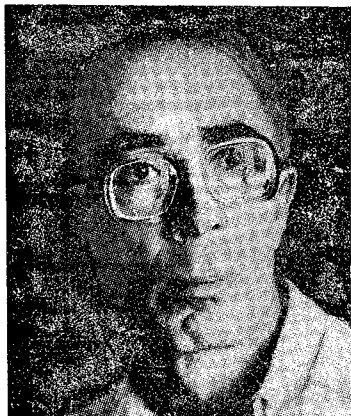
Небо рвем, и сквозь дыры
Хворь влетает в квартиры.

Пестициды — в крови,
Сердцу — не до любви...

И куда устремиться?
И о чем раз мечтаться?..
Ядом бы не опиться,
Чадом не обдышаться..

Из кромешных потемок
Что молчишь ты, потомок?
Все надеешься, друг:
Ну а вдруг! Ну а вдруг?
Пощади и полюбим
И себя
И тебя?..

Жить немисливо, люди,
Не щадя,
Не любя...

Вадим Новопрудский

Песнь песней

Песнь песней, миф о Суламифы!..
Соломон: где вертоград твой мудрый?
У нее нальгый млеком лиф
И крутые смоляные кудри.
Как у Ягве, лик ее глазасть,
Плечи сплошь усыпаны коринкой,
Что ей грустный твой Екклезиаст,
Что ей треволнения коринфян...
Лишь ее завет всегда не ветх,
Вечно нов ее завет весенний...
Над обрывом нависает ветвь,
Осыпая в лоно цвет и семя.

Подражание Хафизу

Моей любимой родниковый сад,
Где ягоды среди цветов горят.
Давно даны названья всем цветам.
Кто любит — все поименует сам.
Все лепестки переберут уста,
Всю музыку любви прочтут с листа.
Пройдет любовь — и все развеет в дым,
И сад значений, внятных лишь двоим.
И суть мучений, и вот этот стих...
Но проклянешь ли жизнь и этот миг,
Когда садовником вошел ты в сад,
Где родники, как кровь твоя, горят.

* * *

Полноводная Кама неслась на буюк...
И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми.
Осип Мандельштам.

Да здравствуют все минералы Урала,
Якутский алмаз!
Колымское золото, хлопок Арала,
Могучий КаМАЗ!

Какие кварталы, концертные залы,
Бараки, дворцы!..
Ребята веселые с шумного бала,
Где наши творцы?
Где наши мужчины, зачатья, зачины,
Игроцкий азарт?
Где наши пилоты, комбриги, купчины,
Где честный наш фарт?
Где оба Владимира, Анна, Марина,
Что делают там?
Разбился биплан и ушла субмарина.
Где наш Мандельштам?
И Осип Эмильич, и Всеволод Эмильич.
До лучших времен?
Мы чистые нынче? Но много фамилий,
Да мало имен.
Когда волокли его силой по Каме,
Щегленка — в тюрьму,
Выкрикивал он драгоценные камни
В крошечную тьму.
И годы пронзает тоска ножевая... —
Не спится, страна! —
Иссохшая глотка его неживая
Каратов полна.

* * *

Бывает, мы от делать нечего
Себя поэтами зовем.
Поэты — те, на Новодевичьем,
А мы с тобой еще живём.
А нам с тобой за строчку ладную,
На всю-то жизнь, видать, одну,
Пахнет разок далеким ладаном,
И звон уйдет на глубину.
Ветла уронит горстку медную,
Береза прядью вслед кивнет...
А впрочем, что мы — за обеднею
Всенощная еще грядет...
И снизойдет благословение.
И утолят мою печаль
Ваганьковская глушь нетленная,
Забвеньё наше незабвенное,
Неуловимая скрижаль.

* * *

Погодай мне на гуще
кофейных опивок,
Деловитая фея
кофеен двадцатого.
Мне полвека.
И горек мой кофе без сливок,
И не снять тебе, нежная фея,
заклятия.
Ты заглянешь туда,
еще бодро и молодо,
И не вспомнишь отсюда
когда-то любимого.
Этот горестный вкус кофеина и солода...
Погодай мне на гуще.
— Бармен, — растворимого!

Эркин Насыров

НА ПРИГОРКЕ, У КРАЯ ПОЛЯ

РАССКАЗ

Сулейманов возвращался домой из поездки в Ленинград.

Он инженер, обыкновенный инженер-проектировщик, туго притянутый к своему КБ; смешно подумать, и не надо про то вслух: на заводе ветеран, дома дед, а из Ташкента выезжал разве что в соседние республики, не дальше — в командировки по рекламациям. А вот чтобы в Ленинград... Да еще по туристической...

Вдруг предложили ему: бесплатно, не в счет отпуска, вроде как в награду за хорошую работу. Ну кто ж устоит. Не загорелся — вспыхнул. Еще и потому обрадовался, что в Ленинграде учится Гуля, его младшая. Прошлым летом она не пришла на каникулы, отговорила какой-то ерундой, за присланные деньги спасибо большое, а дальше чик-чирик и — всяческие обещания. Сулейманов понял это так, что дочка приклеилась к какому-то охломону, боится на шаг отступить от него. Сердце ныло, душа протестовала, а что поделаешь? Время теперь такое непонятное. Вздыхал: вот, даже родная дочка — и у той свои загадки.

Так думал Сулейманов, устраиваясь неспешно в двухместном купе фирменного поезда «Узбекистан». И тут ему повезло: отвели место, будто в келье уединенной, наверное как старичку, чтоб не мешал молодым шуметь, — а он и рад. Еще нет того, кто будет на этой полке напротив. Пока — под нее свои чемоданы, один и второй. Переоделся в пижаму. Вот так, совсем как дома.

А поезд уже пошел, пошел. Поехали! Прощай, Ленинград! Гуля, до свидания, до скорого свидания, дочка, ведь приедешь летом, раз обещала. Да хоть и с мальчиком своим, ничего.

О дочке думал. Как она его встретила. Это сколько ж было визгу! Вышли на площадь. Смотрел на дочь и не узнавал ее: волосы рыжие и короткие, взгляд с прищуром, уверенно, резко вскинула руку, когда показалось такси. Тут Сулейманов подловил себя на мысли, что вглядывается в Гулю, подбирает одно к одному, чтобы после не забыть и пустячка, то есть готовит отчет для супруги, та все-все выпросит.

Отвлекла проводница, принесла чай. Молодая, полноватая и, как показалось, заспанная, оглядела купе, сняла с подноса стакан в ажурном подстаканнике, тарелочку с печеньем и сахаром, проговорила какие-то дежурные слова и вышла. Чай — это хорошо. Тронул — и отдернул руку. И тут же забыл про него.

Думал: кто же будет здесь с ним вторым... Или второй... А что? — осмелел Сулейманов. — Очень даже может быть. Немолодая, строго красивая... Однако такая мысль тут же вызвала ироническую ухмылку. А не хочешь, перебил он себя, чтобы сюда ввалился кто-то уже сытый по горло и пьяный по уши и не медля принялся извлекать из торбы пироги с капустой, вареную курицу и — это уж обязательно — бутылку с гадостью мутной? Впрочем, нет. Те в двухместных не ездят, им больше по душе общий вагон.

Зато ездят, продолжал истязать себя Сулейманов, внешне уж такие приятные,

а как дыхнет на тебя табачищем, а ночью как захрапит, как затарахтит трактором или майским громом...

Поезд, между тем, набирал скорость. Вагон мягко покачивало. Сулейманов успокоился. Мысленно вернулся к тому, что было с ним в эти дни.

Что было? Первый день пропал: оказывается, разместиться в гостинице не такое простое и не такое скорое дело. И второй день пропал: по программе были исторические места, а туристам ничего такого не надо, их (жен-щи-ны) интересовало совсем другое; так и мотался экскурсионный автобус от магазина к магазину, гид объявлял: двадцать минут... сорок минут... (шутил: «...на разграбление», а оно и в самом деле — похоже), опять поехали... опять магазин. Молодец, хватило ума, на третий день с утра двинулся по Ленинграду своим ходом.

Да еще с таким гидом, как дочь. Смотрел, правда, больше на нее. Смотрел и слушал. Гуля расспрашивала решительно обо всем: о маме, о сестре и ее муже и их малышках, о соседях, обо всех знакомых на улице и в городе, о самом городе: что нового, что сохранилось из старого. Она рассказывала о себе — с кем учится, и чему учится, и кто их учит. Рассказывала про Ленинград, какой это мировой город. Гуля рассказывала живо, интересно, а отец и не вникал особенно-то, он наслаждался самим звучанием ее голоса. И теперь, вспоминая встречи с дочерью, он слышал ее голос — как песню без слов.

Да, еще племянника навестил. Джахангир служит неподалеку, до части меньше двух часов автобусом. Сулейманов встретился с командиром, выслушал похвалы, это приятно. Джахангир получил увольнительную, вышел. Деловито распотрошил посылку, рассовал по карманам пачки сигарет и принялся уписывать за обе щеки курагу и вяленую дыню. Один черт, там ничего не достанется, говорил с набитым ртом. И еще говорил непонятное, себя называл «черпаком», рассказывал, как его колотили «деды», вообще издевались по-страшному, а ничего, это со всеми так; ничего, говорил, скоро сам «дедом» стану, вот когда отведу душу на салагах. О родных не расспрашивал, все знал из писем, о себе больше рассказывать нечего, вдруг спохватился, вспомнил про срок увольнения, побегу, сказал, кое с кем повидаться надо, и по-взрослому подмигнул дяде.

Вспоминая теперь эту встречу, Сулейманов вздохнул. Что он расскажет родителям Джахангира, когда вернется? Что сын их в плечах раздался, крепкий такой, а что говорит, а как говорит — кто их теперь поймет, молодых. Вот и Гуля... Да.

И еще была встреча...

С Сергеем Григорьевым, вместе учились, играли в одной команде, позднее переписывались, а в последние годы обменивались открытками ко всем красным дням календаря. Какой-то мутный осадок от этой встречи. Отчего так? Много лет не виделись, Серега уже не Серега — Сергей Никитич, лысинка и животик, но это ерунда, уже через несколько минут к такому привыкаешь, и теперь видел живые голубые глаза, глаза Сереги, и разговор растворился в былом, в поре юности, и ты видел себя таким, каким был тогда, и Сергея Никитича — Сергеем. Но вот настоятельность, с какой встретил Григорьев одноклассника... И жена его вертелась возле них, то и дело отзывала мужа «на минуточку» пошептаться за дверью. Сулейманов обрадовался предложению друга показать ему Ленинград, ну «хоть малый краешек, пока жена сообразит ужин». Пошли. Серега вел друга по историческим улицам и говорил: вот кафе такое-то, тут хорошая кухня... вот кафе такое-то, тут неважно кормят, но зато тихо, уютно, хорошо посидеть... а вот ресторан такой-то гляди-ка, обычно «хвост» не подступишь, а теперь, глянь... Зашли. Первым делом Григорьев заказал графинчик. После первой же рюмки Серега «исчез», на его месте сидел толстячок с пухлыми розовыми щечками, лоснящиеся губы нехорошо кривились, и не было веселого, озорного, сладко-грустного «а помнишь» — было брюзжание на службу и сослуживцев, жалобы на жену и хроническое безденежье...

Не надо таких «экскурсий». И встреч таких больше не надо.

Гуля, дочь, милая девочка, вот с кем хорошо походить по Ленинграду, вот кто покажет отгу город во всей его красе, во всем величии. И уж как ни мало было времени — и походили, и посмотрели.

Что удивительно, ни разу в жизни не побывав здесь, все, что вот так воочию видел впервые, Сулейманов узнавал: вот он, Медный всадник, вот легендарная «Аврора», вот они, знаменитые кони Клодта на Аничковом мосту... Да, и Смольный, и Петропавловская крепость, и золотой шпиль Адмиралтейства... Надо посмотреть фонтаны Петродворца. Нельзя не зайти в Эрмитаж. И еще много. И на все три дня... Уже два. Сколько наметили на день, а съездили на Пискаревское кладбище — и все, никуда больше, ничего больше. Зажмурился и даже спрятал лицо в ладони, а перед глазами поле могил и черные тюльпаны.

Теперь, рассеянно глядя в окно вагона, Сулейманов казнился: ничего не успел, самого главного не видел. А что оно — главное? Сам город — его надо пройти, весь — по каждой улочке. И не теперь, а в пору белых ночей.

Это он слышал от Гули. Как она сказала: проживи тут не семь дней — семь лет, пройди везде, посмотри все и даже не по одному разу... Встреть восход солнца на Стрелке. Это где Нева сливается с Балтикой...

О стекло забились капли вождя. Крупные, чаще и чаще. Дождь серой пеленой закрыл вид за окном, дождь смазал все, что было там, позади, поезд шел в дождь.

Поезд замедлил ход. Похоже, подъезжали к станции. Сквозь зыбь дождя желтым пароходом подплывает здание, на нем крупными буквами: «Бологое».

Гляди-ка, усмехнулся Сулейманов, и пиалы чая не успел выпить, а уже Бологое. Впрочем, какая тут «пиала». Глотнул из стакана — поморщился: чай остыл. Посмотрел в окно — на перроне суетились люди, и показалось, качнуло желтый пароход.

В эту минуту дверь купе со щелчком, со стуком открылась, впустив проводницу, а следом за ней вдвинулся тот, кого так ждал Сулейманов. Высоченный, широкоплечий, в форме морского офицера с погонами капитана второго ранга, в одной руке старый потертый саквояж, в другой пережатый ремнями чемоданище из натуральной кожи, этакий пиратский сундук, фуражка с «крабом» сбита на затылок, лицо накалено румянцем.

Вид капитана был настолько внушительен, в купе оставалось так мало свободного пространства, что Сулейманов придвинулся к стенке вагона, стоя приветствовал вошедших.

Капитан одним махом закинул чемодан на верхнюю полку, ткнул саквояж под столик, огляделся со спокойным удовлетворением, пророкотал басом: «Временно. После разберемся-уложимся» — и уставился на Сулейманова черными глазами.

В ту же минуту проводница вежливо выпроводила мужчин из купе.

— Выйдите-ка на секундочку, — сказала она. — Постели вам приготовлю, чтоб после не мешать. Нет возражений?

— Какие могут быть возражения? — прогудел капитан. — Если женщина просит... — Шаг к двери, шаг за дверь.

Сулейманов попытался помочь проводнице снять сверху скатанные матрацы, она отодвинула его локтем. Вышел в коридор, остановился перед капитаном.

Исходящие смотрели друг на друга.

Капитан уже не молод: виски седые. Лицо грубой лепки. Внимательные, живые глаза. Взгляд доброжелательный.

— Вижу: земляк. В Ташкент? — просто так, лишь бы, спросил капитан.

— В Ташкент. Вы, полагаю, тоже?

— Так точно.

Сулейманов подумал про попутчика, что человек он, по всему видать, общительный, много повидавший, будет о чем поговорить. В дальней дороге это немало важно.

Капитан тоже рассматривал Сулейманова, тоже что-то думал про него.

Улыбнулись друг другу.

А тут и проводница вышла из купе, кивком показала: можно. И удалилась. Капитан придержал Сулейманова:

— Минуту. Переоденусь. Чтоб не толкаться, вон я какой большой, а кубрик у нас, как скворечня. Ничего?

— Ничего.

Когда Сулейманов вошел в купе, капитан заталкивал чемодан под нижнее сиденье. Он уже переоделся в темно-синий спортивный костюм с лампасами, с продольными линиями по рукавам и был похож на тренера команды борцов.

Сели. Капитан осуждающе оглядел попутчика, что это ты полосатый такой, негоже это — в пижаме-то, девушка к нам заходит. Сулейманов заметил осуждение, а что не так — не понял, решил: показалось.

— Будем знакомиться? — весело глянул капитан.

— С большим удовольствием. — Сулейманов назвал себя по фамилии, сказал, что зовут его Саки, что он инженер, что в Ленинграде побывал как турист, повидался с дочкой, теперь домой.

— Вы уже успели заметить, что я военный моряк, — доложил капитан. — «Кавторанг», как говорят у нас на флоте. Махкамов. А для вас, уважаемый Сакиджан, я просто Талиб. — Помолчав, улыбнулся. — А что ж наш дастархан? Как говорится, сначала угощение, потом развлечение, беседа, то есть. Это ж надо, какая мне удача выпала: домой еду — с земляком! Рад познакомиться, чую, не скучна нам будет дорога.

В ответ Сулейманов сказал то же другими словами и, видя, что капитан достает саквояж, выкладывает из него на столик кульки и пакеты, поспешил и сам извлечь из корзины то, чем запасся на дорогу.

Вскоре столик был заставлен, Сулейманов сходил к проводнице и вернулся с чайником, куда предварительно хорошо сыпанул настоящего девяносто пятого,

и вот сидят они, такие разные и уже близкие землячеством своим, с наслаждением пьют горьковатый кок-чай и, будто знакомы давно, ведут неторопливую беседу.

— Как вам Ленинград? — поинтересовался капитан. — Где успели побывать, что видели?

Сулейманов рассказал. Не столько об увиденном, сколько сетовал: что можно успеть за несколько дней? Здесь даже так: можно сказать, не соврал, что побывал, а оказывается — не видел. Да-да! Вот Эрмитаж. Это ж огромно, как город в городе! Сколько залов в Эрмитаже! И в каждом для тебя может быть открытие. Шаг шагнул — стой, смотри. Долго...

— Это вы хорошо заметили: что ни шаг — открытие. А то и потрясение!

— Шагнул — смотрю на другую картину, и не вижу ее, потому как еще та перед глазами, — жаловался Сулейманов.

— Живопись смотрели. — Было заметно, про Эрмитаж капитану интересно. — А какую? Старики-классики? Кто?

Да, Сулейманов успел посмотреть только работы старых мастеров. Картины, которые до того видел сотни и сотни тысяч раз на открытках, в альбомах, календарях, в багетовых рамках. Вот и в холле гостиницы висела большая картина Айвазовского, но не было на ней шершавых, навечно застывших мазков, следов кисти мастера. Вроде бы тот же морской пейзаж, а посмотрел на репродукцию и подумал: как мы ошибаемся, когда думаем, что видели, знаем... Ничего мы не видели, ничего не знаем.

И об этом сказал капитану. Тот слушал внимательно, заинтересованно, смотрел на Сулейманова с симпатией. Явно отношение их к предмету разговора было родственным.

Сулейманов угадывал, что капитан знаток всех тех картин, о которых теперь речь, очень внимательно слушает он тебя, Саки Сулейманов, инженер из Ташкента, сдерживаемым молчанием и вниманием так и вытягивает: ты говори, говори — а что ты скажешь? К стыду своему, всего однажды, еще будучи студентом, ты побывал в ташкентском музее, и что увидел тогда? Что запомнил из увиденного? Как все, не проходил — пробегал по зальчику с мутным освещением, как все, то есть в толпе, долго стоял перед «Купальщицей» и, уже направляясь к выходу, видел перед глазами прекрасное обнаженное тело и — пустыню, просвеченную солнцем... Молчи уж. И про Эрмитаж теперь — не надо.

— Простите меня, капитан... э-э, будь неладна эта официальность, она как пути, давайте попросту, Талибджан-ака, я не удивился бы, встретив здесь земляка-художника, — схитрил Сулейманов, — но моряка... Мы с вами выросли в одних краях, на земле, воду видели в арыках да в хаузе. А вы...

Капитан не перебил, заговорил в тон, выдержав паузу:

— А я стал моряком. И не вижу в том ничего удивительного, Сакиджан-ака. Где только нет нашего брата: мы и моряки, мы и летчики, и в космос скоро полетит наш земляк, точно. А что со мной? Тогда, в наше время, как вы знаете, в пехоте служили три года, на флоте — пять. Разница? Да еще какая! Когда уже и постриглись, и, ой-бой, вспомнить неловко! — перед девушками-медичками в холодном спортзале прошли голыми, показывая себя так и этак очень неприлично, согнали нас уже одетых к зальчику, где мандатная комиссия. Тем про нас известно: эти — годные. Годные — а куда? Косяком шли «в пехоту»: кто хляк, кто русского языка не знает (для армии — существенно!), а один там сидел, кряж такой, ему на флот надо команду набрать. Ну и пошел он косить: «Плывать умеешь?» — «Умею» (в хаузе, но ведь не тону). Он: «Во-от, нам такие надобны». Передо мной затылком стоял один, глаза как перископчики, уши как локаторы (между прочим, ростом — во, в плечах — во-о), подслушал, еще и вопросов нет — криком: «Я не умею плавать!» На что, тот в бушлате, спокойно: «Где ж еще научиться этому как не у нас» — цап его! Ну и тут моя очередь. Дальнейшее понятно? Да, и тут не последнюю роль сыграло именно то, о чем мы только что говорили. Это ж факт: в моей судьбе — в начале и в конце — по картине. Точно! Две картины, и очень разные... Рассказать складно не смогу, потому как раньше о том не думал, только теперь вот... Или рассказать? Как запало в душу, как двинуло... В одну жизнь, теперь в другую...

Шуршал дождь.

Вагон мягко покачивало.

Капитан вспоминал.

— Что было совсем недавно. Вернулся я после дальнего похода. Долгий был поход, тяжелый, помотало нас изрядно, и по берегу тоска была. Это у всех. Вернулся — все мне в радость: и Кронштадт (нигде больше земля так не чувствуется, какая она прочная), и что дома... И Ленинград, дождем умытый, в туманной дымке. А тут еще и радости, как говорится, самые-самые, особенные. Посмотрел наших

девушек из ансамбля «Бахор», два раза побывал на их концертах, и еще узнаю — открылась выставка узбекских художников. Понятно — бегом туда. И вот хожу по залам, гляжу на все шальными глазами. Другие-то мимо картин проходят без поддержки, туда глянули, сюда глянули — и к выходу. Чем удивил ленинградца, избалован он, точно. А я смотрю, смотрю, не могу оторваться: вот они, наши старички в чайхане, вот они, наши девушки с кувшинами возле ручья, и базар вот он, во всем его роскошестве, и голубые купола мечетей, украшенные волшебной резьбой, и урюк в цветку... Но на чем ловлю себя: пускай в глазах у меня туман и сердце бьется как-то вязко (слышу я свое сердце — это плохой признак для нашего брата!), а прохожу я мимо картин, как все тут, глянул и дальше, не останавливаясь, и вот уже до выхода недалеко, а я все иду так, будто ищу что-то. И — нашел! Представьте себе: нашел! Не картину — картинку, маленькую и невзрачную, кроме меня, наверное, на нее никто внимания не обратил, тем более что повешена она была между двумя большими, на одной многофигурная композиция «Праздник урожая» (я еще подумал, что на тех, кого там изобразил художник, орденов, как ряби морской при солнце), на другой тоже что-то яркое — я уже не видел, ткнулся в маленькую. И уж тут постоял. Долго.

Что было на ней изображено? Если в двух словах, то вот. Вид с пригорка: внизу поле, справа штришками шероховатыми, похоже, кустарник, слева такими же штрихами, но повыше — деревья, а за всем этим — горки. Все. И изображено все это очень просто, краски неяркие, будто выцветшие. А я стою и смотрю. Я вглядываюсь в эту картинку и при этом испытываю что-то похожее на тоску. Мне показалось, что я узнал это поле и что там за ним. Я забыл про то, кто я теперь, высоченный и толстенный, и увы, уже пожилой дядька в форме военного моряка, капитан, черт побери, с двумя просветами на погонах, и на них две звезды, — это я?.. Нет, я — мальчишка. На мне рубашка без пуговиц, короткие штаны, я босиком, загорелый дочерна, избегающий, худющий. Я — в детстве...

Каждая пора жизни неповторимо хороша по-своему. Вот он я в зрелости, так сказать, стою на мостике — капитан! Вон они, мои младшие офицеры, вон матросы и старшины, — и я коман-ду-ю: «На фла-а-аг.. смирна-а-а!» (Это вы нас такими видите.) Была — молодость. Когда чувствуешь себя таким густком здоровья, силы, энергии. Юность, девушки. Все впереди. И чертовски ярко, звонок мир вокруг! А что в детстве? Старшие прогоняют от себя, со сверстниками дерешься, весь в царапинах да в цыпках, постоянно голодный, уши торчком, на башке колтун. Так? Э, нет! Ничто другое не вспоминается потом с такой сладкой болью, как детство! Что — не так? Так, уважаемый Сакиджан-ака, именно так! По вашим глазам угадываю, о чем вы теперь задумались, и потому не извиняюсь за многословие, за то, что начал так издавело да еще с лирикой слюнявой.

— Талибджан-ака, вы сказали: там, на картине, справа от пригорка, сад, прямо клеверник, слева тугай...

— Слева сад, справа тугай.

— А дальше — горки.

— Холмы.

— Я словно вижу эту картину.

— Да, картина. Чего на ней не хватало? Чего-то живого. И все-таки я ощущаю присутствие... Точно! Ведь был художник, он сидел перед мольбертом на этом пригорке, теперь он невидим (отступить на два-три шага, и он будет уже за рамкой), а за его спиной стоял... я.

Мое детство прошло в кишлаке Алим-бува, это в сотне километров от Ташкента. Если все как по той картине — сам кишлак теперь за моей спиной, а что передо мной — просматривается как на ладони. Слева большущий яблоневый сад, справа тугай. Они далеко тянутся, за день не обойдешь. Здесь протекает сай, кое-где он разливается, образуя болотца, в них много рыбы. Не случайно по воскресеньям сюда тянутся городские дядьки с пучками удилещ. И наконец, вот оно, прямо передо мной, клеверное море. Я не оговорился. Таким мне тогда виделось поле. О нем я еще расскажу. А пока, чтоб не забыть: в стороне, где заходило солнце, были колхозные хлопковые поля (их на картине не видно) и за ними холмы. Арыков там нет, сушь, потому сеяли зерновые на фураж, когда урожай снимут, холмы рыжели, зимой белели снежными проплешинами.

Вот и все. Теперь можно отойти от картины, как отошел я тогда. Но мыслями я все там же, и вот вижу наш дом на холме, обычный глинобитный старый дом. И наш сад. Чего только не росло в нашем саду. Тут и ранний урюк, и поздняя айва, яблоки, черешня, вишня... А какая была у нас орешня! Высоченная! Глянешь на нее снизу — роняешь тубетейку. Точно! Старая и щедрая, она давала ужас как много орехов, и ни у кого больше не было таких орехов, для игры они не годились, сорлупа такая тонкая, что, кажется, ядрышко просвечивает. Для игры нужны орехи зорные, вы знаете. И ни у кого не было такого урюка, как у нас во дворе на старом

дереве: урюк белый и прозрачный, как виноград, и такой сладкий, что еще в руку не взял, только посмотрел — губы слипаются. Точно! Великанша — урючина! Заберешься на нее — видишь похожие на страницы раскрытой книги распаханные поля в предгорье, серебристыми нитями тянутся по зелени арыки, полные воды.

Как и все соседние кишлаки, наш Алим-бува питался Северным Ташкентским каналом; он был далеко; от него во все стороны тянулись анхоры, а от них уже к дворам сбегались арыки. И еще был у нас большой хауз, и был он всегда полон до краев.

Много чего я видел тогда, сидя на высокой ветке нашей старой урючины. Теперь кажется, весь мир видел. И был этот мир прекрасен. Но чтобы понять это, очевидно, надо многое пережить — годы и расставания. Тогда мы, мальчишки, носились как угорелые, смотрели на все широко распахнутыми глазами, а что видели? Ни черта мы не видели, точно.

Ладно, спускаюсь с урючины. Вот наш двор, вот наш дом. Мы живем здесь втроем: я, бабушка и младший брат моего отца, мой дядя Уринбай. Тоже мне «дядя»! Он учится в той же школе, что и я. Нет, все-таки дядя...

Почему я оставался с бабушкой? Тут две причины. Первая — школа рядом (в ту пору я уже перешел в четвертый класс), вторая — я так привык к бабушке, что просто представить себе не мог, как это: я там, а она где-то далеко. Ну и бабушка, понятное дело... Где — там? Где родители, в горах. Уж на лето-то можно поехать к ним, верно? Я — нет.

Да, дядя тоже учился в школе, десятый заканчивал, у меня уже каникулы — у него экзамены. Вся работа по дому была на нас с бабушкой. Но это я так. Конечно же, все-все делала она сама, а я, выполнив кое-какие ее поручения, докладывал ей с дурацким козырьником, получал увольнительную и — меня нет! Куда? В тугай. Целыми днями мы, пацаны, пропадали в тугаях. Версты две бегом до дома колхозного кузнеца Назара-амаки, сразу за ним — наши джунгли, наши пампасы.

Кто мы? Мухаммаджан, Эргаш, Хайрулла и я. Похожие. Одинаковые. Учились в одном классе и жили двор в двор. Загоним коров в кусты — и за игры. Играли в чиллак, чилдир, полка, заигрывались — про все на свете забывали: и про наших коров, и про то, что в полдень надо бы сходить домой пообедать. Где там! Хорошо еще, если с утра догадался что-то взять с собой. Иногда за нами увязывался сын-ишка Назара-амаки Рахим, он приносил котелок, и мы варили себе что-то несусветное — из того, что кто-то принес с собой, из сазанчиков, которых ловили мы в заканах просто так, руками. Вареву у нас получалоось, как вы понимаете, без фирменного названия, но это было объедение, уверяю вас!

В тугаях интересно. Но далековато. И бывало, намаешься, прежде чем выгонишь оттуда коров. Потому случалось, мы играли на клеверном поле. Да и то: в тугаях нашим коровам корм ищи — а тут... Понятно, да? Была еще и такая корысть: неподалеку хауз Зульфакара-амаки. Когда становилось нестерпимо жарко, мы бегом туда, с разбегу бултых, писк-визг, брызги до неба!

Был небольшой хауз и во дворе у асакала Заира-ата, но почему-то мы не решались туда сунуться. Отчего так? Не знаю. Уверенно скажу теперь: не прогнал бы нас Заир-ата, может быть, даже рад был бы, но... Не знаю. Самый старый в нашем кишлаке и самый уважаемый, Заир-ата с утра до вечера трудился во дворе не покладая рук, выращивал какие-то редкостные саженцы, осенью и ранней весной просто так раздавал людям. В тот год, когда я покидал Алим-буву, наша урючина стала сохнуть. Видно, прошел ее век, и я увидел, что рядом со стареющим деревом тонким прутиком потянулась к солнцу другая урючина. Я сразу понял: это она...

А вот кого мы, мальчишки, считали тогда злейшим врагом, так это Турсун-амаки. Так уж мальчишки устроены не могут они не воевать с кем-то. Если где-то поблизости есть бахча, они лезут не столько за дынями, сколько из желания подразнить сторожа, досадить ему, и хоть у каждого возле дома сад, мы лезем в сад колхозный, даже рискуя получить в мягкое место заряд соли. Такие уж мальчишки повсюду и во все времена. Смотрю я на вас, Сакиджан-ака, и представляю себе, что когда-то и вы... — Капитан озорно улыбнулся, и Сулейманов ответил ему то ли виноватой, то ли счастливой улыбкой. — Было?

Было...

— Ну, а Турсун-амаки был стражем клеверника. Это, сами понимаете, не сад, не бахча. И даже не рисовые чеки, где надо всю палить из ружья, отпугивая птиц. Клеверник. Но ведь надо же от кого-то охранять поле, раз на то поставлен, никому не сладко получать деньги за так. Вот и поглядывал на нас косо Турсун-амаки, показывая нам хворостину. Ни слова не говоря. Такая у него была профилактика.

Случилось, заигрались мы в чилдир, а бычок Эргаша возьми да обожришь клевером! Это было страшно. Бычок вдруг заорал каким-то жутким голосом, потом захрипел, мы подбежали — у него живот раздут, глаза выкатились и вот уже подернулись тусклой пленкой... Хана. Мы бегаем вокруг, орем, не зная что делать. И тут он, Турсун-амаки. Сразу в крик: «Окаянные! Недоглядели! Загубили жи-

вотное!» Кричит, а сам срезает возле арыка ветку тала, бац-бац ножом, бегом к бычку, растянул ему пасть, вставил туда палку как подпорку, тут Эргаш в рев, подумал, все, конец бычку, и что будет, когда дома узнают... Турсун-амаки ему криком: «Заткнись, злосчастный!» — и нам: «Гоняйте теленка, гоняйте его без передышки!» — и сам уже вцепился в веревку, давай водить бычка...

Ничего, спасли! И то, что нам кричал Турсун-амаки про нас какие мы сякие, это уже ерунда!

А день тот мне запомнился не столько приключением с бычком и даже не тем, что я увидел Турсуна-амаки не злым, а добрым. Тут — другое.

Вы удивляетесь: как такое могло случиться, что я, узбек, выросший в кишлаке, — и вдруг пошел в моряки. Что там было в военкомате — это потом, не скоро. Тот день — вот где начало.

— Не устали слушать? — капитан пытливо посмотрел на собеседника.

Сулейман помедлил с ответом. Похоже, он и не расслышал, о чем его спросил капитан. Что-то тревожило Сулейманова, заставляло пристально вглядываться в этот клеверник, в эти тугай, поля, холмы. Сулейманову казалось, что все это он уже видел, только давно, очень давно, словно бы в другой жизни, и теперь он силится вспомнить: как же звали тех мальчишек, с кем он играл в полки, чилдир, чиллак?

— Столько наговорить и не рассказать о бабушке! — ужаснулся капитан. — Сколько уже лет прошло, давно нет моей бабушки, а я вижу ее как живую.

Ах, бабушка... Бывало, я еще сплю, а она уже шуршит по дому, и шуршание это особенное, я угадываю каждое ее движение, но не могу продрать глаза. Вот она что-то делает по дому. Вот она подоила корову. Хорошая была корова, Карахан, так важно звали ее, и было за что: много молока давала. Ну а подоила бабушка — тут уж обо мне все ее заботы. Встаю, завтракаю. Отламываю кусочки от теплой лепешки, умакиваю в чашку с каймаком. А солнце уже позолотило окошко. Пора! Веду Карахан в тугай, с нами Тарзан, верный пес, понимал каждое мое слово.

В тот день, когда мы намаялись с бычком, я вернулся домой раньше. Сами понимаете, не до игр. Прихожу я — и что вижу? Бабушка, маленькая, худая как щепка, а над ней согнулся кормыслом какой-то высоченный парень в городском костюме, брюки такие широкие — что клеша. Тогда это было модно. Штаны — во, плечи на пиджаке — во-о. Бабушка пицала, приговаривала всякие хорошие слова, и все норовила потрогать этого парня, и смотрела на него уж такими счастливыми глазами. А тот что-то гудел баском, жужжал, как шмель, совсем растерялся или расчувствовался.

Ага, приехал погостить, провести старушку племянник Усманджан, сын ее единственного и потому особенно любимого брата. Об Усмানে-ака я много слышал и от родителей, и конечно же от бабушки. Ч то слышал — фантастика да и только: представьте себе — живет в Ташкенте, учится на художника, и все говорят (кто «все»? ну, там, в Ташкенте), что Усман Умаров будет великим художником. Это я от бабушки слышал.

Пока гость переодевался в простой светлый костюм, бабушка суетилась вовсю. Она вынесла из дома курпачи, расстелила их на супе, несла и несла всякие угощения, и все с радостными причитаниями, а когда Усман-ака передал ей приветы от каждого из своих домочадцев, когда поднес ей подарок — белый кисейный платок, и когда он выложил гостинцы, какие можно купить только в большом городе, она и вовсе раскричалась. Так она была счастлива. И так была она несчастна, когда Усман-ака, выпив всего одну пиалу чая и отказавшись прилечь отдохнуть после дороги, решительно поднялся.

«Талибчик, — сказал он, — не покажешь ли ты мне здешние красоты? Пошли побродим».

«Какие тут «красоты», — растерялся я. — Тугай, что ли?»

«Тугай! Это интересно».

И мы пошли. А бабушка, совсем не похожая на ту, какую была только что, но все-таки она, моя добрая бабушка, сердито потрясая кулачками, кричала нам вслед: «Сумасшедшие мальчишки! В такую жару шляться по пыльной земле! Когда дома тень и прохлада! Когда я тут! Ну, глядите: вернетесь к холодному котлу, и чая вам не подам!» Обиделась.

Что мне тугай! Что сад да холмы! Я смотрел только на дядю. Он — смотрел на то, что было вокруг.

Как он смотрел, что он видел, я пойму потом, не скоро.

Капитан надолго задумался. Может быть, представил себе, как всего через несколько дней сам пройдет той же тропкой, и уже не в памяти — воочию оживут перед ним милые сердцу места. Но Усман-ака был еще и художник!

— Чего только у него не было с собой, — продолжал рассказ капитан. — Альбомы, тетрадки, картонки, фанерки, краски и карандаши и даже какие-то угольки. И была у Усмана-ака такая привычка: сидит, с кем-то разговаривает или молча слушает, а сам в это время черкает и черкает по листу. Заглянешь — чего там только нет: чья-то рука, теленок, клетка с биданой, убегающая фигурка; меня он рисовал как-то смешно. Но это так...

Я старался быть поближе к дяде, приведу Карахан пораньше — и к нему, с ним. Если нет его дома, иду искать.

И вот как-то вижу: сидит в тени талового дерева, перед ним самодельный мольберт. Усман-ака рисует.

Я остановился за его спиной в нескольких шагах, наблюдал. Это было очень интересно — наблюдать за тем, как дядя рисует. Он рассеянно смотрел перед собой, словно ждал, когда же наконец там появится что-то интересное, но там ничего не менялось. Разве что выпорхнет из клеверника перепелка, помельтешит крыльями и опять падает на зеленое. Он так же рассеянно водил кистью по фанерке с выдавленными на нее красками. Меня забавляло: зачем это надо размазывать краски? Перемешивает синюю с желтой — получается зеленая, а зачем? Вон она у него готовая зеленая. Так нет, он туда вмешивает еще и белую, и коричневую. Зачем? Мне казалось, что красками рисовать легко и просто: небо — голубое, клеверник — зеленый, холмы — желтые.

Я подошел близко, присел на корточки и принялся разглядывать то, что изобразил Усман-ака. А что там разглядывать? Там было то же, что я видел и так. Только видел я голубое небо и зеленый клеверник, а на картине поле было розовое и небо тоже розовое.

«Ну как?» — всем своим видом вопрошал дядя. Похоже, напрашивался на похвалу. Тут я ему все и высказал, что я думаю про краски, и еще сказал ему: вон, мол, какое небо и какое поле. Или вы сами не видите?

Усман-ака выслушал меня очень серьезно. Как будто я взрослый и что-то смыслю.

Он долго смотрел на клеверник. И я смотрел.

Поле переливалось зелеными волнами. Где потемней, где поярче. Так падала тень от облака. И все-таки небо было голубым, как обычно, к какому мы привыкли, и белесые перистые облака не мешали ему оставаться голубым. И теперь, если бы Усман-ака вознамерился убеждать меня, что небо над нами какое-то не такое — ну, белесое, — я бы упрямо долбил свое: голубое оно! голубое! голубое!

«Голубое, зеленое, желтое... — как-то рассеянно проговорил дядя. — А что там за холмами — знаешь?»

Еще бы не знать. Там начинаются горы.

«А за горами? — И, не дожидаясь, пока я соображу, сам: — А за горами — море. Ты хорошенько прислушайся — и услышишь, как оно шумит!»

Ерунда. Нет там никакого моря.

«Оно всегда шумит. Даже при тихой погоде. Шумит — чтобы его слышали. И поверили: оно есть». — Это он мне.

Усман-ака протер кисти, захлопнул чемоданчик с красками, и мы пошли домой. Шли и разговаривали... о море.

«Ты знаешь, что такое море?» — спросил дядя.

— Что я мог знать о море? — спросил капитан, прямо глянув на Сулейманова.

— Море — это много воды, — с усмешкой сказал Сулейманов. Подумал, что бы ответил он, окажись мальчишкой на месте Талиба. Уточнил: — Очень много соленой воды.

Капитан не принял шутку. Смотрел серьезно.

— Про моря нам рассказывал учитель. Но ведь и Сабиров-домла был как мы! Море мы видели только в кино: высокие серо-черные волны с грохотом разбиваются о скалистый берег, и кораблик плывет по черно-серой воде...

— Тем более, что этот, как вы говорите, «кораблик» киношники снимают в обыкновенном корыте, — вставил Сулейманов.

— Может быть, может быть. Не в том суть. Что же мы знали тогда? Море — это очень много соленой воды. Это — как озеро, только в тысячу-тысячу раз больше, точно так же, как озеро в тысячу-тысячу раз больше, чем наш хауз. От одного берега до другого надо плыть много дней, и куда ни глянь — вода. То спокойная, то с рябью волн, кажется, что волны гоняются друг за дружкой, а когда на море буря — ну, шторм, — волны поднимаются выше самого высокого дерева, они швыряют корабль точно щепку, и бывает, корабль терпит крушение, идет ко дну...

Все это я слышал от учителя и теперь выложил дяде. Он выслушал внимательно и серьезно. Ничего не сказал, думал о чем-то своем.

Тогда я еще добавил, вспомнив, что слышал от учителя: наша страна омывается многими морями, на западе Черное, на севере Белое...

«Постой, Талибчик, — остановил меня дядя. — Не тарахти. Молодец, что так хорошо знаешь географию. Но вот скажи: все-таки какое оно — море? Меня как художника интересует цвет. Белое море — наверное оттого, что зимой оно по берегам покрыто снегом вблизи берегов — ледяной крошкой. Вот люди и назвали так. Это понятно. Но есть, я слышал, Красное море, Желтое море...»

«И еще Черное», — подсказал я.

«Да. Но вот я нарисую желтое, красное, черное — кто мне поверит, что я нарисовал море? А черным море может быть только ненастной ночью! Тогда все моря Черные! Почему же нет на карте до сих пор Синего моря?..»

«Усман-ака, а сами вы когда-нибудь видели море?» — спросил я.

Он не ответил.

До дома мы дошли молча.

Что было дальше? Один день и несколько дней — комом, кубарем.

Уринбай сдал последний экзамен, получил аттестат зрелости, и теперь они с Усманом-ака горячо обсуждали, в какой институт поступить и не лучше ли повременить: плохо, когда сам еще не решил... Вот так в спорах они и исчезли — отправились проведать моих родителей, обещали вернуться с ними.

Я опять в тугаях вместе с Карахан и Тарзаном, со своими друзьями. Не игралось: я рассказывал про дядю, как он рисует, что от него слышал, рассказывали друг другу, кто что знает о море. Эргаш слышал от отца (тот недавно побывал в санатории в Крыму), что море лазурное, а в море дельфины, они страшно любят людей, особенно девочек, спасают их, когда они тонут, а после дружат; Хайрулла где-то вычитал про китов, они такие огромные, что могут запросто проглотить целый корабль, если он не железный, а деревянный; Мухаммаджан тоже нес какую-то околесицу, мы кричали, перебивая друг друга, врала кто во что горазд.

И не знали мы, что будет завтра.

А завтра будет война.

— Уринбай и Усман-ака вернулись неожиданно скоро, будто с полдороги. Что-то с ними случилось, какие-то они не такие. В разговоре с бабушкой, а тут и соседи сбежались, слышалось: «Война... война... война...» Кто-то выкрикивал: «Ничего! Понюхают фашисты нашего пороху!..» Другие тоже: «Всыпят им наши пограничники! Как двинет Сталин на них наши танки! Как поднимутся в небо все наши самолеты!» А лица у людей, как мне виделось, были почему-то серые. И разговоры все тише, тише, и расходились люди по домам.

И вот уже ночь.

Проснулся я ни свет ни заря, но у нас все были уже на ногах; можно подумать, и не ложились. Бабушка собирала завтрак.

Усман-ака был в том же городском костюме, в каком я видел его в самый первый день. Он собирал вещи, складывал в чемодан. Вот уже все сложил, просматривал разрисованные листы.

«Талибчик! — позвал он. И когда я подошел, сказал: — Ну-ка посмотри». — И взглядом указал на лист плотного картона.

Я посмотрел. Верхняя половина голубая, нижняя — синяя. И больше ничего.

Я поднял глаза на дядю.

«Не понял? — Усман-ака заметно огорчился. — Ла-дно». — Он торопливо раскрыл свой чемоданчик с красками, пальцем раскидал тюбики и, подхватив один, прямо на кисть выдал белую краску.

Бабушка звала к завтраку, Уринбай суетился, собираясь, бабушка что-то кричала нам плачущим голосом, Уринбай никак не мог найти что-то, я ему мешал, я не заметил, когда Усман-ака успел на синем нарисовать белый пароход, а на голубом белых птиц с характерно изломленным крылом.

«Возьми. Пусть будет тебе на память».

Никогда мы не завтракали так торопливо (вы же знаете, в узбекских семьях за столом не принята спешка). И прощались торопливо (знать бы тогда, что это прощание навсегда!). И вот уже идут Уринбай и Усман-ака к дороге, бабушка отстала, мы с Тарзаном догоняем, увидели, полторка пылит — бего-ом! И — уехали они. И — все!..

Про поле доскажу, не то забудется. Когда, проводив их, я возвращался домой и проходил мимо клеверника, я посмотрел на поле — и ахнул: оно было розовым, точно! Оно было не зеленым, как трава, каким я всегда видел его, — розовым, румяным, как на картине, которую нарисовал Усман-ака!

И потом то поле я видел не только зеленым и розовым, но и желтым, и красным, и черным — да, черным, — хотя клевер еще не скосила и всю светило солнце!

Все было не так. Все виделось по-иному. Я вырослел, еще не став юношей. Ушли на войну мужчины.

С фронта поступали горькие вести.

Мы, мальчишки, работали в поле, пасли скот, помогали по хозяйству семьям фронтовиков, собирали по дворам сушеные фрукты и теплую одежду, отправляли на фронт посылки. С фронта шли письма — мы помогали разносить их. Жили-то разбросанно, с одним письмом идешь и час, и два, идешь и не знаешь, что там, в этом треугольнике: радость или горе. Радостью было — «Жив, здоров, бьем проклятого фашиста», горем — тут и сказать нечего, сами понимаете. На моего отца и Уринбая мы получили похоронки. Не вернулся с войны Усман-ака. Погиб Назар-амаки, а Турсун-амаки вернулся, но вскоре умер, раненный он был сильно и контуженный. Тогда же умерла и моя бабушка. До того она устроила в нашем дворе что-то вроде детского сада, сама нянчила соседских детей, была такая оживленная, словно помолодела, и вдруг...

Все тогда было вдруг.

Как вспоминаю теперь тех, кого знал, Думаю: кто же остался в нашем кишлаке к лету сорок пятого, когда пришла весть о победе и что войне конец? Постаревшие женщины и уже невесты девчонки, совсем взрослые мы — я, Мухаммаджан, Эргаш, Хайрулла, Рахимчик и, как был седенький, Заир-ата, он по-прежнему выращивает саженцы, сам разносит их по дворам, сам сажает. По-бе-да. Не было слышно восторженных криков, были слезы. Пусть, слезы радости — но все-таки слезы... Крохотный наш кишлак Алим-бува — а на мраморной стене перед правлением колхоза фамилии выбиты, сверху донизу, в три колонки...

Капитан поднялся. Тяжело ступая, прошелся по купе. Долго стоял возле окна, — смотрел — что там просвечивает сквозь сбегающие струи. Там ничего. Сумерки. Дождь.

Потом он, ни слова не говоря, поднял сиденье и потянул за ремни чемодан. Откинул крышу, вынул большой пакет, раскрыл и протянул Сулейманову картину в самодельной деревянной рамке. Нет, прежде чем передать, он сам полюбовался ею.

Сулейманов не рассматривал. Посмотрел и все. Есть такие картины — достаточно беглого взгляда.

Так незамысловато рисуют дети.

Так — с вызывающей простотой — рисуют великие художники.

Синее море, белый пороход... Голубое небо и белые чайки... Так мог нарисовать только человек, ни разу в жизни не видевший моря.

Сулейманов держал картину перед собой и не знал, что сказать. Не может быть синего моря под голубым небом. Где-то прочитал или от кого-то слышал: небо и море всегда в один цвет, море — как небо...

— Семь лет висела на стене у меня дома, — тихо заговорил капитан. — Утром просыпаюсь, первое что вижу — она. Вслушивался: не шумит ли море, верил: оно есть. И потом — всегда она со мной: в каюте, дома...

— А та картина, на выставке, — напомнил Сулейманов. — Как я догадываюсь, она была работы того же художника?

— Не-ет! Нет. Я уже ушел с выставки. Тоже подумал, как вы теперь, хлопнул себя ладонью по лбу и бегом обратно. На картине ничего, это этюд с природы, их обычно не подписывают. По каталогу нашел — не Умаров.

— Пытались купить?

— Отказали. Но я еще долго смотрел. Все казалось мне: я стою на этом пригорке и вот сейчас побегу. Побегу — вниз, туда... — Капитан зажмурился. Он побегал. Как тогда, в детстве, с ним рядом верный Тарзан. Бегом, бегом, уже вроде как и не бег — полет. Оступиться, споткнуться — расшибешься... Нет — бегом, бего-о-ом! А ведь и вся жизнь вот так: бегом — с того пригорка.

— Вся жизнь вот так бегом с того пригорка, — повторил вслух. — Как ни трудно приходилось, мать настояла, и закончил я десятилетку. Тогда нас таких грамотных не много было, не как теперь. Считанные. И хоть ростом не удался (это я после вымаха) — вот, стал моряком. Тогда, на комиссии, я криком просил: плавать умею, но еще плохо, а всему научусь, мне к морю очень надо! Что дальше? Уже на третьем году службы откомандировали меня в училище. Курсант с лычками... лейтенант с кортиком... капитан... капитан в пенсионном дрейфе. Точка.

— Ну! — удивился Сулейманов. — Что это вы так рано? Вы же еще такой крепкий, большая сила в вас чувствуется.

— На здоровье не жалуюсь. Тут другое. Как заболел, на берег потянуло, к земле. Все мои сны — там. А тут что? Все, чем силен был, отдал флоту, теперь корабли не те, на каких я начинал, теперь такая техника — куда нам! И не дело, когда старик засиживается: того и гляди, кто нынче молодой да горячий, состарится, дожидаясь, пока ты уступишь ему место на мостике. Да и смена мне есть: сын —

лейтенант, морской волчонок, в Мурманске он. Вот так, отдал я штурвал молодым! Что хорошо — сам. Попросился — и уважили.

— А дальше что? Служба на берегу — это для моряка, я слышал, тяжело. Это — как в жаркий день быть возле воды и не пить, не окунуться, — почувствовал Сулейманов.

— Тут вы правы, — согласился капитан. — Непросто этим переболеть. И лучше будет, если хотя бы на время отдалиться. Вот я и еду. От моря. Первым делом, конечно же, туда. Ту-да. Чтобы постоять на том пригорке... оглядеть все... Потом в Ташкент. Прочитал я в «Известиях» такую преинтереснейшую информацию: открыли школу юных моряков. В Ташкенте, именно! Так не найдется ли там дело для старого морского волка, как думаете, а? Это ж великое дело — готовить наших мальчишек к морской службе!.. Чтоб военными моряками стали! Чтоб капитанами речного флота стали! Наши мальчишки.

— Талибджан-ака, вы давно не были в наших краях, да?

— К стыду своему... Никого из родных уже нет там, вся родня, новая родня, — тут. Не побывал я, Сакиджан-ака, в родных местах с тех пор. Каюсь, грешен. Может быть, вина моя и ведет меня теперь на тот пригорок...

— Давно не были в наших краях, — тихо повторил Сулейманов. И надолго задумался.

Непонятная боль теснила грудь. Что разбередил капитан своим рассказом? Это было похоже на испуг: показалось, что капитан рассказывает про те места, где прошло детство Саки. Все было то же: старые орешни, стареющие урючины. Тот же вид с пригорка: клеверник, сады, тугай, холмы. И те же игры. И те же беды военных лет. Все было — очень давно. Много из того, что живет в воспоминаниях, теперь может вызвать разве что грустную улыбку. Думается: а было ли это?

— Значит, вы не знаете, что теперь там. Какой теперь вид с пригорка...

Да и есть ли он, тот пригорок? Дальние желтые холмы — они стали ниже, их осыпали и осыпали, срезали террасами, разравнивали и засеивали хлопчатником. Хлопковые поля были уже видны с пригорка и, казалось, с каждым днем становились все ближе. И там, где когда-то были тугай, теперь хлопковые поля. И вашего любимого клеверника тоже нет, там теперь хлопковые поля. Не у вас — у нас было: теленок забрал на хлопковое поле — хозяин в ногах у бригадира валялся, умолял простить за то, что недоглядел, после продал все, что можно было продать, откупился, не посадили его. Где уж там объесться клевером, как бычку Эргаша! На колхозной ферме в бетоне под дырявой крышей скот держат на привязи, кормят какими-то концентратами... Жалкие замученные животные. Нет скота во дворах: были непосильные обложения да и чем кормить? Нет клеверника, нет травы по краям арыков, они пересохли, всю воду выжали хлопковые поля. Люди с пригорка видят перед собой только эти поля: распаханнные (выходи подбирать камни), зеленющие (после каждого весеннего дождичка выходи кланяться каждому кусту, разбивай глиняную корку), белеющие (тут уж фартук на шею — и с утра до ночи в поле), чернеющие (выходи убирать гузапаю). Хлопковые поля подступили к двору, давным-давно нет вашей старой орешни, и, быть может, так и не стал плодоносящей урючиной тот росток, что посадил Заир-ата.

Эх, капитан, капитан... Красиво мечтаете, уважаемый Талибджан-ака, кавторанг Махкамов! Вам снится, как ваши ученики, нынешние Талиб и Саки, Мухаммад и Эргаш, Хайрулла и Рахимчик поведут корабли по Сырдарье, по Аральскому морю. Полноте! Нет этой реки, женщины переходят их вброд, слегка приподняв подол. И Аральского моря нет. Там, где когда-то было море, как на вашей картинке, теперь стоят проржавевшие остовы бывших кораблей, они врылись в песок по самую ватерлинию, и за ними, до горизонта, не голубые волны — серые барханы...

— Боюсь, грустный теперь вид с вашего пригорка, — осторожно предположил Сулейманов. Он еще раздумывал: стоит ли рассеивать иллюзии капитана. Да и кто знает, вдруг где-то не так, где-то все осталось как было. Рассказывать о том, что там — значит, рассказывать о себе. А что ты видел, Саки Сулейманов? В очень далекие детские годы все было так, как в воспоминаниях капитана. Детство — сказка, сам придумал, сам поверил да так и запомнил. А что потом? Поле.

Поле.

Ты можешь быть молодым и горячим, ты можешь мечтать стать моряком, летчиком или даже космонавтом — мечтай себе на здоровье! Здесь ты будешь, как все: как дети и как старики, с рассвета дотемна ты будешь трудиться в поле, ходить с опущенной головой, жадным взглядом выхватывать белое из зеленого, жадным движением рук выхватывать это белое, потом в пору предзимних дождей продираешься сквозь колючие кусты, смотреть себе под ноги и поднимать из грязи — и в фартук.

И так год за годом.

Когда маленькие становятся большими? Когда им в комнате становится тесно,

когда двор уже мал для игр и вид за окном не кажется всем миром. Все маленькое — потому что ты большой! Но что это? Ты не замечаешь, что стал на год старше. Не заметил, как стал взрослым. Ты кажешься себе даже меньше, чем был — потому что поле из года в год становится все шире. А ты на нем маленький. Совсем маленький.

Кому удавалось вырваться, сюда уже не возвращались. Но кто эти счастливики? Дети председателя, дети родственников председателя, дети тех, кто сидел с ним за одним дастарханом. А ты? Пусть — в армию. На флот, на пять лет — пусть! Нет. Ты слаб здоровьем и не знаешь русского языка, ты для армии все равно что немой. Может быть, даже так: раис договорился с военкоматом, и тебе, и твоим друзьям опять и опять отсрочка, ведь в армию призывают осенью, а осенью хлопок. Только теперь, много лет спустя, ты узнал, что тогда ты был крепостным. Да, это так!

Все-таки вырвался. Ты живешь в Ташкенте, ты инженер. Но как осень, ты опять на поле — и все то же: на шее фартук, спину разламывает боль, день кажется вечностью, но и этой вечности не хватит, чтобы дойти до края поля.

— Послушайте меня, Талибджан-ака, — сипло проговорил Сулейманов. — Я расскажу. Ничего, если я начну издалека? Я мальчишка, я стою на пригорке...

Чай давно остыл.

Двое случайно встретившихся в пути, но оказавшихся такими близкими, капитан и инженер, за разговором не замечали, что за окном вагона уже стемнело. Дождь, холодный северный дождь все так же сеялся с высокого черного неба.

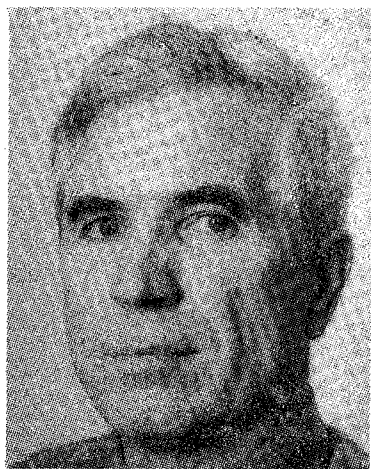
Будет конец дождю.

Будет конец пути.

Будет небо над головой не голубое — желтое, так много в нем солнца.

Но еще до того скажет капитан: «А все-таки за теми горами море. И мои мальчишки услышат, как оно шумит. Точно».

Перевод В. Морица.

Николай Махно

ВДОВА—НЕ ВДОВА...

РАССКАЗ

Умирала семидесятилетняя Надежда Ивановна Скиба. Человек самый что ни на есть простой, колхозница, а собрала в свой кончинный день едва ли не всех женщин поселка — родственниц, соседок, тех, с кем почти полвека работала в поле и многие из которых долгие годы избегали ее. Женщины всхлипывали, вытирали слезы, горестно вздыхали.

— Мученица, — говорили, жалея ее. Она и впрямь была мученицей. И не только в эти горестные минуты, но большую часть своей жизни.

Отца она не помнила. О нем, русском переселенце, в начале века приехавшем из Саратовской губернии на узбекскую землю, под Ташкент, у нее сохранилось в сознании смутное, ужасное: гроб весь в полевых цветах и душераздирающие причитания матери. Надя, сама не своя от страха, боялась смотреть на гроб и то порывисто прижималась к матери, то отстранялась от нее, готовая убежать прочь из комнаты, в которую набилось невесть сколько народу.

Потом она подросла и видела отца на маленькой, в детскую ладошку, «пятиминутке» — так в те годы называли срочную фотографию. Петька, Надин старший брат, сделал для карточки рамку, повесил над столом. Соседки, забегавшие к Потаповым по делу или просто так, обращали внимание на крохотный портретик.

— Глядишь, Михалыч, на свое семейство? Гляди, гляди... Не уберег себя...

Отец, сорокалетний мужик, крестьянин, выглядел утомленным, измученным болезнью человеком, и только роскошная темная борода и усы скрадывали худобу. В глазах вроде бы нескрываемая тревога и боль за семью, которая и прежде горе мыкала, теперь же, осиротев, вовсе прозябала в бедности. Три старшие Надины сестры работали по найму. Ее же, девятилетнюю, мать отвела на селекционную станцию: там детишек брали сторожить делянки пшеницы и ячменя, отпугивать прожорливых воробьев. Плата — гривенник в день.

— Даст бог, на платке себе заработаешь, — обнадежила Надю мать.

В другое время года Надя управлялась по дому, ходила за скотиной, лихо умела ездить на лошади, трудилась в огороде, ухаживала за младшей сестрой. Кому ж еще в избе дела править, коль старшие на работе! Рано прясть и вязать научилась. Зимой долгие вечера просиживала за рукодельем. Редкий час выпадал свободный, чтоб поиграть, к подружкам сбежать. Не до того было.

Так шел год за годом. Подросла, потом и заневестилась Надя. В колхозе — как мать, братья и сестры — стала работать. Но если братья могли за себя и постоять, то с девчонками бригадиры не очень-то считались. Где работа трудней и неблагодарней — туда их. Потапова, на что тихой, безропотной была, и то, случалось, с обидой выговаривала начальству:

— Чего ж это деется? Своих дочерей, небось, не поставил бы арыки копать, из

конюшни навоз носилками носить, тяжеленные мешки таскать. А моих можно, выходит? Ведомо: защитить некому, сироты.

Вступала Потапова в спор, заведомо зная, каков ответ услышит: у твоих, мол, девок семеро по лавкам не плачут, пушай работают, где сколь колхозу надо. От слов таких и Надя молча проглатывала обиду. Куда посылали — туда шла, ехала, дежурила.

— Чертоломит, — говорили о Наде подруги, не в силах угнаться за ней в работе. — На чапке хлопка любого мужика за пояс заткнет. — Но и на обработке виноградника, и на сборе хлопка лучше Надежды никого не было, всегда норму перекрывала.

— Два пуда норма была. Я сверх шести пудов хлопка за день собирала, — вспоминала Надя. — Каждый год премии получала. Раз отрез на платье дали, другой — шаль белую, с кистями, а перед войной — машину швейную. Портрет мой на Доске почета висел.

— И оплата, небось, высокая была?

Смутилась Надежда Ивановна.

— Какая там оплата! Трудодни писали, палочками мы их прозвали. За те палочки и работали. По палочкам и отличали хорошего колхозника от ленивого. Одно лестно было хорошему-то: почета больше.

— В президиум сажали?

— Кабы только в президиум! Случалось, белугой ревели мы от тех почестей. Рассказать — иной не поверит. Однажды созвал председатель самых лучших сборщиц хлопка. Сообщил: машинно-тракторная станция получила невиданную у нас машину, в Америке за золото купленную. Сама-де та машина еще не приучена хлопком собирать, хотя и дорого стоит. Нужны ей помощницы. Вот вы, мол, стахановки, и будете на ней работать... Проклинали мы машину, все силы у нас повымотала, проклятая. Что за машина? Вроде нынешнего пылесоса. Только громадная и с десятью шлангами. Наконечник на каждом шланге тяжеленный. Потаскай-ка тот шланг целый день! В нем чуть ли не двадцать кило. Ох, и наплакались тогда мы, ударницы! По три пуда собирала каждая той техникой. Отправились мы к председателю, жалуемся: спина болит, надорвались. Да нас, говорю, эта проклятая машина в гроб вгонит. Я вручную вдвое больше хлопка собираю.

Посочувствовал нам председатель, убрал с машины. Так его, оказывается, в район вызывали да отругали. Дескать, дорогая машина простаивает, а люди спину гнут. Крепко, видно, взгрели председателя. Через день-два он опять нас к машине приставил.

А народ зубоскалит. Вон какая-де вам, ударницам, честь... Я в ту осень в больницу попала, надорвалась.

Она не жаловалась, не сетовала на судьбу свою. Просто, бесхитростно рассказывала о далеко не легкой жизни — и только. А мне виделись тяготы, многократ усиленные бездушием, а то и головотяпством тех, кто стоял над ней и над такими, как она.

На строительство Большого Ферганского канала отправлял колхоз бригаду землекопов. Двух женщин вписали в ту бригаду: Надежду и еще одну. Надежда — к председателю: не могу, дескать, ехать, после болезни не пришла в себя как следует. А в ответ язвительно-строгое: «Под суд захотела?! Тебя оставить, чтоб дома отлеживалась, а матерей от детишек малых отрывать? Ты-то никто покамест...»

Кнутом стегнули б, такой обиды не было бы, как от этого «никто». Живет; в работе надывается, и — «никто». Оттого, придя домой, и дала волю слезам. Мать, узнав, в чем дело, рассердилась. «Не ехай и все тут».

— Не ехай... Забыла, как тетю Лиду Пузикову судили?

Тридцатилетнюю вдову Пузикову год назад осудили за отказ работать на ферме, километрах в пятидесяти от поселка. «Как дом брошу?» — возмущалась она. Вот и наказали ее за «подрыв трудовой дисциплины в колхозе».

До тридцать шестого года продолжалось Надино «никто». В девятнадцать лет замуж вышла. За Максима, бывшего пограничника. Он только из армии вернулся. Симпатичный, чернобровый, ласковый. Главное непьющий. Тем и покорила девушку. А она даже не сразу поверила, какое счастье на ее долю выпало.

Отдельным домом зажила. Вернее, половиной дома, поскольку на целый денег у родни не хватило. Зато двор большой, сарай просторный, приусадебный участок к самому каналу протянулся, частью виноградником засажен, часть под огород отведена. Удобно: иные хозяева поочередно огород поливают, а тут воды сколько хочешь.

Но если само замужество было в радость, то с хозяйством молодоженам не повезло с самого начала. В первый же год корову прирезать пришлось, заболела. Свинья подохла, на кур чума напала. Оставалась пара овец, тех, что на свадьбе в подарок получили. Осенью их в счет налогов сдали.

Но настоящая беда впереди ждала. Славного сынишку родила Надежда. Не уберегла. Менингитом заболел и умер.

«Колдовство, — уверяли Надежду соседки. — Вам надобно двор менять».

Она не верила в наговоры и колдовство. Но беду и прочие утраты переживала болезненно. Спасибо Максиму, не унывал сам и ее подбадривал: «Ничего, наладится».

Работал он трактористом в МТС. Получал неплохо и деньгами, и хлебом. Не то что она в колхозе: трудодней много, толку от них — почти никакого, мало выдавали на них.

Домашних дел Максим не чурался. Прибежит с работы усталый, чумазый. Умоется у колодца, перекусит и то в огород спешит, то в сарае мастерит что-то. Надежда, случалось, силой уводила его.

— Хватит, тебе завтра чуть свет вставать.

— Успею, выплусь.

Однажды припоздал, уже темнело, когда заявился домой.

— Где это ты пропадал? Я уж беспокоиться стала.

— Да чего, Надюша. Иду мимо клуба, вдруг — председатель, возле брички стоял. Подойди, просит, подсоби. Смотрю, на сене бюст лежит, Сталин... Подняли мы его втроем — председатель, плотник Василий Гайдей и я. Занесли в клуб. Там для него Гайдей подставку смастерил деревянную, красным ситцем обтянул.

— Ну и что? Небось, за минуту управились.

— Да, знаешь... Слово за слово, разговорились...

Забылся тот случай. И не таков он, чтоб о нем помнить. Так нет, с него, считает Надежда Ивановна, и началась ее жизненная катастрофа.

— Беда? — хотелось уточнить мне.

— Катастрофа, — возразила Надежда Ивановна. Впалые щеки ее побледнели от волнения. — Беду время лечит. А катастрофа за одной бедой другую тянет.

Оказалось, рухнул бюст с подставки. Не один день простоял уже в переднем углу, возле сцены. А как-то утром открыла заведующая клуб и обомлела: валяется бюст на полу, весь рассыпался. Сам ли упал, толкнул ли кто нечаянно — поди разберись.

Завклубом — к председателю. Тот примчался сам не свой. Виду, однако, не подал.

— Ладно, — предупредил заведующую. — Ты шума не поднимай. Купим другой бюст — и шито-крыто.

Но какое там «шито-крыто», если перепуганная насмерть заведующая чуть не на весь поселок голосила, пока бежала в правление: «Кто-то Сталина свалил!» Недели не минуло, как забрали ее, председателя, плотника. Ночью же увели Максима. Всех четверых осудили, врагами народа признав. Максима еще и в шпионаже обвинили. Ты, мол, на границе служил, сам сельчанам рассказывал, будто живых японцев видел.

С тех пор у Надежды и начались мытарства. Всякий пьяница, и тот считал своим правом оскорбить ее, унижить. В глаза Надежду называли женой врага народа. Что за спиной говорилось — лишь догадаться могла. Она чувствовала себя чужой в родном поселке, отвергнутой, презираемой.

На чужой роток не накинешь платок. Обиднее всего — братья сторонились ее. Неужто поверили, будто Максим враг? Ведь с детства друг друга знают, на одной улице выросли.

Положение отвергнутой страшно угнетало ее. Единственно, с кем могла Надежда поделиться своим горем и кто навещал ее, потом и жить перешла к ней, была мать. Однако и она, робкая, всегда глубоко верившая властям, высказывала сомнения.

— Может, за Максимкой есть-таки вина? Зазря в тюрьму не сажают.

— Какая вина? Какая?! Подсобил того Сталина в клуб занести да на подставку взгромоздить? Так за ту подставку Василь Гайдей сидит.

— Может, еще чего...

Надежда, доведенная до отчаяния, отправила письмо Калинину. Ответа не получила. Написала Сталину. Опять — глухо.

Новый председатель, из района присланный, видно, доподлинно знал историю с бюстом. Надежду возненавидел сразу. Зимой это было. Прислал троих колхозников отрезать половину усадьбы. Вся в слезах, несмело Надежда протиснулась в кабинет.

— Почему меня огорода лишаете? У нас с мужем земли по колхозной норме...

— Твой муж не колхозник, а враг народа. Вот и получил свою норму.

Взглянув на ее округлившийся живот, добавил зло:

— Ты тоже сейчас даром колхозный хлеб ешь.

— В ударницах была..

— Была, да сплыла... Будешь рыпаться — прикажу по самый порог землю отрезать, а тебя из колхоза в шею гнать.

Не плакала — обезумевшим зверем выла Надежда, возвратившись к себе. Как чумная ходила в последующие дни. Некому было излить все, что накопело на душе. Дома и на работе чувствовала себя одинокой. С доярок, куда определил старый председатель, ее убрали. Остерегались, видно, как бы жена врага народа не отравила коров или, чего хуже, не подсыпала бы яду в молоко. Отправили виноградник укрывать, чтоб зимой не померз. Невмоготу подчас было ей, беременной, управляться: помаша-ка весь день кетменем! Норму, однако, выполняла. Когда же попросила бригадира дать ей работу полегче, он лишь окинул ее презрительным взглядом да сплунул сквозь зубы. Так до последнего дня и ходила она в поле, не смея больше ни о чем просить.

С нетерпением ждала весточки от мужа. Он как в воду канул. Москва тоже молчала. У Надежды мелькала мысль самой отправиться в столицу да там, в Кремле, рассказать, что нет Максимовой вины в том злополучном клубном происшествии. Да разве поедешь, когда рожать пора близится! И другое держит. Паспорта у нее нет. Есть книжка колхозника, как у всех колхозников страны. К ней справка нужна с печатью, в которой бы говорилось: такая-то едет туда-то по такому-то делу. Кто ей, Надежде, даст эту справку?!

Рожала Скиба в больнице, своей же, поселковой. Мать ежедневно приносила ей варева, пышек, пирожков. Сестры в сумерках наведались один раз, хотя рядом с больницей их дома. Можно сказать, украдкой заглянули. Золовки и сами братья не посмели даже так увидеть ее. «На зубок», как исстари заведено было в поселке, вовсе никто не приходил.

— Ну и бог с ними, — лопотала Надежда, пеленая сына. Вроде бы, его утешала, на самом деле успокаивала себя. — Как-нибудь проживем вдвоем. Даст бог, папка вернется...

Она все же не теряла веры в справедливость. Терпеливо ждала мужа, изредка видела его во сне. И тогда весь день размышляла: к счастью или новой беде прирезилось.

Зимой и весной опять ей, словно в отместку за что-то гнусное, давали работенку самую неблагоприятную. Оставив ребенка на материн догляд, ходила косить камыш, понадобившийся для ремонта крыши в колхозной конюшне, ездила за сеном в степь, где с лета стояли стога, чистила заилившиеся арыки. Потом на севе яровых трудилась, «чапала» хлопок...

Весть о войне ошеломила ее. Понимала Надежда: вот она, большая беда. Что ее горе в сравнении с этим! Вечерами во дворах было шумно, гармони выводили то грустные, то веселые мелодии, далеко вокруг разносилось пение. Беда бедой, но люди считали нужным проводить солдата на войну, как положено.

Завидовала Надежда этим соседям. Думала, был бы Максим дома, так добровольцем бы записался в армию. И она бы хлопотала, устраивала проводы. Но где он, ее Максим, бывший пограничник?

Надежду на проводы не приглашали. Узнав от матери, что братьям вручены повестки, сама отправилась к ним, чтоб пожелать благополучия и скорого возвращения.

Однажды слякотным вечером почтальонша принесла ей солдатский треугольник. Полюбопытствовала:

— Кажись, от Максима?

Глазам своим не поверила Надежда, голова у нее закружилась.

— Бо-же..

Трясущимися руками развернула она треугольник, но в полумраке не могла разобрать корявых карандашных строк. Не замечая плача сына, на ощупь отыскала коробок, ломая спички, с трудом зажгла керосиновую лампу, впиалась глазами в измятый тетрадный лист.

Максим сообщал о том, что, узнав о начале войны, послал письмо Калинину, умоляя отправить его, бывшего пограничника, на фронт. Просьбу удовлетворили. Только попал Максим не в обычную часть, а в штрафную роту. Под Москвой довелось участвовать в бою. Многие погибли. Ему повезло: ранило. После госпиталя с него снята судимость. Теперь он, красноармеец Максим Скиба, направлен служить в пехотную часть, и пусть знает она, его жена, что воевать он будет честно: «либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

Слезами кропила письмо помолодевшая от счастья Надежда. Тут же собралась, укутала сына в одеяло, побежала к сестрам. Вслух читали письмо, перечитывали, ахали, удивлялись, сочувствовали. Утром словно на крыльях летела Надежда на работу. Женщины вокруг нее весь день вились, иные поздравляли, а кто просто любопытства ради подходил, еще не веря, что «враг народа» вдруг стал защитником Родины.

— Ты теперь пособие должна получать. Как же — красноармейка. Иди в военкомат, требуй, в райсобесе хлопочи.

Видно, сгоряча кто-то присоветовал. Обратилась Надежда, куда ей сказали, — там в ответ: «Официальных бумаг мы не получали, а письмо — не документ».

Обиделась Надежда, но решила: подожду, бог с ним, с пособием. Чуть ли не каждый день стала писать Максиму. О себе, о сыне сообщала, о колхозных делах...

Прибегала вечером с работы и первым делом спрашивала у матери:

— Письма не было?

— Нетути.

В чем же дело, почему опять от мужа ни строчки? Написала командиру. Ответ пришел довольно скоро. Часть вела тяжелые бои, несла потери. Но красноармейца Скибы нет в списках ни погибших, ни пропавших без вести. Об этом, мол, также сообщено в военкомат по месту жительства.

Опять сникла Надежда. Грешным делом, корила себя за неистово бурный всплеск радости, за то, что всему свету растрезвонила о счастье. А оно, яркой искоркой мелькнув, истлело. Никакого следа не осталось. Бригадир к старой своей методе воротился: где работенка на износ, туда ее, вроде бы несостоявшуюся красноармейку. А она, поглощенная своими думами, не замечала несправедливости. Работой глушила боль-тревогу о муже. Иной раз, словно очнувшись, спохватывалась, удивляясь тому, что сын неслухом растет. Сожметса в тревоге ее сердце, выскажет матери недовольство.

— Ты бы построже с ним. Гляди, от рук отбивается.

— Подрастет, поумнеет, — слышала в ответ. Еще и погладит бабка любимого внука, приголубит тайком, чтоб мать не видела.

— Ласкай, ласкай... Спыхватимся поздно будет, — выговаривала Надежда.

— Ты бы лучше б за себя постояла, где надо, — вскидывалась мать. — Гля, на кого похожа: кости да кожа, почернела от работы проклятущей. Нешто бабье дело землекопом чертоломить! Отказалась бы!

— Как же! Попробуй откажись!.. На заготпункт отказывалась ехать: мешки, дескать, мне таскать не под силу. Так бригадир пригрозил. По закону-де военного времени отвечать придется. Опять Лидку Пузикову припомнил.

— Сами-то председатель и бригадир пошто не на войне?

— Кто их знает. Вроде как больные.

— Эдакие бугаи?! Небось, совесть ихняя больна.

— Завтра мне сказано сено возить.

— Посуху разве нельзя было? Небось, там, в степи, нынче и не проедешь, снега в колено.

...Наплакалась Надежда в степи. Дорога в урочище оказалась проторенной, подъезд к стogu тоже удобный был. Но ветер разгулялся лютый, поземку мел со свистом, с завыванием. Стала Надежда грузить сено на рыдван — ничего не выходит. Положит навильник, обернется за следующим, а это уже, словно пушинку, сбросило. Ногой наступит, в одном месте удерживает сено, его в другом теребит и в сторону уносит.

Окоченела Надежда на ветру. В голос выла от обиды, боли, беспомощности. Зашла с подветренной стороны. Здесь и ветер послабее, да омет не тронут, невозможно вытянуть слежавшееся, будто спрессованное сено. Кое-как надергала его, загрузила рыдван, лошадей понукать стала, торопясь домой. Но вскоре поняла, что засветло из урочища не выбраться: до фермы отсюда с десяток километров. Страх на нее напал: не дай бог в эдакую непогоду в степи остаться! Рысью погнала лошадей. И все-таки застала ее ночь в пути. В темноте уже и дорогу различать перестала. Благо, лошади привычные, не сбивались с нее.

Надежда без конца озиралась по сторонам. Все казалось, кто-то преследовал ее. Какие-то тени мелькнули в стороне. «Волки!» — решила женщина. У нее же только и всего оружия, что кнут да вилы.

Щелкнула кнутом — еще в детстве научилась такому пастушьему искусству. Звонко получилось. Будь в самом деле волки рядом, вряд ли очень испугались бы. Зато на лошадей громкий хлопок подействовал. Вскачь понеслись. Она и сдерживать их бег не стала.

Приехала Надежда на ферму, с лошадиных крупов пена хлопьями летела. Увидел бригадир, с матюгами набросился.

— Ты чего, совсем опупела?!

— Сам бы ехал, — взорвалась Надежда. — Небось, только баб и гоняете. Пуще всего красноармеек. Другие мужики воюют, вы тут отсиживаетесь.

— Но-но... Ты потише... Вишь, красноармейка объявилась. Твой-то, небось, давно к немцам перебежал... Враг народа, он и есть враг.

— К-ку-да... перебежал?! Сволочь!

От гнева задохнулась Надежда. Как держала вилы, так с ними ринулась на бригадира. Тот в испуге шмыгнул за бричку.

— Сдурела?.. В тюрьму засажу!..

— Я т-те-бе покажу, как Максим к немцам перебежал!

— Сбесилась?!

Грязными словами крыл Надежду, когда она, с трудом сдерживая слезы, отшвырнув вилы в сторону, пошла домой.

— Эй ты, дура, — вопил ей вдогонку бригадир. — Я, что ль, сено таскать буду?! Под суд отдам!..

В снегу, продрогшая, ввалилась Надежда в комнату. Мать, старая, одряхлевшая за последние годы, молча слезла с печи. Засуетилась, снимая с дочери телогрейку.

— Горюшко ты мое, индо вся окоченела. Где ж та правда? Вконец солдаток загоняли. Ты б сказала...

— Помолчи, мама...

— Силушки нет молчать. До ночи пропадаешь, а свои дела...

В эти минуты Надежде никакое дело на ум не шло. Сидела б просто так, от обид отходя душой, отогреваясь в тепле. Ленька помешал. Следом за бабушкой хотел слезть с печи.

— Стой, сынок. Упадешь ведь.

Схватила мальчонку, прижала к груди. Опять было села на табуретку. Но, услышав нетерпеливое мычание коровы, спохватилась:

— Батюшки, корова недоена... Побудь, сынок, с бабулей. Я скоро приду.

Ленька, большоголовый, круглолицый, обиженно засопел и никак не хотел отстать от матери.

— Иди к бабушке, родной мой...

Покачиваясь от усталости, вышла на террасу, загремела подойником, вернулась в комнату, плеснула в подойник теплой воды из чугуна, чтоб мыть вымя, прихватив полотенце и ведро с помоями, отправилась доить.

— Иду-иду, Зорька, иду...

Управившись с коровой, натолкав ей в кормушку сена, схватила ведра и коромысло, поспешила за водой. В такт ее шагам поскрипывал снег под сапогами. Мороз пощипывал нос и щеки. Во тьме чуть видна была извилистая тропинка, убегавшая к проруби под крутым берегом речки.

Воды на день требовалось много — корову поить, самим на еду-питье, для всяких постирушек. Четырежды сходяв к проруби, наполнив кадушку, стоящую в комнате, Надежда, наконец, повесила шаль и телогрейку на гвоздь и, вымыв руки, присела к столу.

Мать уже достала из печи чугунок со щами, отрезала три ломтя от краюхи. Хлеб был черствый, сероватый, клеклый. Обычный ячменный хлеб. Ленька, аппетитно уминая свой кусок, полез к матери на колени. Она, прижав сына к груди, нехотя хлебала горячие щи, кормила Леньку. Надежда от пережитого и жалости к самой себе и к сыну беззвучно плакала. Не таясь, утирала кулаком слезы. Мать не мешала ей, не лезла с расспросами, не забирала Леньку. А он, разговорчивый, шаловливый, притих, испуганно и жалостливо глядя на то, как по морщинам, окаймлявшим чуть впалый материн рот, скатывались мутные слезинки.

Мать в конце концов не выдержала. Уткнулась лицом в передник, заголосила.

— Головушка ты моя...

— Не надо, мама, — опять вырвалось у Надежды. — Ладно, напою Зорьку да спать лягу. Стирать хотела, да больно устала нынче.

— Стирать?! Давно ль стирала? В кого ты такая чистюля?

— Знать, было в кого.

Из трех ухватов, стоявших в углу, взяла самый большой. Вытащила из печи ведерный чугунок, налила горячей воды, разбавила холодной, нарезала на куски недозревшую тыкву, бросила в ведро. В комнате запахло паром, сыростью, тыквой.

— Избаловала ты корову. Без поила и от сена нос воротит.

— Небось, напьется теплого, согреется и сена в охотку пожует.

Вернувшись в дом, уложила сына в постель. Сняла с полочки керосиновую лампу, поправила фитилек лампадки, стоящей у основания деревянной иконы. Достала из старого Максимова портфеля тетрадку и ручку с пером, из шкафчика, где хранилась посуда, — пузырек с чернилами.

— Ты чего? Сказывала, спать лягешь...

— Заявление напишу.

— Какое еще заявление?

— Про Максима. Военному комиссару. Пущай опять розыски посылает.

— Тебе ж был ответ.

— Ну, был... «В списках убитых, пропавших без вести не значится...» Где же он тогда значится?

— Глядишь, сам объявится...

— Дай бог.

Сказала так, а у самой в памяти бригадирское вьедливое, ехидное: «...к немцам перебежал». От этих слов опять слезы вышибло.

— Будя плакать-то.

Мать, отвернувшись, рукавом вылинявшей кофтенки вытерла глаза.

— Люди языками новость что чешут. Вроде как Максим в плен сдался.

— Супоста-а-ты!.. Кто эдак сказывал-то? Про то, небось, молчат, что два Максимовых брата воюют. Один вон ранетый, на побывку приходил. Орден у мужика.

Материны слова утешили Надежду. Она, чтоб опять не расплакаться, начала писать заявление. Давно уж в уме выносила его, слово в слово запомнила. Так что строчка к строчке ложилась быстро. Почерк, правда, корявый. Ведь только два года ходила девчонкой в школу. Учиться дальше не было никакой возможности.

Писала Надежда заявление на имя райвоенкома, мысли же ее были о Максиме, о нанесенных ему обидах. В тысячный раз твердила она про себя: «Никакой Максим не враг народа. И не предатель! А что в списках его нет, так не его вина». Разбередил душу бригадир. Теперь поедом есть станет за то, что с вилами на него кинулась, злопамятен, не простит.

Написав заявление, выждала, пока просохнут чернила, сложила лист вчетверо, торопливо накинула телогрейку, повязалась шалью.

— Куда ты? Спать собиралась...

— К Насте Потаповой сбегаю. Она, кажись, в район ехать хотела. Попрошу мое заявление в военкомат занести.

— Татьяна Скиба давеча была. Тоже ехать собиралась...

— Тогда я к ней...

Татьяна, родная сестра Максима, не боясь пересудов, частенько заглядывала к Надежде, интересовалась, нет ли писем от брата. Заявление приняла, обещала все сделать, как надо.

Поблагодарив ее, Надежда возвратилась домой. С той поры с нетерпением стала ждать ответа. Зима прошла, его все не было. Уже весной, как раз хлопок сеяли, получила Надежда письмо с казенным штампом. Разорвала конверт, извлекла узкий лист бумаги. И опять горько вздохнула: «... в списках... не значится».

Неопределенность и огорчала ее, и вселяла надежду. Так это же прекрасно, что нет Максима в тех списках! Значит, жив! Надо ждать. Может, его, раненого, какая добрая душа выхаживает. Или у партизан он, не знает, как сообщить о себе. Окончится война — придет.

Весна стояла теплая, ласковая, с частыми и очень нужными для богарных хлебов дождями. Но не знали колхозники, как пережить ее, весну эту. Голодной она была. Редко в каком доме мучица и картошка водилась. Мать приставала:

— Смели пшеничку-то. Нешто с голоду помирать?

Два пуда пшеницы держала Надежда про запас. И считала тот запас неприкосновенным.

— Вдруг Максим придет, — возражала матери.

— Чай, не похвалит, что голодом себя морили... Тады вино поменяй на хлеб.

Пятиведерный бочонок вина дождался Максима. Весь поселок мечтала Надежда пригласить на праздничное застолье, только б возвратился муж.

— Нет, мама, и вино не трону. Пуцай до нового урожая бочонок стоит.

— На кого сама-то похожа, исхудала, извелась... Работа каторжная, еды нет.

— В крайности, продам чего-то...

— Все на телка метишь? Его как раз и не тронь. Чего за него нынче возьмешь? Гроши! К осени подрастет, продашь. Налоги покроешь, а там, гляди, еще и на хлеб останется.

— Может, в колхозе на трудодни хлеба дадут.

— Открывай рот шире... В прошлом году много ли дали на твои четыре сотни трудодней.

— Четыре с половиной сотни...

— То-то и оно... Из ударниц не выходишь.

— Теперь у нас ударниц стахановками называют.

— Что в лоб, что по лбу — почести одинаковы. И платы никакой. Куды нонче на работу-го?

— Арыки чистить.

— Не больно надрывайся там.

— Скажешь такое. Кто за меня норму сделает?

— Надорвешься — Максима не дождешься.

— Дождусь.

Она ждала. Всю войну ждала, и после нее. Зимой уверяла себя: «Весной Мак-

симушка придет». Миновала весна — его не было. Тогда Надежда твердила: «Осенью пренебреженно явится».

Являлся не он, долгожданный. Женихи порог дома обивали. Сватались. К огорчению матери, негодованию сестер, Надежда отказывала всем.

— Так одна и будешь век вековать? Вдова не вдова...

— Вдова не вдова, — машинально повторила Надежда материны слова и, страшно озлившись, прикрикнула:

— Не смей так, мама. Не вдова я, не вдова! Придет Максим!

— Чё хошь делай. Леньке вон отец нужен. Вконец от рук отбился.

Шли годы. Умерла мать. Вырос Ленька. Выучился на монтажника, стал работать на стройке, остепенился. Надежда Ивановна, и прежде-то не очень любившая глядеться в зеркало, теперь ставила его подальше. Не хотела видеть себя такой: сухопарой, блеклой, с ввалившимися щеками на морщинистом лице, с белесой от седины жиденькой косичкой. Трудно поверить, что в молодости была косища едва ль не в руку толщиной, доходящая до пояса. По-прежнему жила с «припасами для Максима». Держала про запас муку, вино, свиное сало, которое любил муж. По-прежнему хлопотала о муже. Военкомат посылал запросы, сообщал ей одно и то же: «...в списках не значится».

Всякий раз эта фраза больно ранила ее. Всплывали в памяти материны слова: «Вдова не вдова». Вдовам красноармейцев, конечно, жилось лучше. Какое-никакое уважение, сочувствие, пособие, пенсия были, налог с них скостили. Колхоз таким пособлял то сеном, то хлебом. Надежде ни сочувствия не было, ни помощи.

Впрочем, о льготах и помощи от государства Надежде как-то и не думалось. В колхозной работе она глушила свою печаль. Десятилетия изнурительного труда, без выходных, без отпусков сделали ее замкнутой, хмурой, суеверной. Она была убеждена, что беды не приходят врозь. Они одна за другой следуют да за собой новую тянут. Вскоре после смерти матери на нее обрушилось новое горе: сорвался с мостков на стройке Ленька. Выходить его доктора не смогли.

Несчастье это принесло ей... пенсию. Пенсию за сына. Своей-то у нее не было, хотя большую часть жизни в колхозе проработала.

Надежда Ивановна все чаще болела. Перестала ходить на колхозную работу. Едва со своим огородом управлялась, и то слава богу. Утомившись, она шла в дом, пила чай, сидя у окошка, наблюдая за прохожими. Иногда, бывало, и вздремнет здесь же, в уголке, между столом и окошком. Спит не спит, а что-то вдруг увидит. Однажды пригрезилось: Максим мимо дома шагает. Должно, не узнал своей хаты. И не мудрено не узнать ее, столько лет прошло!

Диким голосом закричала Надежда Ивановна. Так закричала, что соседей в доме напротив всполошила, прибежали к ней, зажгли лампу. Надежда Ивановна, сама не своя, твердила: «Максим шел... Сама видела... Там».

Дрожащим пальцем тыкала в запотевшее оконное стекло.

— Сама ж видела... В мою сторону глядел.

— Бог с тобой, — шептала соседка, испуганно крестясь на образа.

По впалым морщинистым щекам хозяйки текли слезы.

— Шел же по улице Максим... Неужто сон?... Теперь-то придет Максим, знаю, придет... Чувствует мое сердце... За Леньку спросит. Почему-де не уберегла.

— Твоей вины в Ленькиной смерти нет. Не дома погиб, не по шалости...

— Все одно... Спроса за сына не боюсь. Лишь бы пришел Максим живехонек. Я ль его не жду?!

Сердце — вещун. Только и оно чаще ошибается, нежели попадает в точку. Не сбывась надежда старой Ивановны — вдовы не вдовы, но верной жены. Не пришел ее Максим в следующие пять весен и пять зим. Всякий раз хозяйка заменяла неприкосновенные запасы вина и продуктов новыми, чтоб честь по чести встретить мужа.

Осенью, уже изнемогая от болезни, сама срезала с кустов лучшие гроздья винограда, наделала бочонок вина. Привезла из города хорошей муки, заготовила кринку топленого масла: по-прежнему ждала Максима...

* * *

Она умерла в холодный декабрьский день. До самой своей кончины была в сознании. Едва ли не вместе с последним выдохом с ее запекшихся от страданий губ сорвалось: «Максиму... скажите: ждала».

— Отмучилась страдалица, — чуть слышно прошептала одна из старух, сидевших у самой кровати и, перекрестившись, сложила крестом высохшие руки покойницы на груди. Руки, не чуравшиеся никакой работы.

Сайяр

Моя песня

В мире и шири, и дали ясны.
Сердце тревожат,
Как будто любовь,
Эта гармония юной весны,
Это волнение искренних слов.
Как хорошо, что я все-таки есть
В мире вот в этом
И в этой стране!
Беды забудутся,
Подлость и месть,
Но оскудеет ли нежность во мне?!

И не доставлю я радость врагам
Песней неспетой...
Ее допою.
Сыну поводья коня передам,
И не уронит он
Песню мою.
В миг вдохновения
Жизнь хороша!
Свет отражаю, как небо — река,
И разливается песней душа,
И наполняется думой строка.

Время

Так время свое удержать я хотел!
И в доме ловил я его,
И в пути.
Не раз на него я с мольбою глядел:
— О, времечко-время,
Не уходи!

Как тихо прошло оно рядом со мной!

Вбил столб на дороге тогда я.
К столбу
Цепями я время хотел приковать.
Но нет,
Обмануть невозможно судьбу...
Осталось беспомощно мне наблюдать.

Как тихо прошло оно рядом со мной!
О, сколько своих перетратил я лет,
Чтоб время поймать,
Удержать его чтоб.
Борьба моя грустный оставила след:
Стоит на дороге
Бессмысленный столб...

Как тихо прошло оно рядом со мной!

* * *
Волосы под ивой Лейли распустила
И поет печально,
Горя не таит.
О, Меджнун-скиталец!
Может, злая сила
Все пути-дороги спутала твои.

Волосы под ивой Лейли распустила,
Разве это песня?
Это долгий стон...
В думах о любимом
Время позабыла,
Как мираж ей — горы.
Жизнь ее, как сон.

Волосы под ивой Лейли распустила.
Лишь одна ей песня.
И мечта одна.
Даже если доля милому —
Могила,
Нет, не перестанет ждать его она!

Волосы под ивой Лейли распустила...
И закрыл я книгу
Судеб и скорбей,
Так как жизнь живая
В путь поторопила,
Со своею Лейли
Встретился я в ней.

Волосы под ивой Лейли распустила...
Я не одинокий.
Жизнь — не миражи.
Но про одиноких
Сердце не забыло:
О, Меджнун-скиталец!
К Лейли поспеши.

Деревья — фонтаны

Деревья — фонтаны,
Что бьют из корней.
Зеленые брызги листвы —
В небеса!
Стою рядом с ними.
Дыханье — полней.
Лучатся любовью и светом глаза.

Деревья — фонтаны,
Что бьют из корней.
В жару их прохлада
Наполнит меня.
Без них мое тело —
Пустыни черствей.
А солнце без них
Беспощадней огня.

Деревья — фонтаны,
Что бьют из корней.
Я помню,
Казалось мне в детские дни,
Что чем-то похожи они на людей,
И нравились мне,
Словно люди, они.

Деревья — фонтаны,
Что бьют из корней...
Под ветром одним
И под солнцем одним
Друг с другом деревья
Любовью своей
Спешат поделиться,
Как светом земным.

Перевод с узбекского В. Топорова.

Алишер Пашакулов

Враги народа

Твердили: «Братство. Равенство. Свобода.
Страну труда крепи и береги!»
И у народа был «отец народа».
И были у него кругом «враги».

И тех «врагов» была такая пропасть,
У палачей — такая куча дел,
Что перед каждым разверзалась пропасть,
И заглянуть в нее никто не смел.

И шли «враги» топориками клацать
Под серым небом сумрачной тайги.
И невозможно было разобраться,
Где сам, а где его «враги».

Немногие отбыли эти сроки.
Десятки миллионов — счет утрат.
История! Горьки твои уроки.
Не дай-то бог нам повернуть назад.

Реанимация

Перекрыт кислород. Я учусь не дышать.
Помутнели зрачки. Умирает душа.

Кто-то кран привернул. Зверь-душител, кто он?
Беспольный, стоит кислородный баллон.

Хоть глоток... Тишина. Пустота. Темнота.
Угасание пульса и пена у рта.

Ни друзей не окликнуть, ни мать не позвать.
На груди тяжелеет забвения гладь.

Только кран повернуть... У кого ж эта власть?
Неужели вот так моей жизни пропасть?

Я учусь не дышать. Перекрыт кислород...
Да когда ж ты очнешься, Отчизны оплот?

Памяти друга

Мне грустно, страшно мне. Нет воздуха в пространстве.
Дым памяти моей, так едок этот дым.
Ровесник умер, друг. Как попросить — «останься»?
Мужать мне и стареть. Он умер молодым.

Мечтательным юнцом был недоволен лектор,
Педантов раздражал его ершистый вид.
Рассеян, говорлив. Небрежно вел конспекты.
Прилежен был лишь там, где сердце говорит.

Он сумасбродно жил, без цели и без плана,
Встречая смехом боль, ночь смешивая с днем.
Без памяти любил строптивую Диану.
Заплачет ли над ним? И вспомнит ли о нем?

Теперь она его кокетством не измучит,
Не вторгнется в его вчерашние мечты...
А я твержу одно: «Прощай, друг неразлучный,
Прощай. Прощай. Прощай. Прости. Прости. Прости...»

Расставание

Да, скоро я уйду. Я ухожу совсем.
Не станешь ты родной. Не станешь самой близкой.
Ну что поделаешь, я был тебе — не тем.
И в письмах от тебя «любовь» была опиской.

Да, повзрослели мы. Как страшно мне взрослеть!
Забывать о чудесах, доверчивости, вере?
Но ветер юности хлестнет меня, как плеть:
«Молчи, чудак! Не все дороги ты измерил.»

Есть горная тропа, есть путь моей мечты
В тот край, где ни к чему обиды и разлады,
Где незакатен луч таинственной звезды,
Где мы навек вдвоем, навек с тобою рядом,

Реальный мир, он скуп — ни взгляда, ни руки.
Лишь стол, бумага, стул и комната пустая.
Вослед тебе — стихов моих черновики.
Летят, летят, летят, как черных галок стая.

Посвящение

*Дукент. Минувшая весна.
Она. Она. Она...*

В этом чудном краю я родился и креп,
Красоте величавой покорен.
Здесь соседствуют сад и бескрайняя степь,
Ручеек и высокие горы.

Здесь я девушку встретил. И сердце зажглось.
Все шепчу ее имя чуть слышно.
Перед личиком тем в обрамлении кос —
Что цветенье урюка и вишни?

Мне б лелеять ее от зари до зари,
Все шептать ее нежное имя.
Подари мне ее, край родной, подари,
Чтобы вместе мы стали твоими.

Б. Атчабаров, Т. Шарманов

В предыдущие годы на страницах журнала проводилась дискуссия по проблеме обеспечения региона водой. Публикации вызвали большой отклик у читателей. Редакция продолжает получать статьи на эту актуальную тему. Один из поступивших материалов предлагаем вниманию читателей.

ВОДА ДЛЯ РЕГИОНА

СИБИРСКАЯ ВОДА ДЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ — АБСУРД ИЛИ НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ!

Давно поднимается вопрос о территориальном перераспределении водных ресурсов в нашей стране, так как только 16 процентов их находится в южных районах, где живет более 80 процентов населения и где размещены орошаемые земли и значительная часть промышленности. В частности, проектировался переброс части стока реки Обь на юг (в Среднюю Азию), который предполагалось осуществить в два этапа.

Однако проект вызвал со стороны некоторых людей резкое возражение, послужившее поводом для дискуссии в печати. Среди зачинщиков дискуссии оказался и писатель С. П. Залыгин. По его утверждению, поворот части стока сибирских рек в Среднюю Азию вызовет нарушение экосистемы Сибири и области арктического бассейна с ухудшением народнохозяйственного использования богатств этих зон. По мнению С. П. Залыгина, водных ресурсов в Средней Азии достаточно, а всякие тамошние беды происходят от нерационального использования их.

В дискуссионных публикациях ученые и проектировщики привели факты о несостоятельности точки зрения С. П. Залыгина. Но это не остановило спора и не снизило накала борьбы.

Доктор биологических наук Н. Ф. Реймерс¹ свою статью заключает так: «Проект века» противоречит научным законам развития мира.

Игнорируя известное постановление партии и правительства (16 августа 1986 года), где подчеркивается необходимость дальнейшего изучения экологических и экономических аспектов перераспределения водных ресурсов, он ультимативно требует: «Так поставим точку в этой многолетней и многотрудной эпопее».

Необоснованные дезориентирующие доводы противников переброски изменили умонастроения людей, посеяли сомнения, создали полярные точки зрения на необходимость перераспределения водных ресурсов.

Можно было бы не вступать в дискуссию с Н. Ф. Реймерсом, но, к сожалению, взгляд противников переброски, базирующихся почти всецело на надуманных, далеких от научности аргументах, имеет тенденцию канонизации и тем самым приобретает опасность отрицательного влияния на решение очень важной общенародной проблемы.

Современная кампания против переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию опирается на надуманную демагогическую платформу, ничего общего не имеющую с наукой. Так, противники переброса воды из Сибири в Среднюю Азию не уста-

¹ «Наука и жизнь», 1987, № 12; 1988, № 8.

ют внушать людям, что в реках Западной Сибири нет излишней воды, а в пустынях Средней Азии ее предостаточно.

Точка зрения Н. Ф. Реймерса, по его мнению, должна быть истиной в последней инстанции. Автор, не смущаясь, пишет: «... не потому, что кто-то плох или хорош, а потому, что авторитет знания, а не лиц говорит о пагубности самой идеи переброски вод». Вторит этому и редакционный комментарий журнала «Наука и жизнь», 1988, № 8, делая Реймерса арбитром дискуссии. Сам Н. Ф. Реймерс охотно принимает эту роль, утверждая, что «он излагает не плоды своих досужих размышлений, а обобщает коллективную точку зрения ведущих ученых страны и мира». Вот так, не больше и не меньше, его мнение — это общая с ним точка зрения ведущих ученых мира.

Не было бы этому возражения, если бы точки зрения Н. Ф. Реймерса соответствовали истине. Но, к сожалению, они далеки от этого, даже полярны с ней. Мы считаем ошибочным и необъективным мнение ученого о проблеме, имеющей государственное значение. Это вынуждает нас раскрыть несостоятельность доводов, приводимых автором, и высказать в общих чертах свою точку зрения.

Позиция Н. Ф. Реймерса четкая: «Идея переброски изначально абсурдна». «Целеобразность переброски вод не та истина, которую надо сказать общественности».

Для полноты картины приводим эти своеобразные доводы автора, сформулированные как постулаты. Так, он считает, что разработкой проекта переброски «была совершена стратегическая ошибка». «Ее причина — незнание или непонимание объективных законов развития природы и общества и их взаимоотношений». Переброска воды из Сибири в Среднюю Азию, по Н. Ф. Реймерсу, «...грубо противоречит закону динамического равновесия системной экологии». Поэтому «...переброска приведет к деградации экосистемы Сибири» и «неминуемой экологической разрухе в Средней Азии». Далее он утверждает, что «нет и не может быть лишней воды на Севере и в Сибири, как нет ее в любой экосистеме земли». Говорит, что иначе это будет «...отрицание науки, отрицание общечеловеческого знания». «А коль придет дополнительная вода на юг — в Среднюю Азию, то там она будет обычным загрязнителем». «...Ведь загрязнитель — все то, что попадает не в естественном количестве, не в положенное время и в несвойственное место».

По Н. Ф. Реймерсу, и в настоящее время имеется излишек воды в Средней Азии. «...Теряем (в Средней Азии — Б. А. и Т. Ш.) 49 кубокилометров воды, заболачиваем и засоляем почву, и в связи с этим теряем миллионы гектаров ценнейших земель». «Добавка воды (т. е. переброс — Б. А. и Т. Ш.) вновь приведет к экономически не оправданному экстенсивному развитию и к новому дисбалансу вод, на этот раз на основе их экологического излишка», в результате чего, по мнению Н. Ф. Реймерса, ухудшатся условия земледелия, некоторые районы станут «не пригодными для жизни».

Эти утверждения Н. Ф. Реймерса являются дальнейшим углублением и развитием идеи, выдвинутой С. П. Залыгиным. Он писал: «А что происходит в Каракалпакии? Затоплены цветущие земли, где культура земледелия создавалась тысячелетиями. Пустыня превращена в болото. Каждый восьмой, десятый младенец рождается ненормальным... Как мириться с этими фактами? Ведь речь идет о целом народе, даже война, наверное, не принесла ему такого бедствия».

Вот как заботится о судьбе народа писатель. Оказывается, все несчастья в Средней Азии не из-за недостатка воды, а от ее избытка.

По Н. Ф. Реймерсу, переброс приведет к расширению возделываемых площадей, увеличению количества людей, занятых в сельском хозяйстве, сохранению традиции многодетности в Средней Азии. Он считает, что при такой направленности ведения хозяйства «мы окажемся на обочине научно-технического и экономического прогресса». А между тем, утверждает ученый, закон общественного развития всюду и везде ведет к снижению числа людей, занятых в сельском хозяйстве, сокращению, а не расширению возделываемых площадей. Хочет этого кто-то или не хочет, но так, в конце концов, будет и у нас в стране, и в Средней Азии как ее части. «Высокий уровень культуры и образования, как правило, приводит к снижению прироста населения вне зависимости от традиции».

Н. Ф. Реймерс переброску воды сибирских рек в Среднюю Азию относит к категории «технократического безумия», когда люди попадают «в мир нереальностей, бед и разрушений». К этим безумиям он причисляет: алхимию, вечные двигатели, производство пестицидов, создание белково-витаминных концентратов, применение антибиотиков в сельском хозяйстве, создание атомного оружия, гиперразвитие атомной энергетики. Однако эти общечеловеческие достижения никак не могут быть отпугивающим чучелом для переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Примером экстраординарности точки зрения Н. Ф. Реймерса как эколога можно привести следующее высказываемое им положение. Он считает, что гиперразвитие атомной энергетики грозит общеземным потеплением климата. Между тем принято считать наоборот — развитие атомной энергетики является альтернативой профилактики общего потепления земного климата, так как атомная энергетика не сопровождается

загрязнением воздушной среды углекислым газом или другими продуктами сжигания топлива, что является причиной парникового эффекта или даже, возможно, некоторого вредного влияния на озоновую оболочку земли. Но Н. Ф. Реймерс стоит на своем, утверждая, что «именно технологические заблуждения человечества, незнание или непонимание великих законов природы и общества стали причиной того, что возникла проблема переброски вод».

Н. Ф. Реймерс высказывает нетактичное мнение непосредственно о проектировщиках. Он пишет: «Вседозволенность и отсутствие критического отношения, вероятно, прежде всего были связаны с нехваткой (у проектировщиков — Б. А. и Т. Ш.) общей культуры». Народу и общественности «...гипотезу (всего лишь гипотезу) о целесообразности переброски вод долгие годы силой административной власти пытались выдать за абсолютную, непоколебимую истину. Вот где аналогия с лысенковщиной».

Н. Ф. Реймерс считает, что переброски — крайне опасное явление, высказывает необходимость «клеяния тавром позора тех, кто должен, обязан был знать последствия и мог это сделать, но не захотел и тем нанес стране миллиардные ущербы. Изволь отвечать!». «И еще раз: за ошибки должен нести ответственность виновный». И заключает: «Переброска вод делается непреодолимой эколого-политической проблемой», и намекает, что она, нарушив международный экологический принцип, может привести к непредсказуемым результатам.

Странно, что доктор биологических наук Н. Ф. Реймерс требует расправы за несуществующие «миллиардные ущербы». Ради исполнения амбициозных желаний он готов погубить все — не только идею переброски вод, но и невинных людей, занимающихся благородным делом.

Мы привели основные мотивы Н. Ф. Реймерса против переброски части сибирских рек в Среднюю Азию. В них нет ни одного конкретного научного факта, который действительно являлся бы аргументом защищаемой автором идеи. При защите своих точек зрения автору изменяет чувство меры. Например: почему переброс противоречит «закону динамического равновесия экосистемы» и почему подача воды к безводным пустыням ухудшит экологию Средней Азии. И еще: почему освоение новых земель в Средней Азии приведет к отставанию там народного хозяйства... почему автор так встревожен возможным дальнейшим ростом населения Средней Азии?

Мы не можем принять альтернативные пути, предложенные Н. Ф. Реймерсом взамен переброски воды сибирских рек в Среднюю Азию. Он пишет: «Не будь у нас в свое время уничтожена генетика, не загублена вместе с нею передовая селекция, рос бы давно хлопок на богаре. Плескалось бы полупресное от природы Аральское море-озеро, тянули бы рыбаки из него сети, полные рыбы...» И далее: если генетикам были бы «отпущены даже не сотни миллионов рублей, как проектантам-перебросчикам, а значительно более скромные суммы, за полтора десятка лет мы наверняка уже имели бы хлопковые деревья и кустарники, растущие хоть на барханах Каракумов...»

Предположения Н. Ф. Реймерса даже трудно назвать чистой фантазией. Разве это не чудо — выращивать хлопковые деревья (многолетнее растение) на барханах Каракумов в богарных условиях?

Вопрос: нужен или не нужен переброс, по мнению Н. Ф. Реймерса, можно решать только в процессе споров между сторонниками и противниками переброса: «Споры лишь помогают общему делу — поиску истины»; «Истина рождается порой в тяжелейших, мучительных спорах».

Как можно согласиться с этим в данном случае, если спор, например, С. П. Залыгина и Н. Ф. Реймерса не основан на объективных научных данных, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу.

Не будем механически повторять изречение древних: «В споре рождается истина». Однажды академик А. А. Ухтомский высказал такую мысль: «Научная истина рождается не в споре, а в процессе долгого целеустремленного труда, т. е. истина основывается на достоверно научно проверенных фактах и аргументах».

Итак, существуют ли объективные информационные данные для выяснения истины о возможности и необходимости переброса? Да, они есть.

Существует проект взятия в первую очередь 27,2 кубических километра воды в год, а в дальнейшем — до 50-60 кубокилометров из реки Обь при впадении в нее Иртыша ниже Ханты-Мансийска у с. Белогорье.¹

Обоснованно ли утверждение С. П. Залыгина и Н. Ф. Реймерса, что указанный отъем воды приведет к деградации экосистемы Сибири и арктического бассейна с ухудшением народнохозяйственного использования богатств этих зон? Не может быть и речи о каких-либо изменениях экосистемы на всем протяжении Иртыша и в зонах верхнего и среднего течения Оби. Возможны лишь изменения в районе ограниченной территории суши, прилегающей к нижнему течению Оби.

¹ Проблема территориального перераспределения водных ресурсов. М. АН СССР, 1985 г.

Река Обь впадает в Карское море, являющееся частью арктического бассейна — Северного Ледовитого океана (СЛО). Отъем из этой реки 50—60 кубических километров воды никак не повлияет на баланс оттока и притока воды в СЛО. Дело в том, что чаша СЛО всегда переполнена — сколько из него вытекает за счет активного дрейфа ледяных полей и поверхностных вод, столько вливается в него за счет компенсаторного притока из Атлантического и Тихого океанов, и только частично отток восполняется материковым стоком и осадками.

Кроме того, переброс вряд ли окажет влияние на физико-химические свойства воды СЛО. Расчет показывает, что суточный объем перебрасываемой воды в Среднюю Азию (при 50 кубокилометров в год) относится к общему объему воды в СЛО, как одна капля к 6,7 тонны, а за час — одна капля к 1,6 тысячи тонны. При этом надо учесть, что все время происходит циркуляция воды в СЛО (отток и приток), и степень разведения может быть еще меньше.

По прогнозам проектировщиков, переброс даже 100 кубокилометров в год не приведет к глобальным климатическим изменениям на территории всего арктического бассейна.

А, может быть, переброс окажет отрицательное влияние на хозяйственное использование нижнего течения Оби и ее поймы? В первую очередь приходится думать о судоходстве. В нижней Оби глубина реки достигает 30 метров, а в ее дельте — 40 метров. Но в среднем в открытый период реки глубина нижнего течения Оби равняется 5—8,5 метра. По расчетам проектировщиков, при отнятии 25 кубических километров воды понижение уровня нижней Оби в теплую часть года составит около 60—130 сантиметров, так что остающаяся глубина будет вполне достаточной для речного судоходства. Кроме того, важно то обстоятельство, что период судоходства в нижней Оби (начало июня — середина октября) совпадает с периодом летнего половодья (75 процентов стока Оби у Салехарда приходится на июнь—октябрь).

Можно предположить также ущерб рыбоводству. Такое опасение не имеет под собой почвы.

Во-первых, отнятие части стока нижней Оби не прерывает связи ее с естественными притоками, протоками и рукавами. Во-вторых, остается достаточная площадь поймы для кормежки рыб.

Важен вопрос влияния переброски на земледельческую деятельность людей, живущих на территориях, прилегающих к нижнему течению Оби.

Земледелие на этой территории слабо развито из-за почвенно-климатических условий: продолжительность вегетационного периода на северной части ее — 44 суток, на юге — до 125 суток; преобладают торфяно-болотные почвы, на севере — арктическая пустыня. О незначительности земледельческих работ в этом регионе свидетельствует и малая населенность территории.

Земледелие обходится без искусственного орошения: почвы избыточно увлажнены, очень низкая испаряемость и достаточное количество осадков (405—577 миллиметров в год в Ханты-Мансийском автономном округе), которые приходится в большей степени на вегетационный период.

Отнятие части стока нижней Оби не только не ухудшит условия земледелия на прилегающей территории, но в какой-то мере улучшит их в результате уменьшения подпоров в местах слияния Оби с ее притоками. Подпоры являются особенностью гидрологического режима в бассейне этой реки. В средней и нижней Оби, а также в нижнем Прииртышье подпоры распространяются на 200—300 километров от устья, а в отдельные годы — 300—400, а подпорные подъемы, равные в среднем 4,5—5,5 метра, в отдельные годы доходят до 7—8 метров. В период наибольшего развития подпоров в месте слияния Оби и Иртыша может накопиться до 3 кубических километров воды.

Отъем воды, приведя к уменьшению масштабов подпорных явлений и их продолжительности на нижней Оби, будет способствовать улучшению условий дренирования, что может повлиять на повышение плодородия почвы.

Таким образом, научные данные свидетельствуют о том, что переброс части стока нижней Оби в Среднюю Азию и Казахстан никак не может вызвать катастрофу экосистемы Сибири и арктического бассейна.

Правильно ли утверждение Н. Ф. Реймерса и С. П. Залыгина о том, что в Средней Азии и на юге Казахстана водные ресурсы в излишке?

Площадь Казахской, Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР равна 3,8 миллиона квадратных километров, пустыни и полупустыни занимают 67,5 процента всей территории. Особенности климата этих зон в Средней Азии таковы, что летом осадков мало, количество солнечных дней превышает 180 в год, температура воздуха местами доходит до 50 градусов, а температура почвы — до 80—90 градусов. Испаряемость

здесь от 7—8 до 30 раз превышает годовую сумму осадков¹. Если расчет вести от количества осадков в год 200 миллиметров, а испаряемость — не в 30 раз, а только в 10—15 раз превышающую эту величину, то количество испаряемой влаги с поверхности пустынных и полупустынных земель составит около 2000—3000 миллиметров в год.

Специалисты пришли к выводам о большой нуждаемости территории Средней Азии и Казахстана в увлажнении. Чтобы возникли хорошие условия для земледелия, количество поступающей влаги должно быть больше уходящей с испарением.

Если же некоторую часть дефицита влаги компенсировать за счет воды рек, то и тогда, как показывают расчеты, дефицит останется большим. По различным геолого-географическим обстоятельствам, вряд ли практически возможно орошение всей свободной территории Средней Азии и юга Казахстана. Мелиораторы в настоящее время указывают на 500 тысяч квадратных километров свободной земли, пригодной для орошения. На это потребовалось бы 500 кубокилометров дополнительной воды извне, так как все водные ресурсы Средней Азии и юга Казахстана израсходованы на орошение, о чем свидетельствует прекращение поступления речного стока Амударьи и Сырдарьи в Арал.

Н. Ф. Реймерс и С. П. Залыгин утверждают, что в настоящее время в Средней Азии имеется излишек 49 кубических километров воды, которая зря теряется, заболочивая миллионы гектаров ценнейших земель. Однако это не соответствует действительности. Некоторое количество воды, которая попадает в пески и бессточные понижения (Сарыкамыш, Арнасай и другие), — это сбрасываемые коллекторно-дренажные воды, стекающие с полей после полива и промывки. Ставится вопрос: собрать часть этой воды (6 кубокилометров) и перебросить ее в Арал (она не пригодна для повторного использования в хозяйстве).

Можно только удивляться: где противники переброса видят излишек воды в Средней Азии? И почему они внушают себе и всем, что поступление воды извне приведет к катастрофе? Ведь все наоборот: экологическая катастрофа давно существует в Средней Азии и на юге Казахстана от недостатка воды. Об этом свидетельствуют: наличие обширной территории пустынь и полупустынь (2562,1 тысячи квадратных километров, около 14,2 процента пустой не заселено людьми, а около 48,3 процента мало заселено; возникновение сыпучих барханных песков на большой территории Кызылкумов и Каракумов — около 350 тысяч квадратных километров; гибель древних земледельческих цивилизаций (Хорезм, Согдиана, Бактрия) и современное несчастье с Аралом.

О степени водного голода в Средней Азии и на юге Казахстана можно судить и на основании таких расчетных данных. Нормой полива при орошении является 10000 кубометров на 1 га. Для орошения 2212,1 тысячи квадратных километров пустынных и полупустынных земель, исключая площадь в 350 тысяч квадратных километров барханных песков, требует 2212,1 кубокилометра воды. Если возместить часть этой потребности водными ресурсами местных рек — 120 кубических километров (главным образом стоками Амударьи и Сырдарьи), то дефицит составит 2092,1 кубических километров. При этом надо учесть, что в условиях Средней Азии и Казахстана все земли, не считая пустыни и полупустыни, из-за большой испаряемости нуждаются в поливе. Поэтому указанное выше количество расчетной потребности воды для всей территории не является преувеличением. В то же время по разным причинам нереально говорить об освоении всех земель для орошаемого земледелия.

Возникает вопрос, почему, вопреки фактам, Н. Ф. Реймерс отстаивает свою точку зрения о том, что нет излишка воды на Севере и недостатка в Средней Азии? По его мнению, недопустимы какие бы то ни было изменения в изначально predetermined соотношениях, а изменения экосистемы надо рассматривать всегда как отрицательное явление.

Такое понимание мы считаем большим заблуждением ученого. Экосистема при любых изменениях рано или поздно приходит в новое динамическое равновесие. Другое дело, как оценить эти изменения с точки зрения полезности для людей.

Человек всегда старался приспособиться к данной экосистеме или ее изменить, чтобы ему лучше жилось. Разве мало примеров изменения экосистемы человеком? Разве всякие изменения микроклимата это не изменения экосистемы в малом масштабе? Разве вся земледельческая деятельность человека, в том числе освоение новых земель, не воздействует на экосистему?

Освоение новых территорий не может быть помехой интенсивному развитию народного хозяйства — вряд ли какое-либо государство откажется от освоения новой земли, если она там есть. Голландия, Япония даже прибрежные зоны океанов постепенно превращают в сушу. А у нас запрещают использование имеющихся плодородных земель. Разве это умно?

Ставить вопрос в настоящее время об увлажнении всей территории Средней Азии

¹ Географический энциклопедический словарь. М., 1988.

и юга Казахстана и превращении ее в используемую землю, конечно, — фантазия. Но в то же время есть острейшая потребность общества, т. е. страны, в освоении части этой территории. В пользу такой идеи специалисты приводят следующие доводы: 1) Население Средней Азии в ближайшее время превысит 50 миллионов человек. Это потребует увеличения сельскохозяйственной продукции и трудоустройства людей; 2) Другие районы страны также нуждаются в увеличении поступления продукции из Средней Азии (зерно, овощи, бахчевые культуры, цитрусовые наряду с хлопком); 3) Высокая продуктивность земли Средней Азии из-за большой протяженности вегетационного периода (190—220 дней) и обилия тепла; 4) Многовековой земледельческий опыт народов Средней Азии, не склонных к миграциям.

Специалисты из Института водных проблем Академии наук СССР приходят к выводу о необходимости подачи дополнительной воды в этот регион.

По расчетам проектировщиков, переброс воды первой очереди в объеме 27,2 кубического километра даст возможность оросить около 4,5 миллиона гектаров новых земель, продукция которых будет равна продукции целинных земель Казахстана в урожайные годы (17,1 миллиона тонн зерна, 4,5 миллиона тонн овощей и бахчевых культур).

По оценке Госстроя и Госплана СССР, создание канала Обь — Арал с его обустройством будет стоить около 14 миллиардов рублей. Н. Ф. Реймерс и С. П. Залыгин почему-то увеличивают этот расход до 100 миллиардов рублей.

Осуществление переброса части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан зависит не только от потребностей в территориальном перераспределении водных ресурсов, но и от финансовых возможностей. Если они не позволят выполнить проект в ближайшее время, то его реализацию можно отложить на лучшие времена.

Однако нельзя использовать такую трудность как повод для отрицания проекта и в будущем.

Расходы на создание канала Обь — Арал окупятся быстро, так как канал даст возможность дополнительно орошать 4,5 миллиона гектаров земли. Есть над чем подумать!

А может, есть альтернативы в удовлетворении водообеспечения Средней Азии взамен переброса части стока сибирских рек?

Н. Ф. Реймерс предлагает создать с помощью генной инженерии и селекции хлопковые деревья и кустарники, которые плодоносили бы в условиях богарного земледелия в Средней Азии. Но это, как мы уже говорили, чистая фантазия. Второй путь — уменьшение посевов хлопка и риса, замена их культурой сои и других бобовых. Это реальное предложение, выдвигаемое и другими учеными, но не радикальное, так как в условиях Средней Азии для выращивания любой культуры необходимо орошение.

Изменение формы хозяйства в Средней Азии и на юге Казахстана, может, даст какие-то паллиативы, но это все равно не решит проблему (нужда в водообеспечении здесь останется), как и не ликвидирует экологическую катастрофу, в частности, связанную с проблемой Арала.

А еще рекомендуют максимально экономное использование воды, переход на капельное и подпочвенное орошение. Расчеты показывают, что если в Средней Азии и на юге Казахстана перейти на такой способ орошения, то будет сэкономлено 25—30 кубических километров воды, а это потребует расхода 60—84 миллиарда рублей.

Но даже этим не будет восстановлено прежнее состояние Арала. Если же сэкономленную воду не пустить в Арал, а использовать для орошения земель, то ее хватило бы только на одну двадцатую часть пригодной земли.

Таким образом, выходит, что нет полноценной альтернативы взамен переброса части стока сибирских рек в Среднюю Азию.

Приходится только сожалеть, что в обсуждении этой важной государственной проблемы берет верх амбициозно-демагогический подход вместо объективно-научного. К тому же в спор вступают люди, не специализирующиеся в данной отрасли. Кто оказывается во власти эмоций, которые не всегда становятся аргументами.

Очевидно, противников территориального перераспределения водных ресурсов очень страшит такое насилие над природой.

Много лет назад одному из нас встретились в газетной публикации потрясающие строки: «Природа, может быть, сурова, но это, чтобы человек был мужественным. Она скрытна, чтобы он не переставал быть любознательным. Она необъятна, чтобы он не был ограниченным. Она чем-то и несовершенна, чтобы не угасал в нем гений творчества и преобразования. Природа даже дала человеку власть над собой, чтобы он не был ничьим рабом».

...Мы верим, что канал Обь — Арал станет тем чудом, которое люди сотворят своими руками.

ДВА ВЗГЛЯДА

Мухаммад Солих. Прозрачный дом. Ташкент, издательство «Еш гвардия», 1989 г. (на русском языке)

Мухаммад Солих — один из признанных лидеров узбекской поэзии «новой волны», вокруг его творчества ведутся оживленные дискуссии. Мы тоже решили предоставить нашим авторам возможность высказать различные точки зрения на поэзию М. Солиха. Новый сборник его стихотворений рецензируют молодой авангардист Андрей Кудряшов и рабочий поэт Евгений Субботин.

* * *

Купол зимнего неба стремительно падает и растворяет все краски, детали, черты лиц, превращая мир в склад обмороженных контуров, но жизнь еще теплится в нем, как форма изменения мысли. Все уничтожено катастрофой, остался набор невесомых «энергетических матриц». Холодные звезды, снежинки, летящие в пустоту...

Макрокосм Мухаммада Солиха в поэтическом сборнике «Прозрачный дом», на первый взгляд, поразительно беспредметен.

И женщины — нет: не живется так
В прозрачном доме. Не тот бал!
Под взглядами звезд, как брат бродяг,
Ты спишь одетый и без одеял.

Почему?.. «Прозрачный дом» по Солиху — это свобода, то есть одиночество. Как большинство художников конца нашего века, он принимает всеобщее отчуждение уже как привычную данность, живет и творит в нем. Его путь в философии и поэзии — суфийский поиск Абсолюта, смысл которого в самом поиске. Движение по такому пути обречено на бесконечность, но только эта бесконечная обреченность дает чувство духовного освобождения. В отличие от «нирваны», свобода Солиха неотделима от боли и обретается через боль.

Каждый стих мой теперь как холодная ночь.
Строки оголены, как осенние ветви.

Лаконизм отменяет любую риторику, все словесные украшения, но лаконизм у Солиха — не синоним афористичности, скорей — пустоты... Вдруг начинает казаться, что за упрямой скупостью средств прячется некий намек. На самом же деле «двойное дно» именно в однозначности авторских высказываний. Если искать подтекст, можно разочароваться: мол, уличил автора в ординарности мышления. Стоп. Ты уже обведен вокруг пальца. Не это важно. Стереотипы обыденного сознания звенят, как мелочь в кармане. Звон завораживает неискушенный слух, но сам Солих не в их власти. Его ирония, порой упрощенная до анекдотичности, по сути своей, всегда стремится к убийственному сарказму.

Когда твой дух разбит, и нет во мгле дороги,
Ты не следи за мной исподтишка.
Я не вступал с Платоном в диалоги,
Дух создавала не моя рука.

Солих непринужденно сочетает метафизический юмор авангардной «классики» с грустными шутками «соц-арта», причем «гений — прототип дурака», как в жизни, но важно, что улыбка самого Солиха, «прибитая по углам гвоздями», органично работает на лирическое настроение книги, чрезвычайно цельное и в философских этюдах и в псевдо-публицистических зарисовках. Солих неделим, как инструмент отражения современной ноосферы, культуры, в нем нет презрения к миру, но нет и натужного гуманизма, есть простое, естественное сочувствие боли, скрытое за маской иронии.

Не свирепей, — не я вожу за нос прогнозы.
Упал тяжелый снег, но не с моих же плеч!
Поверишь ли, не я дышу морозом.
Я грязь не создавал, как собственную желчь!

Это правда.

Голое поле в клочьях паутины под пасмурным небом, кремнистые склоны, сухая воронка Арала и металлический треск газетных столбцов. Реальность, пройдя ряд химических превращений в колбе культуры, претворяется в непрерывный монолог лирического героя.

«Какого дьявола сгорбился опять,
В руках — ничего, на плечах — ничего,
Что ты еще на себя нагузил,
О человек!?!..»

и далее:

Увидев, что вы изменились в лице,
Он смутится, он извинится:
«Простите, я уж в другой раз,
Вот у вас будет время...»

И тут же выйдет из дома.
Из своего.

Переходя от образа к символу, Солих предупреждает:

Почему «воля» и «птица» соотносятся в языке?
«Я вольная птица!» — почему?
Образ обыденный, оскорбляющий птицу,
Оскорбит лишь себя.
Говорят, птицы пугливы.
Нет!
Если уж они пугаются, то
Это лишь знак: уходи, убегай, улетай
И от этой сети, и от этих ловцов!

В молчании и скромности «второстепенного героя» уже скрыта та самая внутренняя свобода, и в философском этюде «Странный» автор обнажает ее:

«Ясно, вы не нуждаетесь ни в «спасибо», ни в ..., но его выдержка бесит. Вы, немея, увидите лишь невозмутимость, и взгляд ваш вспыхнет. А он, увидев, что вы смяты, так спросит:
— Чего вы хотите от меня?
— Спасибо! — вскрикнете вы, уже не владея собой.

— Не за что, — ответит он и, повернувшись спиной, станет лить воду в цветы или возьмет десять рублей со стола и уйдет».

В стихии родного языка Солих чувствует себя, как рыба в воде, поэтому стихия русского перевода должна быть так же вольна. Имена переводчиков говорят сами за себя — Виктор Соснора и Алексей Парщиков. Сделав структуру и смысл стихотворений доступными русскоязычным читателям, они сохранили не только особенный колорит, но и чисто тюркское звучание — например, «брат бродяг», «драма кармы», «капля в такт» — в русле узбекской стихии.

Можно сказать с уверенностью, что творчество Мухаммада Солиха оказывает влияние на литературный процесс в целом. Впрочем, как пишет сам Солих — «пророчества верните тчк ближайшей почтой».

О чем книга «Прозрачный дом?» Об одиночестве и обретенной свободе современного человека. О жизни. Судьбе.

Свобода — это прозрачный дом,
Самый стеклянный авторский театр.
Сидится ли, ходится в доме том,
А видится мир, а мир видит — тебя.

И это так.

А. КУДРЯШОВ.

* * *

Новая книжка стихов М. Солиха на русском языке, как и ее предшественница — «Луна в колдце», характеризует яркой эмоциональностью и своеобразием стиля. Стихотворения в большинстве своем отличаются непредсказуемостью завершенной, отсюда — их острота. Все это позволяет читателю встретиться со всегда ожидаемым неожиданным, которое мы называем поэзией.

Главный лирический герой книги — человек высокой цели, постоянно мобилизованный на ее

достижение, ради чего готов отказать себе во многом. Поэтому так настойчив в книге мотив преодоления. Огромного напряжения сил требуют этот культ цели:

Ты спросил у сердца? Есть путь короче...
Я в выборе образа жизни прав,
совлекая видимые оболочки, —
с деревьев — деревья и травы — с трав.

Как программа жизни человека, посвятившего себя искусству, «требующему жертв», воспринимается следующее стихотворение:

Я положу себя на эту музыку, на эту старинную,
Я положу на эту плаху голову, на эту старинную.
Я взойду на высокий эшафот, на высоченный, воспарю
к поднебесью.
Небо играет саблями, блещет.
Я поднимусь на самую высокую точку. Только бы не
остановиться.
Мне не страшна эта плаха.
Мне страшно упасть с такой высоты.

Сдать свои жизненные позиции — вот что страшнее смерти. А задача выбрана нелегкая:

...Моя задача:
пролететь,
словно кадр документальный,
перед зрительным залом гор.
Чтоб природа, глядя в меня, всегда знала
свое величие —
моя задача.

В звучании истинно поэтического слова всегда открывается читателю определенное «жизненное пространство» идеи. При особых удачах это пространство — бездна, в которой каждый читатель видит нечто «свое».

Думаю, что многих затронет маленькое стихотворение «Муравей»:

Молния блещет,
Гром гремит,
Ливень — ливня, а муравей
Попался врасплох, сидит на травинке, дрожит.
Дрожащий,
Он
Вскидывает маленький кулачок,
Грозит необъятному темному небу.
Как
Людвиг ван Бетховен!

Муравей здесь лишь символ, речь — о человеке. В малом муравье-человеке — нечто бесконечно великое — дух его, роднящий его со вселенной.

Если для лирического героя книги тема выбора образа жизни для своего «я» решена более-менее определенно («Я поднимусь на самую высокую точку...»), то тема «Я и мир», как оно исполон и ведется на нашей планете, удовлетворяющего, успокоительного решения не находит, и ее извечная неразрешенность остается постоянным источником беспокойства, тревоги, неудовлетворенности:

Не хочу смерти,
Говоря откровенно.
Откровенно говоря,
ненавижу войну.
Крикнул я:
— Ненавижу!
Чуткий бог

коснулся меня скипетром своим:
— Чего орешь и кто ты такой?

Вот я и спрашиваю:
— Кто я такой?

В стихотворениях, развивающих эти мотивы, таких, как «Если бы...», «Танцуют с музыкой», «Суфий», «Сердце», слышатся прежде всего жесткие требования, предъявляемые к себе.

Думаю, внимательный читатель особо отметит цикл стихотворений «Отрывки из жизни второстепенного героя», стихи «Песня», «Чем больше живу...», «Дурной сон», «Без метафор», «Опасный сон», «На моей земле», «Задание на дом», «Внаем», «Прощание», «Не свирелей», «Встреча» и другие, глубокие по чувству и мысли.

Некоторые стихотворения, их, правда, немного, перенасыщены туманом загадочности. Конечно, мне удалось увидеть в них или не совсем то, что хотел показать автор, или совсем не то. Но коль у этих стихотворений есть право быть непонятными для непосвященных, то у последних есть право не принять их.

Некоторые строки таких стихотворений могут нам нравиться или не нравиться, как, скажем, нам могут нравиться или не нравиться шляпа и ботинки невидимки. Эти стихи рассчитаны на особого читателя, и, наверное, таковой в природе существует. Вот одно из наиболее впечатляющих — из этого ряда — «Теперь»:

Тела нет,
Это линии извиваются,
Вот и взгляд безглазый,
Шепот безязыкий
Кружатся вокруг.

Есть близь и даль
Без расстояний,
Далекое да около —
Придут и пройдут они.

Нет тела.
Но есть странное,
Как пустой дом, движение...
Как кожа самого мудрого змея.

Не пора ли
Переселиться туда.

Я могу только смутно догадываться, о чем оно, при этом по крайней мере двояко истолковывать его. Однако в нем что-то «дышит», оно вызывает какое-то предощущение тревоги, создает впечатление движения вокруг нас некоей среды, живущей своей особой жизнью. Но — из того же ряда — такие стихотворения, как «День», «Рулетка», «15 лунных ночей», по крайней мере на русском языке, не прозвучали.

Хотелось бы отметить присущую автору острому наблюдательность к тонким психологическим аспектам бытия и умение точно отразить их в слове.

В целом же книга самобытная, свежая, яркая, и для любителей поэзии несомненно интересна.

Е. СУБОТИН.

СИСТЕМА ЗАПРЕТНЫХ ТАИН

Эдуард Маципуло. Розы в обители слепых. Приключенческая повесть. Ташкент, издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия», 1989 г.

Очередная книга ташкентского прозаика Эдуарда Маципуло повествует о событиях двадцатых годов нашего века, происходивших в Восточной Фергане.

Главный герой повести Артык Надырматов, по прозвищу Двуносый, сотрудник угрозыска, похищен из города людьми Юнуса-палвана и привезен в Великую Курхану для розыска походного сейфа («ящика»), в котором — запретная тайна палвантупа, олицетворяющего доблесть народа. Взамен участия в поисках ему обещана жизнь, даже несмотря на то, что «большие люди курханской контры поклялись снять с Двуносого кожу, а голову насадить на высокий кол», ибо он «многовато испортил им нервишек и крови». В то же время Артык Надырматов понимает, что именно пропажа «ящика» является основной причиной задержки нападения басмачей на Катта-Рабат.

На примере обитателей Великой Курханы автор попытался воссоздать социальную мозаику противоборствующих сил во всем Туркестане в годы гражданской войны. С одной стороны, они — лютые враги «безбожников Катта-Рабата», представителем которых является Артык Надырматов, а с другой — их раздрает междоусобная вражда.

Слепые дервиши во главе с шейхом Сайфуддином, объединенные братством «истинно зрящих», в порыве религиозного фанатизма нападают на «толстых».

Бай Хусан ненавидит Юнуса-палвана за то, что тот избран полководцем. Сам бай стремится стать не только полководцем, но и ханом Великой Курханы. Ради этой цели он отдает на растерзание толпе имама Рахматуллу — владельца запретной тайны козытупа, принадлежащей книжникам, хранителям мудрости и закона; добывается, чтобы Артык Надырматов публично солгал, назвав имама вором, похитившим ящик; а шейху Сайфуддину отдает в жены свою дочь, тем самым утверждая союз богатства и слепоты.

Полная противоположность Салиму Уткурмахдум — Единый Дед Великой Курханы — предводитель старейшин самых славных курханских тупов, который «дожил до глубокой старости только потому, что умел быть полезным всем».

Раскрывая запретные тайны средневековья, Эдуард Маципуло вскрывает в своем произведении так называемое «второе дно», переключая истории с современностью уже говорит о незаурядности писательского дара автора. Книга особенно актуальна сейчас, когда все чаще напоминает о себе так называемая программа «М», которая разработана еще в 1986 году спецслужбами Пакистана и Саудовской Аравии и предусматривает использование ислама для проведения широкомасштабных долговременных акций в советских республиках Средней Азии.

Вскрытие «второго дна» убедительно достига-

ется тремя диалогами. Первый диалог — с Единым Дедом Великой Курханы, который пытается доказать Артыку Надырматову, что: «в истинном мире слепота — не самая большая беда. Куда больше беда — раннее зрение. Раннее и острее...» Что у мира, который создает таких, как Артык, нет будущего, так как «люди будут искать совсем другую мудрость, ту, которая спасет их от самих себя.»

На резонный вопрос: «А что тогда настоящая мудрость?» — Единый Дед отвечает: «Настоящий мудрец чувствует, а не думает».

Второй диалог: Артыка со своим наставником по братству «истинно зрящих» Каримджаном-муллою, который, рискуя жизнью, открывает ему систему запретных тайн:

«...Народ магов разделился на семьдесят частей, народ иудеев — на семьдесят одну часть, христианский народ — на семьдесят две, мусульманский — на семьдесят три... Пророк Мухаммад предсказал, что его община разделится на семьдесят три части, одна из которых спасется, остальные погибнут. Его спросили: а кто спасется? Он ответил: люди сунны и согласия. Его спросили: а что есть сунна и согласие? Он сказал: то, чего придерживаюсь я и мои сподвижники...»

И третий диалог, точнее — монолог, обращенный к молчащему Юнусу-палвану:

«— Курхан (основатель Великой Курханы) хотел спасти весь народ. А пророк Мухаммад сказал, что спасется только одна часть народа, которая живет по его закону. Пророк сказал одно. Курхан сделал другое. Курхан пошел против завета пророка, чтобы спасти свой народ. От какой беды хотел спасти? От той, которая уничтожает все части народа и оставляет только одну. От ислама... Курхан Великий, принесший ислам, хотел спасти свой народ от ислама... Для этого он и придумал запретные тайны».

Более ста лет тому назад великий русский литературный критик Д. И. Писарев писал: «В каждой литературе, достигшей известной степени зрелости, появляются такие произведения, которые соглашают общечеловеческий интерес с народным и современным и возводят на ступень художественных созданий типы, взятые из среды того общества, к которому принадлежит писатель».

Думается, что, несмотря на отдельные просчеты автора и сюжетные неувязки, о чем речь пойдет несколько позже, повесть Эдуарда Маципуло можно отнести именно к таким произведениям.

Сейчас, когда в стране происходят бурные перестроечные процессы во всех сферах жизни, читателю небезынтересно знать корни и истоки тех тенденций, которые наметились в вопросах понимания мироустройства различными слоями общества.

Мировоззрение бая Хусана — любой ценой сделать весь курханский народ своей собственностью. Ради этого: «все им (слепцам) отдай — жрите, владейте... Дочь отдай. Жену, если понадобится, отдай. И другую жену отдай. И спокойно смотри, как чужие старейшины распоряжаются. Но когда я стану ханом...»

Люли-палван считает, что «нужно мстить. Пусть умрем, но отомстим... Слепцам, баю, казию... всем...»

«Тогда мы все умрем, — возражает ему Раимбобо. — Даже если всех нас ослепят, мы сохраним палвантуп и веру! Ведь сказано: последнее отдай, а покой получи. В покое мы и без глаз сможем вырастить зрячих батыров, которые отомстят за нас...»

В итоге палвантуп поступает так, как повелевает Единый Дед: «народ, чтобы спастись, может переменить название, культуру, язык, даже веру. В старые времена так поступали многие племена. А потом, сделав чужое и лучшее своим, они брали верх над тем народом, который приютил их или завоевал...» Единый Дед, чтобы «подняться над судьбой», разрешает палвантупу уйти в город. Как говорит автор: «...не переменить веру они хотели, а использовать древний курханский принцип скрытой веры, когда можно выполнять чужие обычаи и законы, оставаясь втайне мусульманами. Но ведь Артык Надырматов вел палвантуп в мир, который «может искать истину». А как ее найти, если она у каждого своя?»

Теперь уже вполне очевидно, что сталинская несвобода, брежневская ложь во имя «светлых идеалов» вкупе с оголтелым атеизмом привели наше общество к бездуховности и самоотчужденности. Естественно, в ходе перестройки ключевыми становятся и вопросы самосохранения каждой нации и каждого народа, восстановление своих национальных традиций. Именно через это в первую очередь должен воплощаться в жизнь главный лозунг перестройки: человек не средство, а цель.

Скажу несколько слов о просчетах автора. Главный герой повести Артык Надырматов сделан европеизированным персонажем, что совершенно не оправдано. Когда читаешь его внутренние монологи, невольно приходит мысль, что это сам Эдуард Маципуло описывает свои чувства: «Мне нравится заторможенная жизнь, рассчитанная на вечность и скудность событий. Мне нравятся эти люди с их средневековыми заботами, меня восхищает горделивость и ханжество в их глазах. Я, наверное, постиг самую глубь красоты курханской Азии, и мне больно и стыдно оттого, что ничего этого я не знал». И уж совершенно нелепым кажется такое, например, размышление главного героя: «В другие бы его (Юнуса) условия, другое бы ему воспитание, и, может, стал бы он впрямь великим палваном». Примерно так сейчас некоторые журналисты рассуждают о дельцах теневой экономики.

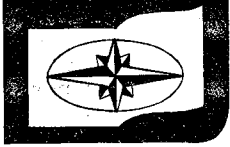
Проигрывает повесть и от гротескного стиля изложения, который эклектически перемешан с повествовательным. Образы некоторых героев выписаны противоречиво. Например, сам Артык Надырматов в начале повести изображен, с одной стороны, как рубаха-парень, которому «припомнили и другие ошибки и промахи, особенно несдержанность и легковёрность...», а с другой, — «о Двуносом узнал каждый пес в ферганских подворотнях».

Примерно то же самое получилось и с Юнусом-палваном. То он именуется «тупицей непрощаемым», то принимает мудрые решения, чтобы «подняться выше воли Аллаха».

В повести нередко встречается языковые небрежности и смысловые неточности типа: «выступить в набег», «нужно говорить через другие уши», «он сказал своим ответом» и т.п.

Все эти просчеты должны были быть устранены в ходе редакторской работы. Думается, что автору необходимо еще раз вернуться к своей повести и, как говорится, довести ее до ума — игра стоит свеч, ибо задумка произведения незаурядна и актуальна.

В. СУМИН.

Александр Кудинов

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН

Японцы называют свою страну «Нихон». Образованное из двух иероглифов «ни» (солнце) и «хон» (корень), это слово в буквальном переводе означает «Корень Солнца». В поэтическом же переводе оно звучит как «Страна восходящего солнца».

Но не всегда Япония носила это имя. Было время, когда она называлась Страной спелых колосьев риса. И в этом древнем названии ключ к пониманию многих явлений, в том числе и самого интригующего за послевоенные годы — «японского чуда», «японского вызова». Ученые и бизнесмены, журналисты и правительственные чиновники на Западе и Востоке ломают головы над разгадкой захватывающего воображение феномена: как Япония, практически не имеющая собственных сырьевых ресурсов, смогла не только восстановить разрушенную войной экономику, но и стать второй (после США) экономической державой мира? В чем причина, что клеймо «Сделано в Японии», которое не так давно воспринималось как символ третьесортной продукции, ныне является синонимом высшего качества?

Темпы роста японской экономики вызывают зависть у конкурентов. Бурно развиваются черная и цветная металлургия, нефтепереработка, химия, судостроение и автомобилестроение, общее машиностроение, электроника. Монополистический капитал уверенно вышел на внешние рынки. Весной 1988 года по размеру валового национального продукта на душу населения (исчисляемого в долларах) Япония превзошла США и вышла на второе место в мире после Швейцарии. Ее производственная мощь достигла 15 процентов общемировой. Десятый год подряд страна удерживает лидерство в мировом автомобилестроении, производя более 15 миллионов легковых автомашин в год грузовиков и автобусов: 60 процентов из них идут на экспорт.

Недавно за рубежом была опубликована ежегодная статистическая сводка о соотношении финансовой мощи крупнейших банков мира. И тут японские финансисты добились триумфа. По итогам банковской деятельности за 1988 год из двенадцати банков, занявших высшие места в таблице, десять принадлежат «Нихон». В дюжину счастливых банков, как их окрестили на Западе, затесались лишь один-единственный французский «Креди агриколь» (на девятом месте) и один американский «Ситикорп», занимающий десятое место. Капиталовложения Японии за ее пределами выросли с 15,2 миллиарда долларов в 1986 году до 35,7 миллиарда в 1988 году. Половина этой суммы вложена в Соединенных Штатах, где японцы скупают буквально все, что падает под руку, — от заводов до небоскребов в Манхэттене. Согласно данным, опубликованным Международным валютным фондом, приблизились к высокой отметке и валютные резервы Японии, составив около 90 миллиардов долларов. На второе место отодвинулась ФРГ, а США оказались на пятом месте.

Эти и многие другие факты еще больше усилили интерес к разным сторонам японского образа жизни. В Токио откровенно заговорили о превосходстве своей экономики. В США и Западной Европе вновь пытаются «примерить кимоно», внедрить у себя «кружки качества», «пожизненный найм» и иные приемы японского менеджмента, хотя в прошлом из этого ничего путного не вышло. Число статей резко возросло. Однако в них, как правило, нет ответа на важный вопрос: как отразились все эти достижения на положении широких масс трудящихся? А без этого нельзя вскрыть главных пружин «экономического чуда». За неимением полноценной официальной информации по данному вопросу, желающие изучают его сами. Любопытный материал для них мо-

жет дать «Белая книга», изданная Генеральным советом профсоюзов Японии в прошлом году.

«Каждый из нас, — говорится в книге, — чувствует болезненную ненормальность нашей экономики. С одной стороны, о Японии говорят как о богатейшей стране мира и самом крупном мировом кредиторе. С другой, — мы изнываем от слишком долгих часов работы, живем в крохотных и в то же время безумно дорогих домах, крайне удаленных от места работы. Стоимость жизни у нас в стране исключительно велика. Когда мы вспоминаем о том, как работаем и живем, у нас — трудовых людей — даже мысли не возникает, что мы являемся гражданами «богатейшей страны мира».

Все страницы «Белой книги» — это опровержение мифов о материальном и духовном благоденствии людей труда и показ изнанки «чуда», жесточайшей эксплуатации рабочих и служащих, доведенной до небывалой изоционности. А ее истоки уходят в глубины веков, в Страну спелых колосьев риса.

Япония расположена на островах — Хоккайдо, Хонсю, Сикоку, Кюсю и многих мелких. Природа сурово обошлась с ними: там нет ни лесов с ценной древесиной, ни сочных пастбищ, располагающих к развитию скотоводства. 85 процентов из 377,2 тысячи квадратных километров общей территории — невысокие горы, поросшие деревьями и кустарником. Именно поэтому в далеком прошлом, когда другие народы в своем естественном развитии переходили от примитивной охоты к оседлому скотоводству, у древних японцев выбор был один — земледелие. Расселившись в горных долинах, они принялись культивировать рис, упорным трудом отвоевывая для этого каждый клочок земли.

Рис породил японское трудолюбие, о котором сложены легенды. Труд и скромность, скромность и труд — судьба Японии. Японцам чужда праздность. В дневные часы на улицах Токио, за исключением иностранцев, не встретишь людей, бродящих без дела даже по воскресным дням. Не привыкли островитяне работать спустя рукава. Организация и условия их труда полностью исключают перекуры, простои, отлучки с рабочего места. Добросовестность и прилежание прививаются людям с детских лет. Молодой рабочий или специалист, поступая на работу, проходит различные участки производства, и всюду за ним наблюдает предприниматель, выявляя его деловые качества, реальные знания, наклонности, черты характера. Как это делается? Через непосредственное общение. Например, претендент на работу идет в отдел образцов, скажем, фирмы «Хонда», для встречи с покупателем. За ним наблюдают, как он себя ведет и общается с людьми. Потом его направят в цех готовой продукции. Там исследуются другие его качества... Затем кандидат поработает портье, где установят, как быстро он может обслужить клиента, насколько точно и любезно даст ему необходимые объяснения. Еще одна ступень — магазин и роль продавца. Может быть, соискателю места удастся убедить покупателя в том, что «Хонда» гораздо лучше других фирм. За каждый «экзамен» начисляются очки. В конечном счете своеобразный консилиум — президентский совет — решит, на каком рабочем месте нанимаемый будет приносить больше пользы.

Япония — страна традиций. Самураи управляли ею триста лет. Они умели делать два дела: владеть саблей и искусством каллиграфии, упражняясь в этом всю жизнь. Обязательные тренировки в приобретении и совершенствовании необходимых навыков перенесены на все без исключения виды деятельности. И каждый шаг работающего оценивается очками: насколько успешно и быстро справился с заданием, как общался с коллегами, создавал наиболее благоприятную атмосферу в коллективе, не конфликтовал на, сделал ли рационализаторское предложение. Такая система обучения и опекуна напоминает клетку. Каждый взмах дрессировочного кнута загнанному в нее видится предупреждением об опасности, которая грозит, если он не ускорит свое движение, не станет еще более покорным и старательным. И он счастливо улыбается кнуту и благодарит его за то, что тот уберет его от безработицы.

Страх потерять работу заставляет японцев работать буквально на износ. Они работают значительно больше и интенсивнее, чем люди наемного труда в Соединенных Штатах Америки и Западной Европе. Достаточно сказать, что если в ФРГ и Франции среднегодовое рабочее время рабочих и служащих составляет соответственно 1655 и 1643 часов, то в Японии — 2150. Только 38 процентов японских компаний практикуют пятидневную рабочую неделю. В остальных суббота остается рабочим днем.

У каждого — карточка, вложенная в ЭВМ, и, если работника не оказалось на месте, красные магнитные линии безжалостно сигнализируют об этом. Зеленый цвет сигнала означает, что человек находится в своей «клетке». По карточкам же даются оценки работникам по нескольким показателям: настроение, усердие, фантазия, прилежность, дисциплинированность, уважение к начальству и т.п. И так каждый день. Каждый месяц очки суммируются. И если кто-то отстал, то следуют наказания: замечание, вычет из зарплаты, понижение в должности, перевод на низкооплачиваемую работу и т.д. Самое страшное — это увольнение, пополнение почти двухмиллионной армии безработных.

Японец традиционно считает свой труд «миссией», средством закаливания духа,

унаследованным от предков и хранящимся глубоко в психологии нации, основной жизненной ценностью человека от рождения до преклонного возраста. Капиталистическая фирма не прощает тем, кто уходит из нее по своей воле. Их не примет и другая фирма. На островах существует неписаное правило: кто ушел с работы, тот не может занимать тот же пост и в другом месте. Чаще всего отверженный губит все накопленные привилегии и очки, карьера его кончилась.

Сложился стереотип и японца-бизнесмена, не дающего отдыха ни себе, ни своим подчиненным, заставляющего всех работать на пределе человеческих возможностей. Жажда наживы и постоянная боязнь отстать от конкурентов, потерять доходы, разориться все время держат «на взводе» многих менеджеров фирм. Не случайны и прозвища, заслуженные ими за границу: «рабочая пчелка», «боец фирмы», «человек компании»...

Американский журнал «Тайм» признал, что на высокоавтоматизированном сборочном заводе японского концерна «Ниссан» 35 рабочих при помощи роботов производят за 8 часов 350 кузовов автомобилей «Дацун» — в семь (!) раз больше конкурирующих американских компаний. Японский рабочий в среднем теряет впустую только 1,95 процента своего рабочего времени, тогда как американец — 3,5 процента, француз — 8,3.

Большинство трудящихся Японии не использует своих отпусков полностью, уходит на работу раньше их окончания: начальство должно оценить служебное рвение. Отпуска берутся зачастую при заболевании, когда работать уже невмочь; на болеющих «работодатели» смотрят косо. Время экономится даже на еде. Установлено, например, что служащие японских компаний расходуют в среднем на завтрак 12 минут, на обед — 16 — гораздо меньше, чем их коллеги в США и в Европе.

Многие инженеры — программисты электронно-вычислительной техники и компьютеров работают по 18—19 часов в сутки, стараясь безостановочно выполнять руководящие указания. В итоге — пагубные последствия стрессов, которые ощущают не только работающие на «чудо», но и их жены, совмещающие домашние дела с заработками на стороне, дети-школьники, учеба которых становится все интенсивнее из-за всевозможных суровых курсов.

Согласно данным о психоневрологических отклонениях, полученным исследователями Токийского медицинского института, японский труженик с понедельника по пятницу спит не более 6 часов 46 минут в сутки. Это на 1 час 20 минут меньше, чем в пятидесятые годы. Если учесть к тому же нарастание интенсификации труда, требующее все большего напряжения физических и душевных сил, становится понятно, что за укороченный сон полностью восстановить работоспособность не удается.

Предприимчивые дельцы усмотрели в создавшейся ситуации благодатные возможности для развития еще одного бизнеса. Они создали салоны с «капсулами рекреации». В них размещены причудливой формы кресла, напоминающие те, в каких располагаются космонавты перед стартом. Прежде чем в него опуститься, клиент выбирает нужную кассету, нажимает клавишу. И погружается в особый мир, где не остается внешних шумов, кроме первоначальных звуков природы: пения птиц, журчания воды, цоканья копыт лошадей, бегущих где-то далеко-далеко. Постепенно и эти звуки становятся тише, и уставший от труда человек погружается в короткий, но живительный сон. Однако такие салоны доступны пока лишь бизнесменам. Удовольствие это дорогое: вступительный взнос в салон-клуб — десять тысяч иен, ежемесячный пай — пять тысяч.

В отношениях между трудом и капиталом в Японии важное место занимает так называемая «триада божественных сокровищ» (аналогия с тремя передаваемыми по наследству регалиями императорской власти — яшма, бронзовое зеркало и меч) — система пожизненного найма, оплата труда в зависимости от производственного стажа и организация профсоюзов по предприятиям.

Пожизненный найм предприниматели пытаются выдать за некое благодеяние по отношению к рабочим, свою компанию — за продолжение семьи, себя — за «вторых отцов».

Как действует система пожизненного найма? Окончив учебное заведение, молодой работник поступает на службу в компанию, где рассчитывает трудиться до 60 лет. На первых порах его зарплата составит примерно треть того, что он будет получать через 25 лет работы. Попав в «семью», новичок обязан полностью усвоить и соблюдать все ее законы и нормы поведения. Ему придется выучить гимн фирмы, который надо распевать каждое утро вместе со своими коллегами, стоящими по стойке «смирно» и обещающими отдавать все свои силы процветанию компании. Лучшему усвоению ритуала поможет трехдневное уединение в храме буддийского клана Дзэн. Мастер покажет новобранцу телефон прямой связи с дирекцией, по которому он сможет выдвигать предложения или подавать жалобы.

Что это? Доктрина человеческих отношений? Сильно ошибется тот, кто поспешит с подобным выводом. В Японии, как ни в какой другой стране, особенно наглядно

проявляется полярность понятий «филантропия» и «капитализм». Связав рабочих по рукам и ногам путами буржуазных «семейных» отношений и «гарантированной» занятостью, владельцы корпорации и фирм взамен получают фактически полную лояльность персонала. Облагодетельствованные путами пожизненного найма, рабочие вынуждены трудиться сверхурочно, а получать за работу на 30—40 процентов меньше, чем их коллеги в США и Западной Европе за тот же труд.

Так обстоят дела и в других сферах, например в редакциях газет и журналов. Казалось бы, уж там-то немислимо без веселой анархии. Но только не в Японии. Вот ежедневная газета «Асахи-Симбун», выходящая тиражом двенадцать с половиной миллионов экземпляров. Ее главный редактор — один из самых могущественных людей на земле. Тоикиро Хитоцуянаги разместил свой кабинет на восьмом этаже стеклянного небоскреба, возвышающегося в центре Токио. С крыши этого здания ежедневно поднимаются в небо четыре вертолета, принадлежащие «Асахи». На нее же работают два самолета, находящиеся в токийском аэропорту.

Редакцию газеты сравнивают с монастырем или с космическим кораблем, а ее сотрудников — с людьми будущего, каких можно увидеть только в кино. Все одеты одинаково — вплоть до рубашек и ночных пижам, на лацканах которых вышито слово «Асахи». Живут одной семьей, на казарменном режиме. Днем и ночью их сердца бьются в унисон во имя буржуазного бога. Журналисты выглядят вполне довольными своей жизнью, неукоснительно следуя девизу: «Гармоничность и искренность». Никто из сотрудников не может отлучиться из редакции без персонального электронного «сторожа», издающего свои неизменные позывные «бип-бип».

На еду отпускается 40 минут. Для трапезы сотрудники спускаются в столовую, где раз в неделю им предоставляется возможность полакомиться любимыми суси в обществе самого шефа. Женщины и мужчины едят за разными столами.

Любопытно, что журналисты самой современной газеты пишут статьи от руки. Объясняется это просто — нет пишущих машинок, которые могли бы объединить 1850 идеограмм традиционного японского алфавита, два «фонетических» алфавита современного японского языка, а также латинский алфавит и набор цифровых обозначений. Для этого понадобилась бы огромная и чрезвычайно сложная аппаратура. А так как ее пока не существует, то выручает старая добрая шариковая ручка. Но вот текст готов. Его сразу же заглатывает ЭВМ и тут же верстает. Сотрудник «Асахи» сосредоточенно сидит над листом со штампом, где указана его фамилия, номер матрикула (легко различимый и на его рукаве) и название статьи, «завинчивает» сообщения с такой же быстротой, с которой Чарли Чаплин закручивал гайки на конвейере в кинофильме «Новые времена». Никто внутри здания не знает передышки, стерлись границы между днем и ночью, сутки разделены на три смены — по восемь часов каждая. Ровно в 14.30 ежедневно симпатичная и всегда улыбающаяся (без этого нельзя) преподавательница гимнастики отрывает всех от рабочих мест и проводит занятие. Разминка длится 15 минут.

А могут ли газетные «космонавты» выйти куда-нибудь из помещения? Разве им не хочется взглянуть, как буйствует жизнь за его стенами? Услышав такие вопросы, хозяин и его подопечные удивленно таращат глаза: «А зачем выходить? В здании есть все». Действительно, в небоскребе есть и парикмахеры, и портные, шьющие униформу цвета морской волны. Врач тут же окажет медицинскую помощь, а сапожник позаботится об исправности обуви. В магазинчике можно купить всякую мелочь — от карандаша до конфет. Зеленый чай приносят официантки, имеющиеся на каждом этаже, так что подниматься из-за рабочего стола нет никакой необходимости. Журналисты и прислуга постоянно живут там же, где и работают. Спят по очереди, в зависимости от смены. В распоряжении сотрудников триста коек. Ежегодно им предоставляется девятидневный отпуск. Однако и его они стараются проводить вместе, отправляясь группами в пансион, которые снимает для них редакция. Так что работающие в «Асахи» никогда не покидают родную обитель, даже свой последний вздох испускают в ее стенах.

На работу в газету можно попасть, лишь пройдя жесткий конкурсный отбор: ежегодно отбираются тридцать новых работников из трех тысяч кандидатов. Власть Хитоцуянаги практически не ограничена. Сам создатель издательского «чуда» зарабатывает примерно вдвое больше среднего редактора с той же выслугой лет. Да и вообще к материальным благам шеф не столь чувствителен. Он — символ, воплощение газеты. Не было случая, чтобы кто-то осмелился поставить под сомнение правильность его указаний. Всеобщее согласие с первым лицом — традиция, в основе которой лежит глубоко укоренившийся дух коллективизма, идущий от почитания нацией своего «императора-солнца». Следуя этому обычаю, три тысячи сотрудников «Асахи» работают на Хитоцуянаги. Послушные его воле, три тысячи клавиш колоссального стеклянного здания лихорадочно пульсируют, составляя гигантскую клавиатуру, которая из самого сердца Токио распространяет далеко за пределы страны свое гомогенизированное видение Японии и всего мира. И продолжаться это будет до тех пор, пока не закатится звезда

шефа. Тогда он сам назначит себе преемника, способного крепко держать бразды правления и величественно восседать на бумажном троне — самом прочном на земле.

«Японское чудо», как писала газета «Монд», — это лютое соперничество в школе, университете, на предприятии, в редакциях газет и журналов. Оно оказывает сильнейшее психологическое воздействие, порождает чувство беззащитности, используемое капиталистической системой для того, чтобы поработить личность. Промышленный взлет и физическое истощение людей труда — две стороны японского феномена.

И не удивительно, что ни в США, ни в Западной Европе, ни в других регионах мира не нашлось последователей японской модели развития. Плата за нее слишком высока для самих же японцев. Поражает бедность инфраструктуры страны по сравнению со всем остальным развитым миром. Только один из трех домов в Японии связан с системой муниципальной канализации. Менее чем в сорока процентах домов имеется система центрального отопления. Но если бы лишь такой была цена за «чудо» для трудящихся. Газета «Хиндустан таймс» пишет: «Изнуряющая, тяжелая работа, сопровождаемая ежедневными попойками, — вот, пожалуй, главный элемент частной жизни японцев. Возможно, принцип «ути», за которым стоит корпорация, предписывает собираться каждый вечер. Служащие в белоснежных рубашках, костюмах и галстуках из модных магазинов, начинающие рабочий день пением гимна вместе с главой компании, вечером обязаны бродить по барам с сослуживцами или боссом».

А как же семья? По подсчетам «Хиндустан таймс», средний японский мужчина проводит с женой и детьми только полдня в неделю. «Экономическое чудо» поставило простых японцев в положение, по выражению одного из корреспондентов, спринтера на дистанции длиной в жизнь. А другой подметил, что оно принесло с собой техническое рабство, при котором японцы превращаются в придатки бесконечно совершенствующихся механизмов, мельчают в чувствах, становятся бездушными существами.

У «чуда» есть и еще один лик. Сравнительно высокие темпы экономического роста усиливают буржуазно-националистические тенденции. В последнее время часто раздаются призывы «обогнать Запад», установить вместо ориентированного на США мирового порядка «Пакс Американа» («Мир по-американски») японоцентрическую систему «Пакс Японика». Эта идея широко обсуждается на страницах многих газет и журналов, других изданий. Так, газета «Эйшн Уолл-стрит джорнэл» писала недавно: «Некоторые японцы рассматривают Европу как ателье мод, Америку — как ферму или склад для зерна, Австралию — как карьер полезных ископаемых. Все они обслуживают Японию, единственное в мире процветающее общество. Остальная часть мира остается приятным местом для прогулок. Европа, к примеру, предлагает памятники культуры, хорошие магазины и экзотический секс по умеренным ценам на фоне элгантного загнивания».

Некоторые авторы, публикующиеся в толстых журналах, сходятся во мнении, что «Пакс Японика» в принципе вполне возможен. Ведущий токийский политолог Н. Амайя рассуждал: «Предположим, что существует некая всемирная корпорация, где США выполняют роль президента, а Япония — вице-президента. Случаются ситуации, которые неприятны для «вице-президента». Но выбор таков: либо продолжать поддерживать «президента», либо занять его место, обзаведясь ядерным оружием и создав универсальную идеологию. Поскольку мы не можем пойти по этому пути, Япония должна пока слушаться босса, хотя его указания временами звучат неразумно».

Это — пока... А что скажут приверженцы «Пакс Японика» завтра? Не секрет, что в настоящее время вновь возрождается пропаганда «японского духа». Ему придается мировоззренческий смысл, носящий чаще всего религиозный и основанный на мифологии характер. В него включены также политические, морально-этические догмы преимущественно конфуцианского толка и элементы военно-феодальной идеологии. Национализм воплощается в форму японского шовинизма. Проводятся идеи исключительности государственно-политической системы Японии, утверждается нетерпимость ко всему иностранному. Вспомним, что таким путем Япония шла накануне и в годы второй мировой войны. И он оказался для нее пагубным...

Идеологи японского национализма нередко выдвигают тезис о том, что их подходы к международным отношениям в состоянии оздоровить мировую капиталистическую систему. На симпозиуме приверженцев японской модели, состоявшемся недавно в городе Осака, подчеркивалась мысль о том, что Япония владеет скрытой энергией стать моделью мирового развития. Все это не просто идеологические рассуждения. Концепция «Пакс Японика» подкрепляется возрастанием военных расходов. За 1981—1985 годы они увеличились на 45 процентов. По действующей оборонной программе на 1986—1990 годы их общая сумма составит 19 триллионов иен. По темпам наращивания затрат на милитаристские цели Токио прочно удерживает первое место в мире.

Так существует ли японский феномен? Да, отрицать его нельзя. Это не чудо, не семь национальных богов удачи, а грандиозный, немислимый, беспримерный труд японского народа.

Евгений Березиков

МАГИЧЕСКИЙ КАМЕНЬ ТИМУРА

История человечества помнит владык настолько могущественных и грозных, что даже смерть не могла помешать им вселять трепет в людские сердца. К числу подобных властителей принадлежит и Тимур Гурган — Железный Хромец, как прозвал его народ, создатель и правитель непомерно огромной державы со столицей в Самарканде.

Живой прежде всего думает о живом. Но приходит пора, когда человек начинает задумываться: а что произойдет после того, как он оставит этот бренный мир? Особенно настойчиво должны бы такие мысли тревожить тех, кто не раз на своем веку лишал жизни других, иногда — многих и многих. Говорят, что души загубленных сотрясают губителя, заставляют его трепетать. И эту дрожь можно было превозмочь только безудержным выпячиванием собственного величия.

Фараон Хеопс и другие правители древнего Египта еще при жизни воздвигали себе величественные пирамиды — гробницы, сооружали свое последнее царственное ложе на останках десятков тысяч загубленных во время строительства людей. Так, умерщвляя других, утверждали владыки свое бессмертие.

Уходя в вечность, один из жесточайших покорителей мира Чингизхан повелел, чтобы местность, где его похоронят, вытоптал затем табун лихих монгольских скакунов. Повеление было выполнено, обширная степь стала безжизненной ровной площадкой. И как узнать, где под слоем пыли, пластами утрамбованной копытами земли скрыт прах грозного правителя? В завещании Чингизхана был особый смысл: он не хотел, чтобы его останки осквернили мстительные враги или любопытствующие потомки.

История знает немало случаев, когда потомки ворошили гробницы былых властителей. Так, из всех египетских фараонов, погребенных в лабиринтах под многометровой каменной толщей, «сохранил» свою мумию нетронутой вплоть до нынешнего столетия лишь самый скромный — Тутанхамон. Примеры вскрытия гробниц можно привести и из жизни нашей сравнительно юной социалистической державы. Под покровом ночи, чтобы этого «ритуала» не видел ни один посторонний, забальзамированное тело Сталина и останки Шарафа Рашидова спешно эвакуировали в «менее почетные» могилы, то ли в отместку за их грехи, то ли пытаясь скрыть грехи собственные.

Не однажды разрушали надгробие и тревожили останки грозного Тимура. Словно предчувствуя это, могущественный правитель произнес как-то магическое заклятие: «Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или в будущей, навлечет на себя неминуемую гибель и позор». Первым осмелился нарушить эту заповедь еще в ноябре 1739 года повелитель Ирана Надиршах. Вторым был — Сталин.

Вскрытие гробницы Тимура состоялось 22 июня 1941 года в 5 часов утра, в тот самый пред-рассветный час, когда Гитлер отдал роковой для нашей и своей страны приказ и 170 отборных немецких дивизий перешли границу СССР. Джинн смерти был выпущен из бутылки, неся гибель миллионам.

Вряд ли знал о заклятии грозного Тимура давший указание вскрыть гробницу Сталин, и уж точно не ведал о некоей научной экспедиции где-то в далекой Азии Гитлер, когда отдавал своим войскам приказ выступить в поход на Восток. Но зато президент Академии Наук Узбекистана Кары-Ниязов о заклятии Тамерлана помнил, потому-то и бледнел перед темнозеленым нефритовым надгробием, шепча еле слышно первую суру Корана. Знаменитый антрополог Герасимов стремился взглянуть на череп Железного Хромца, чтобы воссоздать его облик в скульптурном портрете.

Тимур скончался 18 февраля 1405 года вследствие сильной простуды, во время похода на Китай во главе четырехсоттысячного полчища. Та зима была для Азии невиданно суровой. Придворные гадатели предсказывали свирепую стужу, но эмир, охваченный мечтой о завоевании Поднебесной, не слушал никого. Сбыться этому чаянию было не суждено, смерть полководца остановила войска.

Шатер, поставленный вблизи от Отрара, стал последним прижизненным прибежищем гроз-

ного Тимура. Правитель метался в жару, а когда тело его после пламенеющей агонии охладело, всех, кто был тогда в его ставке, поразил страх. Наследников и полководцев властителя пугала не его смерть, а предчувствие крушения одной из величайших в истории империй. Их волновала собственная судьба, ввергаемая в водоворот неизбежной смуты.

Праха повелителя повезли в Самарканд. Такой выбор места погребения не вполне соответствовал обычаям, и неизвестно, одобрил ли бы его сам Тимур. На Востоке принято хоронить в том краю, откуда родом усопший. Где бы ни погиб или скончался от болезни человек, его родственники и соплеменники старались вернуть его останки той земле, на которой он родился. Тимур был ревностным мусульманином и с почтением относился к адату и шарияту — сводам народных обычаев и законов ислама. Своего отца, эмира Тарагая, умершего в 1360 году, Тимур похоронил в своем родном городе Шахрисабзе, в небольшой усыпальнице предков. Уже будучи эмиром обширного государства со столицей в Самарканде, Тимур похоронил в родных местах и своего старшего сына Джахонгира Мирзу.

В молодости наставником будущего эмира был знаменитый в тех краях шейх Шамсиддин Куляль, считавшийся Сеидом, то есть одним из потомков пророка Мухаммеда. В свое время Муридом Куляля был и отец Тимура, эмир Тарагай. Из круга учеников этого же шейха вышел и Бахауддин, основатель могущественного ордена дервишей — нахшбанди. Шейх Бахауддин и сейчас почитается мусульманами, как святой.

Наставник грозного эмира шейх Шамсиддин Куляль скончался в 1370 году неподалеку от Бухары, в селении Сухари, и Тимур повелел построить для шейха мавзолеем подле соборной мечети Шахрисабза. А еще через три года, как свидетельствует летописец Шарафиддин Али Йезди, Тимур воздвиг около усыпальницы шейха новую куполообразную постройку и перенес туда прах своего отца Тарагая. Постепенно составлялся архитектурный ансамбль, и ныне именуемый мавзолеем Сеидов. Захоронение здесь считалось большим счастьем для усопших, так как они освящались соседством с потомком пророка. Здесь же Тимур похоронил и своего старшего сына, и свою мачеху Кадак-хатун. В 1394 году к этим же захоронениям прибавилась могила второго сына Тимура Омар-шейха, убитого в Ширазе при штурме одной из тамошних крепостей.

Описывая похороны Омар-шейха, летописец Шарафиддин Али Йезди дает сведения о расположении этого архитектурного ансамбля: «В сторону Киблы (священного города мусульман Мекки) находится мавзолей Тарагая, справа и слева от него — гробницы Джахонгира и других царевичей. Там же заранее определили для себя место многие вельможи эмира, среди них один из его главных военачальников Ак-Буга. Каждый заботился о том, чтобы его тело, где бы он ни умер, было привезено сюда. Усыпальницы строились заранее в соответствии с местом, отведенным каждому, а место отводилось по достоинству воина во время битвы». Да и Тимур, по всей видимости, не собирался быть исключением из этого правила. Во всяком случае, в 90-е годы XIV века в комплексе усыпальниц Шахрисабза велось грандиозное строительство главного мавзолея, предназначавшегося для самого эмира. Сведения об этом содержатся в дневниках испанского посла при дворе Тимура Рюи Гонсалеса де Клавихо, где есть запись о посещении Шахрисабза и идущем там строительстве мавзолея Тамерлана. Однако история отвела праху завоевателя иное место.

После кончины Тимура ближайшее окружение эмира пыталось сохранить в тайне его смерть, тело увезли глубокой ночью, следом так же скрытно выехали царевны. Военачальники собрались на воинский совет, где решили продолжать поход на Китай, или хотя бы нанести удар по среднеазиатским монголам. Однако весть о том, что повелителя уже нет в живых, распространилась в войсках со скоростью молнии. Началась смута. Наследникам Тимура пришлось отказаться от дальнейших завоеваний, поскольку воины, не повинувшись приказам, повернули назад. Снова собрался совет, где решали уже не дела военные, а вопрос о том, где следует захоронить прах правителя. И место вечного его упокоения выбран был не родной Шахрисабз, а столица империи — Самарканд. Наследники надеялись, что дух грозного Тимура будет хранить державу и после смерти ее создателя.

Однако гигантские империи имеют свойство рушиться со смертью своих владык. Ушел из жизни Александр Македонский — и покоренные его войсками народы свергли пришельцев. Крепка была империя Чингизхана, пока тот держал в руках узду правления, но умер он — и начались междоусобицы, и власть монголов стала слабеть. Кстати, удивительно схожи обстоятельства смерти Чингизхана и Тимура: оба завоевателя умерли от внезапно поразившей их болезни во время похода на Китай. Случайность или закономерность.

Тимуру, как и Чингизхану, не удалось поработить Китайскую державу. Уже мертвым эмир возвращался в свою столицу Самарканд. Похоронить его решили в самой величественной гробнице города, построенной по указанию Тимура для его любимого внука Махмуда Султана. Впоследствии усыпальнице было дано название Гури-Эмир, Могила Эмира. Этот мавзолей знает весь мир. Ведь Гури-эмир одна из архитектурных жемчужин Востока, прославляющая не столько Тимура, но и своих истинных создателей — великих и безымянных мастеров средневековья.

Старинная западная пословица гласит: «Все дороги ведут в вечный город Рим». Однако было время, когда все дороги вели в Самарканд, столицу необъятной империи Тимура. За тридцать семь лет военных походов Тимур покорил двадцать шесть государств, и правил ими из этого древнего города.

До наших времен дошло предание о том, что Александр Македонский, разрушив стоявшую на холмах Афросиаба столицу Согдианы Мароканду, выстроил у подножья тех же холмов новый город, который и поныне стоит на этом месте и носит гордое имя Самарканд. Да, Самарканд тоже можно назвать вечным городом, но зря же его на Востоке называют «Лик земли».

Расцвет славы Самарканда приходится на время правления Тимура. Легенды о богатстве, могуществе, великолепии этого города пережили долгие периоды его падения и разорения врагами. Но самым ярким свидетельством былого и нынешнего величия Самарканда остается удивительная красота его архитектурных памятников. Время сохранило для нас далеко не все здания времен Тимура и Тимуридов, но и то, что сохранилось — поражает воображение. Еще издали видны колоссальные развалины мечети Биби-ханым, и рядом кажутся незначительными ухищре-

ния современной архитектуры. Яркими красками блистают построенные в эпоху Тимуридов медресе Регистана. И — притягивает взор голубой купол Гури-Эмира.

Тимур был наделен не только грозным даром повелителя сражений, не знающего военных неудач, но и чувством прекрасного. Его жестокая душа отдыхала, когда эмир любовался прекрасным зданием, вдыхал аромат тенистых садов. Всякий раз, вернувшись из кровопролитного похода в свою столицу, Тимур отдавал распоряжение о новом строительстве, о закладке новых садов. И, как свидетельствуют его современники, властелин порой сам принимал участие в возведении мечетей и медресе. Из покоренных им стран Тимур гнал в Самарканд лучших мастеров, и каждый из них прибавлял что-то к красоте города. Своим загородным резиденциям, утопающим в зелени садов, Тимур давал имена иноземных столиц: Шираз, Султания, Париж...

Грозный правитель, как и самый обычный человек, порой не чужд простым человеческим привязанностям. Тимур тоже имел своих любимцев. Из своей многочисленной родни он особо выделял лишь одного внука. После смерти старшего царевича Мирзы Джахонгира законным наследником эмирского престола стал его сын, Махмуд Султан. И именно Махмуду Султану суждено было сделатья любимцем царственного деда, отогреть его суровое сердце, а затем — заставить испытать глубокую скорбь.

В Махмуде Султани Тимур видел свое второе рождение в этом мире. Повелитель берег внука. Выступая в поход 1390 года, Тимур оставил Махмуда Султана править Самаркандом, избавив от тягот войны. И лишь спустя одиннадцать лет Тимур из Дамаска выслал за любимцем гонца, решив сделать его правителем северо-западных областей Персии, ранее находившихся под властью Хулагу-хана. Тимур прекрасно понимал, что будущий правитель огромной империи, каким он видел Махмуда Султана, должен пройти «школу управления» под руководством самого грозного эмира. Как сообщает Ибн-Арабшах, свидание деда с внуком произошло в Карабаге. С того времени Махмуд Султан безотлучно находился при войске, принимал деятельное участие в сражениях 1402 года и достиг с воинами западных границ Малой Азии. Здесь Тимур отпустил Махмуда Султана в Самарканд. Но на обратном пути престолонаследник заболел и 18 шабана 805 года (12 марта 1403 года) умер в трех переходах к востоку от Карахисара. Ему было всего двадцать девять лет.

Тимур глубоко переживал утрату. Погребальный плач длился в войсках даже после отправки тела юноши на родину. На всем пути следования похоронной процессии обряд оплакивания совершался утром и вечером. Все войско носило одежду черного или синего цвета. Нельзя было даже ездить на белых конях. Только через несколько дней Тимур по совету военачальников велел снять траур.

По приказу Тимура гроб с телом наследника, поставленный на носилки, отряд в двести всадников привез в город Оник в округе Эрзерум. Там часть отряда должна была переложить тело в новый гроб и перевезти его для временного погребения в окрестности Султани, к мазару пророка Хайдара. Другая часть отряда оставалась охранять носилки и заколоченный гроб в Онике. Этот пустой гроб нужен был для поминальных обрядов, которые совершил Тимур по своему внуку, когда приехал в Оник. Сюда же прибыла из Султани царица с царевичами. Во время печального обряда был принесен пустой гроб, и над ним с рыданиями склонилась мать Махмуда Султана Суюн-Бека — внучка хана Узбека, носившая титул «хан-заде», то есть «ханская дочь».

В марте 1404 года, в годовщину смерти наследника снова были устроены поминки. Тимур находился в это время в Карабаге, неподалеку от берега Аракса. Поминки на сей раз заключались только в угощении и исполнении религиозных обрядов. Мать царевича Суюн-Бека получила позволение отправиться в Султанию, взять оттуда тело сына и отвезти в Самарканд для предания родной земле. Махмуда Султана похоронили в Рухи-Абаде, название это переводится, как «место душевного покоя». Так была нарушена традиция захоронения рода Тарагая в Шахрисабзе. Более того, вернувшись в 1404 году из похода в Самарканд, Тимур не стал протестовать против нарушения обычая, а решил здесь же построить для своего внука грандиозную усыпальницу.

Вот как об этом пишет в своей «Книге побед» («Зафар-намэ») Шарифдин Али Йезди: «Возвратившись в Самарканд после так называемого «семилетнего похода», Тимур в конце мухаррема 807 года (начало августа 1404 года) остановился в Чинаровом саду в окрестностях города, а затем въехал в самый город и осмотрел мадрасу покойного внука своего и наследника Махмуда Султана, и там совершил обряд поминовения. Затем он снова возвратился в Чинаровый сад, где предлся пиршествам, далее переехал в Райский сад (Баг-и-Бехшид). Сказалось утомление от похода в Малую Азию, и Тимур занемог. Однако через неделю, выздоровев, он переехал в сад Ветра (Баг-и-Шамал) для празднования среди семьи и придворных рождения внука большим пиршеством. Затем он приехал в Высокий сад (Баг-и-Баланд), а оттуда, подобно душе, которая, как луч жизни и вечности, бросается в форму тела, вошел в ворота Самарканда и остановился в доме покойного царевича Махмуда Султана. Посоветовавшись с шейхами и со своей душой, Тимур решил для упокоения души царевича Махмуда Султана построить в Самарканде такую усыпальницу, какой еще не видывал мир. И вслед за этим Тимур повелел возвести гумбаз (купол) для усыпальницы его, царевича, просветленной души. Согласно сему повелению у передней открытой стороны гробницы возвели постройку с куполом, подобным небесам. Панель ее устроили из особого вида мрамора (рухом), отделанного золотом и глазурью, и соорудили склеп для места похорон источника всепрощения, то есть названного царевича. И несколько бывших поблизости домов разрушили, и устроили садик, подобный райскому».

Усыпальница царевича Махмуда Султана, ставшая впоследствии гробницей самого Тимура, дошла до наших дней почти в первоначальном своем виде, приобретенном во время строительства 1404—1405 годов. Проходя под высокой, отделанной майоликовой плиткой и испещренной витиеватым орнаментом входной аркой, оставляешь за спиной XX столетие и чувствуешь себя во власти давно ушедшей эпохи. Здесь — средневековье.

Основное здание мавзолея Гури-Эмир имеет основание в виде восьмиугольника, центральная часть усыпальницы — квадрат с нишами в середине каждой стороны. Высота вершины меньшего купола почти двадцать восемь метров. Затем идет второй ярус купола, который и делает

здание стройным, стремящимся в небо. Зодчие Востока говорят, что двойные купола мечетей и усыпальниц — необходимая часть такого рода зданий, поскольку в них обитает дух самого Аллаха, а также покровительствующие людям добрые духи. Чтобы каждый правоверный, входя сюда, помнил, что вступает в обитель Божества, на наружной стороне предкупольного барабана изразцовыми голубыми плитками выведена надпись, гласящая: «Аль-бака лильля» — «Бог вечен». Через верхнюю часть этой надписи проходит тонкая, в один синий кирпичик, кладка, также складывающаяся в изречение: «Аль-хамду лильля», что означает — «Хвала Богу». Каждый, кто может прочесть надпись, входя сюда, несколько раз встречает эти слова. Ну а тот, кому непонятны арабские буквы, все же догадывается о значении этих древних символов. Ведь и орнамент, и сам купол являются единым целым — духовным посланием предков к потомкам, к тем, кто живет в наше беспокойное время. Но здесь, в Гури-Эмире, еще лучше понимаешь, что у человечества никогда не было легких времен. И эпоха Тимура ничуть не проще нашего времени, когда мы пытаемся усмирить атом. Величественные здания создаются еще и для того, чтобы по ним можно было читать уроки прошлого.

Вернемся, однако, в те морозные дни 1405 года, когда похоронная процессия с телом Тимура медленно двигалась к Самарканду. Заснеженная степь, слезы застывают на щеках и холодеет сердце от мысли: что же ждет впереди? Такого должно было быть состояние большинства многотысячного отряда, шедшего к столице огромной империи. Беспочвенно царило и в Самарканде. Равнодушных не было. Все понимали, что смерть правителя предвещает столице значительные перемены. Ведь последние тридцать лет здесь все было подчинено мощной воле этого человека. И вот — его нет. А значит — будет сломлен казавшийся при нем незыблемым уклад жизни. К нынешнему, хорошо оно или плохо — привыкли, а неведомое всегда страшит.

Когда со стороны холмов Кухака показались наконец траурная процессия, навстречу ей из городских ворот тут же хлынула толпа. Впереди шли оставшиеся в столице потомки эмира и знатные женщины из рода Тимура. По обычаям кочевых народов они в знак скорби расцарапывали свои лица, посыпали грязью и пылью одежды, рвали на себе волосы, накрывали шею войлоком. Знатные горожане тоже были облечены в траур. А в самом Самарканде в этот день были закрыты все базарные лавки. Вот как описывает похороны Тимура летописец Йезди: «Гроб несли на плечах постоянно меняющиеся люди. В траурной процессии шли с непокрытыми головами князья, эмиры, вельможи, воины. Тимура похоронили в медресе Мухаммед-Султана. Погребальные молитвы читали шейхи Ад-ал-Эвель и Исам-ад-дин. При этом читали Коран, раздавали милостыню и угощение. После предания тела земле на могилу Тимура были положены его одежды, по стенам развешаны украшенные драгоценными камнями и золотом оружие и вещи. Цена ничтожнее из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звездам небесным, свисали золотые и серебряные люстры. Одна из золотых люстр весила четыре тысячи мискалей (золотников). Пол был покрыт шелковыми и бархатными коврами. К гробнице за определенное жалованье были приставлены теще Корана и служители, к медресе — привратники и сторожа. Могила почиталась так, что перед ней совершались моления и приносились обеты. Из почтения к ней проезжавшие мимо горожане и князья наклоняли головы, иногда даже сходили с коней».

Важным событием для города в эти дни стало и то, что всех привезенных Тимуром в Самарканд пленных отпустили на родину. На этом похоронные хлопоты приближенных покойного правителя не закончились. В своем предсмертном завещании Тимур выразил желание быть погребенным у ног своего духовного наставника Сеида Бараки. Этот святой человек, считавшийся потомком пророка Мухаммеда, в 1370 году приехал в Мавераннахр для сбора податей в пользу Мекки. Вот как о нем рассказано в «Книге побед» Йезди: «Вследствие уважения и любви к потомкам пророка Тимур хранил в мыслях желание, чтобы прах его упокоился в изножье могилы счастливого благочестивого избранника небес Сеида Бараки, его духовного наставника.

В превратностях судьбы Тимура то союзник, то враг его амир Хусейн в 771 году (1370 г.) окончательно поссорился с ним. В последовавшей войне Хусейн был разбит и ушел за Аму-Дарью. Преследуя его, Тимур был встречен в селении Бия, что в трех фарсах от Термеза, почитаемым Сеидом по имени Барака, приехавшим из Мекки за сбором вакуфных (податных) доходов. Амир Хусейн не оказал ему помощи. Теперь этот Сеид обратился к Тимуру, и тот оказал ему подобающее уважение и помощь. Сеид Барака передал Тимуру барабан и знамя — знаки султанского достоинства. Затем после взятия Тимуром Балха родоначальники тюркских родов и правители разных округов, собравшиеся здесь, а также духовенство — термезские шейхи и Сеид Барака провозгласили султаном Тимура. Тимур всю жизнь был предан и благодарен Сеиду Бараке, который часто бывал его советником в важнейших делах. Сеид Барака умер за год до смерти Тимура, когда гостил в Карабаге. Тимур был очень опечален его смертью, много плакал и повелел перенести прах Сеида в Андхой и временно захоронить там. Андхой причислялся к вакфам (городам-данникам) священных городов Мекки и Медины и еще при жизни Бараки был подарен ему Тимуром».

Вместе с Сеидом Баракой Тимур оплакал своего любимого внука Махмуда Султана. Вот как описывает эту сцену историк Арабшах: «В конце 806 года (1403 г.) незадолго до своей смерти Сеид прибыл к Тимуру в Карабаг, Тимур вышел из своего шатра, чтобы его встретить, оплакивая Мухаммед-Султана. Сеид снял с головы чалму и начал рыдать. Тимур обнял его, и оба вместе долго плакали». Мы видим, как сердечны были отношения эмира и его духовного наставника. И не удивительно, что Тимур пожелал спать вечным сном в изножье могилы почитаемого им учителя.

Предсмертная воля повелителя была исполнена. Вскоре после похорон Тимура прах Сеида Бараки был перенесен из Андхой в Самарканд и водворен, как того и желал Тимур, у его изголовья, в усыпальнице Махмуда Султана. Поверье гласит, что с тех пор дух святого Сеида вот уже на протяжении многих веков ревностно охраняет прах грозного завоевателя, наказывая тех, кто пытается нарушить покой усыпальницы.

На одно из таких посягательств отважился могущественный правитель Ирана Надиршах. А эта

история, в свою очередь, связана с драматической судьбой нефритовой глыбы, из которой высечено надгробие Тимура.

С незапамятных времен огромная глыба темнозеленого нефрита хранилась в одном из дворцов императоров Китая и почиталась, как священный камень. Во время одного из своих походов Чингизхан завладел этой глыбой и увез с собой. После смерти Чингизхана его империя распалась на улусы, и второй его сын Чагатай получил земли, простиравшиеся от Мавераннахра до так называемого Китайского Туркестана. Среди монголов Чагатай пользовался большим уважением, как старший из оставшихся в живых Чингизидов и как признанный знаток монгольского племенного права — Яссы. Однако фактически Чагатайское ханство было основано лишь после смерти самого Чагатая его внуком Алугу, воспользовавшимся междоусобицей других Чингизидов. Алугу захватил Хорезм, западный Туркестан и земли нынешнего Афганистана, и стал самостоятельно править этой частью бывшей империи Чингизхана. Его наследник хан Кебек в 1309 году перенес свою столицу в город Нахшеб и построил там роскошный дворец, в главном зале которого соорудил себе трон, сделанный из той самой вывезенной из Китая нефритовой глыбы. Ханский дворец по-монгольски назывался Карши. С тех пор и город Нахшеб стал называться Карши (ныне это областной центр в Узбекистане).

Конец господству монголов в Средней Азии положил Тимур. Он знал о ханском троне из китайского нефрита и, захватив Карши, думал увезти трон в Самарканд, но во дворце этого сокровища не оказалось. Монголы спрятали его. После смерти эмира монголы вновь захватили Карши и правила небольшой частью Мавераннахра вплоть до 1425 года, когда внук Тимура Улугбек со своими войсками взял Карши приступом. Тогда-то, войдя в ханский дворец, Улугбек увидел трон из темнозеленого нефрита, повелел отвезти его в Самарканд и сделать из этого камня надгробие для своего знаменитого деда. Было изготовлено гладко отполированное надгробие прямоугольной формы и установлено за мраморной решеткой в центре большого зала усыпальницы Гури-Эмир. На надгробии искусно выгравировано арабской вязью следующее: «Хвала Господу, который обещал благоденствие, победу рабу своему, уважение воинам и поражение врагам. Он — Бог единый и конец всем вещам. Приветствие Его посланнику. Победителям — добыча, побежденным — смерть. Те, которые с Ним, с Богом, жестоки с неверными и добросердечны между собою. Этот камень доставил хакан Дава Седжан, хан из Аудана до резиденции тронной своей империи в Карши. И перенес его в Самарканд Улугбек Гурган, когда ходил до Джитты».

Пришедший в 1736 году к власти в Иране Надиршах начал стремительно завоевывать одно государство за другим. Он покорил державу Великих Моголов, Индию, захватил Хорезмское и Бухарское ханства, приступом взял Самарканд и разграбил его. Властитель Ирана позарился и на знаменитое нефритовое надгробие, велел взять его из Гури-Эмира и увезти в свою столицу Мешхед. Вот что повествует об этом придворный историк Надиршаха: «Государем Мира было дано повеление, чтобы взять камень надгробия эмира Тимура Гургана, состоявшее из одного куска нефрита, и двойные литые ворота, находящиеся в мечети Ханым, жены этого государя, нагрузить их на пушечный лафет и привезти в священный Мешхед. Согласно этому повелению, требовавшему исполнения, рабы шахиншаха, по своему высокому положению подобные Плеядам, увезли тот камень и ворота в землю сосредоточения милости Божией. Когда обладатель счастливого созвездия, завоеватель Мира осмотрел камень и ворота, он на некоторое время задумался, прочитал фатиху (молитву) для успокоения души эмира Тимура, обладателя счастливого созвездия, и сказал: «Ныне Мир, подобно шару, вертится в моей руке. Некто сделал себе гробницу из нефрита, мы выделяем себе одну кольчугу из стали, другую из красного золота, осыпанного драгоценностями, и делаем из нефрита пол и облицовку стены одного из святых зданий в нашей столице».

Однако хотя Надиршах и мнил себя великим государем, он все же не без опаски думал о грозном эмире, могилу которого потревожил. На впечатлительную натуру иранского правителя не могло не оказать воздействие и ставшее ему известным магическое заклятие Тимура. А однажды Надиршаху во сне явился дух Сейда Бараки и предупредил о грядущей каре за кощунство. Наутро уstraшенный шахиншах созвал придворных астрологов, выяснил расположение звезд и распорядился, как пишет об этом историк, «взести камень от стоянки в Самарканд и поместить на своем месте, так, как было раньше».

Однако возвращение нефритового надгробия из Мешхеда в Самарканд не прошло благополучно: по дороге камень уронили, и он раскололся на четыре части. Историк Абду-Керим Кашмирский утверждает, что один из кусков нефрита достался ему и был им привезен в Индию.

Но несмотря на то, что надгробие при перевозке было повреждено, оно все же оставалось величественным. Его вновь установили над могилой грозного Тимура. А Надиршах вскоре был убит в своем походном шатре участниками заговора, устроенного племянником шахиншаха Али-Кули-Мирзой. Говорили, что Надиршах поплатился за нарушение заклятия Тимура.

Такое вот завершение имела первая попытка потревожить вечный покой Железного Хромца. Однако какое дело нашему материалистическому веку до каких-то магических заклятий средневековых владык? И вот, как уже говорилось в начале этого повествования, в июне 1941 года в Самарканд по личному распоряжению Сталина была направлена группа ученых для вскрытия гробницы Тимура. 22 июня ученая комиссия спустилась в подземелье Гури-Эмира и несколько замешкалась перед мраморной плитой саркофага.

На этой плите выгравирована родословная Тимура Гургана, которую автор надписи возводит к Чингизхану, а род этого завоевателя — к амиру Бузонджиру. Родитель этого предка Тимура неизвестен, а о матери Бузонджира по имени Алан-Кува автор родословия пишет вот что:

«И была она чистая, ее ставили в пример правдивости и скромности. Никогда она не была порочна. Она забеременела от света, который вошел к ней через верх двери комнаты. Перед ней он принял образ совершенного человека и сказал, что он один из сыновей амира правоверных Алия, сына Абу-Талиба. Много есть подтверждений истинности ее притязаний. Род, идущий от этих предков, не прервется во все времена и при всех царствованиях».

Родословная Тимура пространна. Но, думается, не хватило бы и десяти тысяч мраморных

плит, чтобы выгравировать на них повесть обо всех деяниях Железного Хромца за отведенные ему в этом мире шестьдесят девять лет. Тимур казнил и миловал, разрушал и строил, разорял и обогащал. Он был грозен при жизни, таким же остался в народных преданиях и после смерти.

Ученые, отодвинув крышку саркофага и вскрыв деревянный гроб, склонились над останками Тимура. Скелет лежал на спине, череп был слегка повернут направо. Грудная клетка разошлась, верхние ребра перепутались между собой. Руки с согнутыми локтями сведены в области живота. Большая берцовая кость правой ноги несколько смещена: это вызвано тем, что нога была согнута в колене в момент погребения. Правая ступня помещалась выше левой, что создавало иллюзию укороченной правой ноги.

При разборке скелета обнаружилось, что кроме патологического изменения в области колена нечто подобное, но в еще более ярко выраженной форме наблюдается и в суставе правого локтя. Указательный палец правой руки сильно изуродован. На голове обнаружено большое количество рыжеватого-седых волос. Волосы сохранились также на обеих бровях, особенно четко на правой. На левой ветви челюсти отчетливо видны границы верхнего края бороды. Такова была общая картина вскрытия.

Согласно антропологическим исследованиям профессора Л. В. Ошанина, Тимур был ширококостным, мускулистым и, судя по размерам костей ног — среднего роста, 166,6 сантиметра. Череп его отличался большой емкостью мозговой коробки (1668 кубических сантиметров), что намного превышает среднюю емкость черепа взрослых мужчин (1500 кубических сантиметров).

По результатам химического и рентгенографического исследования профессор Н. А. Богораз пришел к выводам, что Тимур с юношеских лет страдал туберкулезом левого коленного сустава, а также неоднократно был ранен колющим и режущим оружием. Особенно ярко выражен шрам на лобной кости скелета, вероятно — след от ранения стрелой в лоб. Таким образом заключение ученого подтвердило имеющееся в исторических источниках сведения о том, что Тимур сильно хромал на левую ногу, плохо владел правой рукой.

По извлеченному из захоронения черепу Тимура антрополог М. М. Герасимов воспроизвел предполагаемый облик грозного правителя Самарканды. Снимки с этого скульптурного портрета облетели страницы мировой прессы. А останки Тимура были вновь возвращены в гробницу. Тяжелая надгробная плита заняла свое место. Неизвестно, потревожат ли люди грядущих веков прах «бога войны», и если да — что за этим последует.

Восточная пословица говорит: «Не хочешь исхода — не начинай». И это изречение неожиданно вспомнилось мне, когда я смотрел на магический камень грозного Тимура, что стоит в мавзолее Гури-Эмир в Самарканде.

Исторические личности, подобные Александру Македонскому, Чингизхану, Тимуру, Наполеону, Гитлеру, Сталину загадочны. Что приводит их в этот мир и позволяет распоряжаться судьбами народов? Историческая необходимость? Случайное сочетание генов? Или, может быть, сама Мать-Природа вызывает их к жизни и использует для каких-то таинственных своих целей? Как знать, свершил ли Тимур то, что суждено ему было свершить по собственной воле, или через него проявляла свое волеизъявление Природа, испытывая (в который раз!) род человеческий.

Ученые, вскрывавшие гробницу Тимура, имели основания полагать, что его останки заключены в стальной гроб. Однако их подстерегала неожиданность — гроб оказался деревянным.

Академик Кары-Ниязов в своих «Размышлениях о пройденном пути» пишет:

«Как известно, в литературе распространено мнение о том, что якобы тело Тимура находилось в стальном гробу, сделанном искусным ширазским мастером. Археолог М. Е. Массон подтверждал это магнитным исследованием, произведенным над гробницей Тимура. «Магнитные наблюдения 1925 года над могилкой Тимура, — писал он, — подтвердили наличие в ней парамагнитного тела, вероятно, остатков гроба, а, может быть, и других предметов».

Но вскрытие погребения опрокинуло эти предположения: Тимур лежал не в стальном гробу, а в деревянном. В таком случае чем объяснить результаты магнитного исследования?

Магнитные исследования гробницы Тимура были произведены известным инженером М. Ф. Мауэром, живущим в Самарканде. Я имел беседу с Мауэром по этому поводу и спросил его:

— Соответствуют ли действительности слухи о том, что ваши исследования обнаружили наличие параметрального тела в гробнице?

— Первоначально я был такого мнения, но впоследствии обнаружил ошибку в своих экспериментах. К сожалению, первоначальный ошибочный вывод появился в печати, — ответил Мауэр».

Действительно ли опытный инженер допустил ошибку в ходе эксперимента? Или же... ошибки не было? И приборы зафиксировали некую энергию, излучаемую не металлическими предметами, а — останками Тимура?

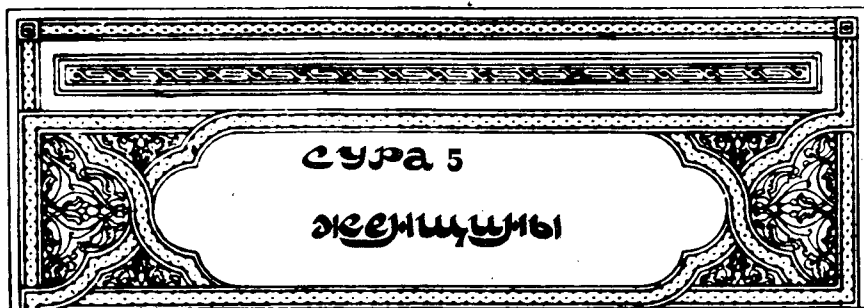
В свете современных научных веяний становится все очевиднее, что человеческие личности от рождения наделены в большей или меньшей степени особым видом энергии. И максимум этой энергии получают те люди, которых мы именуем великими или гениальными. Как ни назвать подобный дар природы — мощностью биополя или мощью духа — он, по всей видимости, существует.

Тимур был гениальным завоевателем и обладал такой энергией в полной мере. Почему бы не предположить, что его тело сохранило способность излучать биополе и после смерти? Не исключено, что именно этот вид энергии зафиксировали приборы самаркандского инженера в 1925 году над могилкой Тимура. Почему бы не повторить эксперимент Мауэра? Почему бы не провести такие же исследования над местами захоронений других великих людей? Может быть, это ключ к одной из важнейших тайн природы?

Личность Тимура — загадка человеческой истории. Дух человеческий — величайшая загадка мироздания.

Атмосферный, но забавный!

Коран

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). О вы, которые уверовали! Будьте верны в договорах. Дозволено вам всякое животное из скота, кроме того, о чем читается вам², без дозволения для вас охоты, когда вы в хараме³. Поистине, Аллах решает то, что захочет!

2 (2). О вы, которые уверовали! Не нарушайте обрядов Аллаха, ни запретного месяца, ни жертвенных животных, ни украшенных, ни стремящихся к дому запретному, которые ищут щедрости от их Господа и благоволения.⁴

3. А когда вы в состоянии дозволенности,⁵ то охотьтесь, и пусть не навлекает на вас греха ненависть к людям за то, что они отклонили вас от священной мечети, до того, что вы преступите. И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде. И бойтесь Аллаха: поистине, Аллах силен в наказании!

4 (3). Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха, и удушенная, и убитая ударом, и убитая при падении, и забоданная, и то, что ел дикий зверь, — кроме того, что убьете по обряду, — и то, что заколото на жертвенниках, и чтобы вы делили по стрелам.⁶ Это — нечестие. Сегодня отчаялись те, которые не веровали, в вашей религии; не бойтесь же их, а бойтесь Меня.

5. Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией. Кто же вынужден в голоде,⁷ не склоняясь к греху, — то ведь Аллах — прощающий, милостивый!

6 (4). Они спрашивают тебя: что им дозволено? Скажи: «Дозволены вам блага и то, чему вы научили хищных животных, дрессируя их,⁸ как собак, которых вы учите тому, чему научил вас Аллах. Ешьте же то, что они схватят для вас, и поминайте над этим имя Аллаха; и бойтесь Аллаха, — поистине, Аллах скор в расчете!

7 (5). Сегодня разрешены вам блага; и пища тех, кому даровано писание, разрешается вам,⁹ и ваша пища разрешается им. И целомудренные из верующих и целомудренные из тех, кому даровано писание до вас, если вы им дали их вознаграждение, будучи целомудренными, не распутничая и не беря наложниц. А если кто отрекся от веры, то у него — дело тщетно, и он в последней жизни — в числе потерпевших убыток».¹⁰

8 (6). О вы, которые уверовали! Когда встаете на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей, обтирайте голову и ноги до щиколоток.¹¹

9. А если вы не чисты, то очищайтесь; и если вы больны, или в пути, или кто-нибудь из вас пришел из отхожего места, или вы касались женщин и не найдете воды, то оmyвайтесь хорошим песком, — обтирайте им свои лица и руки. Аллах не хочет устроить для вас тяготы, но только хочет очистить вас и чтобы завершить Свою милость вам, — может быть, вы будете благодарны!

10 (7). Вспоминайте милость Аллаха вам и Его завет, который Он заключил с вами,

когда вы сказали: «Мы слышали и повинемся!» Бойтесь Аллаха, — ведь Аллах знает про то, что в груди!

11 (8). О вы, которые уверовали! Будьте стойкими пред Аллахом, исповедниками по справедливости. Пусть не навлекает на вас ненависть к людям греха до того, что вы нарушите справедливость. Будьте справедливы, это — ближе к богобоязненности, и бойтесь Аллаха, поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

12 (9). Обещал Аллах тем, которые уверовали и творили доброе: им — прощение и великая награда.

13 (10). А те, которые не веровали и считали ложью Наши знамения, те — обитатели пламени.

14 (11). О вы, которые уверовали! Поминайте милость Аллаха вам, когда задумали люди протянуть к вам свои руки,¹² а Он удержал их руки от вас. Бойтесь же Аллаха: на Аллаха пусть полагаются верующие!

15 (12). Аллах взял договор с сынов Исра'ила, и воздвигли Мы из них двенадцать предводителей.¹³ И сказал Аллах: «Я — с вами. Если вы будете выстаивать молитву и давать очищение, и уверуете в Моих посланников, и возвеличите их, и дадите Аллаху прекрасный заем, Я очищу вас от ваших злых деяний и непременно введу вас в сады, где внизу текут реки. А кто из вас не уверует после этого, тот сбился с верной дороги».

16 (13). И за то, что они нарушили свой договор, Мы их прокляли и сделали сердца их жестокими: они искажают слова, (переставляя их) с их мест. И забыли они часть того, что им было упомянуто. И ты не престаешь узнавать об измене с их стороны,¹⁴ кроме немногих из них. Прости же и извини, — ведь Аллах любит добродетельных!

17 (14). И с тех, которые говорят: «Мы — христиане!» — Мы взяли завет.¹⁵ И они забыли часть того, что им было упомянуто, и Мы возбудили среди них вражду и ненависть до дня воскресения. А потом сообщит им Аллах, что они совершали!

18 (15). О обладатели писания! К вам пришел Наш посланник, чтобы разъяснить многое из того, что вы скрываете в писании, и проходя мимо многого. Пришел к вам от Аллаха свет и ясное писание; (16). им Аллах ведет тех, кто последовал за Его благоволением, по путям мира и выводит их из мрака к свету с Своего дозволения и ведет их к прямому пути.

19 (17). Не веруют те, которые говорят, что Аллах — это Мессия, сын Марйам.¹⁶ Скажи: «Кто же властен чем-нибудь у Аллаха, если Он захочет погубить Мессию, сына Марйам, и его мать, и тех, кто на земле, всех?»

20. Аллаху принадлежит власть над небесами и землей и тем, что между ними. Он творит то, что желает: ведь Аллах над всякой вещью властен!

21 (18). И сказали иудеи и христиане: «Мы — сыны Аллаха и возлюбленные Его». Скажи: «Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы — только люди из тех, кого Он создал. Он прощает, кому пожелает, и наказывает, кого пожелает. Аллаху принадлежит власть над небесами и землей и тем, что между ними, и к Нему — возвращение».

22 (19). О обладатели писания! Пришел к вам Наш посланник, разъясняя вам, во время перерыва между посланниками, чтобы вы не сказали: «Не приходил к нам ни благовеститель, ни увещатель!» Вот пришел к вам благовеститель и увещатель. Поистине, Аллах над всякой вещью мощен!

23 (20). Вот сказал Муса своему народу: «О народ мой! Вспомните милость Аллаха вам, когда Он установил среди вас пророков, и сделал вас царями, и даровал вам то, чего не даровал никому из миров.

24 (21). О народ мой! Войдите в землю священную, которую Аллах предначертал вам,¹⁷ и не обращайтесь вспять, чтобы не оказаться вам потерпевшими убыток».

25 (22). Они сказали: «О Муса! Ведь в ней люди-великаны,¹⁸ и мы никогда не войдем в нее, пока они не выйдут оттуда. А если они выйдут оттуда, мы войдем».

26 (23). Сказали два человека из тех,¹⁹ что боятся, которым Аллах даровал милость: «Войдите к ним воротами. А когда вы войдете, то вы будете одержавшими верх. На Аллаха полагайтесь, если вы верующие!»

27 (24). Они сказали: «О Муса! Мы никогда не войдем туда, пока они там остаются. Ступай же ты и твой Господь и сражайтесь вдвоем, а мы здесь будем сидеть».

28 (25). Сказал он: «Господи! Я властен только над самим собой и моим братом: отдели же нас от этого распутного народа».

29 (26). Сказал Он: «Вот она запрещена им на сорок лет, они будут скитаться по земле; не скорби же о народе распутном!»

30 (27). И прочитай им весть о двух сыновьях Адама с истиной.²⁰ Вот они оба принесли жертву; и была принята она от одного и не принята от другого. Он сказал: «Я непременно убью тебя!» Тот сказал: «Ведь Аллах принимает только от богобоязненных.

31 (28). Если ты прострешь ко мне свою руку, чтобы убить меня, я не протяну руки к тебе, чтобы убить тебя. Я ведь боюсь Аллаха, Господа миров.

32 (29). Я хочу, чтобы ты взял на себя грех против меня и свой грех и оказался среди обитателей огня. Это — воздаяние неправедным».

33 (30). И душа его представила ему легким убийство брата, и он убил его и оказался среди потерпевших убыток.

34 (31). И послал Аллаха ворона, который разрывал Землю, чтобы показать ему, как скрывать скверну его брата. Он сказал: «Горе мне! Я не в состоянии быть подобным этому ворону и скрыть скверну моего брата». И оказался он в числе раскаявшихся.

35 (32). По этой причине предписали Мы сынам Исра'ила: кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех.

36. Приходили к ним Наши посланники с ясными знаменами. Потом многие из них после этого по земле излиществовали.

37 (33). Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли.²¹ Это для них — позор в ближайшей жизни, а в последней для них — великое наказание, —

38 (34). кроме тех, которые обратились прежде, чем вы получили власть над ними. Знайте же, что Аллах — прощающий, милосердный!

39 (35). О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха, ищите приближения к Нему и усердствуйте на пути Его, — может быть, вы будете счастливы!

40 (36). Поистине, те, которые не веруют, если бы у них было все то, что на земле, и столько же еще, чтобы выкупить этим себя от наказания в день воскресения, все это не было бы принято от них, и им — наказание мучительное!

41 (37). Они захотят выйти из огня, но ни за что не выйдут они оттуда. Для них — вечное наказание!

42 (38). Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха.²² Поистине, Аллах — великий, мудрый!

43 (39). А кто обратится после своей несправедливости и исправит, то Аллах обратится к нему. Поистине, Аллах — прощающий, милосердный!

44 (40). Разве ты не знаешь, что Аллаху принадлежит власть над небесами и землей? Наказывает Он, кого пожелает, и прощает, кому желает. Поистине, Аллах над всякой вещью мощен!

45 (41). О посланник! Пусть тебя не печалят те, которые устремляются к неверию из тех, что говорят: «Мы уверовали!» своими устами, а сердца их не уверовали; и из иудеев: они прислушиваются ко лжи, прислушиваются к другим людям, которые не приходили к тебе; они искажают слова после их мест; они говорят: «Если вам это даровано, то берите его, а если вам не даровано, то берегитесь!» Ведь кого хочет Аллах искусить, для того ты ничем не будешь властен у Аллаха. Это — те, о которых не хотел Аллах, чтобы они очистили свои сердца. Для них в ближайшем мире — позор, для них в последней жизни — великое наказание!

46 (42). Они постоянно слушают ложь, пожирают запретное. Если они придут к тебе, то рассуди между ними или отвернись от них. А если отвернешься от них, то они ни в чем не повредят тебе. А если станешь судить, то суди их по справедливости: поистине, Аллах любит справедливых!

47 (43). Но как они поставят тебя судьей, когда у них — Тора, в которой суд Аллаха? Потом они отворачиваются после этого, — не являются эти верующими!

48 (44). Мы низвели Тору, в которой руководство и свет; судят по ней пророки, которые предались, тех, кто исповедует иудейство, а равнины и книжники²³ — сообразно с тем, что им дано на хранение из писания Аллаха, и они — об этом исповедники. Не бойтесь же людей, а бойтесь Меня! И не покупайте за Мои знамения малую цену! А кто не судит по тому, что низвел Аллах, то это — неверные.

49 (45). И предписали Мы им в ней,²⁴ что душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и раны — отмщение. А кто жертвует это милостыней, то это — искупление за него.²⁵ А кто судит не потому, что низвел Аллах, те — несправедливы.

50 (46). И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие,²⁶ в котором — руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных.

51 (47). И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах. А кто не судит по тому, что низвел Аллах, те — распутники.

52 (48). И Мы извели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь.

53. А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в до-

брых делах! А к Аллаху — возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чем вы разногласили!

54 (49). И суди между ними по тому, что низвел Аллах,²⁷ и не следуй за их страстями, и берегись их, чтобы они не соблазнили тебя от части того, что низвел тебе Аллах. Если они отвратятся, то знай, что Аллах хочет поразить их за некоторые их грехи. Ведь, поистине, многие из людей — распутники!

55 (50). Неужели суда времен неведения²⁸ они хотят? Кто же лучше Аллаха по суду для народа, обладающего уверенностью?

56 (51). О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они — друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них.²⁹ Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!

57 (52). Ты видишь, как те, в сердцах которых болезнь, поспевают среди них, говоря: «Мы боимся, что нас постигнет поворот удачи!», — а может быть, Аллах доставит победу или какое-нибудь повеление от Себя, и они окажутся расквашивающимися в том, что скрывали в своих душах,

58 (53). и будут говорить те, которые уверовали: «Неужели это они клялись Аллахом, — сильнейшей из их клятв, — что они — непременно с вами?» Тщетны их дела; они оказались в убытке!

59 (54). О вы, которые уверовали! Если кто из вас отпадет от своей религии, то... Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его, смиренных перед верующими, великих над неверными, которые борются на пути Аллаха и не боятся порицающих. Это — щедрость Аллаха: дарует Он ее, кому пожелает, — ведь Аллах — объемлющий, знающий!

60 (55). Ваш покровитель — только Аллах и Его посланник и те, которые уверовали, которые выполняют молитву и дают очищение, и они преклоняются.

61 (56). И кто берет покровителем Аллаха и Его посланника и тех, которые уверовали... ведь партия Аллаха — они победят.

62 (57). О вы, которые уверовали! Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву, из тех, кому до вас даровано писание, и неверных. Бойтесь же Аллаха, если вы верующие!

63 (58). И когда вы зовете к молитве, они принимают это за шутку и забаву. Это — потому, что они — люди, которые не разумеют.

64 (59). Скажи: «О обладатели писания! Неужели вы мстите нам только за то, что мы уверовали в Аллаха и что было низведено нам, и что было низведено раньше, и за то, что большая часть вас — распутники?»

65 (60). Скажи: «Не сообщить ли мне вам более злостное, чем это, по награде³⁰ у Аллаха? Тот, кого проклял Аллах и на кого разгневался, и сделал из них обезьян и свиней, и кто поклонялся тагуту. Эти — злостнее по месту и более сбившиеся с ровного пути».

66 (61). А когда они пришли к вам, они говорят: «Мы уверовали!» А они вошли с неверием и вышли с ним. Поистине, Аллах лучше знает, что они скрывают.

67 (62). И видишь ты многих из них, как они поспевают друг перед другом в грехе и вражде и пожирании ими незаконного. Плохо то, что они делают!

68 (63). Что бы их раввинам и книжникам удержать их от их греховных речей и пожирания ими незаконного... Дурно то, что они делают!

69 (64). И сказали иудеи: «Рука Аллаха привязана!» У них руки связаны,³¹ и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у Него распростерты: расходует Он, как желает. И конечно, у многих из них низведенное тебе от твоего Господа только увеличивает заблуждение и неверие. Мы бросили между ними вражду и ненависть до дня воскресения. Как только они зажгут огонь для войны, тушит его Аллах. И стремятся они по земле с нечестием, а Аллах не любит распространяющих нечестие!

70 (65). А если бы обладатели писания уверовали и были богобоязненны, Мы очистили бы с них их скверные деяния и ввели бы их в сады благодати. (66). А если бы они держали прямо Тору и Евангелие и то, что низведено им от их Господа, то они бы питались и от того, что сверху их, и от того, что у них под ногами. Среди них — народ соразмерный, а многие из них — скверно то, что они делают!

71 (67). О посланник! Передай, что низведено тебе от твоего Господа. А если ты этого не сделаешь, то ты не передашь Его послания. Аллах защитит тебя от людей. Поистине, Аллах не ведет прямо людей неверных!

72 (68). Скажи: «О люди писания! Вы ни на чем не держитесь, пока не установите прямо³² Торы и Евангелия и того, что низведено вам от вашего Господа». Но у многих из них низведенное тебе от твоего Господа увеличивает только заблуждение и неверие. Не горюй же о людях неверных!

73 (69). Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и сабии, и христиане, — кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благое, — нет страха над ними, и не будут они печальны!³³

74 (70). Мы взяли договор с сынов Исра'ила и послали к ним пророков. Всякий

— как приходил к ним посол с тем, что не любили их души, — одних они сочли лже-
— а других избивают.

75 (71). И они думали, что не будет напасти,³⁴ и были слепы и глухи. Потом обра-
тился к ним Аллах, потом были слепы и глухи многие из них; а Аллах видит то, что
они делают!

76 (72). Не веровали те, которые говорили: «Ведь Аллах — Мессия, сын Марй-
ам». А Мессия сказал: «О сыны Исра'ила! Поклоняйтесь Аллаху, Господу моему и Гос-
поду вашему!» Ведь, кто придает Аллаху сотоварищей, тому Аллах запретил рай. Убе-
жищем для него — огонь, и нет для неправедных помощников!

77 (73). Не веровали те, которые говорили: «Ведь Аллах — третий из трех»,³⁵ —
тогда как нет никакого божества, кроме единого Бога. А если они не удержатся от
того, что говорят, то коснется тех из них, которые не уверовали, мучительное на-
казание.

78 (74). Неужели они не обратятся к Аллаху и не попросят у Него прощения?³⁶
Ведь Аллах — прощающий, милостивый!

79 (75). Мессия, сын Марйам, — только посланник, прошли уже до него посланни-
ки, а мать его — праведница. Оба они ели пищу. Посмотри, как разъясняем Мы им
знамения; потом посмотри, до чего же они отвращены!

80 (76). Скажи: «Неужели вы поклоняетесь помимо Аллаха тому, что не владеет
для вас ни вредом, ни пользой, а Аллах — слышащий, знающий?»

81 (77). Скажи: «О обладатели писания! Не излишествуйте в вашей религии без
истины и не следуйте за страстями людей, которые заблудились раньше, и сбили мно-
гих, и сбились с ровной дороги.

82 (78). Прокляты те из сынов Исра'ила, которые не веровали языком Да'уда
и 'Исы, сына Марйам! Это — за то, что они ослушались и были преступны. (79). Они не
удерживались от порицаемого, которое совершили. Скверно то, что они делали!

83 (80). Ты видишь, как многие из них берут в друзья тех, которые не веровали. Как
скверно то, что им раньше уготовали их души, что разгневался на них Аллах, и в на-
казании они пребывают вечно!

84 (81). Если бы они веровали в Аллаха, и пророка, и то, что было низведено ему,
они не брали бы их в друзья, но многие из них распутны!

85 (82). Ты, конечно, найдешь, что более всех людей сильны ненавистью к уверо-
вавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви
к уверовавшим те, которые говорили: «Мы — христиане!» Это — потому, что среди
них есть иереи и монахи³⁷ и что они не превозносятся.

86 (83). А когда они слышат то, что низведено посланнику, то ты видишь, как глаза
их переполняются слезами от истины, которую они узнали. Они говорят: «Господи
наш! Мы уверовали, запиши же нас с исповедниками!

87 (84). И почему нам не верить в Аллаха и в то, что пришло к нам из истины, раз
мы желаем, чтобы ввел нас наш Господь с людьми праведными?»

88 (85). И вознаградили их Аллах за то, что они говорили, садами, где внизу текут
реки, — вечно пребывающими они будут там. И это воздаяние делающим добро. (86).
А те, которые не веровали и считали ложью Наши знамения, они — обитатели огня!

89 (87). О вы, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые разрешил вам
Аллах, и не преступайте. Поистине, Аллах не любит преступающих!

90 (88). И питайтесь тем, чем наделяет вас Аллах, дозволенным, благим. И бойтесь
Аллаха, в которого вы веруете!

91 (89). Аллах не взыскивает с вас за легкомыслие в ваших клятвах, но Он взыски-
вает с вас за то, что вы связываете клятвы.³⁸ Искуплением этого — накормить десять
бедняков средним из того, чем вы кормите свои семьи, или одеть их, или освободить
раба. А кто не найдет, то — пост трех дней. Это — искупление ваших клятв, которыми
вы поклялись. Охраняйте же ваши клятвы! Так разъясняет Аллах ваши знамения, —
может быть, вы будете благодарны!

92 (90). О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы — мерзость
из деяния сатаны!³⁹ Сторонитесь же этого, — может быть, вы окажетесь счастливыми!

93 (91). Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром
и отклонить вас от поминания Аллаха и от молитвы. Удержитесь ли вы? (92). Повинуй-
тесь же Аллаху и повинуйтесь посланнику и берегитесь! А если вы отвернетесь, то
знайте, что на Нашем посланнике только ясная передача.

94 (93). Нет греха на тех, которые уверовали и творили благие дела, в том, что они
вкушают, когда они богобоязненны и уверовали и творили благие дела, потом были
богобоязненны и веровали, потом были богобоязненны и делали добро, — ведь Аллах
любит добродетельных!

95 (94). О вы, которые уверовали! Конечно, Аллах будет испытывать вас добычей,
которую получают на охоте ваши руки и ваши копья, чтобы узнать Аллаху, кто боится
Его втайне. А кто преступит после этого, тому болезненное наказание.

96 (95). О вы, которые уверовали! Не убивайте добычи, когда вы в хараме; а кто

убьет из вас умышленно, то воздаяние — скота столько же, сколько он убил. Устанавливают это двое справедливых из вас как жертву, направляющуюся к Ка'бе,⁴⁰ или искупление — накормить бедняков, или равное этому — постом, чтобы он вкусил вред своего дела. Простит Аллах то, что было прежде; а кто повторит, тому отомстит Аллах: поистине, Аллах велик, обладатель мщения!

97 (96). Дозволена вам охота в море и питание ею в пользование вам и путникам. Но запрещена вам охота на суше пока вы в хараме. Бойтесь Аллаха, к которому вы будете собраны!

98 (97). Установил Аллах Ка'бу, священный дом, утверждением для людей, и священный месяц, и жертвенное животное, и украшения. Это — для того, чтобы вы узнали, что Аллах знает то, что в небесах и что на земле, и что Аллах обо всякой вещи знающ.⁴¹ (98). Знайте, что Аллах силен в наказании и что Аллах — прощающий, милостивый!

99 (99). На обязанности посланника — только сообщения; а Аллах знает, что вы обнаруживаете и что вы скрываете!

100 (100). Скажи: «Не одинаковы мерзкое и хорошее, хотя бы и восхищало тебя изобилие мерзкого». Бойтесь же Аллаха, обладатели разума, — может быть, вы будете счастливы!

101 (101). О вы, которые уверовали! Не спрашивайте о вещах, которые огорчат вас, если откроются вам. А если вы спросите о них, когда низводится Коран, они откроются вам. Аллах простил за них: ведь Аллах — прощающий, кроткий. (102). Спрашивали о них люди до вас; потом оказались неверующими в них.

102 (103). Аллах не устраивал ни бахиры, ни са'ибы, ни васили, ни хама, но те, которые не уверовали, измышляют на Аллаха ложь, и большая часть их не разумеет.⁴²

103 (104). А когда им скажут: «Приходите к тому, что низвел Аллах, и к посланнику», они говорят: «Довольно нам того, на чем мы нашли наших отцов!» Неужели даже если бы их отцы ничего не знали и не шли прямым путем?

104 (105). О те, которые уверовали! На вас — забота только о ваших душах. Не повредит вам тот, кто заблудился, если вы идете прямо. К Аллаху — ваше возвращение всех, и Он сообщит вам то, что вы делали!

105 (106). О вы, которые уверовали! Свидетельством между вами, когда приходит к кому-нибудь из вас смерть, в момент завещания (должны быть) двое обладающих справедливостью из вас или два других не из вас, когда вы странствуете по земле и вас постигнет несчастье смерти.⁴³ Вы их задержите после молитвы, и они поклонятся Аллахом, если вы сомневаетесь: «Мы не продадим его за какую-нибудь цену, хотя бы и для родственников, и не скроем свидетельства Аллаха. Поистине, мы в таком случае были бы из грешников!»

106 (107). Если же окажется, что они оба заслужили обвинение в грехе, то два других, более достойных, заступят их место из тех, против которых преступили прежде. Они поклонятся Аллахом: «Свидетельство наше — вернее свидетельства тех обоих. Мы не преступаем; иначе мы были бы из неправедных».

107 (108). Это — ближе к тому, чтобы они давали свидетельство по его обличию или боялись того, что после их клятв опять будут повторены клятвы. Бойтесь же Аллаха и слушайте, — ведь Аллах не ведет народа распутного!

108 (109). В тот день, как соберет Аллах посланников и скажет: «Что же вам было отвечено?», — они скажут: «Нет у нас знания, ведь Ты — знающий тайны».

109 (110). Вот скажет Аллах: «О'Иса, сын Мар'ям! Вспомни милость Мою тебе и твоей родительнице, как Я подкрепил тебя духом святым. Ты говорил с людьми в колыбели и взрослым.⁴⁴

110. И вот научил Я тебя писанию, мудрости, Торе, Евангелию, и вот ты делал из глины подобие птиц с Моего дозволения и дул на них, и становились они птицами с Моего дозволения. Ты исцелял слепого и прокаженного с Моего дозволения, и ты изводил мертвых с Моего дозволения. И вот Я удержал сынов Исра'ила от тебя, когда ты пришел к ним с ясными знаменами. И сказали те, которые не веровали из них: «Это — только очевидное колдовство!»

111 (111). И вот внушил я апостолам: «Уверуйте в Меня и в Моего посланника!» Они сказали: «Мы уверовали, свидетельствуй, что мы предались!»

112 (112). Вот сказали апостолы: «О'Иса, сын Мар'ям! Может ли твой Господь низвести нам трапезу с неба?» Он сказал: «Бойтесь Бога, если вы верующие!»

113 (113). Они сказали: «Мы хотим поесть с нее, и успокоятся наши сердца, и будем мы знать, что ты сказал нам правду, и мы будем о ней свидетелями».

114 (114). Сказал 'Иса, сын Мар'ям: «Аллах, Господи наш! Низведи нам трапезу с неба! Это будет нам праздником для первого из нас и для последнего и знаменем от Тебя. И даруй нам удел. Ты — лучший из дарующих уделы!»

115 (115). Сказал Аллах: «Я ниспошлю ее вам, но кто еще из вас будет потом неверующим, того Я накажу наказанием, которым не наказываю никого из миров!»

116 (116). И вот сказал Аллах: «О'Иса, сын Мар'ям! Разве ты сказал людям: «Примите меня и мою мать двумя богами кроме Аллаха?» Он сказал: «Хвала Тебе! Как

можно мне говорить, что мне не по праву? Если я говорил, Ты это знаешь, Ты знаешь то, что у меня в душе, а я не знаю того, что у тебя в душе: ведь Ты — ведающий скрытое.⁴⁵

117 (117). Я не говорил им ничего, кроме того, о чем Ты мне приказал: «Поклоняйтесь Аллаху, Господу моему и Господу вашему!» Я был свидетелем о них, пока пребывал среди них, а когда Ты меня упокоил, Ты был наблюдателем за ними, и Ты — свидетель всякой вещи.

118 (118). Если Ты их накажешь, то ведь они — Твои рабы, а если Ты простишь им, то ведь Ты — великий, мудрый!»

119 (119). Сказал Аллах: «Это — день, когда поможет правдивым их правдивость. Им — сады, где внизу текут реки, — вечно пребывающими они будут там». Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом. Это — великая прибыль!»

120 (120). Аллаху принадлежит власть над небесами и землей и тем, что в них, и Он мощен над всякой вещью!»

КОММЕНТАРИИ

1. В традиции ислама и по хронологии специалистов признается последней сурой Корана, прочитанной Мухаммадом в конце жизни. Самым последним в суре считается аят 5, где говорится о завершении изложения религии ислам. Группа аятов, где речь идет о хадже, возможно, прочитана во время и после последнего паломничества Мухаммада в Мекку, именуемого в истории «прощальным хаджем». «Прощальный хадж» пророк совершил в феврале 632 года, то есть за четыре месяца до смерти.

В суре выделяются пять тематических частей: первая (аяты 1—14) — суть предписания мусульманам относительно обрядов и пищи; вторая (аяты 15—41) — полемика с неверующими (иудеями и христианами); третья (42—88) — проповедь верующим, предостережение их от отхода от ислама; четвертая (аяты 89—107) — продолжение предписаний в делах веры, бытовой жизни и пище; пятая (аяты 108—120) — полемика с христианами.

Значительная часть суры прочитана уже во время болезни (завершившейся смертью); поэтому чувствуется завещательный тон проповедей.

2. Смысл: разрешается мясо всяких животных, кроме запрещенных, о которых будет прочитано (в этой суре, см. аят 4 и далее).

3. Здесь речь не о хараме вообще (о всяком запрещенном), а конкретно: запрещается охота, когда человек считается в хараме во время хаджа. Кааба и определенная территория вокруг нее (7—8 км в ширину и 16—18 км в длину) и до ислама считались харамом (запрещенными, т. е. священными). Вступая на эту территорию, паломник переходил в состояние харамы, то есть должен был соблюдать запрет на некоторые действия и поступки (например, запрещалось бриться, стричь ногти, приближаться к женщине, развлекаться и т. д.), одевался в специальную одежду (два куска материи), которая называется ихрам (одежда запрета). Предписания эти полностью сохраняются во время хаджа и поныне.

4. Предписания мусульманам не нарушать обрядов и традиций, связанных с хаджем: первое — совершение этого обряда как предписания Аллаха; второе — совершение хаджа в священном месяце, каковым считается месяц зуль-хиджа; третье — приношение в жертву животного; четвертое — метка животного для жертвоприношения, когда вешаются ему на шею украшения; пятое — не препятствование паломникам, идущим на поклонение Каабе.

5. «В состоянии дозволенности», то есть после выхода из состояния харамы.

6. Фраза «что заколото с призыванием не Аллаха» свидетельствует о введении мусульманского обычая убой скота — мясник читает особую молитву, без чего мясо и поныне считается запрещенным (харамом) для мусульман.

«Что заколото на жертвенниках» (в тексте термин «нусуб» — идолы) — запрещается то, что заколото в честь идолов.

«Делить по стрелам» — речь идет о мясе животных, разделенных по стрелам. У арабов бытовала азартная игра, в которой в зависимости от попаданий стрелы разделялась туша животного между участниками игры.

7. На основе этой фразы аята при угрозе смерти от голода разрешается есть и запрещенную пищу.

8. Разрешается охота с помощью обученных (дрессированных) животных и птиц.

9. Разрешается пища «обладателей писания» — т. е. иудеев и христиан.

10. Разрешается жениться на целомудренных женщинах как из мусульман, так и из иудеев и христиан. Но ради женитьбы мусульманину нельзя отречься от своей веры. Однако в шариате были выработаны на основе хадисов отличающиеся от этого установки.

11. Правило совершения тахарата, т. е. ритуального омовения перед молитвой.

12. Фраза «задумали протянуть к вам свои руки» переведена неточно. В тексте — «они замыслили поднять на вас руки», то есть имеются в виду враждебные намерения.

13. Имеется в виду двенадцать колен иудейских племен.

14. Измена со стороны иудейских племен, обитавших в мединском оазисе, имела место раньше, последний случай — 627 год. Видимо, речь здесь идет о прошлом.

15. В Коране христиане называются «насары», «насрани», то есть «назаряне», что связано с евангелийским именем Иисуса — «Назарянин», то есть из Назарета.

16. Коран систематически полемизирует с христианской догматикой, признающей богом (вернее, сыном бога) самого Иисуса.

17. Речь идет об «обетованной земле» (Палестине), по иудейской догматике.

18. Перевод слова «джаббарин» как «люди-великаны» приводит к отождествлению их с легендарным племенем великаны — адитов, у которых пророком был Худ. Более точный перевод — «воинственный народ». Имеются в виду аморреяне, жившие в то время в Ханаане — древней Палестине.

19. Отзвук иудейской легенды о двух лазутчиках, направленных иудеями в Ханаан — в город Хеврон (параллель см. в Книге чисел, гл. 13).

20. В аятах 30—35 — отголосок легенды о сыновьях Адама — Каине и Авеле (параллель см. Книга бытия, гл. 4). Множество подобных легенд в иудейских писаниях, по мнению Маркса и Энгельса, связано с тем, что сами евреи являлись таким же бедуинским племенем, как и все остальные бедуины, что еврейское писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций, что основное содержание их было арабским, вернее, общесемитским (см. Соч. т. 28, стр. 209—210). Буржуазные ученые нередко при анализе Корана игнорируют эти факты.

21. В аяте 37, возможно, имеются в виду неприятные для мусульманской общины события в марте-апреле 632 года, когда Асвад поднял восстание в Йемене, Мусейлима и Тулейха объявили себя пророками в центральных районах Аравии (Йемаме и Самире). Мусульманская община видела, что отдельные племена выходят из подчинения Медине.

22. На основе этого аята за кражу в первый раз по шариату отсекается правая рука, вторичная кража наказывается отсечением левой ноги, третья кража — карается тюремным заключением. Такое же наказание в шариате распространено и на кражу со взломом, и на грабеж, поскольку эти виды преступления не упомянуты в Коране отдельно. Если кража или грабеж отягощены убийством, то преступника ждет смертная казнь через обезглавливание или повешение. Во многих мусульманских странах законы теперь изменены, но в некоторых из них и сейчас сохраняются эти виды наказания.

23. В тексте «ар-раббанийун» — раввины, служители культа в иудаизме и наставники (поведенники) иудейских религиозных общин, они функционируют и сейчас. Книжники (арабское ал-хбар, древнееврейское — соферим) — термин исторический. Так назывались в древности иудейские богословы, занимавшиеся толкованием текстов иудейских книг, главным образом — создатели трактатов Талмуда на основе толкования Торы (Пятикнижия).

24. «В ней», то есть в Торе. Право мести существовало у семитских народов (параллели см. Исход, гл. 21; Левит, гл. 24; Второзаконие, гл. 19).

25. Но в Коране речь идет о ее смягчении; о человеке, согласившемся принять виру (компенсацию), вместо ответного убийства, говорится как об угодном богу.

26. Отправление Иисуса с Евангелием в качестве пророка, в подтверждение Торы.

27. «По тому, что низвел Аллах» — т. е. по Корану.

28. «Джахилийя» — популярный в исламе термин, означающий невежество. Так назван доисламский период жизни арабов — как период «неведения» или «невежества» в противовес периоду ислама как периоду «знания» или «познания бога».

29. Такие запреты были характерны для более раннего этапа ислама и относились они к Медине, когда там шли постоянные столкновения иудеев и мусульман. Аяты 56—70 по содержанию более ранние, они представляют вставку в последнюю суру.

30. Смысл по тексту: «не сообщить ли мне вам о более злостном, чем это, заблуждении, за которое последует воздаяние Аллаха».

31. «Рука Аллаха привязана», а более точно: «руки сжаты» — образное выражение, означающее скупость. Противоположное выражение — «распростерты руки». Фраза же «у них руки связаны» — другого содержания, здесь намек на легенду в Коране о том, что в Судный день грешников приводят к Аллаху на допрос с привязанными к затылку руками.

32. Фраза «пока не установите прямо» в переводе не вполне ясна. По тексту речь идет о точном соблюдении предписаний Торы и Евангелия.

33. Из иудеев, сабиев и христиан выделяется часть как праведные. О сабиях были даны разъяснения в суре 2, аяте 59.

34. «Не будет напасти» — перевод не совсем четкий. В тексте «фитна» — искушение, следовательно, они думали, что это не будет считаться греховным, то есть искушением.

35. Критика христианского учения о Троице.

36. Имеются в виду те, которые не веровали и были прокляты устами Дауда и Исы.

37. Иудеи и многобожники отнесены к врагам, христиане же близки к мусульманам. Иереи (араб. «кассисин») — просвитеры, священники; монахи (араб. «рухбан») — отшельники.

38. Здесь смысл: «за то, что вы связываете себя клятвой». Клятва, даваемая попусту, квалифицируется как грех.

39. Последний и окончательный запрет вина и майсира — азартных игр. Жертвенник — то, что принесено в жертву идолам, а также место такого жертвоприношения. Стрелы — вид азартной игры (см. сноску 6).

40. По смыслу повторяются предписания, данные в аяте 1. Но здесь есть и новый пункт. За умышленную охоту во время запрета — как воздаяние — животное приносится в жертву Каабе.

41. Повторение предписаний, изложенных в аяте 2.

42. «Бахира», «саиба», «васила», «хамы» — термины, связанные с доисламскими традициями арабов. У кочевых племен важной областью хозяйства являлось верблюдоводство, с чем было связано много обычаев. «Бахира» — «верблюжонок с разрезанным ухом». Если рожденный пя-

тым верблюжонка оказывался самцом, ему разрезали уши и освобождали от всех хозяйственных работ, посвящая его жертвоприношению. В надежде отвести от себя во время путешествия беду или несчастный случай, кочевники приносили в жертву верблюжонка, которого называли «саиба» — «пасущийся на свободе». Если при седьмом отеле верблюдица приносила двойняшек, одного верблюжонка также отводили для жертвоприношения, называя его «васила». Верблюдица, приносившая приплод десять лет подряд, называлась «хами» — то есть защитницей, или сохраняющей собственное поколение. «Хами» освобождали от всяких хозяйственных работ, позволяли свободно пастись на лучших пастбищах.

Упоминание древних обычаев в аяте связано с тем, что один из влиятельных арабов, защищая эти обычаи, настаивал на том, что они являются установлением Аллаха, в аяте это категорически отрицается.

43. Имели место случаи, когда человек умирал во время путешествия с торговыми караванами, а после возвращения каравана возникал спор о его имуществе. В аятах 105—107 устанавливается норма, по которой завещание должно быть составлено при двух свидетелях из мусульман или, если мусульман в караване не окажется, то христиан, которые могли бы подтвердить волю покойного клятвой. При этом следует определить свидетелей из наиболее правдивых людей.

44. В аяте 109 и последующих аятах — отражение евангельских легенд об Иисусе Христе: рассказ о том, что он начал говорить еще в колыбели, оживлял птиц, исцелил слепого и прокаженного, воскрешал мертвых и т. д.

Под влиянием этих легенд в мусульманскую литературу вошел образ Исы, оживляющего мертвого одним взглядом.

45. В христианской традиции отсутствует признание Марии как божества. Троица признается в трех лицах (ипостасях): бог-отец, бог-сын и бог-святая дух. В последующих аятах в полемике с христианской догматикой утверждается единобожие Аллаха.

Продолжение следует.

Владимир Васильев

РОМАН-УТОПИЯ¹

— Вот! — протянула Ирине громадный букет белых гвоздик нянечка, совершенно обалдевшая от такой передачи. — Вам передали! — вздохнула она с завистью. Ирина Петровна вежливо улыбнулась и поблагодарила нянечку. — Вот я и банку принесла! — воскликнула та. — А то куда же поставите? Красотища-то какая! Наверное, ведро целое!.. Вот это любовь! — восторгалась совсем еще юная нянечка, помогая ставить букет в банку. — Ой, тут конверт!

Ирина Петровна взяла конверт, вскрыла. При этом она была несколько насторожена, как человек, ожидающий, что ему вот-вот плюнут в душу. А в конверте оказалось шесть сложенных гармошкой бумажных лент, аккуратно пронумерованных на титульных листиках. Ирина Петровна отогнула первый листик и улыбнулась, увидев смешных человечков. «Мультик! — догадалась она. — В шести сериях!» — И на душе полегчало. А чего она, собственно, ожидала, чего боялась?.. Человечки были милые и потешные. Святая сила искусства. Ира переворачивала гиб за сгибом, улыбалась, вздыхала. Она следила за тем, как человечки то порхают на ангельских крылышках в воздухе, то играют с осьминогами в шахматы, то бегают по горам. И в толпе человечков все время оказывались два самых смешных, бестолковых, попадающих в самые нелепые положения, легко узнаваемых человечка. Одним из них была она, другим — Герд. Они все время теряли друг друга и старались найти. Каждая серия кон-

¹ Окончание. Начало в № 3

чалась «хэппи энд» — они обретали друг друга, и весь мир в лице окружающих человечков ликовал. «Хитрец!» — благосклонно подумала Ирина Петровна...

...А в это время Герард Кадырович принимал в своем кабинете Андрея.

Намазов за руководство взялся очень решительно и регулярно заставлял Петрова отчитываться самым подробнейшим образом. С одной стороны, это отнимало время, но с другой, — здорово дисциплинировало. А Герард Кадырович получал наиточнейшую информацию из первых рук. Вот и сегодня Андрей, сидя напротив Намазова, излагал ему результаты исследований, которые он должен был провести по плану своей диссертации. Однако при всей важности диссертационных задач, не они владели помыслами Гражданина Вселенной. Что такое индивидуальные фелицитологические исследования, хотя бы это и тема собственной диссертации, когда столь реальны перспективы создания «Коллективного Разума»? Этого зернышка будущего счастливого и свободного мира! Сейчас главная задача — соединение интеллектов через интеллектрон! Они прекрасно осознавали социальную роль этой задачи и потому не спешили ее раньше времени афишировать. Врагов ожидалось предостаточно.

А Герард Кадырович, выслушав отчет аспиранта, продолжал вопросительно смотреть на Андрея. После письма Вольнова стало ясно — от него что-то скрывают. Вынуждая Петрова к подробному отчету, Намазов надеялся, что тот все же сообщит ему о подлинной цели их занятий. Сколько, в конце концов, можно морочить голову? Однако Петров принялся красочно расписывать перспективы многоканального исследования, которые были очевидны.

— Прекрасно, прекрасно, Андрей Митрофанович! — прервал Намазов Петрова, радушно улыбаясь. — Рад за вас и ваших товарищей. Этот подход несомненно повысит эффективность ваших исследований. Но надо признать, что ограничение чисто фелицитологическими исследованиями, которыми вы занимаетесь, существенно снижает всю возможную пользу вашей работы для народа. В данном случае надо мыслить глобальнее! Вы развили интереснейшее направление, но... остановились в начале пути. А я вижу, что ваши исследования неизбежно приводят к созданию «Коллективного Разума», о котором так хорошо и правильно писал наш учитель — Александр Аркадьевич Вольнов! Необыкновенного ума человек! Жаль, что вам не пришлось с ним близко общаться — обаятельнейшая личность!.. Конечно, никакое научное открытие не может служить панацеей от всех социальных болезней, но хорошим лекарством вполне может быть. А создание «Коллективного Разума» означало бы свершение самой великой в истории человечества научно-технической революции! Это коренной переворот! Я должен вас поздравить. Хотя вы и не заметили такой возможности, но все же имеете к ней самое непосредственное отношение. Я не отменяю программу ваших исследований, пока продолжайте. Надеюсь, что в ближайшее время Ирина Петровна все-таки выйдет на работу, и мы обсудим в вашем секторе программу работ по созданию «Коллективного Разума», которую я продумал и подготовил.

Андрей обалдел. Это был удар в солнечное сплетение! И он задохнулся в самом прямом смысле. Намазов был доволен.

— Но, — выдохнул с трудом Петров.

— Никаких «но», Андрей Митрофанович, никаких «но»! Я понимаю ваше волнение, но наука есть наука — великие открытия часто бывают неожиданными для открывателей.

— Но мы и сами! — растерянно чирикнул Андрей.

— Неужели?! — преувеличенно громко удивился Намазов, удовлетворенно отметив про себя: «Попался, голубчик! То-то же!» — Неужели вы тоже догадались? Прекрасно! Но одной догадки мало. Я предлагаю вам конкретный план эксперимента и порядок исследований. — Никакого плана у Герарда Кадыровича не было, но он уверенно провоцировал Петрова. И тот робко сообщил:

— Мы тоже все продумали. — Ему стало страшно, что их открытие перестанет быть их открытием, а они превратятся в исполнителей «мудрой и смелой» идеи Намазова. Хотя человечеству на первый взгляд все равно, кто автор идеи, Гражданину Вселенной это было небезразлично. И он попался на намазовский крючок.

— Даже так?! — обрадовался Герард Кадырович. — Очень рад!.. В таком случае, мы скоординируем наши планы и... за работу! При возможности сообщите Ирине Петровне о нашем разговоре. И будем ждать ее. Работы продолжайте. Держите меня в курсе, сообщайте о затруднениях.

Обалдевший Гражданин Вселенной послушно кивал головой и бессмысленно улыбался.

— Ну что ж, Андрей Митрофанович, обрадовали вы меня, обрадовали! Однако, почему такая секретность?

— Сначала надо было проверить, — попытался оправдаться Андрей.

— Похвальная осторожность и скромность, — милостиво принял объяснение Герард Кадырович. — Но попахивает кустарщиной. При современном плановом характере науки таких фактов быть не должно! — он многозначительно посмотрел на Андрея, чтобы тот понял намек на осуждение.

Андрей понял и непроизвольно виновато кивнул головой. «Во мужик!» — подумал он с невольным восхищением, чувствуя, как с грохотом и треском рушится в нем привычный и презренный образ Намазова.

В пятницу вечером Анастасия Владимировна, с трудом приведя свое чадушко в благопристойный вид, повезла его к бабушке, чтобы оставить там на выходные, — всякой любви нужна отдушина, особенно родительской.

Вернувшись домой, Настенька застала мужа, как и ожидала, за письменным столом. Приведя себя в божеский вид, она забралась в кресло с ногами и стала перелистывать платоновский роман. У жены писателя, пусть даже непрофессионального, кроме прочей домашней работы, есть еще и святая обязанность домашнего критика, редактора и издателя.

Действие романа развивалось, так сказать, на трех сценических площадках: некий город, близкий к современному, но в то же время и не совсем современный; горы как место обитания отшельников, и не то какая-то далекая планета, не то вообще иной мир со своими обитателями. «Первое свидание» Платонов полностью включил в роман, и получилась попытка контакта этого мира с землянами. Потенциальные отшельники покидали общество, отчего происходили локальные личные трагедии. Военизированная научная экспедиция пыталась вступить с отшельниками в контакт. Но безуспешно. Отшельники исчезали. Все точно по информации Симоняна, которой Платонов в романе пользоваться не стеснялся. Были в нем и старик на обрыве, и случай в вертолете, и светящаяся женщина перед альпинистами.

— Народ должен знать правду! — оправдывался Платонов.

Больше всего не нравилось Насте, что он наряду с вымышленными именами использовал и имена своих знакомых. Ладно бы только имена. Он и портреты их давал. Фактически в романе присутствовала вся их лаборатория и сам он в том числе.

— Рабочий вариант, — оправдывался Платонов. — Мне так легче представить героев живыми. — И обещал: — Когда закончу, все имена поменяю. Ну давай прямо сейчас поменяю.

Настя сомневалась во всем: и в том, что закончит, и в том, что существенно поменяет. Ладно уж, для него это жизненно важно, значит, надо работать. А Платонов решительно сменил Платонова на Сократова.

В романе вновь появились работники психбольницы: Иван Денисыч Фетисов, расшифровавший загадку Аннушки и Игоря Анатольевича, и лечащий врач Ольга Петровна Орлова. Оба терзаются от бессилия. Но, в конце концов, в нравственных муках рождается «идея». Иван Денисыч навещает Аннушку дома, застав ее в относительно сносном состоянии здоровья, хотя некоторые «остаточные» явления в психике все-таки заметны. Аннушка обрадовалась живой душе и согласилась напечатать отчет. Они устроили чаепитие, а на следующий день Иван Денисыч принес Аннушке рукопись отчета, содержащего научное описание истории Аннушки и Игоря Анатольевича. Аннушка печатает отчет, поначалу не понимая, что это ее история, а когда, наконец, понимает, ей становится грустно оттого, что Иван Денисыч появился не просто так, а с умыслом.

«Что же вы хотите от меня?» — спрашивает она решительно Ивана Денисыча. И он рассказывает свою «идею», которая заключается в попытке «вернуться назад» при стыковке мозга с интеллектроном. В основе идеи — гипотеза о возможности восстановления с помощью проимитированных психических процессов варианта организма, им соответствовавшего. То есть Аннушке предстояло еще раз «перезагрузить» свою историю. Правда, теперь одной. Вместо Игоря Анатольевича — его модель, записи состояния его психики. Сам он откасался участвовать в эксперименте. Аннушка же с радостью согласилась. Только бы не оставаться одной. Только бы общаться с людьми.

Она стала работать старшим лаборантом в Институте Кибернетики в лаборатории Михаила Викторовича Сократова, где и собирались проводить над ней эксперимент.

«... И вот все готово. Вечер перед экспериментом. Аннушка затеяла уборку и довела свою квартирку до блеска. Потом привела себя в порядок и села читать книгу. Становилось тоскливо. И тут пришел Иван Денисыч. Оказывается, она его ждала. Они развели самовар. Аннушка была в этот вечер красива и весела, Иван Денисыч — грустен и нежен. И ей это нравилось. Она даже спела ему несколько

песен, аккомпанируя себе на гитаре. Иван Денисыч мучился, не решаясь высказать ей то, с чем пришел. Аннушка это видела, но не помогала ему.

— Ну что, веселье получились поминки? — спросила она уже в дверях, когда он, прощаясь, поцеловал ей руку.

— Нет, Аннушка! — решительно запротестовал он. — Это было ожидание встречи. Мы просто вместе ждали. Я очень вам благодарен — мне было очень хорошо. Может быть, никогда больше так не будет... Я был бы счастлив, если б это ожидание длилось всю жизнь...

Аннушка, прислонив костыль к косяку, коснулась ладонью его щеки и отвела:

— Я тоже, милый Иван Денисыч... Вы очень хороший. Спасибо вам... А теперь, до свидания. Мне велено спать как убитой.

— Да-да-да, — засуетился Фетисов. — Извините.

— Не надо суетиться, — остановила его Аннушка. — Лучше поцелуйте меня на прощанье...

Через мгновение она чуть заметно оттолкнула его, и он, пятясь, исчез, шепча одними губами:

— Я буду ждать вас!

Конечно же, она поплакала на сон грядущий. Как не поплакать? Наверное, все это банально, но так щемит в груди...

Далее описывается начало эксперимента. Приходит Аннушка. Сама, без костылей. На ней биокибернетические протезы, изготовленные Максимом Васиным. Кроме сотрудников лаборатории, присутствуют директор института Ричард Намазович Кадыров и Иван Денисыч. Ольга Петровна находится в отдельной операторской комнате с медицинской аппаратурой. Аннушка до сих пор ее не видела, и сейчас Орлова не хочет ей показываться.

Эксперимент начинается. Присутствующие при эксперименте наблюдают на экране странную игру света и цвета, напоминающую цветомузыку, которая захватывает их, поглощает, растворяет в себе, уводит из реальности... Сократов слышит женский голос, читающий ему незнакомые, но словно бы им написанные стихи:

Привет тебе, бездомный путник,
Дверь отворивший в дом чужой,
Где жизнь бурлит, шумят на кухне,
Где говорят, но не с тобой,

Где чужд тебе язык и платье
И дик движения хаос...
Иди вперед, шепча проклятья!
Испей вина соленых слез!

И каждый шаг твой будет мукой
Непониманья бытия —
Чужого эха чуждых звуков,
Где только жизнь и смерть — твоя.

Но миг придет — исчезнут стены,
И станет вятен каждый звук,
И станет дом чужой — вселенной,
В которой бог — твой лучший друг...

Петр Андреев ощутил себя частью разумной вселенной... Все это было довольно умно, но не захватывало. Настенька недовольно морщилась и писала на полях: «Скучно!» И вдруг потеряла редакторскую бдительность.

«... Песок был везде. Он скрипел на зубах и раздирал в кровь дыхательные пути при каждом вдохе, который было страшно сделать и невозможно не сделать. Он вытекал со слезами из-под воспаленных век. Он перемешался с потом и облепил спекшейся коркой тело. Усталое тело немолодой женщины. Ольга Петровна ползла по пустыне, потеряв счет времени. Мозг отказывался помнить, когда и как она сюда попала. Было что-то страшное. Все куда-то летело, рушилось, горело, взрывалось. А она ползла, вдыхая песок, глотая песок, зарываясь в песок все глубже и глубже и мечтая, что, когда солнце скроется за барханами, она снимет с пояса фляжку и сделает один глоток. Только один. Нет, один глоток и еще маленький-маленький глоточек. И закроет глаза.

Когда она доползла до сумерек, уже не осталось сил, чтобы отстегнуть фляжку

с пояса. Ольга Петровна так и ткнулась лицом в песок с заломленными за спину к фляжке руками.

Проснулась она от чьего-то присутствия. Приподняла голову — глаза зажмурились от яркого света. «Ночь ведь!» — удивилась Ольга Петровна и стала медленно приоткрывать глаза. Метрах в двух перед ней пылал костер. И действительно была ночь. Были звезды. И можно, нужно было ползти дальше. Вот только бы глоток. И еще глоточек. Она перевалилась набок и отстегнула фляжку. Ей показалось, что костер застонал. Бред!.. А вообще-то, странный костер. В нем не было дров. И угля не было. И горелки какой-нибудь. Только пламя. Костер переместился к ней поближе. Воспаленная кожа Ольги Петровны ощутила его жар. И форма у костра была странная. Нестандартная. Пожалуй, он отдаленно напоминал огненного человечка. Огненный Человечек трепетал всем телом и, словно ручки, протягивал к ней язычки пламени. От него исходили непонятные звуки: не то слабые стоны, не то всхлипывания, не то потрескивание раскаленного песка. Быстро холодало. Ольга Петровна поежилась и подвинулась поближе к костру. От него исходило приятное тепло. Она стала смотреть в огонь. Долго смотрела, не в силах оторвать замороженного взгляда. Стало казаться, что Огненный Человечек смотрит на нее. И шевелит губами. Ольга Петровна не понимала его. Но было приятно. И хотелось уснуть. И спать, спать. Долго-долго. Может быть, даже всегда.

«Надо ползти!» — приказала Ольга Петровна своему непослушному телу. И тело, вздрогнув, поползло мимо Огненного Человечка. Он стал двигаться рядом, освещая путь и неназойливо согревая.

«Или я сошла с ума, или не сдвигаюсь с места», — подумала она и обнаружила, что так и не сделала заветного глотка, а ползет, сжимая фляжку в руке. Она села. Огненный Человечек остановился рядом. Она открутила пробку и приложила фляжку к губам, краем взгляда заметив, как неистово затрепетал Огненный Человечек. Даже вроде бы замахал ручонками. Ольга Петровна, не сделав глотка, опустила фляжку.

— Чего ты хочешь? Чего тебе надо? — спросила она.

Послышалось потрескивание и не то шипение, не то шепот.

— Ничего не понимаю. Я хочу пить.

И она подняла фляжку. Огненный Человечек совсем обезумел и придвинулся к ней вплотную, протягивая ручонки. Стало жечь кожу. Ольга Петровна отодвинулась.

— Ну, чего тебе? Ты пить хочешь?

Огненный Человечек стал раскачиваться всем телом.

— Я умру без воды. Я еще не пила.

Огненный Человечек опять приблизился. У Ольги Петровны не было сил отодвинуться. Послышался запах тлеющей ткани.

— На, малыш, на, — возьми, — протянула она ему фляжку. Его ручки ожгли мгновенным прикосновением ее протянутую руку и выхватили фляжку, шерстяная обшивка которой задымилась. Огненный Человечек поднес горлышко фляжки к своему роту — теперь Ольга Петровна ясно видела его лицо. Сделал глоток. Она слышала, как булькнуло во фляжке. Его громадные оранжевые глаза погасли. На их месте появились две черных дыры, сквозь которые было видно песок. Ручки выронили фляжку, и вода стала выливаться. Огненный Человечек вдруг разом потускнел. Вспыхнул. Опять потускнел и исчез. Стало темно. Глаза, насмотревшись на огонь, ничего не видели.

— Где ты? — позвала Огненного Человечка Ольга Петровна. — Вода! Где моя вода? Я хочу пить!

Она стала шарить вокруг себя руками. Вдруг сердце больно сжалось. Ольга Петровна ойкнула и потеряла сознание. Пришла она в себя, когда ей в лицо что-то ткнулось и задышало. Стало страшно. Хотела крикнуть, но голоса не было. Открыла глаза. В свете фар машины перед ней вертелась большая черная собака.

— Фляжка! — обрадовались глаза Ольги Петровны. От распылчатого черного пятна машины отделились и стали быстро приближаться к ней человеческие силуэты. Собака понюхала фляжку и с жалобным визгом, поджав хвост, скрылась в темноте. Ольга Петровна протянула руку к фляжке.

— Не стоит, — раздался над ней уверенный мужской голос. — Пес не дурак. Видела, как шарахнулся? Что-то здесь не так. На, из моей глотни... Нашли-таки, — удивился он. — Везучая ты!..

Ольга Петровна глотнула, и словно ледяная горная река ворвалась в ее пылающее тело.

— Ты что, здесь костер жгла? — спросил мужчина, наклонившись к ее фляжке. — Мы увидели, будто бы что-то мелькает. Точно! Вон пепел. И кошма на фляжке обгорела.

Ольга Петровна скосила глаза. Действительно, вокруг фляжки в свете фар

хорошо был виден тонкий налет пепла. Ей стало очень жаль Огненного Человека, хотя она и понимала, что его не могло быть. Слезы медленно текли по ее грязным щекам. Ольга Петровна чуть слышно всхлипывала. Заплакать как следует не было сил.

— Ну, развела мокреть, — доброжелательно буркнул мужчина, поднимая ее на руки. — Ничего, сейчас я тебя мигом в больницу доставлю. Будешь, как новенькая...

Ольга Петровна открыла глаза. Приборы показывали отличное состояние тела и духа Аннушки, а экран дисплея пересекал ослепительный луч.

— Что все это значит? — спросила она себя. Ответа не было. Но Ольга Петровна понимала, что Огненный Человек появился не просто так. Что-то он ей хотел сказать... Но что?!

...Ричард Намазович стоял перед мольбертом в своем подземном дворце. Новая картина уже ожила перед его внутренним взором, и оставалось только как можно точнее перенести ее на холст... Он торопился, опасаясь, что видение исчезнет, не жалел красок. Скорей, скорей! Только бы успеть! Он почему-то знал, что времени у него в обрез. Дышать становилось все труднее, пот лился со лба, затекая в глаза, ослепляя. Но ему некогда было доискиваться причин странного удушья — только бы успеть! Вдруг свет погас, и Ричард Намазович оказался в абсолютной темноте. Он рефлекторно повел вокруг себя руками и везде ощутил холодный шершавый камень.

«Что же это такое?!» — судорожно метнулась испуганная мысль.

Громадная пещера превратилась в каменный мешок радиусом в вытянутую руку. Так вот отчего было трудно дышать.

Ричард Намазович опять попытался вытянуть руки, чтобы проверить — не померещилось ли. Но на этот раз ему даже не удалось вытянуть их полностью. Теперь уже стало по-настоящему страшно. Безумно. Бесконтрольно. Он чуть было не взвыл диким голосом, чтобы выдохнуть свой ужас, как вдруг прямо перед ним забрезжило светлое пятнышко. Словно где-то далеко впереди сквозь какое-то отверстие пробился луч света. Показалось даже, что повеяло свежим воздухом. Ричард Намазович рванулся вперед, и пространство расступилось перед ним. Узкая ощерившаяся острыми каменными зубьями подземная тропинка. Но все же это был путь, это была надежда. Ему показалось, что чуть впереди мелькает, то появляясь, то исчезая, полупрозрачная призрачная фигура. Ричард Намазович насколько было возможно ускорил шаг, то и дело натываясь на каменные выступы и обдираясь в кровь. Но догнать «призрак» не удавалось. А свет становился все ярче, ослепительней. Луч света уже не рассеивался, а сконцентрировался в упругий, висящий в пространстве «канат», по которому незнакомка двигалась поразительно легко, уверенно, не балансируя. Ему же каждый шаг давался с величайшим трудом. Вдруг она обернулась, и Ричард Намазович остановился, узнав в ней Аннушку, которая пристально посмотрела на него, улыбнулась и, снова отвернувшись, стала быстро удаляться по световому лучу. Где-то вдали она исчезла, слившись с лучом. В этот момент Ричард Намазович понял, что ЭТО — его картина! Ожившая картина, внутри которой вдруг оказался он сам.

«Чушь какая!» — решительно подумал директор, и тут все исчезло...

— Вам плохо, Ричард Намазович? — участливо спросила Настя, заметив бледно-зеленый цвет его лица и несколько безумные глаза. — Может быть, врача надо?

— Нет, спасибо, — отказался директор, заставив себя улыбнуться. — Однако с этим надо кончать! — поднялся он с кресла и двинулся к пульту. Он уже хотел нажать на кнопку, собираясь остановить эксперимент, но, глянув в контактный отсек, обомлел — отсек был пуст! Совсем пуст!

— А это еще что такое?!

— Ничего не трогать! — приказной тон Сократова вывел остальных из столбняка. — Васин, предупреди энергетиков, чтобы ни в коем случае не отключали питание.

— Смотрите! — крикнул Фетисов, показывая на экран дисплея. Там по световому лучу уходил вдаль полупрозрачный женский силуэт, обрисованный чуть заметным свечением...

Ричард Намазович был напуган. И напуган всерьез. Впервые в своей жизни он столкнулся с тем, что недоступно его воле, воздействию его интеллекта, организаторского таланта. «Я вам покажу Коллективный Разум! Если он способен быть надомной, то ему не быть! И народ меня поддержит. Народу надо знать, кому поклоняться или о ком анекдоты рассказывать».

Вдруг на экране образовалось стремительное завихрение, которое превратилось в громадный диск телефона...

... Впереди забрезжила еле заметная светящаяся точка. Аннушка устремилась к ней и очнулась.

— Господи, — подумала она, — никогда не могла предположить, что так приятно земное притяжение!

Она лежала, прислушиваясь к изумительно сладостному ощущению собственного тела, в котором постепенно растворялась память о бесконечном пространстве.

«Снится, — думала она, не открывая глаз. — Снится... Какой навязчивый сон! Ведь он же снился мне раньше!»

Пытаясь стряхнуть с себя наваждение, она рванулась и неожиданно для себя встала, оставив костыли на земле. Она забыла о них! Такого не могло быть! И однако... Аннушка увидела свое тело. И ей стало страшно, потому что это было не ее тело. Оно вообще не могло быть человеческим телом, потому что отчетливо светилось. И халатик лежал у ног кучкой серого пепла. Аннушка бросилась в дом, подбежала к ненавистному трюмо и остолбенела: в зеркале отражалось само Совершенство, Абсолютная Живая Красота.

«Неужели это я?!» — вопрошала себя Аннушка. И опять промелькнуло смутное воспоминание, будто когда-то она уже видела себя такой. Промелькнуло и исчезло. Остались восторг и боязнь. «Что же это такое?.. Сон? Галлюцинация?..» Аннушка подошла к телефону. Урбанистический рефлекс современного человека. Протянула руку, и тут же ее отдернула, словно обожглась. Почему-то больно сжалось сердце. Чтобы успокоиться, она прилегла на диван и закрыла глаза. И ощутила себя маленькой девочкой, парящей метрах в ста над землей. Ее большие почти невесомые крылья плывут в потоках восходящего теплого воздуха. Аннушке хорошо и весело. И дух захватывает от восторга. Потом Аннушка вдруг превратилась в девушку. Они идут вдвоем. ОН и ОНА. Держась за руки. Это их последний экзамен. Они входят в излучатель, и через мгновение черное небо пересекают две удаляющиеся светлые траектории.

Аннушка открывает глаза, видит свой потолок, свою комнату, и на нее наваливается жуткое душное одиночество. Она встает и оглядывается по сторонам. Как всегда, никого. Томящее ощущение, будто необходимо что-то вспомнить, но не вспоминается. Она начинает ходить по комнате кругами, потом по случайным траекториям, словно это броуновское движение может ее куда-то привести. И оно привело ее к телефону. Аннушка прикладывает трубку к уху и набирает случайный набор цифр...

... На экране появляется рука Аннушки, набирающая цифры на диске, который безмолвно и медленно вращается, приковывая к себе взгляды экспериментаторов. Куда она звонит?.. Безнадежные короткие гудки сигнала «занято»... Новый набор — занято! Еще — занято!..

...Аннушка швыряет трубку на аппарат. Она в растерянности. Куда она звонит? Зачем? Надо что-то делать! Ведь надо же что-то делать! Обратиться к соседке? Еще инфаркт старушку хватит. Ощущение одиночества заполняет комнату. Оно мешает думать. Аннушка снова оказывается у телефона. Наугад набирает цифры...

... На экране только вращающийся телефонный диск. Впечатление довольно жуткое, если учесть, что контактный отсек до сих пор пуст! Человека-то нет! Есть лишь косвенные доказательства его существования. Машзал наполняется громкими сигналами «занято». А Аннушка все набирает и набирает цифры. Вдруг пошел длинный гудок вызова. Наблюдатели повскакивали со своих мест, окружив экран. Длинный гудок раздирает тишину! За их спинами со стуком распахивается дверь в зал. Этот столь реальный и столь неуместный сейчас звук заставил всех вздрогнуть. В дверях стоит тяжело дышащий Игорь Анатольевич в домашних тапочках, джинсах и ковбойке.

— Где она?! — с трудом выдохнул он.

— Кто это? — осведомился директор у стоящего рядом Сократова.

Тот пожал плечами.

— Здравствуйте, Игорь Анатольевич, — спокойно и громко произнесла Ольга Петровна.

Он, вздрогнув, повторил:

— Где она?

— Знакомьтесь, товарищи, — обратилась Ольга Петровна к экспериментаторам. — Это Игорь Анатольевич. Второй предполагавшийся нами участник эксперимента.

Игорь Анатольевич подбегает к экрану, на котором появилась Аннушка, мучительно вслушивающаяся в гудок.

— Отправьте меня к ней!

— Ни в коем случае! — воскликнул Ричард Намазович. Игорь Анатольевич

посмотрел сквозь него таким взглядом, что по директорской спине поползли на трясущихся ножках трусливые мурашки. — А в общем-то, пусть решает руководитель эксперимента, — поспешно добавил он.

— Это может быть опасно, — предупредил Сократов.

— К черту! — отмахнулся Игорь Анатольевич.

— И тем не менее, без разрешения врача я вас к эксперименту не допущу, — твердо сказал Сократов, — хотя с самого начала мы рассчитывали на двух участников.

— Я разрешаю, — решительно произносит Орлова.

— Ценю вашу смелость, но тем не менее освидетельствуйте.

— Максим, Петя, Настя! Быстро подготовить систему, — приказал Сократов. — Иван Денисыч, подключайся.

— Рискуете, Михаил Викторович, — предупредил его директор.

— Возможно, — кивнул Сократов, — но боюсь, что, отказавшись от риска, мы заведем эксперимент в тупик.

— Для вас это может плохо кончиться.

— Ну, если это кончится плохо только для меня, можно считать эксперимент успешным, — вежливо улыбнулся Михаил Викторович.

— У нас все готово! — доложил Васин. Нетерпеливый звонок вызова по-прежнему раздирал душу.

— Скорей же! — требовал вернувшийся с Ольгой Петровной Игорь Анатольевич. Каждый гудок пробежал по его лицу гримасой боли. Его впустили в контактный отсек. Он сел в кресло. Пуск!..

— Алло! — вдруг закричала Аннушка. — Алло! Это ты?!

Все невольно поворачиваются к экрану, и в этот момент Игорь Анатольевич исчезает.

— Алло! Алло! Это ты?

— Это я... Здравствуй, — ответил голос Игоря.

— Ты так долго не отвечал.

— Да.

— Но я все-таки надеялась.

— Я пришел.

— Разве ты говоришь не по телефону?!

— Нет, — ответил голос Игоря. И в этот момент Аннушка исчезла с экрана. Остались только беспорядочные, беззвучные вспышки света.

Ощущение жуткости неприкаянно бродило по машзалу, хотя приборы показывали, что все в порядке.

— Авантюризм! — с чувством воскликнул Ричард Намазович, и в этот же самый момент испытуемые оказались на своих местах.

— Все, — сказала Аннушка.

— Приехали, — улыбнулся Игорь.

К удивлению экспериментаторов, приборы действительно показывали, что связь испытуемых с интеллектроном отсутствует, хотя никто ее не отключал.

— Чудеса, — сказал Андреев.

— Отлично, — констатировал Васин.

Аннушка и Игорь вышли в зал.

— А почему?... — попытался спросить Сократов, увидев Аннушку в белом лабораторном халате.

— Потому! — озорным голосом прервала его Аннушка, и, ярко вспыхнув, халат ручейками золы (пепла? дезинтегрированного вещества?) осыпался с нее на пол.

Несколько мгновений в зале стояла мертвая тишина.

— Однако, что за стриптиз? — ляпнул директор.

— Божественно! — прошептал Петя.

— Неужели получилось? — растерянно улыбаясь, выдохнул Фетисов.

— И все-таки это сказка, — сказала Ольга Петровна, вытирая слезы кулаком.

— Михаил Викторович, — обратился Игорь к Сократову, слегка морщась, — я понимаю — вы человек занятой, но умоляю: сходите к стоматологу! Ведь ноет же!

— Действительно, ноет! — обнаружил Сократов. — Какого черта вы напомнили мне?! Ольга Петровна, таблеточку!

Тем временем Аннушка, скрывшись за ширмой, оделась. Постояла несколько мгновений, бессильно опустив руки. Появилось желание исчезнуть, раствориться. И пусть они тут разгадывают загадки. Но Аннушка заставила себя улыбнуться и вышла к народу.

— Почему не горит? — разочарованно спросил директор.

— Ясно, — сказал Сократов. — Федот, да не тот, а более оптимальный.

Организовалась стихийная пресс-конференция. На Аннушку и Игоря обрушился поток вопросов: что ощущалось вначале? Где они были во время исчезновения? Почему Игорь Анатольевич решил участвовать в эксперименте? Как удалось самостоятельно выйти из эксперимента? Что означают ощущения и видения, которые испытывали экспериментаторы? Вернулось ли к ним их «звездное» состояние? Как они думают жить дальше — ведь в них заложены такие возможности?!

— Дальше? — Игорь с Аннушкой переглянулись. — Отвечать на поставленные вами вопросы. Вместе с вами, — ответил Игорь. — То есть работать. Продолжать эксперименты.

— Категорически запрещаю! — внушительно, со зловещей хрипотцой в голосе произнес Ричард Намазович, про которого слегка забыли. — Категорически запрещаю кому-либо из присутствующих здесь приближаться к интеллектрону и проводить на нем какие-либо работы! Категорически! — еще раз повторил директор и грозно оглядел присутствующих — нет ли несогласных, подлежащих искоренению.

— До каких пор? — поинтересовался Сократов.

— До моего особого распоряжения.

— Что нужно для того, чтобы оно последовало?

— Научное объяснение имевших место фактов и разрешение вышестоящего руководства. Я имею ввиду лично Президента Академии Наук.

Он набрал номер главного энергетика института и срочно потребовал его в зал.

— Прошу сейчас же отключить и опечатать интеллектрон, — приказал Ричард Намазович запыхавшемуся энергетiku.

— Сей момент, — кивнул энергетик и, молниеносно отсоединив кабельные разъемы, налепил на них бумагу. — Прошу приложить личную печать. — Все знали, что директор всегда носит с собой личное клеймо, выполненное по его собственному эскизу.

— Обязательно! — торжествующе воскликнул Ричард Намазович, опечатывая разъемы. — Все! — провозгласил он и гордо выпрямился, но вдруг почувствовал, что в руках у него что-то шевелится. Опустив глаза, директор обнаружил в своих гневно сжатых кулаках громадного белого петуха, внимательно и чуть обиженно уставившегося на него одним глазом. Петух потряхивал гордой головой с шикарным красным гребешком и выгладел весьма воинственно. Директор даже отодвинул его подальше от лица — как бы не клюнул. И вдруг петух, весь напрягшись, оглушительно закукарекал. В зале отчетливо захихикали. Ричард Намазович от неожиданности разжал кулаки. Петух, шумно захлопав крыльями, взлетел и растворился в воздухе.

— Ничего не понимаю, — разрядил напряженность главный энергетик, держа в растерянно разведенных руках опечатанные разъемы основного и резервного кабеля. Ему было не до петухов. Его испуганно вытаращенные глаза неотрывно смотрели на ярко светящиеся контрольные лампочки интеллектрона, нахально указывавшие на то, что он включен.

— На этот раз я тоже ничего не понимаю, — развел руками Максим Васин.

— Ну что ж, — устало вздохнула Аннушка, — на сегодня, пожалуй, хватит.

— Да, действительно, — кивнул Игорь, — жена заждалась, наверное. До завтра! — и поднял руку в прощальном жесте. — У меня завтра отпуск начинается.

— Спасибо, — улыбнулась ему Аннушка. — До завтра.

Игорь закрыл за собой дверь.

— Спасибо вам всем, — повернулась она к остальным. — Нет и не может быть, наверное, слов, равных тому, что вы сделали для меня. Вам, Ричард Намазович, тоже спасибо. Вам было и будет труднее всех... До завтра.

Аннушка повесила на плечо сумку и пошла к выходу.

— Я провожу! — бросился следом Иван Денисич.

— Нет! — твердо остановила его Аннушка. — Не сегодня... — и, как бы извиняясь, улыбнулась ему. Лично ему.

Придя домой, она ничком упала на диван. Усталость навалилась на спину. Никого не хотелось видеть. Ничего не хотелось слышать. Сумрак медленно заполнял комнату. Костыли привычно стояли у изголовья кровати.

«Кто же я, в конце концов? — мысленно вопрошала она себя. — Киборг? Человек? Кукла, одухотворенная инопланетянкой?»

В душную узкую пустоту, образовавшуюся между ее лицом и подушкой, медленно вplывали зрительные образы пережитого Аннушкой за этот день, за эту жизнь.

— ИНОЕ ДОЛЖНО БЕРЕЧЬ! — так им ответила ноосфера Земли. Возразить было нечего. Но ИНОЕ способен беречь только сильный. Слабый его боится...

И земное стало земным. Дух обрел плоть. И они очутились в тени мощной

раскидистой орешины, намертво вцепившейся корнями в горный склон. От ствола отделился Альвасим.

Игорь сделал шаг в сторону. На какое-то мгновение с ним рядом появилось существо, чем-то похожее на человека, и в то же время совершенно иное. Иное своей красотой.

— Счастливо, — поднял руку Альвасим, — мы будем ждать вас.

— Будем ждать, — беззвучно повторила Аннушка.

— Прощайте, — донеслось до них. И голубое небо перечеркнула мгновенная яркая черта. Игорь подошел к Аннушке. Взял ее за руку.

— Ну что, — улыбнулся он ей, — будем жить дальше?

— Будем жить дальше, — эхом отозвалась Аннушка...

... Она перевернулась на спину. Видение исчезло. Аннушка подняла одну ногу, вторую. И с удивлением смотрела на них, не узнавая. Они были слишком красивы для нее. Аннушка закинула руки за голову и нащупала костыли. Они стояли на месте, и это придавало надежность бытию. В крайнем случае, будет на что опереться.

Она резко встала и, не зажигая света, стала ходить по комнате. Ее многомерная душа томилась, заблудившись в собственных измерениях. Ноющее ощущение чего-то непоправимого холодком дрожало в груди.

Аннушка стала стягивать с себя дневную одежду. Она сделалась ей вдруг неприятной, словно короста, покрывшая кожу. Встала перед зеркалом.

— Красивая женщина! — сказала она вслух. И голос ее в тишине прозвучал противоестественно громко. Приказала телу светиться. Оно послушно замерцало в темноте... — Как в сказке, — вздохнула Аннушка. — Но где же я сама? Без посторонней помощи... Что, если отключиться?

Она сосредоточилась и пристально, даже недобро, стала смотреть на свое прекрасное отражение. Отключилась от ноосферы. И вдруг мир из цветного стал превращаться в черно-белый. Свет фонаря из золотистого стал серым. Свечение тела исчезло. Его линии начали искажаться. И Аннушка увидела в зеркале себя прежнюю — уродливую и жалкую. Она вскрикнула и, потеряв сознание, упала...

Наконец-то Андрей получил от Насти вождеденные симоняновские записи. Посему все домашние дела были отодвинуты в сторону. Накормив пса и себя, Андрей улегся на старенький, довольно обшарпанный диван. Модуль улегся рядом с диваном на еще более потёртом коврикe. Пес положил умную морду на передние лапы и внимательно воззрился на хозяина. Случалось — тот читал ему вслух. Псу это нравилось. Хотя не все было понятно.

«... Чтобы не свалиться в пропасть, недостаточно тщательно смотреть себе под ноги... Критерий — вечные нравственные ценности. Идеал. Однако существует ли он? Не навязан ли он нам тысячелетиями слепоты человеческого духа?.. Человечеству нужна обратная связь со своим будущим! Наши представления о нем, наши устремления к нему во многом определяют нашу жизнь сегодня. Но, увы, представления наши о будущем — лишь туманно-зеркальные отражения настоящего. Нужна связь с истинным неидеальным идеалом, с его реализацией. Вот достойная разума задача. Надо будет заняться. Или она уже решена? При следующей встрече надо узнать...»

— Ты слышал, Модуль?! Во, дает Альфред Вартанович! Заняться, говорит, надо... Я, между прочим, тоже не прочь этим заняться... Обратная связь с реальным будущим! Где тот дурак, который не хотел бы ее иметь? Увы, физика не позволяет. Нет его — Будущего.

— Р-р-р... — зарычал Модуль, наострив уши.

— Ты со мной не согласен? — удивился Андрей. — Интересно бы узнать, с кем он там встречаться собирался? Кто уже мог решить эту бредовую задачу?.. Может, он общался с пришельцами из будущего, а потом сам туда улизнул?.. Ну давай еще почитаем.

Модуль, было встрепенувшийся, опять положил голову на лапы и закрыл глаза.

«... Нравственность мироздания! Все в нем должно служить сохранению и развитию Разума на всех уровнях...»

... Разум переходит на высший уровень скачкообразно после стабильного накопления энергии. В противном случае — тупик, деградация, вымирание...

... ОНИ — результат! Закономерный или случайный? Быть может, сработала обратная связь? Как трудно было им!..

... Разум — это орган спасения вселенной. Спасения через самопознание. Спасения через нарушение равновесия. Как страшен вселенский маятник, надвигающийся на возмутителя равновесия! Маятник глуп, а разум беззащитен... Что значит — спасти вселенную? Это значит сохранить то новое качество, которое она приобрела

за время своего существования. Качество, которое при новой попытке может и не повториться. Сохранить — не позволить слепому маятнику смять вселенную в первоначальный потенциальный комок. Спасти — суметь, преодолев закон маятника, утвердить закон бесконечного качественного развития...

... Как страшен КОНЕЦ! ОНИ правы — его надо начинать предотвращать за миллиард лет до вероятного свершения. Потом может оказаться поздно...

... Прошное покрывается пеплом. Что сейчас может удержать меня в нем? Любовь, ответственность за «прирученных»? Только это. Но если любовь становится подобием каторжных цепей, зачем она? Любовь — всегда несвобода, и выдержать ее можно только тогда, когда она таковой не ощущается...»

— Ты чувствуешь, Модуль, он прощается! — воскликнул Андрей. — Он знал, что уйдет... Ну, дела! Но кто это ОНИ? Чтоб мне провалиться на этом месте, если не отшельники! Это их голоса он слышал. С ними встречался. Но где? На дому или во сне? Настя тоже слышала его голос во сне. Что же получается? ОНИ и к ней теперь подбираются? — Андрей не на шутку испугался. Одно дело, когда она живет рядом, пусть и не в его доме, и совсем другое, когда исчезает невеста куда. Может быть, она все придумала про сон, а все это было наяву? Андрей вскочил с дивана и побежал к телефону.

— Алло, — раздался в трубке голос Платоновой.

— Настенька! — закричал Гражданин Вселенной. — Это я — Андрей!

— Привет, Андрюша, что случилось?

— Настенька, милая, обещай мне, что ты не уйдешь к ним!

— Ты о чем, Андрюша?

— Ведь это был не сон, правда?

Настя чуть помолчала.

— Нет, неправда.

— Конечно, я знаю — ты не признаешься... Но ты можешь обещать, что не исчезнешь?

— Пока могу, — засмеялась Настя.

— Пока?

— Да, пока не исчезну, — она выдержала паузу. — Увы, Андрюша, все мы исчезнем.

— Я не об этом. Спасибо, Настенька, извини.

— Брось это чтение, Андрюша. После такого тяжелого дня мысли Симоняна могут свести с ума. Тем более не читай перед сном. Пойди лучше с Модулем погуляй. Он тебе спасибо скажет. Конкретная доброта всегда предпочтительнее абстрактной нравственности мироздания.

— Этой фразой вполне можно дополнить записи Симоняна. Спокойной ночи, — положил трубку Андрей. — Вот так, Модуль, умные женщины советуют нам пойти погулять.

При последнем слове пес встрепенулся и поднялся на передние лапы.

— Мы последуем их совету, но чуть позже, — пообещал он и, схватив тетрадь, завалился на диван, водрузив пятки на подлокотник.

«... Каждый мир заслуживает ту жизнь, которой живет, и заставлять его быть лучше, чем он есть, жестоко, потому что он не может быть лучше. А если сможет, то он и будет лучше. Сам...»

... Иногда мне кажется, что я не один. Внутри себя не один. Будто в моем сознании есть еще кто-то. Их много. Незнакомых и разных...

... Я вдруг обнаруживаю, что знаю больше, чем должен. Чем изучал. Сегодня, например, я проснулся в уверенности, что интеллектуальное поле при определенной напряженности становится регулятором Единого поля.

... До чего сложен человек! Но почему же эта сложность не задействована? Ведь в мозг заложена такая возможность! Именно поэтому в каждом мире задействован только малый процент его возможностей... на НИХ это ограничение не распространяется! А на меня?..

... Не оттого ли человек так болезненно переживает одиночество, пытается забыться в общении с себе подобными, что разлучен с самим собой? В каждой отдельной проекции мира общение вглубь подменяется общением вширь. Не потому ли человеку всегда кажется, что другого человека он знает лучше, чем себя? Даже представить невозможно красоту гармонии общения многомерных людей многомерного мира... Беспричинная тоска не беспричинна. Это зов. И я откликаюсь...

... Одинокий человек одинок в энной степени. Только не каждый об этом знает. Чувствует каждый...»

— Модуль, ты одинокий? — спросил Гражданин Вселенной своего дремлющего пса. Модуль философски приоткрыл один глаз. Андрей усмехнулся. — Ладно уж, вставай. Пойдем прогуляемся. Кажется, я уже перезарядился. Скоро излучать начну.

Он пристегнул к ошейнику поводок и вывел оживившегося пса за калитку. Громыхали трамваи, блекло светили звезды. Было слякотно и прохладно. Совсем холодно было. На лужичах похрустывал ледок. Не по себе было Гражданину Вселенной. Настолько не по себе, что на эту свою вселенную он взирал с явной неприязнью.

— Женщине нужен дом, а не вселенная, — вдруг произнес он вслух. Но Модуль не отозвался. Он тащил хозяина на пустырь, чудом сохранившийся за домами. Побегать псу хотелось отчаянно! Андрей отстегнул поводок от ошейника, и Модуль исчез в темноте.

«Всякой твари нужна свобода, — подумал, оставшись один, Андрей, — но ведь вернется псина, вернется! Значит, всякой твари нужна несвобода... «Одиноким человеком одиноко в знойной степи...» Точно сказано... Одинокие всех стран, соединяйтесь! Понижайте степень своего одиночества!.. Я всегда знал, что каждый человек — вселенная. Только моя вселенная какая-то бестолковая. Типа «ветер в голове». Какого рожна мне надо? Чего душа мается?»

Андрей вспомнил один из пунктов заключения о фелицитологическом обследовании тов. Петрова А. М. (взялись же его осчастливливать): «... тов. Петров А. М. обладает повышенной тягой к доказательству полезности своей личности для человечества. «Человечество в целом» в силу своей масштабности обладает слабой обратной связью с личностью, на него воздействующей, поэтому внутренняя установка на «человечество в целом» вызывает у тов. Петрова А. М. ощущение дисгармонии, бесполезности своей жизни и, как следствие, понижение уровня функционала счастья.

Рекомендации: тов. Петрову А. М. уяснить себе, что человечество состоит из людей, каждый из которых может стать объектом гуманистических устремлений тов. Петрова А. М., к сожалению, забывшего, что «доброты вообще» не существует. Есть лишь «доброта в частности». Добра индивидуальных человеческих отношений. Имеется в виду «забывчивость» внутренних установок тов. Петрова А. М. — в повседневности импульсивно, подсознательно доброго человека. Задача: подсознательные установки довести до уровня осознанного поведения...»

— Вам бы только в районной поликлинике работать, — посмеялся Андрей, прочитав этот пункт заключения. — Вы хотите понизить уровень моей требовательности к себе...

Настенька тогда на него пристально посмотрела и спокойно, очень серьезно сказала:

— Ты преувеличиваешь уровень своей требовательности к себе. Прочитай заключение внимательно и поймешь, что разговор идет о том, что тов. Петров А. М. за крупномасштабными нравственными установками прячет свою душевную лень. Если угодно, трусость, неспособность к духовному, нравственному подвигу. Быть «добрым в частности» обременительно...

— Спасибо, — оторопело хихикнул тогда Андрей. Сейчас до него стала доходить глубинная правда слов Насти.

— Трусоват я, — признался себе Андрей. — Не хватает меня на человека рядом. Самое большее — на собаку.

В этот момент Модуль вылетел из темноты, на секунду ткнулся ему в колени и умчался обратно.

— Все старые холостяки трусливы. Трусливы и эгоистичны. Независимо от пола. Это основная причина их холостячества. Опять прячусь за крупный масштаб, — усмехнулся с горечью Петров А. М. — Если все, то не смертельно. Не такой уж тяжкий грех, если все... Не случайно все женщины, с которыми я работаю, любят кого-то другого. Настя — своего Платонова, Танечка — Саныча, Ира рождает ребенка от мистера Икс... Видать, женщины чувствуют мою духовную импотенцию... а ведь любая из них могла стать моей женой. Сначала я сбежал от Насти, потом спрятался за безопасный для меня роман с ней от остальных женщин. Сыграл на памяти чувств. Ловок я! А ведь ребенок Ирины мог быть моим... Ха, оказывается, я хочу сына. Почковаться придется, — невесело пошутил он. И тут его сознание пронзила «дикая идея», как он ее сразу обозвал. Гражданин Вселенной испугался и позвал:

— Модуль! Модуль! Ко мне!

Модуль возник из темноты, готовый спасти хозяина от неведомой напасти.

— Пошли домой, — пристегнул Андрей поводок к ошейнику: — Спать пора...

Однако Гражданин Вселенной так и не уснул в эту ночь, потому что «дикая идея» металась по его извилинам, как по лабиринту, и вопила нечеловеческим голосом.

— К вам пришли, — торжественно сообщила Ирине Петровне молоденькая

нянечка. Глаза ее восторженно сияли. — Наверное, это ОН, — шепнула она. — Красивый! И опять с цветами! Вы счастливая...

— Ко мне? — удивилась Ирина Петровна. Она уже никого не ждала. «Герд?! Ерунда... Но на кого еще могла так отреагировать нянечка? Неужели решился?»

Рука якобы равнодушно размахивала расческой, а сердце забилось от радостного волнения. Хотела ли она его видеть? Конечно! Особенно, перешагнувшего через боязнь испортить свою репутацию. Ради нее...

Он стоял на улице. Сквозь стекло, задернутое занавеской и прикрытое громадной китайской розой в кадке, Ирина Петровна разглядела что-то сверхэлегантное и стройное. Этот мощный разворот плеч, тонкая талия, угадывающаяся под пиджаком. Рост. Правда, ей показалось, что он похудел. Она вышла на крыльцо. Он резко повернулся к ней. Ирина Петровна побледнела.

— Что с тобой? — испуганно взял он ее за руку.

— Ух! — выдохнула она все свое нервное напряжение и разочарование. — Ты как здесь оказался, Андрюша? Ты сегодня красив, как бог. Я даже не сразу узнала. Да ты ко мне ли вообще? — быстро заговорила Ирина Петровна.

— К тебе, — поцеловал он ее руку, за которую схватился с перепугу. — На вот, цветы.

— Ой, Андрюша, спасибо, — разулыбалась она. — Какой ты молодец! Нет, правда, что с тобой сегодня? Никогда не видела на тебе этого костюма. Так элегантно и так противоречит твоему спортивному стилю.

— Берег для торжественных случаев, — серьезно объяснил Андрей. — Давай-ка сойдем с крыльца.

— Сойдем, — оперлась на его руку Ирина Петровна, и они углубились в аллею, усыпанную желтыми листьями. Краем глаза она заметила в окне третьего этажа молоденькую нянечку.

— Ну... — сказал он. — Здравствуй, Ира.

— Здравствуй, — засмеялась она, — лучше поздно?

— Совершенно верно, — согласился он как-то слишком серьезно. — Лучше поздно, чем никогда.

Он положительно не был похож на себя. Ирина Петровна даже забеспокоилась.

— Стой, Андрюша, — решительно остановила она его, — давай-ка мы сядем вот на эту скамейку, и ты мне во всем признаешься. Как перед Господом Богом.

— Затем и пришел.

— Ну, — посмотрела она ему в глаза, — что с тобой? — Он молча разглядывал ее. Без обычного своего иронического прищуря. — Ты что, Андрюша? Не пугай меня.

— Красивая, — не то ответил, не то подвел итог своим наблюдениям Андрей. — Ты не находишь, что нам некогда как следует посмотреть друг на друга? Мельтешим день за днем друг у друга перед глазами. А не видим. Ведь не видим же, Ира, наверное, самого главного. Ты согласна?

— Странный разговор, — пожалала плечами Ира, хотя ей понравилась его неожиданная серьезность. Может быть, даже не столько в словах, сколько в тоне, во взгляде, в манере держаться. Ее всегда влекли в мужчинах именно серьезность, ум, основательность. Видимо, как залог надежности. Увы, увы...

— Так ты согласна с тем, что мы очень плохо знаем друг друга? Скажу даже больше. Мы не всегда видим друг в друге человека. Сослуживцы. Соседние шестеренки одного механизма... А у тебя, оказывается, очень красивые глаза. И губы.

— Отчасти, Андрюша. Наверное, мы просто не раскрываемся друг перед другом полностью. Да и с чего бы нам это делать? Но и утверждать, что мы совсем не знаем друг друга, было бы неверно. Мы много знаем. Может быть, даже слишком много. И оттого притупляется интерес друг к другу. Оттого мы смотрим, и не видим. Тем более такие мелочи, как глаза, губы и прочее...

— Значит, согласна...

— Ну и что? Это слишком банально, чтобы быть предметом серьезного разговора, на какой ты сегодня, кажется, настроилась. Не пойму, с чего это вдруг.

— Вдруг?! Действительно, вдруг. Озарение, Ира. У поэтов оно превращается в стихи, у простых смертных — в поступки.

— Неплохо сказано, Андрей Митрофанович. Если бы еще поконкретней, цены бы тебе не было. Устала я от общих разговоров.

— Трудно, Ира. Боюсь, что ты меня не поймешь.

— Ты меня все больше интригуешь.

— Ты возглавляла эксперимент по превращению меня в счастливого человека. Ты досконально изучила меня и подписала заключение о моих достоинствах и недостатках. Даже дала рекомендации, как мне стать идеальным, а заодно и счастливым — и еще что-то во мне может тебя заинтриговать?

— Конечно. Все это статика. А ты живой.

— Вот именно! Пока я живой, я хочу, чтобы в моей жизни что-то происходило. Я хочу, чтобы наш, прямо говоря, авантюрный эксперимент, оказался успешным.

— Ты хочешь стать счастливым?

— Да.

— И с этим пришел ко мне?

— Да.

— Я не Господь Бог, но сделаю все, что в моих силах. Хотя, честно говоря, не представляю, что именно.

— Конечно, не представляешь. Я и сам не представлял до вчерашнего вечера.

— А что было вчера вечером?

— Озарение. Я же говорил.

— Ну, хватит, Андрюша! Решайся, в конце концов.

— Я предлагаю тебе руку и сердце, как говорили в старину... И прошу у тебя того же.

Ира недоверчиво посмотрела на него.

— Кажется, у тебя был серьезный разговор?

— Для шутки это было бы слишком глупо и жестоко, — по-прежнему серьезно, без тени улыбки ответил Андрей.

— А для серьезного разговора слишком нелепо.

— Не понимаю, почему?

— Очень жаль, что не понимаешь, потому что очевидные вещи почти невозможно объяснить.

— Попробуй.

— Да нет уж. Лучше ты изволь объясниться как следует, — она строго посмотрела на Андрея. В душе творилась редкостная неразбериха. Обидеться? Превратить все в шутку? Уйти в палату?.. Все — не то.

Андрей молчал. Десятки вариантов разговора, мысленно прокрученного им, доводы и признания — все растаяло, когда он увидел ее.

— Ты вправе обвинить меня в том, что я ни слова не сказал о любви, прежде чем сделать тебе предложение... Но... Ты бы мне не поверила, хотя слышать это приятно.

— Ты правильно сделал, что не сказал.

— Мне и самому еще трудно определить, что это. Ты верно сказала — мы слишком привыкли друг к другу. А любовь, как нас учили ее понимать, связана с тайной, с незнанием, с придумыванием друг друга. Привычка приходит потом. Уже к супругам. Или к любовникам со стажем. У нас же все наоборот. И я не знаю, как это называется.

— У нас? — удивилась Ира. — Ты говоришь за двоих, а у меня, кроме недоумения, ничего нет.

— Вот видишь — я уже начинаю тебя придумывать.

— Остановись, пока не поздно.

— Поздно. Я слишком ясно представил тебя своей женой. Нашего сына — Павку.

— Нет, Тимурчика! — вдруг вырвалось у Иры.

— Ну, это мы потом решим.

— Увы, решать мне одной. Не лови меня на слове!.. Ты говори, говори. Очень интересно послушать, как ты говоришь серьезно.

— Как видишь, плохо получается. Так вот, я представил себе нашу семейную жизнь и понял, что это хорошо...

— Но при чем здесь я! Тебе что, мало девушек? Молодых, стройных, неискалеченных годами разочарований.

— Не вписываются в мою картину.

— А Настасья?

— Она бы вписалась, но в прошлом.

— Ты ее уже не любишь?

— Трудно сказать. Во всяком случае, наши чувства все более превращаются в то, что называется дружбой. Кстати, по моим наблюдениям, тоже довольно редкий случай дружбы бывших любовников. Настоящей дружбы.

— А теперь признавайся — ты хочешь спасти мою репутацию?

— Не понял.

— Врешь. Да ладно... Тебе захотелось сделать что-нибудь доброе?

— Всегда хочется, да редко получается.

— Решил, что на этот раз получится?

— Да. Но не это мной двигало. Не только это... Конечно, хотелось начать новую жизнь с чего-нибудь хорошего, доброго... Не добренького, а именно доброго. Ты меня понимаешь? — запутался в определении своих мотивов Андрей.

— Понимаю. Вот только верится с трудом.

— А тебе не кажется, что это слишком крупный, рискованный шаг для красивого жеста, в котором ты меня подозреваешь?

— Ты — спец по части крупных масштабов.

— Опять эти проклятые масштабы! Надоело! Кончайте сводить меня к своей схеме!

— Хорошо, Андрюша, не буду, — ласковым голосом пообещала Ира. Ей и в самом деле захотелось как-то утешить его. Она поверила в его искренность. Для жалости этого достаточно. Для большего маловато.

Они посидели, молча глядя на желтую листву, шевелящуюся у их ног.

— Тебе не холодно в халате? — спросил Андрей. Легкий ветерок ощутимо пошевел.

— Нет. Я люблю прохладу.

— Так что ты мне ответишь? — дрожащим голосом спросил Андрей.

— Пожалуй, я тебе ничего не отвечу, — вздохнула Ира. — Кроме того, что ты мне сегодня понравился.

— Что ж, это уже немало, — слабо улыбнулся Андрей. — По крайней мере, не лишает надежды.

— Не лишает, но и не дает, — предупредила она.

Андрей только кивнул в знак того, что прекрасно это понимает.

— Я буду приходить к тебе каждый день.

— Приходи, пока не надоест. Я буду ждать.

Почти месяц провела Ирина Петровна в больнице и дошла до предела. Оказывается, она совершенно не приспособлена к безделью. Если бы не Андрей, последние две недели исправно посещавший ее каждый вечер, она, наверное, сошла бы с ума. А так Ирина Петровна была в курсе всех событий в институте и в лаборатории. И привыкла она к Андрею. Настолько, что начинала волноваться, если он вдруг задерживался. Нетерпеливо ходила по аллее больничного парка и злилась на себя за эту ненужную привязанность. И на него за то, что сумел-таки стать ей нужным. Когда Ирину Петровну, наконец, выписали, Андрей приехал за ней в больницу и отвез домой — к маме.

Перед этим он сказал ей:

— Ира, мой дом готов принять тебя. Поехали?

Если бы он не спросил ее, а посадил в такси и увез, то, кто знает, может быть, она и не возражала бы. Но Андрей апеллировал к ее разуму, уставшему от авантюры.

— Нет, Андрюша, мама ждет меня. Она будет беспокоиться. Пожалуйста, отвези меня домой, — отказалась Ирина Петровна, хотя ей тут же стало жалко и Андрея, и себя.

Через день она уже была на работе.

— Ира! — воскликнула Настенька. — Наконец-то! Мы так соскучились!

— Ну, теперь развеселитесь, — пообещала Ирина Петровна. — Как твои отшельники? Слышала — активно общаешься с Альфредом Вартановичем?

— Было дело... Но в основном общаюсь с его женой.

— Это интересно. Потом расскажешь... Ну, давайте начнем работать! — взмолилась Ирина Петровна. — Страсть как истосковалась! Андрюша, введи, пожалуйста, меня в ваши планы на сегодня.

Вдруг раздался звонок. Ирина Петровна вздрогнула, хотя давно ждала его. Андрей взял трубку.

— Ирина Петровна, к Герарду Кадыровичу, — передал он.

— Начинается, с утра пораньше, — притворно вздохнула Ира...

Герард Кадырович стоит у окна. Резко поворачивается и молча идет навстречу Ирине Петровне. Внимательно и проникновенно смотрит на нее. Берет за руки и, все так же молча, провожает к мягкому креслу. Усаживает. Сам садится напротив и, улыбнувшись обаятельнейшей улыбкой, доверительно произносит:

— Ну, здравствуй.

— Здравствуйте, — официальным, как ей кажется, тоном отвечает Ира.

— Извини меня, пожалуйста, — говорит он виновато, — расскажи, что с тобой было.

— Что было, то прошло. И не для вас подробности. Это наше дело, женское.

— Но сейчас все в порядке?

— Да, разумеется.

— Береги себя, не перегружай. Хотя, с твоим характером, это вряд ли возможно. Но ты постарайся, пожалуйста.

— Постараюсь, — пообещала она. — Кстати, пользуюсь моментом, чтобы поблагодарить вас за цветы и рисунки. Они очень подняли мое настроение. А это самое лучшее лекарство.

— Благодарить не за что. Это всего лишь способ общения.
— Благодарю за оригинальность способа.
— И все-таки ты обижена на меня. Никак не оттаешь... Этот официальный тон...
— Обижена?— удивилась Ира.— Какая нелепость! Обида — слишком мелкая эмоция для наших отношений.

— Ты меня ненавидишь?— вроде бы даже испугался Герард Кадырович.
— Нет,— усмехнулась она, подумав про себя: «Гораздо хуже».
Намазов смотрит на нее чуть виновато, чуть печально, чуть влюбленно.
— Так что же тогда?— пытается выяснить он.
— Не знаю. Не умею выразить словами.
— Тогда оставим это. Иди-ка сюда,— поднялся он и открыл дверь в свою комнату отдыха, смежную с кабинетом. Ирина Петровна насторожилась.— Не бойся. Я не зайду туда,— улыбнулся Герард Кадырович.

Она пожала плечами и шагнула за дверь, которая тут же за ней закрылась. Ира оказалась в темноте. И вдруг из этой темноты на нее стремительно вылетело что-то красное, трепещущее. Она отшатнулась, но через мгновение узнала, что это дельтаплан. А на нем красивая женщина с развевающимися волосами. Лицо летуньи быстро приближалось, сияя радостью бытия, восторгом полета, и все эти чувства захватывали зрителя, заставляя сердце его учащенно биться, а тело — парить над землей. «Да это же я! Неужели я такая красивая?!»

Она была искренне потрясена. И более всего тем, что Намазов, именно Намазов, способен так увидеть. Ведь надо так чувствовать, чтобы так видеть! Как уживаются в нем два таких разных человека — Герд и Герард Кадырович? Их несовместимость и в то же время единство приводили Ирину Петровну в замешательство и постоянно держали в напряжении. А как бы она к нему относилась, если бы он был только одним из двух? На этот вопрос она ответить не могла. Она была покорена мощью его таланта, направленного лично на нее. Лично! Против этого устоять почти невозможно.

— Спасибо, Герд,— сказала она, вернувшись в кабинет.— Это гениально. Я тебе искренне благодарна.

Герард Кадырович засиял своей коронной улыбкой.

— Она — твоя!

— Это слишком дорогой подарок. Тебе не жаль расстаться с таким шедевром?

— Я впервые сделал копию. Единственная просьба — сохранить инкогнито автора.

— Не понимаю, как ты выдержишь неизвестность?

— Не все же возможно понять. И не надо стремиться к этому,— ответил Герард Кадырович.— Подожди минутку.

Он зашел в комнату отдыха и вернулся оттуда с тубусом, который протянул ей. И она взяла. Очень хотелось иногда видеть себя такой. Хотя бы в темноте.

— Спасибо, Герд,— прошептала она, прижав к груди тубус.— Дай я тебя поцелую.— И она прикоснулась губами к его губам на одно сладостное мгновение. Слишком сильно забилося сердце. Она отстранилась.

— Ты звал меня только за этим?

— Нет, надеюсь еще продлить твои положительные эмоции... Но для этого придется коснуться рабочих проблем.

— С удовольствием! Истосковалась без них.

— Тогда садись, читай,— показал он на стол и подвинул к ней письмо Вольнова. Ирина Петровна углубилась в чтение. Читала она, удивленно поднимая брови, с постоянно тлеющей улыбкой на губах.

— Это похоже на чудо!— воскликнула она, дочитав.— Всесоюзная фелицитологическая служба! Об этом даже мечтать было страшно. Да готовы ли мы?!

— Александр Аркадьевич — птица высокого полета,— развел руками Герард Кадырович.— Он мыслит глобально. Да и видней ему с высоты.

— Но откуда ему известно про наши работы по Коллективному Разуму? Ведь самое же начало!

Герард Кадырович внимательно посмотрел на нее.

— Я думал задать этот вопрос тебе.

Ирина Петровна удивленно посмотрела на Намазова.

— Мне это не нравится,— сказал он,— хорошо, если информация попала только к Вольнову, а если к нашим врагам? Дуэль Вуд — Вольнов продолжается, и мы — непосредственные ее участники. Я последнее время много размышлял над этой проблемой. Ситуация очень серьезна. В настоящее время потенциал страны существенно определяется уровнем развития интеллектуальной техники, а наша система «интеллект-интеллекtron» — это стратегическое оружие в период борьбы интеллектов двух систем. Мы обязаны отдавать себе в этом отчет. И теперь надо выходить на высокий уровень по вопросу финансирования и соответствующих

охранных мероприятий. Надо разворачивать работы. Принципиально перестроить структуру института и подчинить ее одной цели. А тебе, — улыбнулся он, — придется стать моим заместителем по науке и возглавить направление.

— Но стоит ли идти на конфронтацию систем? — усомнилась она, воспитанная на «новом мышлении».

— Стоит! — уверенно припечатал Герард Кадырович.

— Но я же надолго выбываю из строя, — продолжала сопротивляться Секина.

— Ну, это дело не одного дня. Успеешь вернуться, — успокоил ее Намазов. — Мое предложение серьезно, но пока прошу его не обнародовать.

— Разумеется. Только я еще не дала согласия.

— Это необходимо для дела, поэтому у тебя нет выхода.

— Все-таки я предпочитаю заниматься наукой, а не ее организацией.

— Не те масштабы, чтобы укрываться в кабинете. Подумай над этим.

— Хорошо, — покорно кивнула Ирина Петровна, — можно, я пойду. А то слишком много всего сразу. Надо прийти в себя. Спасибо тебе за все.

— Тебе спасибо. Без тебя ничего бы этого не было. Ну ладно, иди. Письмо забирай с собой. Обрадуй своих товарищей. Обсудите. Подумайте.

Она летела по коридору, как на крыльях. И была очень похожа на свой портрет, который уносила в тубусе...

Герард Кадырович любил себя добрым и обаятельным.

«Может быть, я действительно ее люблю? — предположил он, еще выше возносясь в своих глазах от этого предположения. — Очень, очень похоже!..» Его моральная победа была очевидна. А победа окрыляет.

Секина тоже была окрылена победой. Но не личной, а победой своего дела. Однако, несмотря на трепещущие крылья, она не забыла оставить тубус в машзале и только потом осчастливила неожиданным известием своих сотрудников.

Письмо Вольнова в лаборатории было принято с бурным восторгом.

— Наконец-то, — сказал Андрей Петров, — фелицитология имеет возможность из абстрактной науки стать тем, чем должна быть по самой своей идее — основой для принятия гуманных социальных решений.

— Ну и Вольнов! — восхитился Платонов. — Сюрпризы гения! Со всесоюзным скандалом кануть в неизвестность и возникнуть вдруг со всесоюзной службой счастья! Дела-а-а! Кстати, откуда он может знать про наш несуществующий пока Коллективный Разум?

— Идея-то его, — напомнила Настя, — а по косвенной информации, наверное, можно понять, чем мы занимаемся.

— Как бы там ни было, — заметил Платонов, — а польза от этого налицо. Всесоюзная фелицитологическая служба — это звучит!

— Да, — подтвердила Секина, — как бы голова от масштабов не закружилась. Александр Аркадьевич мыслит глобально и нас призывает к тому же. Послушайте еще раз:

«1. Ваши соображения о функциональной структуре фелицитологической службы». Есть соображения? — обратилась она к сотрудникам.

— Есть, — серьезно, даже почти мрачно сказал Андрей, — без таких соображений в фелицитологии делать вообще нечего.

— Отлично, — кивнула Ирина Петровна, — попрошу всех, у кого есть упомянутые соображения, четко изложить их на бумаге и в недельный срок представить мне. Потом организуем серьезный разговор. А пока следующий вопрос для размышления. Кстати, советуем записать. «2. Круг практических проблем, которые могут быть решены на современном уровне развития фелицитологии». Как, Андрей Митрофанович, у тебя и на этот вопрос ответ готов?

— В целом готов, — не откликнулся Петров на иронию.

— Изумительно! Значит, нам будет легче. Читаю дальше: «3. Комплектация технических средств фелицитологической службы. 4. Методология фелицитологической практики. Конкретные научные результаты, подлежащие внедрению...» — Ирина Петровна читала еще долго. Во-первых, потому, что список вопросов был внушительным, во-вторых, потому, что это все задевало их самым непосредственным образом и поэтому вызывало живейшую и бурную реакцию.

— А вы чувствуете, что нам придется перестраивать свою работу?! — вдруг спросила Ирина Петровна. — Ведь нам предлагается стать организаторами не только своей науки, но и практики. Организаторами общественной жизни.

— Ну, к надстройке тебя никто близко не подпустит, — хмыкнул Платонов.

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Секина.

— Главное — не суетиться, — сказал Андрей, — чтобы за организационной деятельностью не забыть о науке. Одно дело заниматься наукой вообще, другое — делать с помощью науки жизнь...

Длинный телефонный звонок решительно прервал их дискуссию. Андрей по привычке поднял трубку.

— Товарищ Петров,— прозвучал генеральский голос Намазова,— с вами будет разговаривать Академик Вольнов Александр Аркадьевич!

— Андрей Митрофанович? Приветствую вас!

— Здравствуйте, Александр Аркадьевич.

— Андрей Митрофанович, у меня к вам просьба. Учитывая вашу молодость и мобильность, с одной стороны, и мои седины — с другой, не откажите в любезности приехать ко мне. Я познакомился с вашими работами и нуждаюсь в вашей консультации по конкретному вопросу.

— Я с удовольствием! Но смогу ли я?!

— Герард Кадырович любезно дал согласие командировать вас в отдел фелицитологических исследований Совета Министров СССР. Гостиница вам забронирована. Запишите номер телефона для справок.

— Спасибо. А какой вопрос-то?

— Социальные проблемы постиндустриального общества.

— Но я...

— Думаю, что ваша методика может оказаться полезной. Кстати, может быть, это и будет первым конкретным делом всесоюзной фелицитологической службы. Уже слышали о ней?

— Да! Какие перспективы!

— Вот и обсудим. С нетерпением жду вас. Поприветствуйте от моего имени ваших товарищей. Особенно Ирину Петровну Секину. До свидания.

— Но почему я?!— растерянно восклицает Гражданин Вселенной.

— Петров и Секина, срочно ко мне!— скомандовал Намазов, желая взять ускользящую ситуацию под свой контроль...

И вот они все вместе выходят из института. Ирина отстала, и они ждут ее на крыльце. Она выходит почему-то слегка смущенная. В руках у нее тубус.

— Вот решила дома поработать. Поотстала от вас,— объяснила она, виновато улыбаясь. К чему оправдания? И отчего эта неуверенность в движениях? Ира спустилась с крыльца и взяла под руку Андрея. Он внутренне напрягся, почувствовав, что в Ирине происходят какие-то тектонические процессы. Они присоединились к ожидавшим их товарищам.

— Поближе к героям?— беззлобно пошутила Настя, создавая игровую атмосферу.

— Женщины любят победителей,— поддержала игру Секина.

— Да бросьте вы!— засмутился Андрей.— Какие герои?! Какие победители? Сам не пойму — почему ему понадобился именно я?

— Сколько мы тебя осчастливливали-осчастливливали,— улыбнулась Танечка.— Должна же тебе, в конце концов, судьба улыбнуться.

— Вообще-то, действительно,— согласился Андрей.— Могла бы и пораньше, учитывая ваши трудовые затраты.

— Андрюша, можно я соберу тебя в дорогу?— вдруг тихо спросила Ира.

И Андрей даже остановился, удивленно воззрившись на нее. Она не отвела глаз. И вдруг на лице Гражданина Вселенной засияла счастливая-счастливая, детская-детская улыбка. Ире даже страшно стало.— Позавчера будет сегодня,— сказала она,— если ты не передумал...

Его провожали всем коллективом, непрерывно наставляя и советуя, так что в ушах звенело. И когда, наконец, самолет начал набирать высоту, Андрей облегченно вздохнул и заулыбался, вспомнив удивленные лица ребят, когда он пригласил их на свадьбу, которую состоится, как он выразился, по его возвращении, и представил им Иру как свою невесту. Эффект был потрясающий! Настя первая пришла в себя, подошла к Ирине, поцеловала ее, поздравила. Потом подала руку Андрею и сказала:

— Молодец, Андрюша, ты становишься мужчиной. Рада за тебя...

Потом опять все закричали хором, и Андрей спасся бегством на посадку. Приятные воспоминания кончились тем, что Гражданин Вселенной заснул — сказывалась бессонная ночь...

— Здравствуйте, Андрей Митрофанович!— обрадовался Вольнов.— Искренне благодарен вам за приезд.

Андрей увидел перед собой маленького худого старичка с совершенно седой пышной шевелюрой.

«Он! — узнал Петров. — Он! Тот самый, с которым я в поезде общался... Теперь все понятно!»

Александр Аркадьевич, улыбаясь, смотрел на гостя.

— Вот видите, какие последствия возымела наша беседа. Если бы не вы, ни о какой всесоюзной фелицитологической службе сейчас, вероятно, и разговора бы не было: вы показали мне передний край современной фелицитологии, от которой я, к сожалению, по ряду личных причин отстал.

Андрей недоверчиво поднял брови.

— Да-да, Андрей Митрофанович, академики находятся гораздо дальше от переднего края науки, чем младшие научные сотрудники. Подобно генералу и рядовому... Вы, сами того не ведая, помогли мне понять, что я не имею права сейчас бросить свою армию... Пожалуй, мы с вами самовар разведем. И вы с дороги, и я не прочь перекусить.

Меж неспешными хозяйственными хлопотами Вольнов рассказал Андрею о решении перевести один из московских заводов в режим завода-робота. Конечно, роботизация производства — обычный технический прогресс, но не считает ли Андрей Митрофанович, что здесь закономерно вмешательство фелицитологии?

— Не первый завод переходит на полную автоматизацию, — ответил Андрей. — Как-то все решалось?

— Вот именно: как-то, — подчеркнул Вольнов. — Наша задача — сделать это наилучшим образом. Куда людям-то деваться? Неужели бросать свои дома, рвать тысячи связей и разъезжаться по стране в поисках отсталого, не роботизированного еще производства? А нужны ли они будут?

— Прямо-таки безработица при социализме получается, — усмехнулся Петров.

— А почему бы, собственно, и нет? — спросил его Вольнов. — В конце концов, в идеальном обществе каждый его член должен быть отчужден от материального производства, то есть не должен являться придатком, необходимым компонентом производственного процесса. С удовольствием вспоминаю ваш любимый тезис о том, что коммунизм наступит тогда, когда все станут интеллигентами.

— Хороший тезис, — довольно улыбнулся Андрей. — Так что, вы правы — безработица безработице рознь. Если социальный прогресс будет иметь место, то безработица должна стать придаток машинного производства, производительная сила, фактически являющаяся орудием труда, то, что ныне называется рабочим классом. И наоборот — интенсивность умственного труда должна возрасти на несколько порядков...

— Да-да-да! — поддакнул Вольнов. — Как мало, как неумело, как лениво мы еще думаем!

— Вот тут-то и зарыт главный гвоздь проблемы, — почувствовал себя на коне Гражданин Вселенной. — Для построения фактически бесклассового общества многим надо будет совершить скачок из класса рабочего или крестьянского в класс интеллигенции и тем самым выровнять классовый состав общества, свести его к единственному классу работников умственного труда... А совершать скачок трудно, во-первых, и невыгодно, во-вторых.

— Раскрывайте тезис, — потребовал Вольнов, — он стоит того.

— Трудно, потому что надо приобрести определенный уровень знаний, умение мыслить и выработать в себе привычку, вернее, потребность постоянно мыслить. Все это требует неимоверных волевых усилий, — увлекшись, продолжал Андрей, чувствуя, что он на верном пути. — А дополнительные волевые усилия затрачивать всегда невыгодно. Особенно, если жизнь, в целом, идет нормально. Лень затрачивать усилия. Вообще, быть интеллигентом невыгодно. Это значит ежедневно убеждаться в ограниченности своих знаний, в слабости собственных мыслительных способностей, в долгом отсутствии конкретных результатов своей работы. Ежедневно, ежедневно на протяжении десятилетий убеждаться в том, что ты не гений. И сознавать, что человечество — еще слепой котенок, ползущий через автостраду, по которой несутся неумолимые колеса истории... Трудно, очень трудно интеллигенту уважать себя! Может быть, отсюда и берет истоки пресловутая интеллигентская нерешительность?

— Великолепный монолог! — оценил Вольнов. — Я бы еще его заключил словами: Интеллигент — это звучит горько!.. Ну и? — подтолкнул он Андрея к дальнейшим размышлениям.

— То ли дело рабочий человек, умелец, Мастер, ежедневно создающий что-то конкретное, зримое, несомненно необходимое! Кто может быть счастливее рабочего человека, уверенно шагающего по земле, зная, что на его рабочих руках держится мир?! Вот только грузоподъемность этих рук не беспредельна. Но этого рабочий человек может и не осознавать — очень уж велика его сила. Нет! Он вовсе не дура-

чок какой-нибудь. Он рационализатор, даже изобретатель, он и в театре играет, и стихи пописывает, и в философии разбирается... Короче, у рабочего человека есть все основания уважать себя, гордиться собой! Так на кой же ляд ему вдруг скакать в эту рефлексирующую интеллигенцию?!

— А, правда, на кой? — вполне серьезно спросил Вольнов.

— Ляд может быть только один, — не моргнув глазом, ответил Петров, — историческая необходимость. Она же неизбежность. Рано или поздно производство достигает такого уровня развития, когда его уже не устраивают рабочие руки, даже вместе с головой, в качестве орудия производства. Не успевают рабочие руки, тормозят производство, а такие ситуации чреватые революциями.

— Обращаю ваше внимание, уважаемый Андрей Митрофанович, что слово произнесено очень опасное, вернее, очень ответственное, — насторожился Александр Аркадьевич.

— Спасибо, — кивнул Петров, — мне и самому страшно.

Но никто рабочему классу голову сворачивать не собирается, просто историческая необходимость предлагает ему заняться подлинно человеческой деятельностью — думать! Надо становиться специалистом этого дела. Мастером. История не любит дилетантов... Только способен ли человек осознать историческую необходимость, пока его не припрет к стенке, не скрутит в бараний рог? Вот — вопрос вопросов!

— Ну вот, — обрадовался Александр Аркадьевич, подливая гостю чай, — вот мы и добрались общими усилиями до того, с чего начали. Не задача ли фелицитологии — помогать решать людям «вопросы вопросов»? И в нашем конкретном случае я исхожу из того, что заставлять людей бросать любимое дело, дом, всю сложную систему жизненных связей даже в угоду прогрессу — не по-людски. «Не человек для субботы, а суббота для человека»...

... Мы обсуждали эту проблему с рабочими завода, — продолжал Вольнов. — И было высказано пожелание, даже идея, чтобы автоматизированное производство работало само по себе, а человек оставался бы рядом и думал, как его сделать еще эффективней.

— Если я верно понял, то вы предлагаете создать на базе коллектива завода нечто вроде научно-изобретательского института?

— Точно сформулировано, — обрадовался Вольнов.

— Здорово!.. Правда, непривычно, чтобы сразу так много изобретателей. Нужно ли? Возможно ли? — размышлял Андрей. — Историческую необходимость мы обосновали, а как быть с человеческими возможностями?

— Учить надо, — улыбнулся Вольнов. — Мне кажется, что надо человеку только дать попробовать что-нибудь изобрести — потом за уши не оттянешь.

— Дать попробовать? — переспросил Андрей. — Пожалуй, можно. Наша фелицитологическая техника это позволяет. Правда, пока только на индивидуальном уровне. Тоже вариант. Но сколько для него понадобится сил, времени, средств! Страшно представить... А стоит ли овчинка выделки?..

На следующий день, как они и договаривались, Андрей с утра был у Вольнова и сразу взял быка за рога:

— У меня выстраивается следующий вариант схемы эксперимента: во-первых, он должен осуществляться при одновременном участии всех заинтересованных лиц на базе коллективной интеллектуально-интеллектуальной или, что один черт, гомонотронной системы. При этом часть участников должна иметь активную роль, то есть задавать течение эксперимента, содержать в себе его «мысленную модель». Другой части останется относительно пассивная роль, в том смысле, что она будет находить собственную линию поведения в предлагаемых активными участниками обстоятельствах. В качестве активных участников, наверно, имеет смысл использовать ведущих ученых отрасли, которые бы обеспечили базу специальных знаний Коллективного Разума, ведущих ученых смежных специальностей. Хорошо бы иметь какого-нибудь «возмутителя спокойствия» типа фантаста для стимулирования качественного скачка.

— Надо прямо сказать, что сценарий вполне наполеоновский...

— Вы хотите сказать, что все это — чушь собачья? — ошетинился Гражданин Вселенной.

— Отнюдь, — улыбнулся Вольнов, — самое странное, что я верю в возможность постановки вашего спектакля, хотя при современном уровне развития фелицитологической и интеллектуальной техники он выглядит весьма фантастично. Может быть, на старости лет я утратил чувство реальности? Или мне очень хочется до смерти увидеть этот ваш спектакль? Как считаете?

— Я не бог, — серьезно ответил Андрей, — гарантий дать не могу. Такое под

силу только мощному целенаправленному объединению ученых, конструкторов, инженеров. Но научные основания для успеха есть: во-первых, приглашаю вас в ближайшее время присутствовать при рождении Коллективного Разума. Во-вторых, скорость доведения системы до уровня практического образца будет зависеть от возможностей всесоюзной фелицитологической службы и лично от вас, Александр Аркадьевич... В-третьих, у нас нет выхода — социальный организм института необходимо моделировать в целом, иначе вообще не вижу смысла в эксперименте.

— Вот поставлю-ка я вас во главе этого объединения, — улыбнулся Вольнов, — своим заместителем, разумеется. Дам наполеоновскую армию. И скажу: — Ведите, Андрей Митрофанович! А?

— Ну что вы! — искренне испугался Гражданин Вселенной.

— Так вы хотите переложить сей труд на мои стариковские плечи?.. Нехорошо... Нехорошо...

— Что-то я уже не понимаю, где вы шутите, а где говорите серьезно, — развел руками Андрей, — чувство юмора пробуксовывает.

— Я не выхожу за границы предложенного вами сценария, — ответил Вольнов, — так сказать, говорю вашим языком. Вы предлагаете научные основы успеха, я — организационные. Проблема слишком серьезна, чтобы ее вышучивать, да и мы слишком занятые люди. Конечно, схема может претерпеть, и наверняка претерпит, серьезные изменения, но по сути своей, а суть ее в организации коллективного мышления, имеет чрезвычайную социальную важность. Дело в том, что такой подход при конкретной его реализации может внести и внесет качественные изменения в духовное содержание «человеческого материала», из которого строится общество. Те самые качественные изменения, без которых все фантазии по преобразованию структуры общества не могут иметь под собой серьезной основы. Отдавай всю власть советскому или партийному аппарату, сочедай их, вводи однопартийную или многопартийную систему или иные структурные преобразования — все они не будут иметь принципиального отличия, если выстроены из одного и того же «человеческого материала», который может свести на нет все достоинства экономического базиса общества и оптимальной структуры его политической надстройки. Может быть, поэтому мне и хочется верить в реальность вашего фантастического проекта и приложить все силы, чтобы реализовать его. Грешен — хочу, чтобы люди были счастливы.

— Даешь всеобщее счастье! — улыбнулся Андрей.

— Да-да, вот именно... А как вы относитесь к международной обстановке, Андрей Митрофанович?

Андрей пожал плечами, не зная, как отвечать на такой вопрос. Серьезно — не привык, отшучиваться — вроде бы не место.

— А вы знаете, что в настоящее время весь личный состав армий наших вероятных противников полностью вудизирован?

— Нет, средства массовой информации не потрудились мне об этом сообщить. Они только старательно убеждают меня в том, что вудизироваться плохо.

— К тому же вудизировано около шестидесяти процентов населения... И процесс продолжается.

— Неужели уже так много? — удивился Андрей, и ему стало не по себе, когда он представил себя в окружении миллиардов вудизированных, как ему казалось, идиотов.

Вольнов внимательно посмотрел на Андрея, оценивая его готовность услышать дальнейшее, и сообщил:

— Нам стало известно, что в одной из совершенно секретных лабораторий, финансируемых Пентагоном, под руководством доктора Вуда проводятся разработки аналогичные вашей. Об уровне их достижений пока ничего не известно.

— Не может быть! — воскликнул пораженный Гражданин Вселенной, который доселе в глубине души чувствовал себя пионером научно-технического прогресса человечества. — Не может быть! Совершенно никаких публикаций! Мы проверяли! — выкрикнул он, понимая, что несет чушь.

— Естественно, что никаких публикаций, — кивнул Вольнов. — В связи с этим я уполномочен рекомендовать вам впредь продолжать свою линию скрытого проведения исследований. В ближайшее время будут проведены дополнительные мероприятия по засекречиванию вашей работы.

— Какие еще могут быть дополнительные мероприятия? В планах она не фигурирует. Даже директор, как я теперь понимаю, догадался о ее существовании благодаря вашему письму... По-моему, чем меньше мы будем суетиться, тем меньше привлечем внимания.

— Вуд своего не упустит, — усмехнулся Александр Аркадьевич. — Кстати, о письме. Вашему директору уже дано указание уничтожить его и ждать другого,

где будет отсутствовать упоминание об интеллектуальной системе Коллективного Разума. Это была моя ошибка... Так что теперь, как вы сами понимаете, ваш свободный поиск превращается...

— В гонку вооружений,— усмехнувшись, закончил Андрей.

— Ну, если вам нравится подобная терминология... Я хотел сказать, что он превращается в плановую работу особой государственной важности. Теперь у вас будут очень большие возможности...

— Александр Аркадьевич, раз уж мы коснулись таких секретных тем, то я хотел бы у вас спросить... Что вы знаете об отшельниках?— собравшись с духом вдруг выпалил Андрей.

Вольнов помолчал.

— Извините, но чтобы с достаточной полнотой ответить на ваш вопрос, хотелось бы сначала выяснить, что вы знаете о них?

И Андрей рассказал все, что знал. По ходу изложения пытался по памяти цитировать отрывки из отчетов и записей Симоняна, на что Вольнов удовлетворенно и с явной заинтересованностью кивал.

— Что особенно интересно,— подчеркнул Андрей.— Мы ведь попытались промоделировать отшельника на мне в сеансе стыковки с интеллектуальным. Заложили в информационную базу всю имеющуюся информацию об отшельниках, свои гипотезы. А уж меня-то наша ГНТ-система знает как облупленного.

— Ну и как?— заинтересовался Вольнов.

— Увы, никак. Конечно, я вжился в роль, прочувствовал, но... как бы это сказать? Остался на том же информационном уровне, какой был заложен изначально. Как добросовестный, но не гениальный актер. Знаете, я как бы чувствовал стену перед собой. И разум мой, и чувства достигали какого-то предела и дальше как будто пробуксовывали... Качественного скачка не произошло. И понимания не прибавилось. Осталось ощущение, что меня не пустили... Не получилась из меня многомерная личность даже с помощью ГНТ-системы.

— Многомерная личность, говорите?— переспросил Вольнов.— Множество параллельных миров пересекается в едином сознании?

Андрей кивнул.

— Похоже на красивую сказку. Интересная идея... А вы представляете, как трудно будет фелицитологу с такой многомерной личностью?! Какой клубок противоречий! И такая ответственность!

Андрей выжидательно молчал.

— Что ж,— констатировал Вольнов,— вы знаете немало. В отдельных конкретных моментах даже больше меня. Хотя, не скрою, я специально занимался этой проблемой по заданию правительства. Не знаю уж, волей случая или закономерно оказалось, что вы и ваши друзья принадлежите к узкому кругу людей, наиболее информированных в нашей стране относительно отшельников, потому что наиболее полная и качественная информация была представлена отделом Симоняна. Так что, на мой взгляд, бессмысленно скрывать от вас все остальное.

Андрей согласно кивнул.

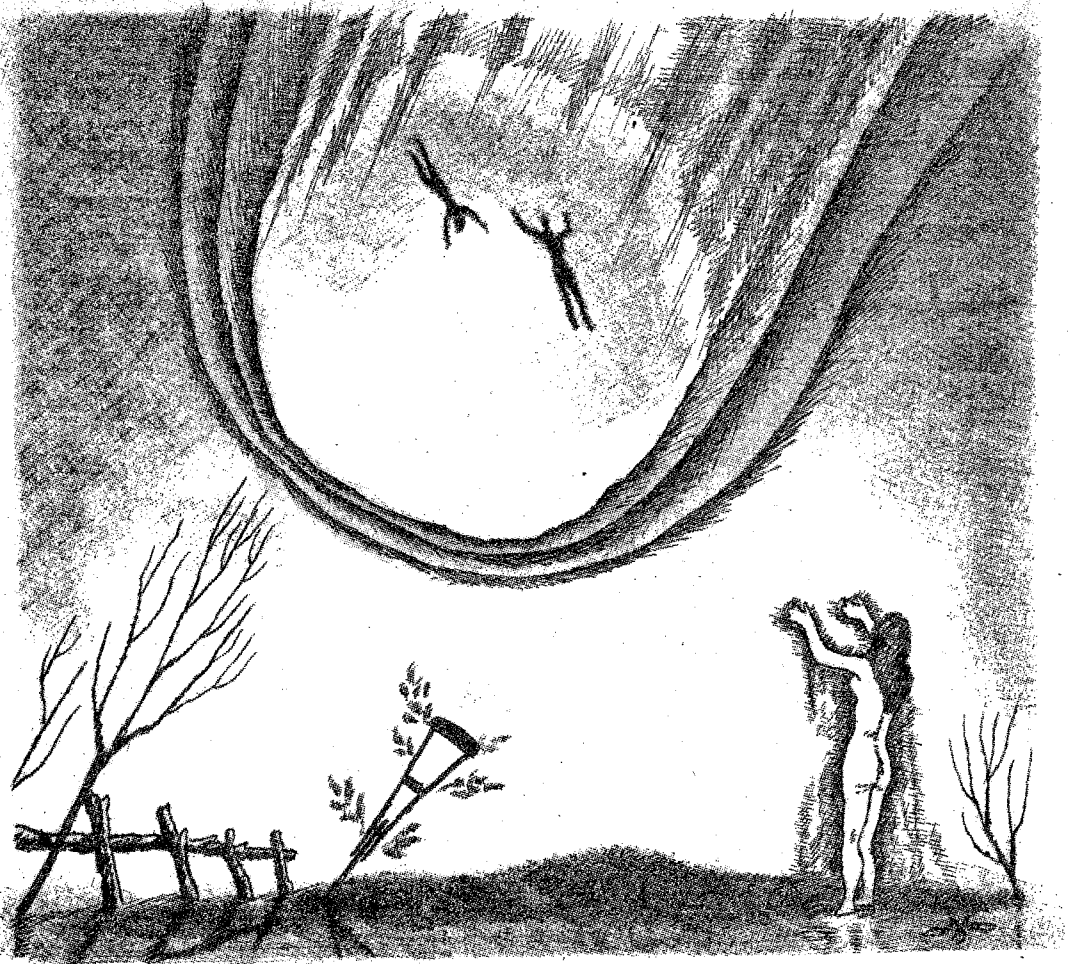
— Ну что я могу вам сказать?.. Во-первых, отшельники несомненно существуют. Во-вторых, явление носит мировой характер. Сообщения о них поступают из стран с различным строем и географическим положением. Места обитания — различные участки суши, малоприспособленные для жилья или просто незаселенные. Разумеется, было принято решение вести бдительное наблюдение за отшельниками и, по возможности, войти с ними в позитивный контакт. К сожалению,— развел руками Вольнов,— решение пока осталось всего лишь решением. Почему-то плохо с коммуникабельностью в нашем мире... Кроме того, принято решение остановить поступление информации об отшельниках к широким кругам населения во избежание домыслов и панических слухов. Решение международное. На уровне глав правительств и секретных служб.

— Как будто «широкие слои населения» слепы и глухи... А уж об интеллекте и говорить нечего. Вудизировать «широкие слои»! Срочно вудизировать!— разразился гневной тирадой Андрей.

— О, молодость!— снисходительно улыбнулся Вольнов.— Понимаете ли, Андрей Митрофанович, в настоящее время никто в мире не может объяснить этого явления и, следовательно, не может оценить, чем оно может грозить человечеству. Великими благами или всемирной катастрофой? И осторожность в подобных обстоятельствах совершенно естественна.

— Что же могут противопоставить отшельники вооруженному до зубов человечеству?

— Никто не знает... Тайну... Интеллект и единство. Что касается всякой чертовщины и мистики — судить трудно. И не верить имеющейся информации вроде бы нет оснований, и верить что-то мешает. Если вся эта чертовщина имеет место дей-

Рисунки Л. Максимова

ствительно, то осторожность должна быть максимальной! Потому что встает вопрос — с людьми ли имеет дело человечество в лице отшельников?

— Не мутанты ли? Не людены ли?— грустно усмехнувшись, кивнул Андрей.— На самом деле мы не отшельников боимся, а того, что они окажутся такими же, как мы... Лично я нисколько не сомневаюсь в удивительных и прекрасных способностях отшельников!— с горячностью произнес Гражданин Вселенной.

— Какие у вас основания для столь пламенной уверенности?— с легкой ехидцей спросил Вольнов.

— Я лично знал Симоняна. Он не станет лгать.

— Я тоже склонен считать, что Симонян был честным человеком, но...— неопределенно повертел руками в воздухе Александр Аркадьевич.

— Что значит был? Он погиб?

— Нет.

— То есть... Вам точно известно, что он ушел в отшельники?! Мы так и думали!

— Вы вроде бы даже и рады?— усмехнулся Вольнов.

— Конечно! Во-первых, человек жив! Во-вторых, у нас есть свой отшельник.

— Что значит «свой»?

— Ну... Вроде, как свой игрок в чужой команде. Только я не уверен, что отшельники — чужая команда... Просто, у них другой вид спорта.

— М-да... А вы уверены, что он не был таким игроком в вашей команде? Может быть, вся информация, им представленная, имеет какое-то специальное назначение?

— Какое?— опешил Гражданин Вселенной.

— Хотя бы дезинформацию.

— Ерунда!

Вольнов усмехнулся юношеской самоуверенности своего собеседника. Вроде бы давно уже не юноша.

— Я читал его дневник! — продолжал доказывать свою правоту Андрей. — Там нет никакой системы... Такое не может быть написано специально.

— Вы уверены? Так, чтобы на одной чаше весов — ваше утверждение, а на другой — судьба человечества?

— Нет, — растерянно признался Андрей.

— Конечно, жаль, что я незнаком с этим документом. Но, может быть, он был написан специально для вас? И особо охранялся, чтобы попасть в ваши руки?

— Но зачем?

— Чтобы вы поверили... И убедили остальных...

— Странно, — удивился Андрей, — что Рябов и вы — по одну сторону баррикад, а мы...

— Рябов — исполнитель. К сожалению, как это часто бывает, не слишком умный. Вот у вас и создалась иллюзия баррикад... Конечно, с его стороны было грубейшей ошибкой пытаться превратить столь информированных людей в дураков. Надо было напрямую объяснить, в чем дело. Хотя не исключено, что и ему плохо известно, как на самом деле обстоит дело.

— Система «глухого телефона» как основа государства, — хмыкнул Петров. — Знакомая картина. Странно, что я не чувствую в вас протеста.

— Люди, Андрей Митрофанович, все дело в людях, — улыбнулся Вольнов. — Система не создается сама по себе. Она создается людьми для себя. Существующие формы организации общества только вам, мыслью обогнавшим свое время, кажутся нелепыми и игрушечными... Для большинства — это единственно возможный вариант жизни. Да вы и сами понимаете, что вокруг вас — исторически обусловленные формы существования коллективного разума. Естественные формы. Не использующие технических средств. И вы должны быть готовы к тому, что человечество не примет вашего великого открытия, вашей формы. Потому что человечество еще не готово. Ведь вы предлагаете ему не новый телефон, телевизор или космический аппарат, а новый способ мышления. Кто знает, как скоро к нему привыкнут. Да и примут ли вообще? Захотят ли привыкать? Собственно, я перешел с проблемы отшельников на проблему интеллектуального Коллективного Разума, ибо допускаю, что это проблемы одного порядка. Человечество равно может быть к ним не готово. Иначе чем объяснить явное и упорное нежелание отшельников вступать в контакт с нами? Не все же к ним настроены враждебно, не все же их боятся... Не все же неспособны их понять? Или все? А, Андрей Митрофанович? Или они вовсе не нуждаются в понимании?

— Не знаю, — вздохнул Андрей, — может, и правда — не доросли. И вообще, о чем разговор? Не то что общаться — и думать о них запретили! Дескать, нету их — и баста! А им, может, с вашими сверхсекретными наблюдателями никакого смысла нет вступать в контакт. Не тот язык.

— Вполне вероятно, — согласился Вольнов. — Впрочем, проблема отшельников, как и все сегодняшние проблемы, существенно осложняется международной обстановкой, о которой мы сегодня уже говорили. Мы не знаем их отношения к ней. Не знаем, как общаются, и общаются ли вообще, отшельники из разных стран? В дальнейшем, чтобы исключить вашу непроизводительную самодетельность, гарантирую вам поступление всей информации об отшельниках, которой буду располагать.

— Спасибо.

— Надеюсь, вы не сбежите в отшельники, пока свое дело не закончите?

— Уж я-то не сбегу! — заверил Гражданин Вселенной.

— Пятиминутная готовность! — объявила Анастасия Владимировна в микрофон.

«Высокие гости» — Александр Аркадьевич Вольнов, Представитель Заказчика (ПЗ) и Герард Кадырович Намазов заняли свои места перед экраном стереодисплея, откуда хорошо просматривался «контактный отсек», внутри которого в удобных креслах разместились главные участники «исторического эксперимента»: Секина, Петров, Платонов, Лебедева-Александрова. Проводить эксперимент поручили Анастасии Владимировне.

— ГНТ-система готова к эксперименту, — доложила она «высоким гостям», закончив опрос готовности всех систем.

— С богом, Настенька! — кивнул Александр Аркадьевич на правах старшего и по должности, и по возрасту.

Анастасия Владимировна, непроизвольно зажмурившись, нажала на «пуск».

— Антенная система вышла на режим, — через минуту доложил Максимов.

— Одна минута новой эры, — сверившись со своими часами, прокомментировал Вольнов. Герард Кадырович понимающе кивнул.

— Медицинский пост, доложите обстановку, — приказала Платонова.

— Паталогических отклонений не наблюдается. Эксперимент можно продолжать, — доложил медик.

«Ни шлемов, ни скафандров — благодать! — подумала Анастасия Владимировна. — Молодцы мы!»

— Включаю автоматическое согласование спектров, — объявила она.

И вздрогнули на экране кривые индивидуальных интеллектуальных полей, и стали сближаться, пересекаться, накладываться друг на друга. И наконец осталась только одна четкая кривая.

— Есть резонанс! — сообщил Максимов.

— Медицинский пост? — осведомилась Платонова.

— Все нормально, — доложил медицинский пост.

«Резонанс есть, связи есть, есть ли Коллективный Разум?»

Максимов набрал директиву: «Дай основные характеристики Коллективного Разума».

На экране дисплея тут же стали высвечиваться строчки ответа, дублировавшиеся на устройстве печати в пяти экземплярах. Для отчета.

Максимов не поверил своим глазам и вопросительно посмотрел сначала на Сан Саныча, потом на Платонову. Александров пожал плечами. Настя посоветовала:

— Переспроси.

Вася набрал новую директиву: «Укажи фелицитологический индекс».

На экране высветился ответ: «Фелицитологический индекс: 0,5».

Это было невероятно! Средний фелицитологический индекс по стране, согласно последним статистическим данным, равнялся 0,75. Фелицитологический индекс участников эксперимента находился в пределах 0,8—0,9.

Вася набрал новую директиву: «Укажи причину понижения фелицитологического индекса относительно индивидуального уровня».

Ответ: «Повышение адекватности мировосприятия».

— Значит, — сказал Максимов, — как фелицитологи мы потерпели фиаско.

— Счастье — это процесс, — философски заметил Намазов, — у него могут быть временные провалы.

Вдруг что-то произошло. Все почувствовали, что «мир уже не тот, что прежде», хотя никто бы не смог определить, в чем это конкретно заключается. Отчетливое ощущение чьего-то присутствия.

...Вахтер — давний почитатель платоновского творчества, несший службу у институтской вертушки, беспокойно заерзал на стуле. Посмотрел сквозь прозрачную стену своей загородки. К институту никто не приближался. Вышел, прошел через вертушку. Коридор, как и полагается во время рабочего дня, был пуст. Вахтер поцокал языком, покачал головой, мол, нервишки пошаливают на старости лет, мерещится невесть что...

— Резкое повышение напряженности интеллектуального поля за пределами контактного отсека, — доложил Максимов, глянув на экран ноометра.

— Этого не может быть! — воскликнул Намазов. Он лично вникал в систему защиты и пришел к выводу о совершенной ее надежности.

— И тем не менее, факт налицо, — удовлетворенно отметил ПЗ.

— Странный спектр при таком высоком уровне, — заметил Намазов, внимательно рассматривая кривую.

— Да, — согласилась Анастасия Владимировна, — типично шумовой спектр.

— Думается легко и необычно многопланово, — поделился своими ощущениями Герард Кадырович.

— Если шумы такие мощные, то каков же основной сигнал?! — спросил Сан Саныч.

Максимов вызвал на дисплей кривую напряженности интеллектуального поля внутри контактного отсека.

— Красотища! — воскликнул Сан Саныч и посмотрел на Герарда Кадыровича.

— Нет слов, — развел руками Намазов и со значением посмотрел на ПЗ, как бы приглася его восхититься полученными результатами.

ПЗ удовлетворенно покивал.

— Анастасия Владимировна, — попросил молчавший доселе Александр Аркадьевич, — будьте любезны, попросите ГНТ-разум восстановить защиту.

И сразу все почувствовали, что мир вернулся в свое прежнее состояние. И испытывали при этом некоторое разочарование.

— ГНТ-разум услышал вас, — сообщил Максимов, указывая на экран ноометра.

— Продолжаю эксперимент согласно плану,— объявила Анастасия Владимировна.— Включаю информационную базу...

— ...Это — как будто стены в квартирах стали прозрачные,— рассказывал потом Платонов Насте.— Да в следующем сеансе ты сама почувствуешь. Это — как будто ты слышишь каждую мысль своего партнера по разуму. И он слышит тебя. Ты — голенький перед миром. Какой есть. И все меняется. Все прежние понятия: стыдно, страшно, можно, нельзя. И самое главное — не только другие видят тебя в истинном свете, но и сам ты все о себе знаешь.

— Это хорошо?— спросила Настя.

— Не знаю,— пожал плечами Платонов,— немного больно. Но это, словно катарсис. Душа очищается в исповеди.

— А как же право личности на суверенность, на личную тайну?

— Это можно. Можешь часть информации закольцевать на себя. Только почему-то ни у кого такого желания не возникало.

— Нельзя же всю жизнь прожить в доме с прозрачными стенами!

— Это нам теперешним нельзя. Когда нам есть чего стыдиться.

— Да-да, понимаю — меняется шкала нравственных оценок,— торопливо согласилась Настя.

— Шкала — дело вторичное. Ты сам меняешься. Почти совсем меняешься. И, по-моему, к лучшему.

— А индекс упал.

— Да, потому что мучаешься не только своей мукой. Да и своя-то мука оказывается другой. Многое из нее исчезает, осыпается, как шелуха. Зато оставшееся как бы обретает еще несколько измерений.

— Ради чего тогда все?

— Ради этих измерений. Ради очеловечивания Хомо-слегка-сапиенса.

— Очеловечивания?— удивилась Настя.

— Гомонотронная система — тоже дитя человеческое,— ответил Платонов,— не надо бояться собственных детей.

ГЛАВА 3. ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Герард Кадырович был растроган. Оказывается, ему жаль расставаться со своим директорским кабинетом. Будет ли Президент АН Намазов столь же гармонично вписываться в новый служебный интерьер?.. Впрочем, нет такого кресла, которое было бы не по нему. А кабинет останется за ним. Секина сохранит и приумножит их общие успехи под его отеческим присмотром. За прошедшие годы она убедительно продемонстрировала свои способности. Хотя временами он сам побаивался этого джина в юбке. Намазов, вероятно, более, чем кто-либо другой, понимал, какая необыкновенная сила находится в подчинении Ирины Петровны Секиной, какой властью над людьми обладает она, когда идет очередной эксперимент. Только бескорыстие, только самодисциплина горстки научных работников — достаточная ли это гарантия государственной безопасности? Именно государственной, потому что речь уже серьезно идет об интеллектуальном оружии.

Герард Кадырович посмотрел на часы и вызвал Ирину Петровну. Ее кабинет заместителя директора по науке был напротив.

— Ну что ж, Ира,— доверительно взял он ее за руки,— желаю успеха.

Ирина Петровна иронически взглянула на него. Намазов усмехнулся.

— Суровая ты женщина, милейший мой заместитель. Но оставим сантименты, если ты против. Я хочу сказать, что на тебя теперь практически полностью ложится руководство институтом.

— Ну,— усмехнулась Ирина Петровна,— Герард Кадырович Намазов не из тех, кто выпускает из рук дирижерскую палочку. Можете не беспокоиться — оркестр будет в порядке, ибо для него это единственный способ существования.

— Ну что ж, счастливо оставаться,— он галантно поклонился ей и энергичным шагом вышел из кабинета. Ирина Петровна проводила его грустным взглядом, сама себе удивляясь. Потом села в директорское кресло, подвинула к себе телефонный аппарат и набрала московский номер всесоюзной фелицитологической службы.

— Телепатия!— закричал в трубку Андрей, услышав ее голос.— Только что собирался тебе звонить. Как Тимка?

— Нормально,— улыбнулась в трубку Ирина Петровна,— все время спрашивает, где папа!

— Соскучился ужасно! Да дел невпроворот. Ты сама-то как?

— Да вот, сижу в директорском кресле.

— А, стало быть, Герард Кадырович приступил «к исполнению»?

— Приступил... Ну ладно, давай к делу. Как отнеслись к нашей просьбе?

— Отрицательно. Был с Александром Аркадьевичем на приеме в ЦК. Результаты «производственного» эксперимента получили очень высокую оценку.

— Приятно слышать, хотя этого и следовало ожидать.

— Приятно-то оно приятно, но от нас ждут новых подобных результатов. Эксперимент предлагается планомерно превратить в общегосударственный, а по-сему просьба ученых о предоставлении им возможности заниматься чисто фундаментальными исследованиями преждевременна.

— У-ух! — стукнула кулаком по столу Секина. — Это эксперимент расширять преждевременно! Еще столько белых пятен.

— Вот именно, поэтому нельзя, чтобы товарищи ученые замыкались в своих кабинетных проблемах. Эксперимент надо ставить масштабно, комплексно, по-государственному. И возможности для этого будут предоставлены. Пора научиться поддерживать живую связь фундаментальных исследований с объектом их приложения.

— М-да... Трудно что-либо возразить, кроме того, что обратного пути не будет.

— Я думаю, у нас найдется время обсудить эту проблему. Через два дня тебе предлагается быть в Москве. Видимо, сегодня ты получишь официальный вызов. И Намазов тоже.

— А Тимурчик?

— Останется с Анной Ивановной. Так что собирай вещички.

— Будет крупный разговор?

— Всесоюзный, — заверил Андрей.

«Да, пожалуй, теперь есть о чем поговорить и во всесоюзном масштабе, — подумала Ирина Петровна, откинувшись в удобном намазовском кресле. — Так что же сделано за прошедшие пять лет?» — решила она подвести итог и вдруг ужаснулась тому, как мало они успели. Ну что, собственно? Она взяла фломастер и стала писать:

1. Отлажена система индивидуального взаимодействия человека и интеллектрона.

2. Отлажена система коллективного взаимодействия людей и интеллектронной системы на базе индивидуальных средств связи. (Ирина Петровна имела в виду интеллектронные шлемы и скафандры, а также контактные отсеки. Однако в отсеках при увеличении числа участников более десяти наблюдалась интерференция интеллектуальных полей, в результате которой Коллективный Разум не возникал).

3. Проведен научно-производственный эксперимент по созданию НИИ на базе коллектива полностью автоматизированного завода с помощью ГНТ-системы.

Ирина Петровна посмотрела на листок с записанными на нем достижениями. Неужели это все? Во всяком случае, та часть, в которой можно быть уверенной. Остальное требует проверки, подтверждения, дальнейших исследований. Хотя можно записать еще один пункт:

4. Разработаны теоретические аспекты резонансных ГНТ-систем с использованием приемно-передающих антенных устройств, позволяющих осуществлять связь интеллектов и ноотронной системы, разобщенных в пространстве.

— Рад приветствовать дорогих гостей, — встретил их в кабинете Вольнов. — Ирина Петровна, — поклон, — Герард Кадырович, — рукопожатие. — Все мы люди загруженные, а личные встречи нам крайне необходимы. Спасибо, Андрей Митрофанович координирует наши действия. Громадная вам благодарность, Ирина Петровна, за обеспечение его мобильности. Прошу садиться... Что ж, — начал Александр Аркадьевич, когда гости сели, — перейдем к предмету нашей сегодняшней встречи. Как известно, Госкомитетом по науке и технике вашему покорному слуге было поручено доложить на заседании ЦК КПСС результаты нашего научно-производственного эксперимента. Не стану отвлекаться на содержание моего доклада, ибо оно вам известно в тонкостях.

Обсуждение же было очень активным и заинтересованным. Андрею Митрофановичу пришлось ответить на такое количество вопросов, что их с лихвою хватило бы на несколько докторских защит.

А теперь постановляющая часть заседания. Первое — одобрить научно-производственный эксперимент с применением ГНТ-системы коллективного мышления и рекомендовать полученный положительный опыт для широкого внедрения в народное хозяйство. Второе — отметить, что внедрение системы коллективного мышления в народное хозяйство влечет за собой коренное изменение структуры производительных сил и классового состава общества. Третье — оказать всемерную

поддержку научным и производственным организациям, принимающим участие в разработке системы коллективного мышления, для чего организовать соответствующее научно-производственное объединение. Четвертое — созвать совещание с участием всех заинтересованных ведомств и организаций для координации работ по реализации принятого постановления.

Судя по срочности созыва этого совещания, вы можете составить себе представление об энергичности намерений в деле реализации постановления.

— Непонятная поспешность, — пожалала плечами Ирина Петровна. — Мы еще совершенно не готовы к таким масштабам.

— Если бы дело касалось только Всесоюзной службы счастья, — пояснил Вольнов, — то, думаю, что такой поспешности не было бы, но в наших исследованиях, как вам известно, заинтересовано министерство обороны. И эта заинтересованность не беспочвенна. Получены сведения о том, что противник уже провел соответствующие организационные мероприятия.

— Какая метаморфоза, — вздохнула Ирина Петровна, — фелицитологи разрабатывают новейшее оружие, посягая на самую глубинную человеческую сущность — на его разум.

— Да, к сожалению, это так, — развел руками Вольнов, — но не кажется ли вам, что сохранение жизни на Земле — первейшая задача фелицитологии? Иначе кому мы будем обеспечивать счастье?

— Верно, но грустно, — согласилась Ирина Петровна.

— Трагично, — уточнил Герард Кадырович. — Александр Аркадьевич, кто намечен в качестве головного института этого НПО?

— НИИМС. Иное решение было бы нелогичным.

— Поздравляю, Ирина Петровна, — удовлетворенно улыбнулся Намазов.

— Благодарю и адресую аналогичное поздравление вам, — кивнула Секина, — но особой радости у меня это решение не вызывает. Нам некогда будет заниматься наукой, а именно она — основа основ успеха.

— Уважаемая Ирина Петровна, — снисходительно покачал головой Герард Кадырович. — Напротив, вам предоставляется возможность поручить ненаучную работу специализированным организациям. Отказаться, извините, от элементов кустарщины. К тому же никто в стране и, смею надеяться, в мире не обладает такими уникальными возможностями для ускорения интеллектуальной деятельности. Кстати, позвольте представить вам Андрея Митрофановича как Генерального директора создаваемого научно-производственного объединения, — улыбнулся Вольнов.

Пауза была продолжительна и многозначительна.

— Поздравляю, Андрей Митрофанович, — нашелся, наконец, Намазов, — вы достойны этого назначения, хотя оно несколько неожиданно, надо честно признаться.

— Это, конечно, здорово, — сказала Ирина Петровна, — но, похоже, я останусь соломенной вдовой.

Мужчины заулыбались.

— Нет, — успокоил ее Вольнов, — Генеральный директор будет базироваться в головном институте.

— Герард Кадырович, — обратилась Секина к Президенту, — может быть, вы найдете мне замену в НИИМС. Я не готова.

— Ни в коем случае! Из всех возможных кандидатур вы наиболее подготовлены.

— Вы — душа нашего дела, Ирина Петровна, — почтительно поклонился Вольнов. — А душа у нас должна быть на месте.

Ирина Петровна неожиданно для себя смущенно зарделась.

— Уговорили, — мило улыбнулась она, — но учтите, что я буду серьезным препятствием на пути вашего мужского авантюризма.

— Прекрасно, — согласился Намазов, подумав про себя: «Шерше ля фам... В безвыходных ситуациях ищите женщину...»

Никто из присутствующих еще не знал, как трудно приходилось ему вести игру в создавшейся ситуации, ибо сегодня ему доверительно сообщили в Президиуме АН СССР, что существует мнение о необходимости передачи НИИМС в подчинение АН СССР.

— Виктор Михайлович, зайдите, пожалуйста, в отдел, — раздался в трубке голос инженера.

Платонов, в общем-то, с пониманием относился к деятельности этого отдела, однако особой радости от необходимости тратить время на соответствующие вопросы не испытывал.

— Виктор Михайлович, вот товарищ из Комитета имеет к вам разговор. Прошу отнестись к нему с присущей вам серьезностью.

Платонов кивнул и внимательно посмотрел на «товарища из Комитета». Вполне интеллигентный мужчина примерно одних лет с ним.

— Алексей Петрович, — представился тот вежливо с легким поклоном.

Работник отдела предупредительно вышел из кабинета.

— Присаживайтесь, Виктор Михайлович, — мягко лучась благорасположением к Платонову, предложил Алексей Петрович, — разговор у нас с вами неформальный и достаточно серьезный. — Он обошел письменный стол, сел напротив Платонова, открыл черный «дипломат» и извлек оттуда весьма увесистый том явно машинописного текста.

«Прямо-таки роман мой», — усмехнулся про себя Виктор Михайлович.

— Не узнаете? — спросил Алексей Петрович.

«Неужели, действительно, он?» — Платонов подвинул том к себе, открыл обложку. На титульном листе значилось: Виктор Платонов. «Первое свидание». Научно-фантастический роман.

— Как он к вам попал?

— Из лесу, вестимо, — усмехнулся Алексей Петрович.

— Но зачем? — искренне удивился Платонов.

— Сопоставьте список запрещенных сведений и содержание своего романа.

Платонов внимательно посмотрел на собеседника, мысленно сопоставляя.

— Вы хотите сказать, что я в романе разглашаю?..

— А вы хотите сказать, что я ошибаюсь?

Платонов неопределенно покачал головой.

— Дело в том, что основная часть романа написана до того, как появился список.

— К сожалению, это не меняет сути дела.

— Я обвиняюсь в разглашении государственных секретов? — чувствуя, что закипает, подчеркнуто сдержанно осведомился Платонов.

— Нет... Пока нет, — отрицательно покачал головой Алексей Петрович. —

Цель нашего с вами разговора — совместно предотвратить это.

— Ясно, — мрачно подвел черту Платонов, — семь лет жизни — коту под хвост.

— Ну зачем же так категорично? — успокаивающе улыбнулся Алексей Петрович. — Вы ведете чрезвычайно наполненную жизнь. К вашей поэзии с уважением относятся в издательстве. И рад вам сообщить, что ваш поэтический сборник включен в план издательства на будущий год.

— Но ведь описанные в романе исследования по Коллективному Разуму имеют очень мало общего с нашими действительными исследованиями! — заметил Платонов. — Никаких технических подробностей. Меня интересовали философские и психологические проблемы.

— Я это понял. И проблемы эти чрезвычайно интересны. Однако должен заметить, что, несмотря на фантастичность вашего романа, вы, я бы сказал, — махровый реалист. И по вашему роману очень легко установить место действия, его направленность, исполнителей. Как человек технический, вы не могли обойти молчанием и некоторые технические подробности... Вы не описываете полученных результатов, но описали желаемые, возможные в перспективе, что, быть может, еще хуже... Не кажется ли вам, уважаемый Виктор Михайлович, что это чрезвычайной ценности информация для заинтересованных лиц и служб?

— Весьма неожиданная точка зрения... Если вы правы, то я — безответственный тип и поставщик информации вражеским разведслужбам.

— Я понимаю, вам дико обвинение в безответственности, — кивнул Алексей Петрович, — вам, взвалившему на себя бремя ответственности за все человечество на миллиард лет вперед.

Платонов взглянул на собеседника, ожидая увидеть ироническое посверкивание глаз. Однако встретившие его глаза были серьезны и холодны.

— Дико, — согласился он.

— И все это происходит оттого, — излагал свою мысль Алексей Петрович, — что человечество вообще, тем более через миллиард лет после нас, — абстракция. И поэтому ваша ответственность абстрактна. Она обращена в никуда, к вашим собственным фантазиям. Мое же человечество начинается с моей семьи, продолжается моим городом, республикой, страной, социалистическим содружеством и завершается трудящимися капиталистического мира. А наши классовые враги — все те, кто желает уничтожить мое человечество навеки и поработить его через вудизацию, к нему не принадлежит! Я их ненавижу!

— Что ж, — откликнулся на страстный монолог Виктор Михайлович, — каждый волен иметь свое человечество. Так сказать, по образу и подобию своему.

— Не волен! — решительно не согласился Алексей Петрович. — Если ты не с нами, значит, против нас.

— Я вдруг представил вас в образе святого Петра, — продолжил Платонов, — которому поручено разделить человечество на своих и чужих. Своих, само собой, — в социалистический рай пропустить, а чужаков в геенну огненную низринуть... Боюсь, тяжелоатом бы вам пришлось, пожелай вы остаться справедливым. И геенна огненная как бы не потухла от перегрузки.

— Преклоняюсь перед вашим образным мышлением, но опять удручает ваша гигантомания. Вы бы лучше высказались конкретно о своем романе.

— А что тут говорить? В ящик роман, в ящик! Имеете право привлечь меня за разглашение...

— Ну, в своих правах мы сами разберемся... Надеюсь, вы достаточно серьезно отнесетесь к моему предупреждению. Это избавило бы нас от неприятных процедур. Вы, Виктор Михайлович, опередили своим романом время. К тому же... фантастический роман должен быть фантастическим.

— Боюсь, что он уже опоздал, — мрачно предположил Платонов.

— Ну, — улыбнулся Алексей Петрович, — рукописи-то, как известно, не горят. Значит, впереди у него вечность.

— Рукописи-то не горят. Читатели горят.

— Вы имеете в виду мировую войну?

— Да. Если мы будем прятать в сейфы сокровенное и бить в барабаны, оглушая друг друга, вместо того, чтобы пытаться понять, человечество не выживет.

— Вот вы и делаете интеллектуальное оружие, чтобы оно выжило.

— Неужели вам не ясно, что «интеллектуальное оружие», как вы его назвали, только тогда спасет человечество, когда превратится в свою противоположность? Из средства уничтожения станет средством понимания. Если столкнутся два Коллективных Разума, стремящихся уничтожить друг друга, то, скорее всего, они погибнут оба. Этого допускать нельзя! Нужно подготовить общественное сознание к тому, что антагонизм на уровне Коллективных Разумов социальных систем — недопустим.

— Этот внеклассовый псевдогуманизм попахивает пораженчеством, — поморщился Алексей Петрович. — Кстати, эти ваши апокалипсические картины конца света в результате интеллектуальной войны... — Он как-то неопределенно покачал головой и покрутил руками, но можно было догадаться, что картины эти его не устраивают.

— Это как раз фантастика, — заметил Платонов.

— Я бы не сказал, что она убедительна. Я понимаю — вы хотели напугать читателя, предупредить его об опасности. Я как читатель говорю вам: — Спасибо за предупреждение, учту, но мне не страшно, я не верю, что на самом деле будет так, или могло бы быть так.

— Что ж, серьезное обвинение, — согласился Виктор Михайлович, — благодарю за критику.

— Не стоит благодарности, потому что здесь есть еще одна тонкость. Давая в романе ту или иную модель интеллектуальной войны, вы, как создатель интеллектуального оружия, раскрываете противнику планируемые возможности этого оружия, а также мыслимую вами тактику и стратегию ведения этой войны.

— Ну, знаете ли! И лазер, и атомная бомба, и даже интеллектуальное оружие вместе со способом применения были предсказаны до их появления. Одно из назначений искусства, в частности фантастики, — предупреждать об опасности. И обвинять за это писателя в разглашении государственной тайны нелепо.

— Вы не просто писатель. Вы разработчик секретного оружия.

— О, черт! — бессильно выругался Платонов.

— Вы делаете общим достоянием не только результат ваших личных размышлений, но и материалы фантастического моделирования интеллектуальной войны с помощью ГНТ-системы. Я ознакомился с этими материалами.

— Я бы не только опубликовал это в романе, но, будь моя воля, насильно бы заставил все человечество пережить эту войну в фантастическом варианте.

— Готов согласиться, — усмехнулся Алексей Петрович, — что эта мера имела бы некий исторический эффект. Но, к сожалению ваш роман не фантастическая машина, и посему...

— Посему над вашим вполне разумным предложением о маскировке попавших в роман фактических сведений серьезно подумую. Но с предложением спрятать его в долгий ящик принципиально не согласен, так же, как и с превращением ГНТ-систем в интеллектуальное оружие.

— И тем не менее, вы над ним работаете.

— Да, потому что одним и тем же скальпелем можно и жизнь спасти, и зарезать... Но продолжаю. Мое несогласие выразится в том, что я поставлю этот

вопрос на рассмотрение правительства. Благодаря вам я понял, что на более низком уровне он решен быть не может.

— Ну-ну, — скептически улыбнулся Алексей Петрович, — неужели вы действительно так наивны? Я имею в виду не ваши надежды на контакт с правительством. Неужели вы искренне надеетесь на понимание озверевших вудизированных толп? Посмотрите внимательно на свое человечество! Его уже не существует!

— А это уже моя профессиональная сфера. Вудизированный индивидуум чрезвычайно подвержен внушению. Нам с вами гораздо трудней найти общий язык.

— Вот это да! — обрадовался Алексей Петрович. — Значит, надо плевать на Коллективный Разум, надо всей мощью воздействовать на их вудизированную армию!

— Вы неисправимый вояка! — печально вздохнул Виктор Михайлович. — Все не так просто. И мощи может не хватить, и не мы одни будем воздействовать. Так что без взаимодействия ГНТ-центров не обойтись.

— Разумеется, разумеется! Не мне вас учить, — поднял руки вверх Алексей Петрович. — Очень рад, что вы с пониманием отнеслись к моим замечаниям.

— С пониманием... — усмехнулся Платонов.

— Не смею вас больше задерживать, — заторопился Алексей Петрович. — Надеюсь, вы понимаете, что ваш роман не подлежит распространению в частном порядке.

— Разумеется, — подтвердил Платонов и, коротко кивнув, вышел.

«Вот такие дела, товарищ писатель, — сказал он себе, — рукописи-то не горят, да чернила выцветают... Не много ли я взял на себя? Нет, меньше никак нельзя. Время такое...»

— Сам виноват, — подытожила Настенька, выслушав возмущенный рассказ Платонова о встрече с «товарищем из Комитета». — Сколько я с тобой боролась! И именно против твоего фотографического реализма. Но ведь мое мнение для тебя ничего не значит!

— Это неправда, — слабо возразил Виктор Михайлович.

— Вот, теперь дождался! — не услышала его Настя. — Ладно, нечего раскидать... Садись — переделывай. Но чтобы не заплатки ставить, а работать по-крупному!

Платонов грозовой тучей навис над романом.

«...Аннушка повернулась набок и, приподнявшись на локте, стала внимательно разглядывать спящего Ивана Денисыча, Иванушку. Он спал тихо и аккуратно, как ребенок. Аннушка ощущала, глядя на него, нечто вроде умиления. И удивления. Ведь этот совсем недавно чужой ей человек сейчас стал главной ценностью ее жизни. Если бы не он, у нее был бы только этот мир, причем, в весьма печальном варианте. Она была бы беднее на множество миров... Так, может быть, то, что она про себя называла любовью, — всего лишь замаскированное чувство благодарности? Странная мысль. Может ли быть любовь без взаимной благодарности? Нет, не может. Без взаимной жалости? Без взаимного уважения? Нет, не может. Так, может быть, любовь — не одно из многих чувств, а их духовная сумма, сплав?»

Сама Аннушка никогда не спала. Она, как все, ложилась, закрывала глаза и ныряла в штормящий океан времени...»

Платонов откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. «Штормящий океан времени... — повторил он. — Очередная дешевка. Хотя эмоции передает. Только время тут для красного словца. На самом деле Аннушка совершила восхождение из мира-проекции в реально существующий многомерный мир»: Платонов физически ощутил себя вдавленным в свой ущербный четырехмерный мир-проекцию, данный ему в ощущениях. И даже застонал от огорчения и бессилия. Он подумал, что диалектика мировых систем со сверхсложными связями такова, что на определенном этапе усложнения возникает разум, задача которого — разобраться в этих связях, определить законы их развития, предугадать, его результат и принять решение, точнее, бесконечную цепь решений, определяющих судьбу системы. Метод проб и ошибок «устраивает» мироздание только на низшей ступени его развития. И надо понимать так, что появление многомерных личностей свидетельствует о том, что мироздание шагнуло на следующую ступень.

Платонов странным образом одновременно и завидовал многомерным личностям своих героев — Аннушки и Альвасима — и ощущал себя ими.

«...Почему они молчат? Не нравится то, что мы делаем? Или им наплевать на

все, что мы делаем? А может быть, мы просто не замечаем их присутствия в себе, как не замечаем воздуха, когда он есть? Может быть, они давно направляют ход наших мыслей и дел?.. А если они людены, которых предсказали братья Стругацкие? И мы им совершенно безразличны?.. И все-таки мне почему-то хочется, чтобы отшельники вернулись к нам. И жили бы с нами общей жизнью. Так же можно захотеть, чтобы дельфины покинули океан... Еще неизвестно, что произойдет с человечеством, когда мы запустим орбитальную ГНТ-систему. И промолчат ли при этом отшельники?.. Мир един, — сформулировал для себя Платонов, — но пока мы ощущаем только отдельные его проекции. Цель развития человеческого вида — самоусовершенствование для постижения многомерности собственного мира. И тогда мир будет нам дан во всей своей информационной многомерности в наших ощущениях...»

Платонов вздохнул, вычеркнул слова «штормящий» и «времени», и получилось, что Аннушка у него нырнула в Океан...

«...Хотя чувство единения с этим вселенским океаном не покидало ее никогда. Даже когда она оказывалась на берегу. Как сейчас. Хорошо, что у нее есть этот берег. Аннушка искренне не понимала «океанских жителей» — тех «отшельников», которые полностью покинули породивший их человеческий мир...»

Аннушка услышала, как в своей комнатке захныкал сын. Она поднялась, не побеспокоив своего Иванушку, посадила сына на горшок и опять уложила. Поставила над ним, слегка покачивая кровать. Да так и простояла целый час, залюбовавшись его бессловесными цветными снами, еще не втиснутыми в рамки абстрактно-логического мышления. Хотя оно уже обнаруживало свое присутствие. Особенно умилится Аннушка, увидев свое полупрозрачное лицо, сквозь которое просвечивало синее небо и белые облака. Очень уж она была красива во сне своего сына. Аннушка легко коснулась пальцами его волос. По руке к сердцу пролетело блаженное ощущение нежности.

«Разве можно бросить это, — подумала Аннушка, — единственно только, чтобы защитить?» И она, в который уже раз, устремилась во вполне вероятное будущее...

...Взгляд из космоса. Над одним полушарием — ночь, другое залито солнечным светом. Вокруг планеты по различным орбитам мечутся искусственные спутники. Взгляд проникает сквозь обшивку во внутренние отсеки. Они заполнены оружием, системы запуска приведены в полную боевую готовность — банальная картина развитой человеческой цивилизации.

Взгляд раздваивается, устремляется к Земле, потом под Землю. В двух подземных помещениях, расположенных в разных полушариях и защищенных всеми мыслимыми средствами защиты от всех видов ОМП, сидят углубленные в себя люди. Вдоль стен расставлена интеллектуальная техника. Начинают высвечиваться другие ГНТ-центры, связанные с главным. Это система Коллективного Разума страны.

В другом полушарии сначала наблюдается та же картина. Но на массовом уровне она резко меняется. Вудизированные миллионы толпятся на громадных площадях, оснащенных мощными гипноизлучателями.

Итак, ЧАС НОЛИ

Космические картины резко чередуются с земными. Акт первый — космическая перестрелка. Мощные ступки энергии несутся к орбитальным станциям. Некоторые из них, ярко вспыхнув, исчезают в темноте. Сквозь прорехи в озоновом слое к Земле устремляется жесткое космическое излучение.

ГНТ-центры гудят своими силовыми установками. Личности исчезают, вливаясь в две противостоящие интеллектуальные субстанции. Ликующие толпы на площадях изнемогают в экстазе блаженства. Лица сидящих в ГНТ-центрах сосредоточенно-отрешенны.

С чем можно сравнить происходящее с ноосферой планеты? Наверное, с безумием личности: Личности планетарных масштабов. Эта ЛИЧНОСТЬ пытается разделиться на три части. На три, потому что Коллективный Разум отшельников при кажущейся своей индивидуальности — продукт ноосферы планеты. И ее безумие — общее безумие.

Отшельники пытаются примирить антагонизм противостоящих субстанций, выставляют защитные барьеры, но мощи их интеллектуального поля не хватает на весь театр военных действий. Их еще слишком мало.

Но ведь поле битвы — человеческая психика. Она не приспособлена эволюцией для столь мощного напряжения. И вот ликующие толпы превращаются в свалки трупов. ГНТ-центры — в камеры для безумцев. Военная техника теряет управление и, переходя в автоматический режим, низвергает на планету шквал смерти.

ЧАС НОЛЬ.

В полнейшей космической тишине оледеневшая планета вращается вокруг равнодушного солнца, продолжающего посылать через околосолнечные энергоустановки мощные импульсы энергии, словно бы осатанело всаживает пули в давно уже мертвое тело...»

Платонов прервал чтение и вздохнул. Это была первая в его романе, как выразился Алексей Петрович, апокалипсическая картина. Теперь и сам Виктор Михайлович, помня приговор неожиданного критика, испытал неудовлетворение только что прочитанным. Что же не так? Слишком схематично? Или наоборот — слишком конкретно?

Хотя... Платонов даже зажмурился, чтобы остановить ускользающую догадку. Дело, кажется, в том, что во всей этой «страшной» и вполне кинематографичной картине нет элемента открытия. Она слишком кинематографична. А ГНТ-война — это «гений войны», идея уничтожения разумного, доведенная до высшего совершенства. Гениальное — просто... И вдруг Платонов постиг эту простоту, и ему стало страшно признаться себе в этом. Он знал себя — если признается, то и напишет, а если напишет — идея начнет жить самостоятельно, и тогда Алексей Петрович будет прав. И Виктор Михайлович осторожно повел свое сознание в сторону, якобы затем, чтобы поискать варианты для замены «апокалипсической» картины, явные энергетические излишества которой стали теперь совершенно очевидны. Он мысленно обратился к материалам фантоматического моделирования вариантов ГНТ-войны, о которых упоминал Алексей Петрович и которые выполнялись по спецтеematике. Варианты были разные: и «театрализованные» и «аскетические». Из «театрализованных» без сомнения был интересен вариант ПЗ — Представителя Заказчика.

«... Он сидел в кресле-качалке на собственном балконе и любовался ночным небом, сетуя на смог и чрезмерную иллюминацию городов. Вдруг звезды исчезли, городское освещение погасло. ПЗ обеспокоенно вскочил с кресла. Но звезды вернулись. И стали ярче. Они были редкостно прекрасны. ПЗ запрокинул голову и стал ими любоваться. А звезды на глазах становились все больше и ярче. Вот они уже размером с электрическую лампочку, вот уже с арбуз, а вот уже пылают все небо. Но этого не может быть! Глаза не выдерживают яркого света. Температура повышается. На балконы высыпал народ. По ночному времени — кто в чем. ПЗ почувствовал, как ветром легко вздымаются его сухие волосы. Взорвался стоявший во дворе автомобиль. Послышался истошный женский крик с балкона соседнего дома. По балкону металась женщина с пылающей головой. Он бросился в ванную комнату и прямо в пижаме залез под кран. Блаженство! С улицы неслись нескончаемые вопли, пахло гарью, дышать стало трудно. ПЗ догадался, что вспыхнули занавески в его квартире. Он выскочил из-под крана. Залез в шифоньер. Вытащил из чехла зимнее пальто и шапку. Засунул их под кран. Обулся. Занавески сгорели. Тлеи обои. Сунул в пижаму портмоне с деньгами и документами, нахлобучил на себя мокрую шапку и пальто и выскочил из квартиры. Дышать невозможно. Лестничные пролеты в дыму. Из квартир неслись крики. И вот он на улице. Жадно вдыхает раскаленный воздух. Сердце разрывается от боли. «Спрятаться!» Кажется, что пылающее небо сожнулось с землей. ПЗ, обессилив, упал на четвереньки и пополз. Куда? Если бы он знал куда! Подальше от смерти. Он подполз к бетонному лотку оросительной сети. Из черной жижи торчали женские, детские, мужские головы. ПЗ попытался втиснуться в лоток.

— Все занято, дедусь. Твое время вышло. Детей спасать надо.

Он полз вдоль лотка по обуглившейся траве. Начали дымиться рукава пальто. «Господи! Почему не останавливается сердце?!» Задымилась меховая шапка. «Остановись, сердце! Остановись!» Человеческая масса поползла из лотка. Запахло мясным бульоном. «Я не хочу этого видеть!» И вот наконец-то запылало его пальто. «Сейчас придет конец! Сейчас придет конец!» Он схватился за ствол тлеющего дерева и стал подниматься, чтобы лучше гореть. И вспыхнул. И потерял сознание. Наступила полнейшая темнота и тишина. И только где-то в дальнем далеке светилась малюсенькая звездочка. И это было страшно. Потому что она стала приближаться.

«Неужели и на том свете это не кончится?..»

«Увы, — вздохнул Платонов, — опять слишком кинематографично». Да и ни к чему все это. Достаточно передать в ноосферу единственную «ноту смерти», по

которой осуществится всеобщий insult или просто очень тихо останутся сердца. Это уже не принципиально. Принципиально то, что Платонов сформулировал для себя идею ГНТ-войны: надо достаточно убедительно сказать человечеству: умри! И оно послушно умрет. До предела элементарно.

Пока нет таких ГНТ-систем. Но будут. Опытные образцы уже установлены в НИИМСе. И скоро будет перевернута новая страница истории.

Запищал сигнал селектора. Платонов, поморщившись, нажал клавишу.

— Виктор Михайлович, — раздался голос Намазова, — зайдите, пожалуйста, в кабинет Ирины Петровны.

— Иду, — ответил Платонов. «И откуда он взялся на мою голову?»

В кабинете Намазов был один.

— Ирина Петровна уехала в ЦК, — объяснил Намазов с понимающей улыбкой. И протянул ему руку, продемонстрировав крепкое мужское рукопожатие.

«К чему бы это?»

— Садитесь, Виктор Михайлович, — радушно предложил Президент и сел напротив. — Виктор Михайлович, у меня к вам разговор совершенно неофициальный. Даже не разговор, а просьба. Вы не могли бы дать мне почитать свой роман?

Платонов удивленно посмотрел на него. С чего бы это вдруг такой интерес?.. Хотя, понятно.

— Так что вы скажете по поводу моей просьбы?

— Роман в работе. Вернее, в доработке.

— Я бы удовлетворился и начальным вариантом. И быть может, мое мнение было бы вам полезно при доработке.

— Вы правы, — подумав, согласился Платонов, — ваше мнение мне, действительно, очень интересно. Но...

— Я — лицо официальное. Можете не опасаться...

— В таком случае, сейчас принесу, — поднялся Платонов.

«Надо же, как закручивается, — думал, шагая по коридору, Виктор Михайлович. — Но с такими зигзагами я никогда роман не закончу».

Месяца три от Намазова не было никакой реакции по поводу романа, если не считать нескольких звонков с извинениями и ссылками на занятость.

Платонову было не только не до обсуждения романа, но и работать над ним не оставалось ни сил, ни времени. Штатное расписание его отдела теперь равнялось штатному расписанию прежнего института. И Платонов крутился, налаживая рабочую систему коллективного мышления отдела и института и готовя проект такой системы для всего НПО «Интеллектрон», мозговым центром которого по сути являлся отдел Платонова. Разумеется, и Герард Кадырович был очень занят. И не только делами НПО «Интеллектрон», организация которого шла очень быстрыми темпами — в Академии достаточно забот и помимо. Но это НПО — самый драгоценный камень в короне Академии Наук, и Герарду Кадыровичу очень не хотелось терять его. Он должен въехать на этом белом коне в союзные академии и там стать куратором направления. Герард Кадырович понимал, что пока направление коллективного мышления на основе ГНТ-систем находится под его контролем, он держит руку на пульсе истории. Система Намазова не будет бороться с ГНТ-системами. Она сольется с ними, подчинит их себе. Но это, пожалуй, самая сложная из всех когда-либо стоявших перед Герардом Кадыровичем задач. Зачем это ему нужно? Да хотя бы затем, чтобы уважать себя, быть хозяином собственной жизни при любых изменениях исторических обстоятельств.

Герард Кадырович думал. Вникал в ситуацию, в психику тех, от кого зависела его победа. И роман Платонова в этом смысле был совершенно бесценен. Это даже хорошо, что он написан ученым, а не беллетристом. Научная добросовестность в отображении внутреннего мира героев — это как раз то, что нужно Герарду Кадыровичу. Даже если отображение не совсем адекватно... Нет, Герард Кадырович, в отличие от Ричарда Намазовича, не испугается Коллективного Разума. Герард Кадырович вообще не помнил, чтобы он когда-нибудь чего-нибудь боялся. Тут уважаемый Виктор Михайлович дал маху. Кто не рискует, тот не побеждает.

Да, судя по роману, задачу себе Намазов поставил нелегкую: из классового врага превратится в друга. Хотя он не разделял мнения Платонова о классовом характере их психологического конфликта. Не считал себя соцбуржуем. Но мнение Герарда Кадыровича в данном случае не имеет значения, поскольку речь идет о мнении некоего локального коллектива, усиленного способностью к коллективному мышлению. А главное — этот коллектив на данный момент представляет весьма серьезную социальную силу, о чем, быть может, и сам не догадывается. Эта

сила доселе находилась под контролем Герарда Кадыровича, но, похоже, она переросла этот контроль. Извне управлять уже становится тяжело. Надо проникать внутрь, вживаться.

Конечно, за Коллективным Разумом будущее. Но коллектив не может быть лидером. Лидер — понятие индивидуальное. А истории нужны лидеры. Итак, кто кого? Герард Кадырович делает первый ход...

За ними усилители интеллекта. Он же может рассчитывать только на себя и на свою Систему. И тем не менее, он заставит их Коллективный Разум видеть то, что захочет он — Намазов. Не соцбуржуя, а ангела с крылышками...

Ирина Петровна, выйдя от вице-президента по кастроительству, столкнулась с Камалетдином Усмановичем. Он был сама галантность и радушие:

— О, Ирина Петровна! Как поживаете? Как сыночек? Как институт? Все недосуг зайти к старым друзьям... Соскучился! Можно сказать, вся жизнь там прошла... Однако слышана о ваших успехах. Рад за вас, очень рад! И в меру своих скромных возможностей буду всемерно способствовать... Кстати, слышали? Наш-то, говорят, в отставку подал.

— Кто?

— Герард Кадырович.

— Не может быть!

Камалетдин Усманович молча развел руками.

— Это не в его стиле! — добавила Ирина Петровна.

— О, наш Герард Кадырович неоднозначен. Он — человек непредсказуемых решений. Но самое главное, что он при этом мудр, — уважительно покивал Камалетдин Усманович.

— Не вовремя! Совершенно не вовремя, — осудила Секина, — где он сам-то?

— В Москве. В Президиуме.

— Как? Я его вчера видела. Ничего не сказал.

— Срочно вызвали. Может быть, в связи...

Ирина Петровна молча кивнула и, извинившись, распрощалась с бывшим шефом. Потом она была в отделе науки ЦК республики по делам НПО, где у нее спросили мнение о президенте АН. Она отозвалась о нем как о нужном для дела человеке. Хорошем организаторе. Кроме вопроса, не последовало никакой дополнительной информации. Но сам факт вопроса значил немало. Особенно после предупреждения Камалетдина Усмановича. Ирина Петровна неожиданно для себя обеспокоилась. Оказалось, что ее вовсе не устраивает смена Президента АН. Они вполне сработались, и Ирине Петровне казалось, что без Намазова их дело существенно замедлится. Она вернулась в институт, собрала друзей — узкий круг, сообщила известие и источник информации. Обсудили. Решили, что Намазов в сложившейся ситуации их устраивает. Поручили Андрею позвонить Вольнову и попросить проконтролировать ситуацию. Позвонил.

— Вы уже переросли уровень АН республики, — сказал Вольнов, — вас не должно слишком беспокоить, кто будет Президентом. Но вы правы — лучше иметь Президента-союзника. Ситуацию проконтролирую. Результат сообщу... Что у вас нового?

— Получен узкий гипнолуч высокой интенсивности.

— Надо срочно встретиться.

— Да. На днях будем...

— Ребята, у нас голова не закружится от высоты? — спросила Анастасия Владимировна. — Сейчас мы взяли под контроль президентское место. Год назад определили судьбу нескольких тысяч человек. Готовимся взять под контроль функционирование государственного механизма и принципиально изменяем систему обороны страны. Я уже не говорю о том, что мы с вами уверены в возможности перестройки человеческого организма с помощью ГНТ-системы. А это вмешательство в биологическую суть человеческого вида. Мы с вами заглянули в бездну сегодняшнего состояния человеческого духа, тела и коллективной психики и почувствовали себя глубоко несчастными от увиденного. Подобное состояние психики побуждает к действию. И мы действуем. Сейчас никто не знает больше нас и не может больше, чем мы. Думается, что это состояние продлится в историческом плане недолго. Но на данный момент не кружится ли у нас голова?

— Монолог, достойный Гамлета, — оценил Платонов.

— Твой вопрос слишком серьезен, чтобы мы сейчас смогли на него ответить, — сказал Андрей, — мы будем жить, а оценку нам поставят потомки. Если мы знаем

больше и имеем большие возможности, у нас нет иного выхода, кроме как взять ответственность на себя.

— Такая нам досталась доля,— кивнул Сан Саныч,— немногие вернулись с поля...

— Что за дурацкие прогнозы!— стукнула его кулачком Татьяна Николаевна.

— А что?— пожал он плечами.— Началась ГНТ-революция. Нельзя исключить вероятности ГНТ-войны. И то и другое мероприятие без жертв не обходится. Надо смотреть правде в глаза.

— Вот именно,— сказал Платонов,— правде надо смотреть в глаза. И постоянно. Настя права. При той власти, которой мы сейчас обладаем, головокращение у кого-либо из нас катастрофично. Можно, конечно, надеяться на контроль ГНТ-системы и Коллективного Разума, но никакая ГНТ-система не заменит совесть. Мы — первые. Посему самоконтроль и самодисциплина — дело нашей совести. Утешает, что пока мы только потенциально всевластны, и есть надежда, что когда всевластие будет реально, мы уже сумеем пройти путь нравственного совершенствования.

— Не откладывая на завтра то, что должно сделать сегодня,— заметил Максимов.— Не надо приуменьшать наши сегодняшние возможности. Одного гипнолуча достаточно, чтобы натворить таких дел, что подумать страшно.

— Не забывай, что Вуд нас опередил в этом направлении. Причем, весьма существенно,— напомнил Андрей.

— Не забываю,— вздохнул Максимов, запустив пятерню в свою густую бороду.— Однонаправленный гипноз может быть вреден, но не смертелен. Так было до недавнего времени, пока и мы не получили гипнолуч. А это значит, что возникла возможность гипнотического антагонизма в психике. Со всеми печальными последствиями, о которых мы уже тысячу раз говорили.

«Все мы думаем одинаково и об одном и том же»,— подумал Платонов.

— Чем больше вероятная сила ответного удара,— сказал он вслух,— тем меньше вероятность войны.

— Зачем же тогда секретность?— спросила Татьяна Николаевна.

— Для авторитетности,— усмехнулся Платонов.

— И при всем своем якобы могуществе,— подвела итог Ирина Петровна,— мы обеспокоены тем, кто будет Президентом АН, и пытаемся уберечь Герарда Кадыровича. Значит, не кружится у нас еще голова от высоты. Мы на самом деле еще настоящему и не осознаем, где находимся. Знаем, но не осознаем. И в этом тоже нет ничего хорошего.

— Приветствую вас, Виктор Михайлович! Здравствуйте, товарищи,— поздоровался Намазов, неожиданно возникнув в машзале.— Рад вашей боевитости и деловой энергии. Президиум Академии Наук выражает вам свою благодарность.

— Спасибо,— ответил за всех Платонов. В зале как раз находились сотрудники бывшей секинской лаборатории.

— Завтра выходной день,— напомнил Намазов,— и я имею честь предложить вам прогулку в горы. Это мое личное приглашение, и поэтому я буду очень благодарен, если вы его примете.

— Маршрут? Цель? Программа?— спросил Платонов.

— О!— засмеялся Герард Кадырович.— Вы превратились в бесповоротно делового человека... Все это мой сюрприз вам, и поэтому разрешите мне не отвечать на ваши законные вопросы. Отключитесь на пару дней от всех забот. Право, это не помешает ни вам, ни работе.

— Ох, действительно, хорошо бы!— мечтательно вздохнула Татьяна Николаевна и вопросительно взглянула на Сан Саныча.

— Хорошее предложение,— поддержал он,— а как насчет детей?

— Обязательно! Обязательно с детьми,— обрадовался поддержке Герард Кадырович,— и с членами семьи.

— Я — за!— сказала Анастасия Владимировна.

— И я,— согласился Максимов.

— Ну что ж,— подвел итог Виктор Михайлович,— мы с благодарностью принимаем ваше предложение — идея великолепна! Надо же когда-нибудь и отдохнуть от бесперывного осчастливливания человечества...

Утро выдалось отличное, как по заказу. Фелицитологи в приподнятом от предстоящего путешествия настроении собрались у института. Ждать пришлось недолго. Лихо развернувшись, автобус остановился около ожидающих, и из распахнувшейся двери сошел на землю радушно улыбающийся Герард Кадырович.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Прошу в автобус.

Все разместились. Автобус тронулся. Намазов сел на место экскурсовода, предварительно нажав на клавишу магнитофона. Раздалась бодрая ритмичная музыка. Хорошее настроение поднималось по экспоненте. Герард Кадырович в элегантном спортивном костюме смотрелся, как всегда, отлично. Он был доволен. Его план удавался. Он опасался, что будут лишние. У Платонова отдел большой. Но лишних не было: эффект старой дружбы или Коллективного Разума сыграл свою положительную роль.

Ирина Петровна смотрела в окно, постепенно узнавая знакомый маршрут. «Неужели, — подумала она, — он теперь всем собирается продемонстрировать свои царские владения?» Она почувствовала, что начинает волноваться. Поймала на себе внимательный взгляд Герарда Кадыровича. Красивый у него был взгляд, хороший, как когда-то у Герда. И это тоже отзывалось в сердце непонятым томлением. «Почему он не оставит меня в покое? Чего он добивается?» — ощутила в себе раздражение Ирина Петровна.

Запись давно кончилась, и пассажиры размыченно размышляли под ровное добродушное урчание мотора. Дети слегка шалили. Проехали табличку: «Заповедник. Территория охраняется государством. Посторонним вход воспрещен».

«Заповедник соцбуржуев», — хмыкнул про себя Платонов.

Автобус ненадолго нырнул в темный туннель, натужно поурчал на серпантине, переехал вброд довольно бурную, но неглубокую горную реку и, попетляв еще минут пять, остановился.

— Приехали, — поднялся Герард Кадырович. Началась шумная выгрузка. Дети воспряли, зачирикали, завизжали и принялись гоняться друг за другом.

После туннеля маршрут потерял узнаваемость. Впрочем, немудрено — столько лет прошло. Поэтому Ирина Петровна, засомневавшись насчет места их прибытия, побродила по окрестностям, дошла до реки и, стоясь у воды, услышала где-то внизу по течению чуть различимый шум водопада. А вон и домик на вершине — угадала она. Ирина Петровна глубоко вздохнула и, крылато взмахнув руками, вроде бы даже ощутила предчувствие полета. Ведь с тех пор жизнь так закрутилась, что она не приближалась к дельтаплану. «Возраст», — грустно определила Ирина Петровна и не спеша вернулась к автобусу.

Народ расположился вокруг большого плоского камня, выполняющего роль стола, и разложил съестные припасы. Мужчины таскали камни для сидений. Женщины готовили бутерброды, дети вертелись под ногами и всем активно помогали.

— Мам, — подбежал Тимурчик, — а мы с дядей Гердом принесли целое ведро живой воды! Вон там есть родник! — глазенки его сверкали от восторга и удовольствия. Андрей демонстративно не смотрел в их сторону.

— Молодцы! — одобрила Ирина Петровна и ласково потрепала сына по голове, мельком глянув на Намазова. Его смеющийся взгляд метнулся навстречу. «Контролирует», — отметила она.

— Ну что ж, товарищи, — скомандовал Герард Кадырович, — прошу к столу!

... Когда все насытились, Намазов резво встал, окинул народ орлиным взором и призвал:

— В путь, друзья мои, в путь! Оставьте здесь свои печали, нас ждут таинственные дали!.. Рекомендую всем приготовить теплые вещи — свитера, куртки.

— Это уже интересно, — оценил Андрей. — С детства мечтал стать спелеологом.

Намазов быстро глянул на него, но ничего не сказал, с непривычки удивившись тому, как легко он разгадан. «Да что с них возьмешь — нелюди!»

И вот рюкзаки на плечах. Все готовы. Герард Кадырович двинулся первым. Минут через десять каменная грунтовая дорога привела их к скалистой расщелине и вскоре уперлась в отвесную слоеную скалу, в которую была вмурована каменная таблица с надписью:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УзССР
МУЗЕЙ
РИЧАРДА НАМАЗОВИЧА КАДЫРОВА
ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

«Надо же! — язвительно подумала Секина. — Мы даже такое можем себе позволить! Мастер макияжа — Герард Намазов!»

— Ну, дела! — обалдело воскликнул Платонов. — Я сражен и уничтожен. Это, надеюсь, не бутафория?

— Нет, — спокойно ответил Герард Кадырович, понимая, что никто не может опровергнуть его утверждение. — Это будущий государственный музей. Недавно закончены строительно-монтажные работы. На прошлой неделе только

вывезли мусор... Внимание! — он нажал двумя руками на таблицу, вдавив ее в скалу, и кусок скалы пошел внутрь, открывая вход. Намазов вошел и включил освещение. И Андрей Митрофанович подумал: «Интересно, кто это все финансировал? Не мы ли?.. Музей под псевдонимом, ибо при жизни. Неплохо придумано. Чем мы хуже египетских фараонов?»

— Смелее за мной! — выглянул Герард Кадырович.

Тимурчик бросился вперед, закричав:

— Я первый! Я первый!

Герард Кадырович протянул руку, и мальчик радостно ухватился за нее. Ирина с Андреем переглянулись и шагнули следом. За каменными воротами оказалась довольно просторная пещера, освещенная ненавязчивым светом, эффектно оттеняющим суровые каменные своды.

— Итак, друзья мои, вы — первые посетители этого еще почти несуществующего музея. Вот здесь, — показал Герард Кадырович на каменный стол, — лежит книга отзывов, и я буду вам признателен, если на обратном пути вы внесете в нее свои впечатления. А сейчас я попрошу вас одеться потеплее.

В пещере было прохладно. Особенно по контрасту с жарой, оставшейся снаружи. Тимурчик, одевшись, опять подбежал к Намазову и схватил его за руку. Ирина Петровна ревниво посматривала на них. Через узкий подземный ход они перешли в громадный, почти необозримый зал с зеркальной поверхностью подземного озера, радужного бликами невидимых ламп. Картина открылась сказочная и для большинства совершенно неожиданная. На берегу озера была оборудована небольшая пристань, возле которой стояло несколько лодок.

Герард Кадырович выдержал паузу, предоставляя своим гостям насладиться созерцанием, и скомандовал:

— По кораблям! Мужчины, на весла, — с этими словами он прыгнул в лодку. — Виктор Михайлович, вам поручается служба на пристани. Отдадите концы, когда все разместятся. — Он подхватил Тимура, посадил его на сиденье и протянул руку Ирине Петровне. Она с опаской шагнула на корму. Когда все разместились, флотилия тронулась в плавание. Послышалась как бы приближающаяся к слушателям органная музыка. Освещение постепенно гасло, и над головами путешественников стали загораться невидимые звезды. Звезды жили в музыке. Весла замерли, и лодки медленно двигались по инерции.

Андрей Митрофанович вспомнил свои ощущения, когда он был Гражданином Вселенной и подопытным кроликом одновременно. И показалось ему, что все это происходит снова. И он, обремененный государственными заботами генеральный директор научно-производственного объединения, как ни странно, ничего не имел против.

Затихла музыка, погасла последняя звезда, и лодки одна за другой ткнулись в берег. Герард Кадырович первым ловко выпрыгнул на пристань и быстро пришвартовал лодки. Дети, устав от молчания, длившегося целых десять минут, с визгом стали носиться по берегу. Взрослые принялись высказывать Герарду Кадыровичу свои искренние восторги. А он благодарно кивал и улыбался, удовлетворенно наблюдая их вдохновенные лица.

Берег был началом громадного подземного зала, наполненного сталактитами и сталагмитами. И взрослые, и дети с любопытством рассматривали их и трогали пальцами, благо никто не предупредил их, что делать этого нельзя. Но постепенно сквозь первозданность подземного пейзажа стали проступать признаки человеческого вмешательства. Сначала сталактиты и сталагмиты обрели цвет, волшебным образом превративший этот непривычный нечеловеческий мир. Потом появились формы: стали прорезаться то лица, то руки, то крылья. Зрители разбрелись по залу. Каждый эскиз скульптуры обещал настоящее произведение искусства. Все здесь было нестандартно — техника, позы, трагическая устремленность к неведомой цели.

— Как будет называться эта композиция? — спросила Анастасия Владимировна. — Ведь все это — единое?

— Да, — кивнул Герард Кадырович. — Я не мастер по названиям. Но это называется «Симфония духа».

Настя усмехнулась про себя выпренности названия.

Они перешли в следующий зал, освещенный ярким белым светом. Зал поражал своей пустотой, почти противостественной после предыдущего великолепия. Из серых каменных ниш слепо смотрели серые холсты.

Свет резко погас, обрушив на зрителей гнетущую темноту. Впрочем, она их уже не пугала. Во-первых, они чувствовали, что это живая темнота, во-вторых, представляли, что именно живет в этой темноте. И она ожила. Засветилась холстами, волшебным образом превратившимися в картины.

Платонов с удивлением обнаружил женщину, идущую по световому лучу, —

картину, придуманную им, — и продирающегося сквозь острые каменные зубы подземного туннеля Герарда Кадыровича, нет — Ричарда Намазовича. И Ирина летела на своем красном дельтаплане с развевающимися волосами и прекрасным лицом. И десятки других картин, ни описать, ни перечислить которые невозможно.

Странно, но сейчас Ирина Петровна не ощущала в себе безграничной тоски и безнадежности, охватившей ее в первый раз. Теперь она, казалось, даже слышала, как эти глаза говорят ей: «Иди! Иди вперед! Не задерживайся! Только не забудь о нашем мраке, когда окажешься в своем светлом далеке».

Да-да. Она пойдет. Ей, в общем-то, некогда останавливаться. Но все-таки хочется еще побыть здесь. Вжиться в эту «душу гор», разглядеть в ней свою душу.

— Дядя Герд, — пожаловался Тимурчик, — у меня в глазках темно.

— Да будет свет! — воскликнул Герард Кадырович. И свет тут же залил пещеру, ослепив людей и погасив картины.

— Извините, друзья, я злоупотребил вашим вниманием, — начал оправдываться Намазов, — и забыл о технике безопасности. За мной!

Через щель в стене он протиснулся в следующий небольшой зал, где были аккуратно уложены хозяйственные принадлежности: холсты, подрамники, бидоны, инструменты. Герард Кадырович быстро пересек зал и стал протискиваться сквозь незаметную с первого взгляда, уходящую куда-то вбок расщелину. Гости поспешили за ним. Расщелины едва хватало на человека с рюкзаком.

— Ой! — вскрикнул, зажмурившись и заткнув уши, Тимурчик.

Они буквально ослепли от лучей солнца, тысячекратно дробящихся в струях и брызгах оглушительно грохочущего водопада. Намазов быстро вывел народ из-за водопада на каменистый берег небольшого живописного горного озера или запруды со слоеной каменной глыбой в центре. Метрах в трех-четырех от воды начиналась «зеленая зона» из росших вперемешку кустов барбариса и фисташки, диких фруктовых деревьев и арчи. Чуть в сторонке романтично белела небольшая березовая рощица. А еще выше со склона мощно свисали кроны орешин.

— Лепота! — воскликнул Максимов, размахивая из стороны в сторону задранный бородой.

— Рекомендую для лагеря березовую рощу, — предложил Намазов. — Там ровно и мягко. Очень удобно для палаток.

Минут через десять взрослые, перекидываясь шутками, уже натягивали палатки, а дети, спотыкаясь о веревки, помогали им вбивать колышки. Поднялась веселая суета, шум, гам, и возник палаточный городок.

Потом было купание в сказочно хрустальном и обжигающе холодном озерке. Костер. Ужин, разговоры, стихи, сравнение невидимых звезд в пещере и звезд на небе. А Герард Кадырович, ощущая всеобщее пристальное и пристрастное внимание, не спускал с рук Тимурчика и все время нашептывал ему что-то на ушко. Тимур тоже доверительно бормотал дяде Герду какие-то свои секреты, хихикал и размахивал руками.

— Тимурчик! Спать пора! — не выдержала Ирина Петровна.

— Мам, еще рано! Еще чуть-чуть! Не хочу я спать! — захныкал Тимур.

Но тут вспомнили о времени и остальные родители. И началось коллективное укладывание сопротивляющейся детворы. Намазову и Платоновым некого было укладывать, но Анастасия Владимировна решила, что раз уж поднялась «всеобщая постельная суета», как выразился, уходя, Максимов, то надо принять в ней сильное участие и приготовить постели в своей палатке.

— Посвети, Платонов, — позвала она, и чета Платоновых исчезла.

— Дядя Герд! Иди сюда! — послышался пронзительный голосок Тимурчика.

Герард Кадырович вздрогнул.

— Вас требует, — появился из темноты Андрей Митрофанович, — совсем от рук отбился.

— Ничего, прибьется, — успокоил его, поднимаясь, Намазов, — пойду пообщаюсь на сон грядущий.

Андрей начал ломать сухие ветки и подбрасывать их в огонь. Встревоженные искры взметнулись к звездам. А он все ломал и бросал, ломал и бросал, пока не переломал все запасы. А переломав их, исчез в темноте, и вскоре издалека послышался сухой хруст ломаемых веток.

А Герард Кадырович, ориентируясь по зову Тимурчика, добрался до палатки.

— Иду-иду! — подал он бодро голос, — Это кто тут маму не слушает? — Он нагнулся и на четвереньках заполз в палатку. Маленькие ручки крепко ухватили его за шею и повлекли к земле.

— Полежи со мной, дядя Герд, — горячо задышал ему в ухо Тимурчик.

— Хорошо, Тимур, хорошо, — лег он рядом с мальчиком, прижав к себе маленькое тельце. — Ирина, ты здесь? — протянул он руку в темноту и наткнулся

ладонью на ее щеку. Она накрыла его ладонь своей. И он почувствовал на своей руке слезы. Она плакала молча, без всхлипываний.

— Ну что ты? — беспомощно спросил ее Герард Кадырович, попытавшись нежно погладить по щеке. Она не отодвинулась, а только прошептала:

— Как глупо! Как все невыносимо глупо!

— Дядя Герд, расскажи мне сказку! — попросил Тимурчик.

— Ладно, — согласился Намазов. — Ты только ложись поудобней. Так, как любишь засыпать, чтобы тебе после сказки сразу сон интересный приснился.

Тимурчик улегся лицом к нему и свернулся калачиком.

— Рассказывай, дядя Герд.

Дядя Герд положил ему на спину свою ладонь и медленно начал, сам удивляясь тому, откуда появляются у него эти слова.

— Однажды один старый человек загрустил.

— Такой, как ты, да? — уточнил Тимурчик.

— Тимур, нельзя так говорить! — пристыдила его мать.

— Да, Тимур, можешь представить, что это я загрустил, но мы с тобой договоримся, что это понарошке.

— Ладно.

— Так вот, загрустил один старый человек и оглянулся по сторонам. Смотрит: один его друг дом строит, другой машину ремонтирует, третий спит. Дети повзрослели и уехали далеко-далеко за синие реки, за высокие горы, в тридевятую народно-демократическую республику налаживать научно-технический прогресс. И понял старый человек, что ему не к кому обратиться и рассказать про свою грусть-кручину. Тогда он взял рюкзак, положил туда буханку хлеба, соль, спички, удочку...

— А конфеты?

— Конфеты он не стал брать, а взял пачку сахара и пачку чая. Вскинул рюкзак на плечо и пошел в горы. День шел, два шел. Ночью разводил костер и, съев кусочек хлеба с сахаром и кусочек с солью, начинал разговаривать с костром. Но костер потрескивал что-то неразборчивое в ответ, и непонятно было — понимает ли он старого человека или же лопочет о чем-то своем? Старый человек ложился спать рядом с костром, а грусть-кручина всю ночь стояла над ним, не смыкая глаз, и отпугивала ночных птиц и зверей. Они издали чуяли ее и старались обходить стороной.

— Боялись, да?

— Да, грусть-кручина для зверя самая страшная болезнь. Птица заболит — взлететь не сможет, хищник — добычи не чует, а жертва — сама в пасть хищнику прыгает... Так вот, на третий день старый человек поднялся высоко в горы и нашел там чистое горное озеро, которое он обнаружил когда-то давным-давно, когда был еще маленьким мальчиком и ходил со своим папой на охоту и рыбалку.

— Такое же озеро, как мы нашли?

— Похожее... Подошел старый человек к озеру. Наклонился воды напиться и вдруг видит, что из озера смотрит на него другой старый человек. Оглянулся он, а грусть-кручина в сторонке на камушке сидит да поглядывает в его сторону. Видать, тоже с дороги притомилась. Подмигнул он старому человеку — тому, что в озере сидит, мол, тихо, не вспугни. А тот ему улыбается понимающе в ответ, дескать, не беспокойся — дело знакомое. Поговорим без шума. Да и без слов можно.

А грусть-кручина словно что-то почуяла. Поднялась с камня и встала за спиной. И, как отразилась она в озере, так вода аж позеленела, песок поднялся со дна и взмутил глубину. Поверхность озера зарыбила, и перестали в ней отражаться и синее небо, и белые облака, и яркое солнышко.

— А старый человек?

— И старый человек тоже. Посмотрела грусть-кручина на результат трудов своих и осталась довольна. Успокоилась и опять отошла в сторонку и прилегла на мягкую травку. А озеро успокоилось, рябь исчезла, песок осел на дно. И снова появились в воде и синее небо, и белые облака, и яркое солнышко, и... человек. Только уже не старый. Волосы у него были черные, лицо гладкое, глаза горели, как два костра.

— Кто ты? — прошептал старый человек. Мужчина в озере ничего ему не ответил, а только загадочно улыбнулся и удивленно посмотрел прямо в глаза, словно хотел сказать: «Как же ты можешь не узнать меня?» И тогда старый человек подумал, что мужчина в озере похож на него самого, но только лет на двадцать моложе. Вспомнил старый человек, что, действительно, приходил сюда в таком возрасте.

Тут мужчина в озере набрал полные пригоршни воды и протянул старому человеку. Старый человек протянул свои сморщенные ладони и принял у мужчины

воду. Пил он, пил холодную-холодную воду, а когда выпил, то почувствовал, как распрямилась его спина, как налилось силой крепкое тело и как смелыми замыслами наполнилась его голова. Оглянулся мужчина на свою грусть-кручину, а она бьется на траве, как рыба. Ртом воздух хватает, руками-ногами по траве сучит. Травинки с корнями выдергивает. Посмотрел мужчина в воду, хотел увидеть свое отражение. А из озера на него смотрел худенький, гибкий, как камыш, юноша. Мужчина узнал свою юношескую фотографию: таким на берегу этого озера его сфотографировала первая возлюбленная. Сейчас ее и в живых уже нет. Помрачнел мужчина, вспомнив об этом. А грусть-кручина тут как тут — притихла на траве и голову подняла, прислушиваясь. — Ну уж нет! — крикнул ей мужчина. — Не победить тебе меня! — И зачерпнул из озера полную пригоршню воды и выпил залпом. И тут же почувствовал, как задела его душа, наполнился радостными красками мир, услышал, как трезвонят птицы и шелестят травы, как играет ветер с его длинными волосами. Юноша распрямился, набрал полную грудь воздуха, исторг вопль восторга и бросился бежать вокруг озера. Когда он пробежал мимо грусти-кручины, то не узнал ее — на траве валялось что-то, похожее на старую выцветшую и измятую газету. Обежав озеро, юноша остановился и наклонился над водой. Она была совершенно прозрачна и ничего не отражала. И вдруг он увидел плывущую под водой свою возлюбленную. Волосы, как черные водоросли, струились вдоль ее тела. Юноша без раздумий нырнул в ледяную воду. Он был сильным и умелым ныряльщиком и быстро догнал девушку. Она обратила к нему свое лицо и улыбнулась глазами. Он обнял ее и почувствовал себя таким счастливым, что потерял сознание. Когда он пришел в себя и открыл глаза, то увидел над собой чуть зеленоватую прозрачную толщу воды, в которой озорно играли солнечные зайчики. Он оттолкнулся ото дна и, забив руками и ногами, стал плавать под водой и ло-

вить их. А солнечные зайчики быстро уплывали к поверхности. И он вынырнул за ними следом и увидел странный незнакомый мир. Громадные грозные горы. Бесконечно далекое небо и загадочно прекрасные зовущие белые облака. И почувствовал, как его маленькое мокрое тело обдувает холодный ветер.

Идти по земле было колко и трудно, но он смутно помнил, что должен идти куда-то, где его ждут. И он пошел — этот маленький мальчик, озябший и потевший в громадном мире. Потом он увидел тропинку и побежал по ней. Стало тепло и хорошо.

А откуда-то сбоку бесшумной тенью взлетела большая черная птица и полетела впереди, показывая дорогу к дому...

Герард Кадырович замолчал. Они лежали втроем, обняв друг друга, и молчали.

— Хорошая сказка, дядя Герд, — отозвался вдруг Тимурчик, когда взрослые уже думали, что он спит. — Дай мне поцеловать тебя, и я буду спать. — Мальчик чмокнул Герарда Кадыровича в щеку, они пожелали друг другу спокойной ночи, и Тимурчик повернувшись на другой бок, сразу задышал ровно и через минуту заснул. А Ирина Петровна лежала, положив голову Герду на грудь и обняв его за плечи.

— Идиллия, — вдруг прошептала она.

— Счастье, — серьезно и грустно ответил он и чуть заметно прижал ее к себе. Ирина Петровна потерялась щекой о его щеку и уронила ему на лицо несколько слезинок.

— Все хорошо, — прошептал Герард Кадырович. — Все хорошо...

Они вышли из палатки и пошли к костру.

— Ну как, справились? — спросил Андрей от костра.

— Справились, — ответил Намазов, — только пришлось сказку рассказывать.

— Да, он это дело любит, — кивнул Андрей, подкинув в костер еще несколько веточек.

— Кто же не любит? — откликнулся Платонов. — Я тоже люблю. Может быть, и нам расскажете?

— Два раза я не вытяну, — отозвался Намазов. — Лучше, Виктор Михайлович, попросите своего сына прочитать его последнее стихотворение, — предложил Герард Кадырович. Платонов с удивлением посмотрел на Мишу. Не то чтобы он не знал о ранних поэтических увлечениях сына, напротив, знал и гордился своими генами. Удивлялся он информированности Намазова. А Намазов не имел информации. Он догадался, увидев на закате в руках у Миши блокнот.

— Прочитай, пожалуйста, — попросил Виктор Михайлович. Миша вздохнул, но ломаться не стал:

Эта ночь замешана на звездах,
На разлуке, встрече и огне.
Поздно умирать — спасаться поздно
В мимолетном или вечном сне.

Наступают, обступают горы,
Подступают, затопляют воды.
Гордость перехватывает горло
Не на миг, не на день, а на годы.

Мы спешим к сияющим вершинам,
А дорога нас ведет в пещеры.
Мальчику, спешащему в мужчины,
Время ухмыляется, ощерясь.

Оживлю в палитре жизни кисти,
Нарисую ими мирозданье.
Если кисть вдруг выпадет, прочтите —
Слишком кратко первое свиданье.

Взрослые уважительно помолчали.

— М-да, — сказал Виктор Михайлович, — а ведь это же эпитафия к моему роману.

— Или эпитафия, — произнес Герард Кадырович, — к моей жизни.

— А знаете, — вступила Ирина Петровна, — это стихотворение — знак родства романа Платонова и подземелья Намазова. А если идти дальше, то, наверное, роман и подземелье. — это то, что останется от всех нас, здесь собравшихся, после нашего первого свидания с этим миром.

— А второго свидания и не будет, — вдруг грустно вздохнула Татьяна Николаевна от жалости ко всем окружающим и к себе.

— Жизнь — она первое и последнее свидание, — согласился Вася.

— Поздравляю, Михаил Викторович, — обратился Намазов к скромно молчавшему Мишке, — ваше произведение вызвало очевидный резонанс в наших умах и сердцах. — Миша смутился и покраснел, но в темноте этого заметно не было.

— Герард Кадырович! — вдруг звонко сказала Анастасия Владимировна. — Я танцевать хочу! При звездах!

— Для этого вам нужно только три раза хлопнуть в ладоши и протянуть руки к звездам, — улыбнулся улыбкой профессионального волшебника Намазов. — Прощу вас.

Анастасия Владимировна величественно кивнула, медленно трижды хлопнула в ладоши и призывно протянула руки к звездам. И со звезд полилась волшебная музыка. Для Герарда Кадыровича ничего невозможного не существовало. Особенно здесь, в его владениях. И Настя стала импровизировать танец, вживаясь в музыку. Раньше она танцевала так только дома. Одна. Или в присутствии Платонова. Сегодня же она никого не стеснялась. Странное и блаженное чувство свободы. Как когда-то в ночном полете. Настенька танцевала, закрыв глаза, и не боялась споткнуться, оступиться, зацепиться за ветку. Она никогда не училась искусству танца, но он был ее поззией, ее живописью, ее живущей мгновение скульптурой.

Миша смотрел на мать с волнением и восторгом, мысленно танцуя рядом с ней. Мелодия улетела ввысь и растаяла. Настенька застыла, устремив руки ей вслед. Потом открыла глаза, улыбнулась и шутливо сделала книксен. Раздались дружные аплодисменты. Но тут снова заиграла музыка и все пошло танцевать. Танцевали долго, потом стали расходиться по палаткам.

...Утром, полный радостного возбуждения и сил, Намазов вышел из пещеры. Из далекой расщелины между вершинами восходило солнце. Платонов возился около костра. Настя, выскочив из палатки, неожиданно подбежала к нему, повалив в траву, поцеловала. Потом вскочила и стала прыгать вокруг костра, изображая какой-то ритуальный танец. Герард Кадырович снисходительно улыбался и хитро косился на обалдевшего Платонова. Народ стал выглядывать и выползать из палаток. Защебетали птицы, захныкали голодные дети. Пока родители готовили завтрак, Герард Кадырович построил детвору и провел занятие утренней гимнастики с водными процедурами в озере, которые вызвали восторженный визг ошпаренных ледяной водой детей и причитания мамаш. А Намазов сам бултыхался в воде с детишками и, кажется, кричал громче всех. Завтрак прошел в приподнятом настроении.

— Итак, друзья, — провозгласил Герард Кадырович, — предлагаю кусить горных удовольствий и совершить восхождение.

И вскоре они пошли вверх по тропе, по которой Ира, еще молодая, глупая и счастливая, бежала вниз за Гердом. Она шла и узнавала кусты, повороты тропы, скалы и спину бодро идущего вверх Герда. Примерно через час они взобрались на ровную лысую вершину, на которую когда-то Ира и Герд совершили посадку на дельтапланах. Здесь почти ничего не изменилось. Небольшой каменный домик. «Канатка!» — определила Ирина Петровна, увидев мощные стальные тросы, улетающие на следующую вершину. Путешествие продолжалось. От высоты, образовавшейся под ногами, захватывало дух, но и красота открывалась неопишемая. Потом они бродили по склонам, отыскивая то ежевику, то дерево спелой алычи, то орехи.

— Однако кушать хочется, — вдруг громко возопил через час-другой Вася Максимов.

— Да-да, пора назад, — запросились женщины.

— Ур-ра! На канатку! — помчались вперед дети.

Они вернулись к каменному домику. Народ стал рассаживаться. Ира и Намазов переглянулись и вошли в домик. И вынесли оттуда два складных дельтаплана. Те самые? Или другие? Герард Кадырович привел дельтапланы в рабочее состояние.

— И я, и я! — закричал Тимурчик, соскочив с коленей Андрея Митрофановича.

— Ты что, Тимка, с ума сошел?! — строго прикрикнула Ирина Петровна. — А ну, быстро к папе! Ты еще маленький.

— Дядя Герд! — взмолился Тимка и бросился к Намазову. Тот взял его на руки и попытался уговорить, мол, вот когда станешь таким большим, как я или папа... Но Тимур смотрел на него сквозь слезы и, отчаявшись, молчал. И вдруг Герард Кадырович закинул его за спину. Тимурчик уцепился за его шею. Намазов перекинул через мальчика ремни и прирепил к своей спине. Ирина Петровна с улыбкой наблюдала за происходящим. «Пусть, — думала она, — покатаются понарошке». Но Герард Кадырович разбежался и оторвался вместе с Тимуром от склона. Наблюдав-

шие громко и дружно ахнули. У Ирины Петровны замерло сердце, но она быстро взяла себя в руки, разбежалась и оторвалась от склона. «Как хорошо», — подумалось мельком сквозь тревогу. Она набрала высоту и, сделав резкий вираж, «поднырнула» под белый дельтаплан. В этот момент Ирина Петровна услышала восторженный крик сына: — Мама! Ур-ра! Я лечу! Ле-чу-у! — и почувствовала, как растет в ней гордость за сына — не струсил!

— Эге-гей! — кричал он. — Папа! Смотри! Я лечу! Я — птица! Ура-а! — И Андрей махал ему рукой, спускаясь по канатной дорожке вниз вместе со всеми остальными.

«Эх, Герд, Герд!» — вздохнула Ирина Петровна.

А народ уже стоял на нижней вершине и махал им руками. Дети требовали, чтобы их тоже покатали на дельтаплане, на что получали разнообразное по форме, но единое по содержанию «нет».

Вот белый дельтаплан по спирали стал снижаться, и, наконец, Герард Кадырович четко и элегантно приземлился рядом со зрителями. Ирина Петровна спокойно вздохнула и, умело поймав восходящие потоки, набрала высоту. Теперь она была свободна и исполняла соло. Зрители снова замерли. Было в этом сольном воздушном танце что-то трагическое, отчаянное, хотя и не каждому заметное. Но вот и Ирина Петровна приземлилась под громкие аплодисменты и восторженные приветствия. Она отстегнулась от дельтаплана и шуточно поклонилась зрителям.

— Спасибо, — тихо сказал подошедший Герард Кадырович, помогая складывать ее дельтаплан.

— А ты сумасшедший, — улыбнулась она ему.

— Нет, — ответил он спокойно, — это был мой долг. Единственное, что за меня никто не мог сделать.

Герард Кадырович убрал дельтапланы, и все дружно тронулись в обратный путь, громко обсуждая последние события. Особенно старался Тимка, окруженный стравшими от зависти пацанами. А потом было купание, обед, сборы в обратный путь. И во второй половине дня они с сожалением покинули свой лагерь. На берегу натянули свитера и куртки, зашли за водопад, протиснулись в пещеру. Платонов внимательно смотрел по сторонам. Андрей Митрофанович с мрачным интересом наблюдал, как его сын и жена вращаются по орбитам вокруг Намазова. Они вошли в картинный зал.

— Можно еще раз посмотреть? — попросил Платонов. Свет погас. И зрители углубились в содержание картин.

— А этого здесь вчера не было! — вдруг громко сказал Платонов. Все повернулись на звук его голоса. И увидели озерцо, от которого только что ушли. И маленького мальчика, выходящего из воды.

— Сказка! — закричал Тимурчик. — Дядя Герд! Это твоя сказка!

Мальчик выходил из воды, а на ее поверхности мерцало отражение мудрого и скорбного старческого лица, отдаленно напоминающего лицо Герарда Кадыровича.

— А это грусть-кручина, да? — звонким голосом спрашивал Тимур, показывая на черную тень, надвигающуюся на мальчика и на озерцо. Картина была бы очень мрачная, если бы не голый мальчонка, светящийся на картине, как маленькое живое солнце. Мальчонка был удивлен, немного напуган, но счастлив. И тем резко, кардинально отличался от большинства лиц и ликов этой подземной картинной галереи. Словно утверждая этим, что с автором что-то произошло, что изменился автор...

А из глубины озера появлялось другое, более молодое лицо. И мальчик уходил все дальше, не замечая громадной черной птицы, летящей за ним...

Герард Кадырович чувствовал, что экзамен он сдал на «отлично».

Платонову казалось, что он стоит в дверном проеме, а мимо пролетают стены и потолочные перекрытия, лестничные пролеты и оконные рамы — рушится дом, который называется романом «Первое свидание»... Платонов был в нем разочарован. Романа века явно не получилось.

Уж в финале-то Платонов был уверен. Этакое предупреждение человечеству: остановитесь, пока не поздно! Казалось — беспроигрышный вариант. Только литература — не игра. И кончается там, где начинают подсчитывать взятки. Как сказал Намазов?

— Уважаемый Виктор Михайлович, безусловно, ваш роман интересно читать. Но позволю себе доложить вам, что у меня осталось ощущение несвободы автора от некоторой заданности, от четкого понимания автором конъюнктуры нынешнего книжного рынка. Оттого и Ричард Намазович у вас получился злодейский. Побоялись вы его человеком сделать, ибо в этом случае читатель не избежал бы при-

сущего этому герою обаяния личности... А финал? Впечатляющий, конечно, финал. Более того, нужный. А это настораживает, вызывая подозрения в несамостоятельности мышления автора.

Настя высказалась проще:

— Я, конечно, рыдала, но все равно дешежка. Несерьезно все это.

И сейчас Платонов смотрел на свой роман их глазами. Глазами тех, кто не видел за строками того, что видел он, и не смог показать другим... Намазов высказал еще одну неординарную мысль:

— А вам не кажется, Виктор Михайлович, что мировой войны никогда не будет?

— Все мы на это надеемся. И делаем все от нас зависящее, чтобы ее не было, — ответил Платонов.

— Разумеется, — кивнул Намазов. — Но я имел в виду не это, а то, что в войне никто ни экономически, ни политически не заинтересован.

— А военно-промышленный комплекс?

— Военно-промышленный комплекс заинтересован в гонке вооружений. В постоянном усовершенствовании и переоснащении. Ибо это — источник прибыли. Они не самоубийцы, а экономисты, и потому прекрасно понимают, что им невыгодно уничтожить половину человечества. Им нужен налогоплательщик и потенциальный противник, чтобы запугать налогоплательщика. И состояние равновесия. Это не мои домыслы. Я беседовал с представителями этого самого военно-промышленного комплекса. Очень разумные господа.

— Такая мысль пришла мне в голову, — признался Платонов. — Но я сам не убежден в правильности этой оценки ситуации. Особенно при появлении интеллектуального оружия. Оно очень привлекательно для тех, кто хочет превратить большинство человечества в покорное стадо. Вудизация уже подтвердила это стремление.

— Вудизация? — вздохнул Намазов. — Вудизация — явление куда более сложное, чем кажется. Может быть, это единственный способ сделать счастливым большинство человечества при его жизни... Кто вам сказал, что наслаждаться жизнью хуже, чем страдать? Уж не семена ли религиозных догм проросли в вашем сознании?

— Все должно быть естественно.

— И это говорит мне один из создателей ГНТ-систем?! Что значит — естественно? И что есть более противоестественного, чем ГНТ-система?

— Вряд ли я смогу вам кратко и убедительно ответить сейчас на эти вопросы, — честно признался Платонов.

— А я и не требую этого от вас. Но ставить их перед читателем вы обязаны...

Так доказывал несостоятельность романа главный его герой. Доказывал не только словами, а и тем, что заставил автора переосмыслить свои оценки относительно него. Они тогда в горах все-таки спросили Намазова — действительно ли он собрался оставить пост Президента АН? Если да, то по какой причине?

— Причина? — не отрицая своего намерения, грустно улыбнулся Герард Кадырович. — Возраст причина. Еще год-другой, и мне будет не до скалолазанья. Президент другой найдется, а кто за меня завершит «Симфонию духа»? Моего, между прочим, духа. Жизнь заставляет выбирать главное. Правда, — признался он, — и в Москве, и у нас очень отрицательно отнеслись к моему намерению. И Александр Аркадьевич меня по-отечески пожурил... Видимо, придется обратиться за помощью к студентам, — вздохнул Намазов, умолчав о том, что уже десять лет по его эскизам эти пещеры расписывают студенты и спившиеся художники, которым так хорошо платят за молчание, что им и в голову не приходит проболтаться. Даже по пьянке. К тому же их вежливо предупредили, что излишняя разговорчивость может быть вредна для их здоровья.

Да, Герард Кадырович оказался принципиально сложнее Ричарда Намазовича. И значит, в романе — ложь. И значит, надо начинать сначала. А сил уже не осталось. Романы надо писать быстро. Или иметь железное здоровье. Правда, в последнее время Платонов чувствовал явное улучшение здоровья. Коллективный Разум не потерпел несовершенства тел его носителей и принялся за оптимизацию их организмов. Так что дело не в здоровье, а в том, что нынешний Платонов совсем не тот, который начинал когда-то роман. Он вырос из собственного творения. Но ему было жаль и себя прежнего, и роман. И он продолжал работать. На данный конкретный момент его работа заключалась в том, что он перечитывал «дешевый» финал романа:

«...Вот Альвасим набрал секретный код и сообщил Президенту о том, что в США минуту назад принято решение о молниеносном нападении.

— Значит, мировая война, — констатирует Президент. — Объявить всеобщую мобилизацию?

— Не успеем. В нашем распоряжении минуты. Надо срочно задействовать ГНТ-систему страны, систему обороны и систему гражданской обороны.

Президент включает соответствующие средства сигнализации. И началась очередная трагедия человечества...

...Аннушка, поцеловав своего сынишку, еле сдерживая слезы, сдала его в срочно организованный при ГНТ-центре детский комбинат, а сама исчезла за дверь. Как все происходящее напоминало ее ночные видения! Вот зал, вот сократовская группа, избранные члены правительства и военного командования. Добавился только Альвасим. Он был здесь несомненным лидером, так как имел за собой интеллектуальную мощь отшельников. Его указаний ждали руководители всех рангов. В контактном отсеке уже находились главные действующие лица, и среди них Фетисов. Аннушка, мысленно простившись с ним, осталась снаружи с Альвасимом.

— Пора, — тихо сказал он и включил ГНТ-систему страны. Вовремя включил, так как в этот же момент была приведена в действие стратегическая ГНТ-система противника... И скрестились шпаги ненависти, и взвихрились смерчи непонимания. И повисла над землей черная тишина.

Лица «мыслителей» были мертвенно-бледны, тела безжизненно распластаны по креслам, и только глаза сверкали, как индикаторные лампочки. Аннушка посмотрела на Альвасима. Он кивнул ей — пора, и они исчезли из зала. Ноосфера отшельников непроницаемой стеной выросла на пути непримиримых гипноинтеллектуальных лучей. Они ослаблялись в интеллектуальном поле отшельников до энергии, на которой уже можно было контролировать себя. Лица «мыслителей» порозовели. Вудизированные массы вышли из состояния экстаза и впали в состояние тихого блаженства, не догадываясь, как близки они были к смерти.

— Одумайтесь, — требовали отшельники, — остановитесь! Но формула: «Если ты не убьешь — убьют тебя!» — звучала для человечества гораздо убедительней абстрактного призыва. И интеллектуальные лучи продолжали вонзаться в стену, постепенно разрушая ее. Энергия ноосферы отшельников иссякала. И тогда в ГНТ-центре снова появились Аннушка и Альвасим. Они вошли в контактный отсек и включились в ГНТ-систему. А через них включились и все отшельники. Аннушка на мгновение коснулась руки Ивана Денисыча. Они простились. И Аннушка устремилась прочь от обезумевшей планеты. Хотя «прочь» не то слово. Она вернулась в свой многомерный мир. И не одна. С ней рядом был Игорь Анатольевич...

— Меня гложет тоска, — пожаловалась ОНА.

— Я не нахожу себе места, — признался ОН.

— Мне кажется, — сказала ОНА, — что наш мир рушится.

— Мир рушится, когда болит душа.

— Надо вернуться туда, — сказала ОНА. — Первый раз мы натворили столько глупостей...

Две мгновенные яркие линии прочертили черное небо...

И вдруг наступила тишина. Эмоциональная тишина. Ее нарушил детский голос:

— Мама-а! Я хочу маму! Где ты, мамочка?

И всем стало ясно, что он никогда не дозвонится. Иван Денисыч прибежал к сыну, поднял его, прижал к груди.

— Я здесь, я с тобой, Андрюшка! — успокаивал он сына. Но сын чувствовал, что отцу самому неспокойно.

— А где мама? Позови маму!

Тогда Иван Денисыч вышел на улицу с сыном на руках и сказал ему:

— Смотри на небо. Вот туда. Твоя мама стала звездочкой и теперь летает вокруг земли. И когда увидит тебя, то протянет к тебе руки-лучики. Ты помашь ей, когда она появится.

— Мама, мамочка, — шептал мальчик, не отрывая глаз от звездного неба.

И вдруг межзвездную черноту прочертили две мгновенные линии.

— Мама, мамочка! Я вижу тебя! — радостно закричал Андрюшка и замахаля руками. — Я здесь! Лети ко мне! Я здесь!

Но светящиеся линии исчезли. И все человечество ощутило растерянность и надежду ребенка.

— Пап, мама еще прилетит?

— Конечно, обязательно! Ты только смотри на небо, — подарил надежду сыну Иван Денисыч. — Пошли домой. Тебе спать пора. — И понес сына, неотрывно смотрящего на небо. И человечество смотрело им вслед, еще не осознав своего могущества. Единый Разум жгла единая тоска разлуки. Одна на всех.

А Иван Денисыч вдруг застонал от боли, взорвавшей его тело, и упал вместе с сыном на случайно раздавленного сверчка...»

...Платонов задумчиво смотрел на три точки, означавшие окончание романа. А сердце билось беспокойно, словно только что не Фетисов, а он нес на руках своего сына.

«Я, конечно, рыдала, но все равно — дешежка». Что против этого возразишь?.. Несмотря на сердечное волнение, Платонов понимал, что Настя права. Мальчонку жалко, и Аннушку жалко. Но живут они в каком-то ненастоящем мире. И война в нем ненастоящая, игрушечная. Так что похоже, что ошибка в корне, в сути. Собственно, он ведь уже сформулировал, что ГНТ-война будет гораздо проще. Так что нечего толочь воду в ступе. Платонов начинал испытывать искреннюю благодарность к своим безжалостным критикам. Надо смотреть дальше — что будет, если ГНТ-войны не будет?..

— Витаешь? — зашла в комнату Настя.

— А что? — откликнулся Платонов.

— Мир слушать надо, — подняла она висевший на пальце и что-то неразборчивое болботивший приемник.

— А поконкретней?

— Поконкретней, передали, что наш друг Бенджамин Вуд выдвинул свою кандидатуру на пост президента США.

— От какой партии?

— От себя лично. Его платформа — всеобщее счастье.

— Ну да, зачем ему партии, если он всю Америку вудизировал.

— Что из этого выйдет? — спросила пространство Настя. Пространство промолчало, а Платонов ответил:

— Работать надо — вот что!

«Студентам» было «разрешено» донести свой восторг до широких народных масс. В результате художническая слава Герарда Кадыровича нарастала, как снежная лавина. Впрочем, слава относилась к Ричарду Намазовичу, или Герду. Намазов хранил инкогнито, чтобы умело расширять круг посвященных в тайну. Но и работал он как вол под сводами пещеры, не допуская туда никого, кроме своих рабов. (Хотя, наверное, здесь уместней заменить вола пауком, ибо Герард Кадырович передвигался по натянутой под сводами пещеры стальной сетке, набрасывая контуры будущей росписи, возникавшей из музыки, которая непрерывно звучала). Делал условные пометки — какой краской покрывать намеченные участки. В самом этом грязном процессе он не участвовал, оберегая свое здоровье. А светящиеся фосфоросодержащие краски были очень вредны. Правда, «последние штрихи» он наносил сам, и делал это, по молчаливому признанию рабов, чрезвычайно талантливо. Когда он работал, они склоняли перед ним свои грешные головы, живописно украшенные респираторами, что в немалой степени помогало им мириться со своим положением.

И сейчас в Москве, на пути к Вольнову, Герард Кадырович обдумывал очередные «последние штрихи», но и с удовлетворением отмечал, что сумел-таки сделать свое искусство, свой талант системным фактором, обладающим немалой материальной силой, в последствиях действия которой он и шел сейчас убедиться.

Александр Аркадьевич ошутимо посвежел за время, прошедшее с последней их встречи. Намазова это поразило.

— Молодеем, Александр Аркадьевич! На глазах молодеем! Очень приятно видеть вас в таком здравии. Признавайтесь, какая ГНТ-система у вас на омоложении специализируется?

— Не употребляю, батенька, — улыбнулся Вольнов. Так оно и было...

Вольнов провел гостя в комнату.

— Как там дела у нашей молодежи? Что нового?

— События развиваются так бурно, что новое в течение нескольких часов становится старым... Но все же рад сообщить вам, что совместно со специалистами радиотехнического института нашим товарищам наконец-то удалось решить проблему ГНТ-связи на дальних расстояниях. Конечно, пока только принципиально.

— Приятное известие! — обрадовался Вольнов. — Очень я ждал его. Молодцы ребята. Чем-нибудь меня еще порадуете?

— Насчет радости не знаю, а вот некоторое беспокойство хотел бы высказать.

— Внимательно вас слушаю.

— Мне кажется преждевременным и опасным увлечение наших ведущих ученых, которым вы дали определение «наша молодежь», переделкой собственных

организмов с помощью ГНТ-системы. Ладно бы собственных. Чета Платоновых, слышал я, подумывает завести крылатое дитя.

— Надо же!— всплеснул руками Вольнов. Намазов не понял, что означает этот жест — восторг или осуждение.

— Последствия таких экспериментов непредсказуемы.

— Для нас с вами,— согласно кивнул Александр Аркадьевич, — но не для Коллективного Разума.

— И Коллективный Разум обладает ограниченностью знаний, поэтому его оценка последствий может быть неадекватна реальности.

— Вы исходите из сегодняшнего своего знания о человеке и мире.

— Уж чем богаты,— развел руками Герард Кадырович,— но ведь и ГНТ-система ничем от меня в этом смысле не отличается.

— Не уверен.

«Совсем старик из ума выжил».

— Вы, что же, хотите сказать, что Коллективный Разум взирает на мир из будущего?

— Не исключаю такой возможности.

— Александр Аркадьевич!

— Да нет, я еще не рехнулся,— как бы даже извиняясь, улыбнулся Вольнов.— Я только хочу сказать, что не исключена ситуация, при которой то, что мы с вами называем будущим, для разума более высокого уровня является настоящим.

— Я всегда предпочитал бриться бритвой Оккама,— намекнул Герард Кадырович.

— Дело вкуса. Кому истина бритая, кому бородатая... Но мне слишком гладкие истины почему-то подозрительны.

«Дедушка шалит»,— подумал Намазов, а вслух заметил:

— Я надеюсь только на себя и рекомендую то же самое человечеству.

— Что ж, отлично,— вроде бы даже удовлетворенно кивнул Александр Аркадьевич.— Скоро выборы...— Герард Кадырович затаил дыхание: он ждал этих слов, он шел сюда за этими словами, он сделал все возможное и, как пишут, невозможное для того, чтобы эти слова прозвучали так, как ему нужно...— Я, посоветовавшись с нашей молодежью, поддержал вашу кандидатуру в академики от фелицитологии в беседе с Президентом. Мне одному стало трудно справляться с нашим направлением.— Александр Аркадьевич не сказал, разумеется, что Намазов, как элемент пока еще существующей официальной и «теневой» политической системы, устраивал их больше, чем кто-либо другой. Но это было так. Пока еще Намазов был полезен.

— Благодарю вас,— торжественно поднявшись, отвесил поклон Намазов. В его душе заливались малиновым звоном литавры. Он прекрасно знал табель о рангах в Президиуме АН СССР: слово Вольнова, даже высказанное в частной беседе, означало решение окончательное.— Даю вам слово, что отныне буду уделять развитию ГНТ-систем и Коллективного Разума максимум внимания и постараюсь, чтобы они все-таки оставались оружием фелицитологии.

— Не сомневаюсь,— кивнул академик. Ему было даже немного по-человечески жаль этого «последнего из могикан» соцбуржуазии, который в силу исторической ограниченности своего недюжинного интеллекта не был способен осознать бесперспективность своих надежд на подчинение ГНТ-разума. И посему подлежал исчезновению вместе со своим классом, место которого властно занимала новая социальная сила — Коллективный Разум общества.

Герард Кадырович посмотрел на часы.

— Торопитесь к телевизору?— поинтересовался Александр Аркадьевич.

— Наш американский коллега приковал к себе внимание всего мира,— ответил Намазов.— Конечно, я собирался посмотреть его выступление.

— Буду рад, если вы составите мне компанию.

— С удовольствием,— засиял Герард Кадырович.

Пока Александр Аркадьевич хлопотал о чае, Намазов изучал корешки книг на стеллажах, занимавших две стены от пола до потолка. Тренированным взглядом он отметил несколько редких философских изданий, которых в его собственной библиотеке не было. И поразительное количество поэтических томов. Видимо, память о жене поэтессе. Вот и ее книги. Собрание сочинений. Посмертное, разумеется.

Когда-то Герард Кадырович читал ее стихи, чтобы быть при случае в курсе. И это собрание сочинений приобрел, да не открывал пока. Недосуг. Явная недоделка. Он достал маленький томик и открыл наугад:

Мне все трудней переступить пороги:

Все дальше боги, все слабее ноги.

А каждая строка моя — порог

Пред бесконечной лестницей тревог.
И, может быть, на свете стоит жить,
Чтоб главный свой порог переступить.

Намазов закрыл книжку и поставил ее на место. А в чем его главный порог?..

— А вот и я! — вернулся в комнату Вольнов, неся перед собой небольшой электрический самовар. — Устраивайтесь за столом, Герард Кадырович, — распорядился он и включил телевизор. — Пора уже.

И тут на экране появились титры всемирного телевидения и зазвучали знакомые каждому позывные.

— Внимание! Внимание! Всемирное телевидение продолжает цикл передач, посвященных предвыборной кампании в Соединенных Штатах Америки. Сегодня вашему вниманию предлагается выступление кандидата на пост президента США, всемирно известного доктора Бенджамина Вуда. — В голосе директора звенели фанфары.

Вольнов и Намазов слушали текст без перевода.

— Здравствуйте, граждане Соединенных Штатов Америки! — стремительно вошел на телеэкран Бенджамин Вуд. — Привет вам, люди Земли! Я — Бенджамин Вуд, — представился он, кивнув крупной головой с буйной копной седых курчавых волос. Его немолодое худощавое лицо с толстыми губами лучилось энергией и мудростью. — Да-да, тот самый доктор Вуд, врач и философ, который всю жизнь призывал вас к счастью. Признаюсь честно, — грустно и обаятельно улыбнулся он с телеэкрана, — я был молод и наивен, рассчитывая с помощью науки и страстного желания добиться вашего понимания. Не одно десятилетие понадобилось мне для того, чтобы понять, что человечество психически нездорово. Прошу не обижаться на меня. Я не имею в виду каждого из вас в отдельности. Каждый из вас сам по себе милый и добрый человек. Я имею в виду другой уровень разума, разум коллективный, например: разум толпы, разум нации, разум класса, разум государства, разум народа, разум человечества. Тот самый разум, объединяясь в котором, множества милых и добрых людей превращаются в единого убийцу, фанатика, маньяка, одержимого некоей идеей — неважно какой. Важно, что она ни в грош не ставит личное мнение индивидуума. Не принципиально — экзистенциально ли ваши личности или наполнены классовым самосознанием. Принципиально — каким образом они объединяются в единое целое. Ни один из опробованных историей способов не обеспечил получения из разумного частного разумного общего. Негативное частное всегда суммировалось, позитивное частное — уничтожалось в общем.

Как человек и как ученый-фелицитолог я утверждаю вслед за русским писателем Короленко, что «человек рожден для счастья, как птица для полета». И если общество не может ему этого обеспечить сегодня, сейчас, пока человек жив единственный раз, то это общество подлежит уничтожению! Независимо от степени справедливости распределения материальных благ. Нет более призрачного понятия, чем общечеловеческая справедливость. Единственная реальность — это личностная справедливость... — Бенджамин Вуд мудро покачал головой. — У меня осталось слишком мало времени, чтобы жить по-прежнему. Быть может, у мира его еще меньше. Кто знает? Я — врач, и, пока я жив, я должен лечить, если уж поставил диагноз, не отступая перед необходимостью хирургического вмешательства. И я призываю: Наркоз! И скальпель!.. — Лицо Вуда выражало непреклонную решимость... — Извинюсь за вынужденную театральность. Я вынужден настаивать на том, чтобы именно вы и именно сейчас принялись за создание нового мира. Из новых людей на новых принципах. Так что, милые мои современники, вам предлагается совершить революцию в себе и в мире. По отдельности не имеет смысла, как показал исторический опыт. Как поется в старом революционном гимне: «Мы наш, мы новый мир построим». Однако договоримся сразу, — мило, по-домашнему, улыбнулся Вуд. — Лозунг «кто был ничем, тот станет всем» нам решительно не подходит. Во-первых, потому что, когда во главе народа стоит ничтожество, история заходит в тупик, а во-вторых, потому что в новом мире «всем» не будет никто. Ибо если один человек возвышается властью над другим, новый мир невозможен. И любые доказательства исторической необходимости и неизбежности такого возвышения по сути есть доказательства неизбежности реставрации старого мира. Неважно о чем идет речь: о власти меньшинства или о власти большинства. Беспрекословно принимаю ваши обвинения в анархизме, утопизме и даже в безумии. Возможно, я безумен, но не в большей степени, чем человечество. Теперь вам, уважаемые мои современники, наверное, легче будет понять, почему старый доктор Вуд, всегда столь далекий от политики, вдруг решил стать президентом. Не для себя иду я к власти, а для вас. Вы — моя партия. Все вы — без классовых, расовых, национальных, политических различий. Если президент я, значит, президент каждый из вас. Я никогда вас не обманывал. Я сказал, что научу вас на-

слаждаться жизнью — и научил. Или я не прав? — выдержал Вуд паузу, словно ждал ответа. — Но наслаждение жизнью еще не счастье, как совершенно верно утверждает мой многоуважаемый русский коллега академик Вольнов. И теперь я говорю, что научу вас быть счастливыми. Счастье — это власть над миром и собственной жизнью вкупе с умением наслаждаться этой жизнью. И я дам вам эту власть. Фантастика? Ничуть! Нами создана мощнейшая система Коллективного Разума страны, способная объединить всех нас в единую разумную субстанцию. Пределы ее возможностей трудно измыслить. Я предлагаю вам, наконец-то, родить того Бога, которого вы ждали в течение тысячелетий, а он мучился в вас, распятый на кресте ваших одиночеств. В вашей власти дать ему возможность прийти в мир и установить царство счастья и блаженства. А для этого надо понять, что Бог — это ваш единый дух, который терпеливо ждал, когда вы созреете для того, чтобы воссоединиться в нем. Я предлагаю вам такую возможность. В ваших руках ваш Бог, ваше счастье и будущее всего мира. Знайте, что, опуская в урну избирательный бюллетень, вы решаете не судьбу политических деятелей, а свою личную судьбу и судьбу Бога, томящегося в одинокой душе вашей. А я — я только один из вас, может быть, немного более старый, немного более мудрый, немного лучше вас разбирающийся в проблеме счастья и более могущественный, ибо отдал обретению этого могущества все силы своего ума и души. Не скрою — не все мои конкуренты и партии, стоящие за ними, согласны со мной. Более того, никто не согласен, ибо мой вариант — это крах всех их личных корыстных политических и, что греха таить, экономических притязаний. К сожалению, пока еще для многих собственный кошелек важнее Бога... Я верю в вас, друзья мои! Будьте счастливы! И вознаградим себя за терпение и внимание, проявленные вами в этой встрече, минутой блаженства.

Бенджамин Вуд величественно поднял руку и зазвучала божественная музыка Баха. На экране вокруг одухотворенного лика Вуда стали возникать лица телезрителей из мест коллективного просмотра. Лица прямо-таки лучились, истекали блаженством. Казалось, что души этих людей растворяются, купаясь в бессмертном океане музыки Баха. Люди обнимались со слезами счастья на глазах. А Вуд взирал на все это с отеческим, добрейшим выражением лица.

— Будьте счастливы, дети мои! — шепотом, слышимым всему миру, повторил он и исчез с экрана.

Опять засверкали титры всемирного телевидения. Александр Аркадьевич выключил телевизор.

Они сидели молча. Подумать было над чем.

Если бы год назад, когда утверждался проект орбитальной ГНТ-системы, кто-нибудь сказал Андрею Митрофановичу, что для осуществления проекта понадобится всего год, он, досадливо поморщившись, отвернулся бы от такого легкомысленного человека. Проект предполагалось осуществить в течение пяти лет.

И вот через год он стоит на космодроме и наблюдает старт ракет, уносящих на орбиту ГНТ-станции, за готовность которых к работе он нес личную ответственность, возглавляя пусковую группу.

ГНТ-разум, определивший этот срок, как ему и полагалось по теории, оказался прозорливее, «умнее». Получалось, что надо привыкать к новым скоростям жизни, к новым оценкам своих возможностей. И к большому доверию ГНТ-разуму.

Через три дня после запуска последней орбитальной ГНТ-станции ГНТ-системщики оказались разбросанными по всей территории страны. Они привычно заняли места в контактных отсеках ГНТ-центров, включили радиомаяк готовности к общему контакту. Передающие и приемные антенны ГНТ-центров и ГНТ-станций настраивались друг на друга. И контакт начался... Что произошло? Резкое изменение объемами мировосприятия. У каждого мыслителя стало неизмеримо больше органов чувств и их «рецепторов-датчиков», а также сфер получения информации. На них работала вся система космических измерений, сигналы которой ощущались, а не просто фиксировались запоминающим устройством. Прибавилось «болевых точек» и от солнечной активности, и от атмосферных катаклизмов, и от тектонических напряжений. И, пожалуй, появилось совершенно новое глобальное чувство — гармонии и дисгармонии мира. Хотя, казалось бы, какая в мироздании может быть дисгармония?! Увы... А потом пошел интеллектуально-эмоциональный «шум», сходный с беспорядочными помехами в радиоприемнике. Хаос, какофония! Герард Кадырович недовольно поморщился. Как-никак, эту систему курировал он. Отдельные товарищи могут подумать, что он недоработал, недоглядел. Похоже, что гениальные ученики его подводят.

А для Коллективного Разума длились тяжелые минуты. Никто не предполагал, что интеллектуальное поле человечества, не вооруженного приемно-передающими устройствами, может вступить в такое сильное взаимодействие с каналами

ГНТ-системы и с Коллективным Разумом. ГНТ-система сменила свою рабочую частоту, отказавшись от оптимума ради чистоты эксперимента. И Герард Кадырович почувствовал в себе некоторую опустошенность, хотя сам факт исчезновения помех его порадовал.

Коллективный Разум обрел свободу и вдруг почувствовал, что он не одинок. Сначала было только ощущение постороннего присутствия, потом ощущение материализовалось в «голос»:

— Интеллектуальный Разум «Доктор Вуд и компания» приветствует социалистических друзей на высшем уровне земной ноосферы!

— Искренне рады встрече,— ответил ГНТ-разум. И это было правдой, потому что не ощущалось никаких признаков антагонизма, произошла встреча равных. «Вот он — выход!»— отметил Платонов.

— По-моему, надо прекратить эксперимент!— решительно высказался Намазов.

— Поздно,— усмехнулся Представитель Заказчика.— История не дисплей — ее страницы назад не перелистаешь.— Он уже знал, что такое ГНТ-война, и понимал, что существует один способ избежать ее...

А Разумы «ощупывали», постигали друг друга и через некоторое время, настроившись, войдя в резонанс, слились воедино. Поскольку правительства не скупилась на информационное обеспечение своих ГНТ-систем, то общая информационная база Единого Разума содержала в себе все необходимое для принятия глобального решения по коренному вопросу бытия — вопросу жизни и смерти разума на Земле. Все прочие проблемы имеют смысл, только если решена эта...

Платонов не узнавал мира, данного ему через ощущения ГНТ-разума. Он виделся совсем иначе, чем несколько мгновений назад.

Стало немножко грустно при виде маленького четырехмерного клочка многомерной поверхности, который был их родиной и назывался Вселенной. Вот этого уже никто не ожидал. Все эти десяти- и одиннадцатимерные модели мироздания казались захватывающей дух математической абстракцией, которой вовсе не обязательно было становиться реальностью. Во всяком случае, «четырёхмерному наблюдателю» разглядеть эту реальность не представлялось возможным. И вот разглядели. А не иллюзия ли это? Не мысленная ли конструкция? Где критерий истины? На данный момент — только полнота ощущений... Но особенно поражало Платонова то, что он не переставал ощущать себя человеком, личностью. Не забывал о своем романе, хотя, казалось бы, Единому Разуму такие младенческие погрешности ни к чему. Вот именно: казалось бы. На самом деле Единому Разуму необходимы различные способы коммуникации с разумом более низкого уровня. В том числе и искусство. Почему необходимы? Да потому, что крона без корней существовать не может. Дерево едино. Разум един.

И Платонов старался запомнить все свои «сверхчеловеческие» ощущения, чтобы рассказать о них людям. И мысли. В частности, важной ему показалась мысль, что вышший разум — это, прежде всего, повышенная способность к взаимопониманию... Так почему же молчат отшельники? Или все же — это Разум, потерявший интерес к человечеству? Раньше Платонов мог бы согласиться с такой гипотезой, но теперь она казалась ему слишком примитивной. Он не мог предположить, что отшельники, молчаливое присутствие которых явственно ощущал ГНТ-разум, обладали Коллективным Разумом более низкого уровня. Но в то же время было странно, что для ГНТ-разума, способного постичь одиннадцатимерную вселенную, остается нечто непостижимое — отшельники. Каким же должно быть это непостижимое?!

Миша неделями не видел родителей дома. Он, правда, особо не страдал — возраст у него наступил уже вполне самостоятельный. А вот Тимурчик страдал. И надоедал бабушке расспросами, где мама и папа и почему они так долго работают?

Но выдавались все же редкие дни отдыха...

Настенька голышом стояла перед зеркалом и рассматривала себя. Миша в школе. Платонова она отправила на рынок. Сама завершила субботнюю уборку квартиры и только что искупалась. Настенька, всегда настроенная крайне самокритично, была вынуждена признать, что выглядит прекрасно. И на вид дала бы себе лет двадцать. Ну, от силы двадцать пять. Где же ее «под сорок»? Настенька знала ответ, но хотелось неопределенности, загадочности, сказки. Кто-то зашебуршил ключом

в замке входной двери. Настенька насторожилась, выглянула из-за косяка. Это был Платонов, увешанный полными сумками.

— О! — воскликнул он. — Какое великолепное ню!

Настенька кокетливо погрозила ему пальчиком и надела халат, прокомментировав:

— С несвоевременным ню надо бороться на корню!

Они принялись разбирать сумки. Платонов по ходу дела комментировал поведение рыночной стихии и жаждал одобрения своим товарно-денежным подвигам.

— Да, знаешь, кого я встретил на базаре? — сообщил Виктор Михайлович. — Вахтера нашего. Ну, этого Истукана с острова Пасхи.

— Ну и что?

— Смеется, говорит, что в нашем институте нечистая сила завелась. А может, и чистая, но нездешняя.

— Он недалеко от истины. Только кто же этого в институте не знает?

— Да не в этом дело — он же у нас почти профессиональный философ, а уж в фантастике несомненный специалист.

— И что тебе сказал этот философ по поводу нечистой силы?

«Я чувствую, что вы совершаете великую революцию в человеке, но сформулированы ли у вас те нравственные постулаты, на которых вы строите вашу многомерную геометрию нового человека?» — спросил он.

— Откуда он знает?!

— Говорит, что это следует из его философских построений. И что он нас давно предсказал.

— Любопытно. А у него сформулированы? И почему он молчал?

— Ему надо было убедиться в собственной правоте. Служенье истине не терпит суеты.

— Так что ты ему ответил насчет постулатов?

— Я ответил, что всю жизнь занимаюсь их формулировкой, но, побывав на более высоком интеллектуальном уровне, понял, что там мои формулировки не имеют ценности. Надо начинать заново.

— А он что?

— А он сказал, что если мы хотим, чтобы человек на всех интеллектуальных уровнях оставался человеком, то должны выявить те нравственные и физические мировые константы, которые, собственно, и делают его человеком. И обеспечить их сохранение.

— Боюсь, что это невозможно, — подумав, сказала Настя. — Меняем ли мы мир, или восприятие мира — результат один: изменение мировых констант. Это и есть развитие. Единственная мировая константа жизни.

— Я ему примерно так и ответил. А он сказал, что ему жаль Человека. Это было прекрасно.

— Нам жаль нашего детства. Разве он этого не понимает?

— Понимает. Потому что сказал, что главная константа Человека — это его бессмертие. Смертный не может быть счастлив. Он может быть только доволен. А человека ему все равно жаль. И сейчас, и через миллиард лет.

Настя сидела за кухонным столом, подпирая подбородок кулачками.

— Платонов, а тебе не жаль? — спросила она, вздохнув.

— Чего я должен жалеть?

— А вот этого нашего сидения на кухне. Моего случайного ню. Всех тех милых мелочей, из которых сейчас складывается наша жизнь.

— Ню, конечно, можно пожалеть. Только от него я отказываться не собираюсь. А вот эти все «милые» мелочи! Это пиявки, присосавшиеся к нашей жизни, — с омерзением воскликнул Платонов. — Мы к ним привыкли, как лошадь привыкает к хомуту. Она просто не помнит о вольной жизни. Нет, с ними мне расставаться не жалко. Только я не уверен, что ГНТ-революция освободит нас от них.

Настя внимательно посмотрела на мужа и, вздохнув, пообещала:

— Освободит... А ведь ты — писатель. Ты должен смотреть вперед. Все твои апокалипсические ужасы позади. А что впереди?

— Ничего страшного. Посмотри на себя. Разве ты стала хуже, чем была? Ты же прекрасна. Каждый день тебе открываются новые измерения мира. Ты освобождаешь человеческий разум от всех этих «милых» всеосущих мелочей для настоящего дела. Жаль только, что без ГНТ-системы мы почти по-прежнему беспомощны.

— А тебе не кажется, что мы делаем человечество придатком машины?

— Не кажется. По твоей логике выходит, что примат, взяв в руки дубину, стал придатком дубины. Я думаю, — помолчав, сказал Платонов, — что ГНТ-система — только ступенька. Она ограничивает свободу разума. Значит, мы будем пытаться обрести свободу.

— А что потом? «Прыгунцы» Саймака, «лучистое человечество» Циолковского, «людены» Стругацких?!

— Может быть... Но думаю, что реальность окажется оригинальней фантастики. Она уже предложила нашему вниманию отшельников.

— Я иногда начинаю сомневаться, что они реальность.

— Ты?!

— А что?

— Что-что... Мне иногда кажется, что ты сама из них.

Настенька вздрогнула и растерянно посмотрела на мужа.

— Но почему?!

— Не знаю. Просто, ощущение чего-то высшего рядом.

— Ты меня явно переоцениваешь, — обняла мужа Настенька.

Андрей Митрофанович возлежал на диване с журналом в руках.

— Пап, давай в Единый Разум поиграем, — подбежал к отцу Тимур.

Андрей Митрофанович чуть было не выронил журнал.

— Во что? Во что? — приподнялся он. Ирина Петровна, вытиравшая в это время пыль, тоже остановилась и повернулась к сыну. — Как это?

— Очень просто! — обрадовался мальчик родительскому интересу. — Я уже все приготовил. Я сейчас.

Он сбежал на балкон и принес оттуда две картонные коробки из-под обуви. Из коробок торчало по два проволочных рожка, изображавших антенну.

— Надевай, — приказал сын, сам нахлобучивая коробку побольше на голову отца. На себя тоже надел.

— А дальше что? — торопил Андрей Митрофанович.

— Дальше надо расслабиться и сосредоточиться.

Ирина Петровна с интересом наблюдала за своими мужчинами. Тимурчик сел в дальнее кресло и потешно изобразил сосредоточенность, обхватив голову ладошками.

— А теперь что? — не унимался Петров-старший.

— Что-что! Думай теперь, вот что. Разговаривать будем без слов.

Андрей Митрофанович усмехнулся недоверчиво, но подчинился. Уж чему-чему, а умению сосредоточиваться он в последние годы научился.

— Здравствуй, папа! — вдруг «услышал» он и вздрогнул от неожиданности.

— Здравствуй, сын! — мысленно ответил Андрей Митрофанович.

— Ты меня больше не любишь?

— Что за глупости! С чего ты взял?

— Ты совсем перестал со мной играть.

— У меня очень много работы.

— Ты мне про работу ничего не рассказываешь.

— Ты еще маленький.

— А вот и нет. Я знаю — ты работаешь над Единым Разумом.

Ирина Петровна, подчиняясь атмосфере, тоже сосредоточилась и «услышала» их разговор. Хорошо, что их не видела Анна Ивановна, а то определенно решила бы, что ее «дети» свихнулись.

— Откуда же ты знаешь? — спросил Петров-старший.

— У нас с тобой Единый Разум. Чувствуешь — и мама подключилась.

— Ну как же я без вас? — попыталась она оправдаться за вторжение.

— Вы работаете над Единым Разумом, а я узнаю о нем от чужих мальчиков. Это они учат меня играть в Единый Разум.

— Но мы не знали, что есть такая игра, — объяснила Ирина Петровна.

— Наш Единый Разум немного другой, — добавил Андрей Митрофанович.

— А какой? Покажите!

И они «показали». И ГНТ-систему, и контактные отсеки, и то, что познали через Единый ГНТ-разум, и через себя подключили сына к фоновому режиму орбитальной ГНТ-системы. И сын их понял. Ему было свободно в Едином Разуме, как-будто он всегда в нем пребывал. И самое странное, что их семейный Единый Разум существовал без всякой ГНТ-системы. Или им только казалось, что он существовал? Может быть, они говорили друг с другом внутри себя? Они просто увлеклись игрой...

Эксперименты на орбитальной ГНТ-системе решено было продолжать. С целью продолжить контакты «на высшем уровне» и для сохранения ГНТ-паритета была достигнута договоренность об одновременном проведении экспериментов.

Вольнов был одним из наиболее авторитетных участников правительственных переговоров, во время которых ему пришлось встретиться с Бенджамином Вудом.

Пришлось — потому что он внутренне противился этой встрече, ощущая явную неприязнь к своему зарубежному коллеге, хотя понимал, что эта неприязнь — некий духовный атавизм. Вуд пошел на контакт, хотя вполне мог работать в другой полосе частот. Вуд шел к своей цели — созданию единого всепланетного разума. Это стало ясно в первый же момент контакта. Вуд ничего не скрывал. И его знаменитая вудизация служила той же цели, когда выяснилось, что вудизированный интеллект обеспечивает максимальные резонансные характеристики при контакте с ГНТ-системой, так как ощущает при этом наивысшее блаженство. Было ясно, что на данном этапе вудовская ГНТ-система способна давать интеллектуальное поле существенно большей напряженности, чем советская. Следовало по справедливости оценить благородство Вуда, который при контакте держал мощность своей системы на уровне советской. А мог бы подавить. Мог бы диктовать. Но не стал... На переговорах они с Вудом выступали единым фронтом от имени ГНТ-разума. Объясняли, давали требуемые гарантии, настаивали. Единომыслие обнаружилось само и было естественно. Оно радовало и служило одним из позитивных аргументов в дискуссии с представителями договаривающихся сторон. И все же, глядя в честное негритянское лицо седовласого кудрявого верзилы, Вольнов вдруг нет-нет да и вспоминал о своей неприязни.

— Вы не коммунист,— как-то наедине сказал ему Вуд именно в такой момент.— Вы буржуазный либерал-интеллигент времен первой мировой войны.— Вольнов засмеялся:

— Вы правы — я действительно не член партии. Но ее Генеральный Секретарь мой давний и настоящий друг.

— Да он и сам не коммунист,— хмыкнул Вуд.— Вам не нравятся мои методы, да? Как это я посмел, не спросив разрешения у несчастных зажавшихся, разжиревших масс, подключить их к Единому Разуму?! Негуманно! Насилие! Фашизм!.. Нет, ваш Ленин в 1917-м году с такими, как вы, не сделал бы революцию. Разве он не учил вас, что гуманность, доброта, прочие моральные ценности — понятия классовые?! Кстати, к какому классу вы со своим другом относитесь?— засмеялся Вуд и, не дожидаясь ответа, продолжил:— Вы обвиняете меня в том, что я, не спросив разрешения у набравшего полный рот воды утопающего, грубо схватил его за волосы и тащу на берег?

— Да не обвиняю я вас. Но меня удручает очередная попытка превратить человека в средство, хотя бы и для достижения его собственного счастья. Этот путь не нов и ложен.

— В человеке неразделимы ипостаси средства и цели... Христос — распятой: средство, Христос — Бог: цель... Каждый из нас — Христос... Важен результат.

— Да, важен результат,— согласился Вольнов.— Так давайте посмотрим на ваш результат. Вам удалось создать ГНТ-систему с максимальным коэффициентом усиления интеллектуального поля. Но во что вы превратили человека? В безвольный придаток ГНТ-системы. Она для него сильнейший наркотик, вызывающий эйфорию. Не говоря о том, что любой наркотик разрушает нервную систему, вы лишили человека его индивидуальности.

— Во-первых, относительно нервной системы. Число нервных и сердечно-сосудистых заболеваний в моей зоне, по данным медицинской статистики, на порядок меньше, чем в вашей. Во-вторых, зачем человеку индивидуальность, когда он становится высшим существом? Я даю ему неизмеримо высшую индивидуальность по сравнению с той, которой он обладал. Да и обладал ли? Не кажется ли вам, что эта индивидуальность была фикцией, иллюзией и при этом неиссякаемым источником несчастья? Мир безжалостно растаптывал эту эфемерную индивидуальность, ибо она ему не нужна, она ему мешает...

— Сила Разума,— спокойно ответил Вольнов на эмоциональный монолог своего собеседника,— в том числе и Единого, не только в уровне напряженности интеллектуального поля, но и в многообразии форм его существования. Нам понадобятся разные уровни общности. Интеллектуальные возможности личности, особенно при индивидуальном усилении, еще далеко не исчерпаны. Вудизация же, обеспечивая максимальное усиление напряженности интеллектуального поля, обедняет его эмоциональное содержание. Трудно прогнозировать, но после эйфории, как правило, наступает тяжелое похмелье. Вы знаете, какие формы оно примет после такой эйфории, которую обеспечит ГНТ-система?

— Поживем-увидим,— пообещал Вуд.— По-моему, вы усложняете, дорогой академик. Если при каждом шаге глядеть себе под ноги, как бы не угодить в лужу или не раздавить мурашику, то с места не сдвинешься. Движение есть изменение. А изменение всегда несет в себе элемент риска и жестокости. Прописные истины... Даже если мы выйдем — останутся отшельники.

— Вы считаете, что отшельники смогут жить без человечества?

— Да они и сейчас не очень-то в нас нуждаются. На первый взгляд.

— А ведь они могли бы вообще не обнаруживать своего существования,— предположил Вольнов.— Вам не кажется?

— Я в этом уверен. Они нас стимулируют к прогрессу самим фактом своего существования. Так я их понимаю. Они нам подкидывают тайну, загадку. Я думаю, что когда мы ее отгадаем, то и сами станем отшельниками. Для этого мира.

— Мне бы этого не хотелось, — признался Вольнов. — Пусть будут и они, и мы: чем богаче эмоциональный мир, тем сильнее Единый Разум.

— Тогда человечество никогда не будет счастливо,— вздохнул Вуд.

— Счастье — это горизонт, который обязательно надо видеть. И самое большое несчастье — достичь его.

— Боюсь,— покачал головой Вуд,— что отшельники уже за горизонтом.

Договорились, что после серии отладочных экспериментов по согласованию ГНТ-систем и после окончания работ по их энергообеспечению в течение часа всему человечеству будет предоставлена возможность влиться в Единый Разум. Для тех, кто не пожелает принять участие, предусмотрено было оборудование защитных зон в каждом городе. Договор был подписан всеми заинтересованными сторонами, и пресса принялась за воспитание масс. Массы были взбудоражены и воодушевлены. Массы хотели в супермены. Им было любопытно. Правда, раздавались голоса сомнения и даже протеста. Это-де действие необратимое, нас хотят в подопытных кроликов превратить, у нас все наши сокровенные тайны и мысли выведдают, и так далее, и тому подобное... В котле общественного сознания булькало и кипело. Особенно, когда стало известно, что всеобщее подключение к ГНТ-системе — удовольствие весьма энергоемкое. Как образно выразился популярный журналист: один час коллективного мышления энергетически эквивалентен взрыву одного ядерного заряда большой мощности. Прозвучала мысль, что в ближайшем будущем потенциал страны будет определяться не количеством боеголовок, а числом часов коллективного мышления. Сильнейшим окажется тот, кто лучше научится превращать боеголовки в знания и идеи...

Акции Вуда как кандидата в президенты повышались столь же стремительно, как и акции его компании «Единый Разум».

А тем временем жизнь на месте не стояла. ГНТ-система успешно занималась саморазвитием. Примечательно, что ГНТ-разум не перестал существовать после того, как его участники покинули контактные отсеки ГНТ-центров. Орбитальная система не была отключена — и это тоже входило в программу экспериментов. Излучатели орбитальной ГНТ-системы «доставали» участников ГНТ-разума. И хотя коллективное мышление в этом варианте не было столь всепоглощающим, оно существовало как фон, как надсознание, как ощущение единства. Видимо, это и есть «нормальный» повседневный вариант существования Коллективного Разума. Только он или должен быть всеобщим, или вообще не быть. Сверхэлита опасна. Но ведь не каждый может захотеть включиться в Коллективный Разум. Или даже иметь его в качестве фона. Похоже, что проблема духовного уединения становится основной проблемой сохранения суверенности человеческой личности. Однако, как выяснилось, человек довольно легко может менять частоту колебаний собственного интеллектуального поля. Сейчас это происходит неосознанно, хаотично или не происходит по причине заторможенности способности. Придется обучать людей оберегать свою духовную суверенность.

НПО «Интеллекtron» организовывало и проводило запланированную серию экспериментов по отладке и исследованию орбитальной ГНТ-системы. В перерывах между экспериментами Платонов лихорадочно переписывал роман. Намазов со «студентами» расписывал пещеру. А слава художника Герда подобно взрыву потрясла духовный мир планеты. Официальные инстанции, вложившие немалые средства в подземную сокровищницу, «уговорили» Намазова открыть доступ жаждающим приобщиться к Искусству. Но сам он, по-прежнему, хранил инкогнито, со стороны наблюдая за своей славой и приторговывая ею,— фактически уже все знали настоящее имя автора и восхищались его скромностью. Не сотвори себе кумира, но не мешай ближним творить его из тебя...

— У меня такое ощущение, — однажды высказал Намазов свои опасения Ирине Петровне, — будто мы джинна выпустили из кувшина. Обратно он уже не захочет.

— Не захочет,— пообещала Секина.— Неужели ты хотел бы затолкать меня в затхлый позеленевший кувшин? Разве во мне что-нибудь изменилось?

— Да, изменилось: ты была рядом, а теперь — над...

— В чем это выражается?

— Не знаю. Я так чувствую... Что вы собираетесь делать дальше?

— Странный вопрос. Жить, работать, развиваться.

— Я спрашиваю, как вы собираетесь это делать по-новому?

— Почему бы тебе не присоединиться к нам? Тогда бы ты не задавал подобных вопросов,— предложила Ирина Петровна.

— Нет,— чуть презрительно поджал губы Герард Кадырович.— Это исключено. Я хочу оставаться собой.— Он уже почти физически ощущал, как близок его Главный Порог. Можно сказать, что он уже занес ногу, чтобы переступить его: Герард Кадырович Намазов стал одним из наиболее популярных в народе и «высших» сферах кандидатом на пост Президента СССР. Он вслед за Вудом гарантировал людям всеобщее счастье. И ему, вслед за Вудом, верили. Людям очень хотелось счастья. К тому же кандидат был так гениален и так скромнен...

Андрей Митрофанович и Ирина Петровна тем временем активно и успешно возглавляли всемирную ГНТ-революцию вместе со своими наставниками — Вольновым и Вудом. После первых осторожных экспериментов правительство почти полностью перешло на управление страной с помощью ГНТ-системы, специализированной для этой цели. К решению возникающих проблем теперь легко подключались разнообразные специалисты — теоретики и практики, в результате чего решения принимались вполне жизнеспособные и часто коренные, принципиальные. Специализированные ГНТ-системы внедрялись во все управленческие структуры. Руководителям нравилось руководить с толком, эффективно. И специалистам нравилась активная роль их знаний. Неразрешимых проблем и непреодолимых препятствий как-то сразу стало меньше. Как «массы» реально приступили к управлению государством. В ГНТ-системе отсутствовало понятие руководителя и подчиненного — каждый обязан быть специалистом своего дела.

Андрей Митрофанович в своей деятельности был всегда деловит, подтянут. Функционировал он четко, без сбоев в работе и психике. Впрочем, последних ГНТ-система не допускала, внимательно наблюдая за собственным здоровьем. Был ли он счастлив? Этим вопросом не задавался. Некогда. Он делал любимое дело так, как считал нужным, уважал жену (называть любовью свои чувства к ней он до сих пор не решался, хотя это была именно любовь), любил сына, был окружен друзьями. А фелицитологический индекс его был близок к единице (временами). Об этом знали контрольные приборы да информационная база ГНТ-системы.

А время шло. Нет, время летело, время свистело, как ветер. Время спешило, словно знало, куда.

— Вит,— окликнула Настя мужа недавно придуманным вариантом имени.

— Чего тебе, Стенька?— поднял голову от романа Платонов.

— Звонил Намазов. Приглашает всех нас на знакомство с его «Первым свиданием». Даже Вуд будет!

— Надо же!.. Ух, плагиатор!.. опередить меня хочет?.. Не выйдет,— улыбнулся Платонов,— я через часок-другой тоже доведу роман до точки.

— Вит, неужели?!— обрадовалась Настя.

— На этот вопрос можешь ответить только ты, но я сделал все, на что способен.

— Ну, трудись — исчезаю. «Мишку надо взять с собой,— решила Настя.— Во первых, солнце, воздух и вода, а во вторых, ему это будет интересно».

В часок-другой Платонов не уложился. Двигался он медленно, осторожно, как бы оттягивая момент окончания. Столько лет жить этим — и вдруг поставить последнюю точку. А что потом?.. И все же он поставил эту точку, когда стемнело и пора было ложиться спать. Пришел и положил перед Настей рукопись. Настя обняла его, поцеловала и сказала:

— Поздравляю!

— В который уже раз,— горько усмехнулся Платонов.— Тяжко быть женою графомана.

— Думаю, что не тяжелее, чем женою гения,— успокоила его Настя.— Можно, я завтра почитаю?

— Как хочешь,— пожал плечами Виктор.— Думаю, завтра нам не до него будет... Ох, устал,— потянулся он,— давай спать, Стенька.

Они потушили свет и легли. В комнате было тихо, и в квартире было тихо. Платонов был удивительно нежен. Как-то грустно нежен.

— Что с тобой?— прошептала Настенька.

— Ничего-ничего, все хорошо.

— Я же чувствую. Это из-за романа? Тебе жаль с ним расставаться?

— Не знаю. Просто, я представил время, когда ничего этого не будет.

Настя почувствовала, как душа ее ухнула в холодную беззвездную пропасть. Страшное ощущение беспросветности. Всю жизнь Настя боялась его, всю жизнь от него пряталась. И все время сталкивалась с ним в самые неподходящие моменты.

Настенька зашмыгала носом и прижалась к Платонову. Он обнял ее, защищая. Так они и уснули.

Утро выдалось ясное, солнечное. День ожидался жаркий. Поднялись рано, позавтракали, быстро в радостных хлопотах собрались. У подъезда хлопнула дверца приехавшей за ними машины.

Колонна легковых автомобилей, которую сопровождали четыре мотоциклиста и один небольшой автобус с группой молодых мужчин в гражданской одежде, выехала за город. Ехали быстро. Встречные и попутные машины уступали дорогу, съезжая на обочину.

«Дожили», — подумал Платонов.

«Ничего, — словно бы ответил ему мысленно Андрей, которого тоже покорила эта дорожная ситуация. — Ничего. Через пару дней все встанет на свои места. Единый Разум не потерпит дискриминации даже в мелочах».

Александр Аркадьевич с Вудом пребывали в хорошем настроении. Смотрели по сторонам, перешучивались. Слушали комментарии водителя, прекрасно исполнявшего функции гида. На двух языках. Вуд, правда, свободно владел русским, но не признавался, представляя молодому человеку демонстрировать свое умение. Надо думать, что его английский дополнительно оплачивается. Колонна подъехала к подступам к пещере. Там уже выросли несколько симпатичных коттеджей и общежитие для обслуживающего персонала, которое сейчас занимали «студенты», временно отосланные в город. Выгрузились. Ставили лишние вещи в коттеджах. К их приезду уже ароматно дымилась шашлыки.

После трапезы пошли в пещеру, сопровождаемые группой спортивных молодых мужчин. Подземное путешествие ожидалось долгое, потому что Вольнов и Вуд желали ознакомиться со всеми шедеврами «пещеры Герда». Остальные это тоже интересовало, но для них главным, конечно, было «Первое свидание».

Они миновали туннель и загрузились в лодки. Правда, грести уже не пришлось: лодки перетягивались от берега к берегу скрытыми бесшумными лебедками. Так что можно было беспрепятственно, не отвлекаясь, вживаться в «Первое свидание» — слушать глубокую философскую музыку, наблюдать, как на бесконечно далеком небе над головой прямо из музыки рождаются звезды, и пытаться удерживать взглядом женщину, босиком идущую по звездам за недостижимым горизонтом.

Герард Кадырович был доволен своей работой. Это было настоящее. Оно отражалось на лицах зрителей. А зритель был весьма высокой квалификации.

«Я всегда знал, сколь непрост Герард Кадырович, — отметил про себя Вольнов, — но чтобы настолько!»

«Какой здоровый взгляд на жизнь», — оценил Вуд.

«Как он все-таки велик! — вздохнула про себя Ирина Петровна. — Но почему он бывает так ничтожен?!»

— Как грустно, — прижалась Настя щекой к плечу Платонова. — Как грустно и хочется жить.

— «Мы встретимся за горизонтом, — прошептал Виктор Михайлович вслед уходящей женщине. — Я упаду у ног Твоих. Я буду нем, мир будет тих. И я опять услышу зов Твой. И повторится все сначала. И вновь мне встречи будет мало...»

Потом была скульптурная «Симфония духа». И она звучала. Трагически, но не жалобно. В скульптурах кристаллизовалась жизнь, которая сама по себе счастье. Зрители долго молча бродили по залу. Дети были непривычно серьезны и сосредоточенны. Наконец они подошли к залу, где обитала «Душа гор», сопровождаемые тремя бодро-непроницаемыми молодыми людьми. Остальные сопровождающие находились у входов.

— Да, дорогой коллега, — обратился доктор Вуд к Вольнову. — Индивидуальность — это богатство. Будет ли им обладать наш с вами всемирный Единый Разум?

— Если мы поставим это непременным условием его существования, будет, — пообещал Александр Аркадьевич, входя вместе с ним в зал.

— Стойте! — вдруг воскликнул Миша.

— В чем дело, Мишенька? — обернулась Анастасия Владимировна. Миша покраснел от смущения.

— Давайте возьмемся за руки, — попросил он. Платонов вздрогнул — так эта сцена походила на сцену финала его романа.

Ирина Петровна, одной рукой державшая Тимура, протянула вторую руку Андрею. Она уже догадалась, что с детьми что-то происходит. Андрей протянул руку Насте. Настя — Платонову, Платонов — Мише. Миша — Намазову. Намазов — Вольнову. Потом Максимовы с детьми — Вуду. И вскоре все, кроме сопровождавших молодых людей, скромно растворившихся в тени, стояли перед залом, держась за руки. Вуд довольно улыбался. Ему нравилась эта детская игра.

— Мы — Единый Разум! — звонко сказал Тимур в наступившей тишине.

Со стороны это, наверное, выглядело смешно, но взрослым передалась неожи-

данная серьезность детей, и они искренне согласились играть в предложенную игру.

— Мы — Единый Разум! — повторили все хором и так, держась за руки, вошли в зал, где их ожидала «Душа гор»...

Своды пещеры эллипсоидом улетали вверх, залитые ярким светом. Зрелище впечатляло само по себе. Но стены не имели естественного цвета и этим возбуждали чувство ожидания встречи с чем-то еще пока почти неразличимым. Даже Намазов, бывавший здесь бесчисленное число раз, разволновался, почувствовав, что происходит нечто из ряда вон. Погас свет. Темнота ослепила и заставила пошатнуться. Потом она стала наполняться содержанием.

Герарду Кадыровичу показалось, что земля уходит у него из-под ног. В буквальном смысле. Да, здесь жили его картины, но кроме них присутствовал еще кто-то, преобразивший «Душу гор» до неузнаваемости. Пространство непонятным образом перекорежилось, и Намазова куда-то потащило, перекрутило, швырнуло. Герард Кадырович ощутил, как он сам стремительно увеличивается во всех измерениях, о существовании которых и не подозревал, раздувается, вмещающая в себя весь прежде видимый и невидимый мир. Он видел его в мельчайших подробностях и весь сразу. И вдруг совершенно отчетливо понял: «Отшельники!», словно кто-то негромко, но внятно произнес это слово. Намазову стало страшно. Он чувствовал себя мыльным пузырем, который должен вот-вот лопнуть. Он закричал (или это ему только показалось?):

— Не хочу! Хватит! Это невозможно! — И он не лгал. Для него действительно было невозможно видеть и, главное, чувствовать весь мир, каждое существо в мире, как самого себя. Герард Кадырович освободил свои руки и увидел, как ОНИ, не оглядываясь на него, уходят. Он отошел к стене. Прислонился плечом. Вдруг стало совсем темно и тихо...

И вот они стоят перед Порогом, словно перед бездонным зеркалом, в котором никто и ничто не мешает им видеть себя.

— Ну, вот и встретились...

Они это услышали или подумали? Неважно. Важно, что встретились. Так неожиданно. Да, они ждали этой встречи. Делали все, чтобы она произошла, сначала надеясь на силу собственного интеллекта, потом усилив его ГНТ-системами, надеясь дотянуться... Но встретились здесь и так! Дотянулись или к ним снизошли?.. Впрочем, порог есть порог. Его можно и не переступать. В ком-то из взрослых, быть может, и затрепетало сомнение. Но дети не сомневались. Они дружно перешагнули Порог. А взрослые не могли разжать рук. Только привычное чувство ответственности за остающихся рождало колебания, длившиеся несколько мгновений. И они, отстав от детей на расстояние вытянутых рук, шагнули за ними...

...А в это время в городе, в маленьком дворике, вдруг по-волчьи завыл старый овчар Модуль. Да так, что у соседней мурашки по коже побежали. Взвыл и тотчас умолк. Умер, уронив умную морду на лапы...

Старший из сопровождающих, стоявший у входа в зал, профессиональным чутьем ощутил что-то неладное.

— Не нравится мне это, — произнес он и посмотрел в темноту пещеры.

— Да, слишком тихо, — подтвердил второй.

— За мной! — приказал старший, включив фонарик, и ринулся во тьму.

Видение, полонившее пространство пещеры, чуть не сбilo его с ног. Голова закружилась, и его словно бы потянуло куда-то вверх. Свет фонарика потеряннo ткнулся ему в глаза и, видимо, спас.

— Свет! — крикнул он и, вспомнив схему электроснабжения, безошибочно сориентировался. — Где они?! — закричал он, наклонившись над телом Герарда Кадыровича. Потрогал пульс. Жив! Остальных подопечных нигде не было. Он послал сигнал тревоги и, оставив напарника приводить в чувство Намазова, принялся тщательно обследовать извивы зала. Пещера была пуста всеми своими щелями. А он бы голову дал на отсечение, что никто не выходил из нее! Холсты слепо взирали на него, потеряв свою волшебную силу. — Искать! — коротко приказал он подоспевшим на помощь.

Герард Кадырович пришел в себя.

— Где они? — услышал он.

«Не взяли... — вдруг мелькнула обидная догадка. Впервые в жизни он почувствовал, что существует Порог, который ему никогда не переступить. Но Намазов быстро справился с обидой: — Значит, теперь командовать парадом буду я!..»

— Ничего, друзья мои, ничего, — довольно бодро сказал он поднявшим его молодым людям. — Мы еще рисуем!

«Бредит», — подумал старший.

— Вы не можете объяснить, где они? — третий раз спросил он Намазова.

— Могу,— усмехнулся тот,— да вы все равно не поймете. Не суетитесь. Вам их не достать. Давайте отбой тревоги. Под мою ответственность!— голос Герарда Кадыровича звучал громко и уверенно. Он приступил к исполнению своих исторических обязанностей. И ему подчинялись. Он был бесспорно старшим по званию.

— На выход, и в город!— приказал Намазов.— И оставить охрану объекта. Никого не впускать до особого распоряжения.— В голове Герарда Кадыровича стройными колоннами выстраивались конструктивные замыслы. Теперь он знал, что делать.

Намазов энергичным шагом вышел из пещеры. Пеший эскорт не поспевал за ним. Герард Кадырович вдохнул всем объемом легких свежий горный воздух, широко улыбнулся яркому жгучему солнцу и искренне подумал:

— Вот это и есть счастье, господа и товарищи фелицитологи!

Но кто это там, вверху на тропе? Встревоженная суматохой охрана? Шаги Герарда Кадыровича невольно замедлились. Он сразу понял, что это не охрана. И с каждым шагом чувствовал, что уменьшается в росте. А ОНИ растут, все больше заслоняя собой горизонт.

«Так,— злорадно подумал Намазов.— И вас не пустили!.. Все мы одной крови — и я, и вы...— Но где же дети?.. Где же дети?!»

И понял, что у детей не осталось долгов в этом мире. И почувствовал, что сам превращается в придуманного им мальчонку, возвращающегося домой. И увидел перед собой черную тень большой птицы....

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Живой родник традиций

Когда говорят о национальном своеобразии современной живописи Узбекистана, то, как правило, не обходят вниманием такой воздействующий на нее фактор, как народное декоративно-прикладное искусство. Называют ряд художников, в творчестве которых это влияние определяет траекторию их творческих поисков и воплощается в наиболее зримых формах. В этом ряду — имя живописца Рахмона Шадыева, художника молодого, но имеющего свое лицо, постоянно ищущего.

Примечательно, что путь в искусство Рахмона Шадыева начался с детского увлечения резьбой и росписью по дереву, разработкой орнаментальных мотивов в кружке Дворца пионеров Бухары. В этом не было ничего удивительного. Наккошлик — орнаментальное искусство — это традиционный вид народного творчества, обладающий особой одухотворенностью, поскольку является жанром наиболее изысканным, утонченным. В процессе освоения навыков наккоша мальчик приобщался к богатому наследию старых мастеров, передаваемому из поколения в поколение. И поэтому не случайно Рахмон Шадыев поступает на отделение резьбы по дереву Республиканского художественного училища им. Бенькова. Но в процессе знакомства с другими видами изобразительного искусства появились новые увлечения, которые вскоре переросли в необходимость, творческую потребность. Именно в училище Р. Шадыев открыл для себя живопись, этот особый мир, с которым он уже потом не расставался. Он занялся живописью и продолжал оттачивать мастерство уже в Ташкентском государственном театрально-художественном институте им. А. Н. Островского, в мастерской Р. А. Ахмедова.

После окончания института, овладев профессиональными навыками, молодой живописец получил свободу творить. И, наверное, тогда же он понял и почувствовал, что творческая свобода требует прежде всего глубокого искреннего чувства, личностного подхода. Путь молодого живописца к этому лежал через преодоление академизма.

Сейчас не хотелось бы строго судить о первых самостоятельных работах художника. Они не лишены налета ученичества, некоего стереотипа в композициях, постановке фигур в портретах и т. д. Однако уже в одной из первых работ — «Портрет ковровщицы Каромат» (1979 г.) — художник обращается к теме, связанной с народным искусством. Он вновь открывает для себя мир традиционного искусства, но смотрит на него уже глазами живописца. Начиная с этой работы, народный быт и искусство становятся ведущими темами его произведений.

Многочисленные поездки художника по областям, позволяющие видеть, собирать, анализировать увиденное, сыграли значительную роль в эволюции его творчества. Соприкосновение с очагами народного искусства, традиционным бытом, обрядами, представлениями обогатило художника, придав его поискам целенаправленность.

Этапным произведением в этом смысле становится полотно «Комната невесты» (1985 г.), в которой художник воспроизводит интерьер жилища в одном из сурхандарьинских сел, помещая в центре образ мастерицы-вышивальщицы. Убранство комнаты составляют яркие, красочные сюзаны. В этой работе художник пытается найти органичное единство человека и создаваемых его руками творений народного искусства. В этой же работе живописец, обращаясь к яркому колориту сюзаны, делает подступы к решению декоративных задач.

Народное искусство Узбекистана, особенно его вышивка, отличается особым декоративизмом, ярким, праздничным строем образности. В народной вышивке нашла воплощение устоявшаяся и в то же время внутренне динамичная цветовая символика, этот вид искусства отличается особой ритмикой, композиционным совершенством.

Р. Шадыев оказался из тех, кто ощутил и понял, что народное творчество — это неиссякаемый источник новых художественных идей и замыслов.

На примере таких работ Р. Шадыева, как «Осенние яблоки» (1983 г.), «Мы из Байсуна» (1983 г.), «Семья в Бухаре» (1985 г.), можно проследить, как постепенно художник подходил к декоративности. В этих работах живописец еще остается верен натуре, решает композицию в трехмерном пространстве, акцентирует внимание на портретных характеристиках своих персонажей. Но стилистика этих полотен уже отличается от ранних работ условной колористической разработкой. В этих картинах Р. Шадыев еще не приходит к декоративному типу образности, но уже усиливает цветовое звучание колорита, придавая ему напряженное звучание, тем самым открывая для себя безграничные возможности в поисках цвета.

С этого времени для живописца цвет становится определяющим средством образного выражения. Работы художника 80-х годов выявляют его жанрово-тематические пристрастия, тяготеющие к бытовой картине, причем преимущественно к сельскому быту, что было вполне закономерно в русле возросшего интереса к жизни села в последние годы.

Художник обращается и к портрету, но в нем его привлекает не психологическая разработка образа, а решение опять-таки декоративных задач. Примером этого является «Портрет Абдуллы Арипова» (1987 г.), отличающийся ярким колоритом. Художник решает пространство плоскостно, оно перестает быть реально натурным, элементы композиции соединяются посредством цветового контраста. В работе «Рождение сына» (1987 г.) художник изображает молодого человека в телефонной будке, сообщаящего радостную весть. Решенная в декоративном ключе, предельно условная картина передает праздничность настроения главным образом за счет яркого звучания колорита. Действие происходит на фоне города, который художник стилизует в виде многочисленных куполов, выявляя своеобразие восточного города.

Особый цикл составляют последние работы художника, такие как «Сказитель», «Вечер», «Вечер в горах», «Утро», «Полдень», «Той» (1987—1988 гг.), представляющие определенную фазу в эволюции его творчества. В этих произведениях образность целиком достигается цветовыми средствами, условность доводится до максимума, образительность заменяется символикой. В большинстве своем написанные в Сукоке, эти полотна не просто отображают сельский быт, они обретают способность выразить нечто большее, чем фиксация явлений, а именно — поразительное органическое единство человека и природы. Человек становится частью окружающего, сливается с ним. Все это художник пропускает через собственное мировосприятие, личностное начало здесь сильно чувствуется. Отталкиваясь от природы, Р. Шадыев «сочиняет» свои картины. В них много света, радости, тепла. Своим праздничным образным строем они напоминают народную вышивку, сюзане. Та же гамма чувств, игра красок, ритмика. Вместе с тем они отражают мироощущение современного художника. И это качество, наверное, нужно особо отметить, так как оно свидетельствует не о стилизации живописи под народное творчество, а об органичном его переосмыслении в современном изобразительном искусстве. Это не единственный подход к творческому освоению фольклора. Интересен другой вариант, когда народное искусство, являясь средством формообразования, используется современным художником в разработке социально-актуальных, а порою предельно драматических тем. Пример тому — серия полотен Р. Шадыева «Су-кокская трагедия» (1988 г.), воплотившая самые злободневные, драматичные темы нашей современности: Афганистан, самосожжение женщин, экология. Эти работы художник предельно насыщает цветом, доводя его до экспрессивного, кричащего звучания. Звучит сигнал тревоги, показана драма людей, которые изображаются не портретно, но словно превращены в символ человеческих несчастий, бед. К передаче подобного драматизма, обладающего большим эмоциональным воздействием, художник пришел через большую работу. В свою палитру Шадыев впервые активно вводит черный цвет, в результате чего совершенно по-иному звучат полотна.

Размеры статьи не позволяют охватить все грани творчества художника, тем более, что задача сводилась к выявлению принципов осмысления Р. Шадыевым поэтики народного искусства, динамично развивающихся в его творчестве на протяжении последних десяти лет. Народное искусство стало не только существенным, но и существенным фактором в его творчестве. Оно обогащает и развивает его как художника. И, думается, оно — залог его будущих творческих достижений.

КАМОЛА АКИЛОВА.

О НАШИХ АВТОРАХ

ВОЛКОВ Константин Петрович родился в селе Малая Кандаля Симбирской (ныне Ульяновской) области в 1918 году. Учился в Среднеазиатском государственном университете, закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Работал в редакциях областных и республиканских газет и журналов. Автор книг «Возвращение», «На берегу», «Фазтон со звездой», «С тобой моя тревога», «Чистый факел» и других. Член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры Узбекской ССР.

БАГРАМОВ Владимир Игоревич родился в Москве в 1948 году. Окончил отделение актеров музыкальной Государственного музыкального училища имени Гнесиных. Работает актером в Государственном академическом русском театре драмы имени Горького. Печатался в журналах «Звезда Востока», «Сибирь», альманахе «Молодость». Автор пьес «Не по щучьему велению», «Лесная карусель». «Волшебный фонарь», иду-

щих на сценах театров страны. Автор романа «Прощание с птицами».

САЙЯР (Сайярпулат Файзуллаев) родился в 1934 году в г. Ташкенте.

В 1957—1962 году учился в Литературном институте им. Горького.

Сайяр — автор более двадцати книг. Отдельные его поэтические и прозаические произведения выпущены издательствами Москвы и Киева, переведены на языки братских народов СССР и за рубежом.

СУББОТИН Евгений Тимофеевич родился в Ленинградской области Ораниенбаумском районе. Окончил Сумский строительный техникум. Издал сборники стихотворений «Зарницы» и «Будни и праздники», публиковался в общих сборниках и периодической печати.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства по адресу: 700000, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются отделения «Союзпечати» на местах.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.
Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43;
отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 1.02.90 г. Подписано к печати 14.03.90 г. Р—00014. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип № 2. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.) Усл. кр.-отт. 19,95.
Уч.-изд. л. 10,95+0,35 (вкл.). Тираж 214528. Заказ № 2504. Цена 1 рубль.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.